

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

2018 Том 9 № 2

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

**Научный журнал
Издается с 2010 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61215 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

В.Н. Денисенко, доктор
филологических наук, профессор,
РУДН, Россия

E-mail:

denissenko_vn@rudn.university

Заместитель главного редактора

Н.В. Новоспасская, кандидат
филологических наук, доцент,
РУДН, Россия

E-mail:

novospasskaya_nv@rudn.university

Ответственный секретарь

О.В. Лазарева, кандидат
филологических наук,
РУДН, Россия

E-mail:

lazareva_ov@rudn.university

Члены редакционной коллегии

Беднарова-Гибова Клаудиа, доктор филологических наук, доцент, Институт британских и американских исследований Университета г. Прешов (Прешов, Словакия)

Владимирова Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Центр международного образования МГУ (Москва, Россия)

Джусупов Маханбет, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный профессор, Узбекский государственный университет мировых языков (Ташкент, Республика Узбекистан)

Красина Елена Александровна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова (Витебск, Беларусь)

Монфорте Дюпре Роберто, доктор филологических наук, доцент, Университет Страны Басков (Витория-Гастейс, Испания)

Новикова Марина Львовна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Петров Александр Владимирович, доктор философских наук, профессор, Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Синячкин Владимир Павлович, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Талавера-Ибарра Педро Леонардо, доктор философии, профессор, Южный Университет Штата Миссури (Джоплин, Миссури, США)

Тарасов Евгений Фёдорович, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор, Павлодарский государственный педагогический институт (Павлодар, Республика Казахстан)

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Включен в каталог периодических изданий (Ulrich's Periodicals Directory):

<http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library CyberLeninKa.

Цели и тематика

Журнал *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика (Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика)* издается с 2010 г. и является периодическим рецензируемым научным изданием, входит в список журналов ВАК РФ. Журнал является международным и по составу редакционной коллегии, и по тематике и авторам публикаций.

Журнал углубляет и разрабатывает вопросы общей и частной теории языка; теорию речевой деятельности и речи; семиотические характеристики знаковых систем, единиц языка разных уровней и текста; семиотику и поэтику художественных текстов; функциональную семантику лексических и грамматических единиц; предлагает вниманию комплексное и сопоставительное исследование типологии категорий и единиц языка.

Журнал публикует статьи, доклады, рецензии и научную хронику ведущих ученых различных областей гуманитарной сферы, а также материалы молодых ученых — докторантов, аспирантов и магистров. Материалы публикуются на русском и английском языках.

Правила оформления статей и другая информация о журнале размещена на сайте: <http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=148#redcol>.

Каждая статья рецензируется анонимно двумя экспертами. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов.

Авторы, желающие получить номер с опубликованной статьей, оформляют подписку на два выпуска журнала; подписной индекс по каталогу Роспечати — 80555.

Электронный адрес: semioticj@rudn.university

Литературный редактор: К.В. Зенкин
Компьютерная верстка: Е.П. Довголевская

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Почтовый адрес редакции

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2

Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: semioticj@rudn.university

Подписано в печать 21.05.2018. Выход в свет 30.05.2018. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 30,23. Тираж 500 экз. Заказ № 457. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. (495) 952-04-41; ipk@rudn.university

© Российский университет дружбы народов, 2018

RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES, SEMIOTICS AND SEMANTICS

2018 VOLUME 9 No. 2

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2
<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Founded in 2010

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir Denissenko

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail: denissen-

ko_yn@rudn.university

DEPUTY-EDITOR-IN CHIEF

Natalia Novospasskaya

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail:

novospasskaya_nv@rudn.university

EXECUTIVE SECRETARY

Olesya Lazareva

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail:

lazareva_ov@rudn.university

EDITORIAL BOARD

Kludia Bednárová-Gibová, University of Prešov (Prešov, Slovakia)

Tatyana Vladimirova, MSU n.a. M.V. Lomonosov (Moscow, Russia)

Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World languages University (Tashkent, Republic of Uzbekistan)

Elena Krassina, RUDN University (Moscow, Russia)

Valentina Maslova, Vitebsk State University n.a. P.M. Masherov (Vitebsk, Belarus)

Roberto V. Monforte Dupret, University of Basque Country (Vitoria-Gasteiz, Spain)

Marina Novikova, RUDN University (Moscow, Russia)

Alexandr Petrov, Taurian Academy Crimean Federal University n.a. V.I. Vernadsky (Simferopol, Russia)

Vladimir Sinyachkin, RUDN University (Moscow, Russia)

Pedro L. Talavera-Ibarra, Missouri Southern State University (Joplin, Missouri, USA)

Evgeniy Tarasov, the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Zifa Temirgazina, Pavlodar State Pedagogical University (Pavlodar, Kazakhstan)

**RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES,
SEMiotics AND SEMANTICS**
**Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(the RUDN University), Moscow, Russian Federation**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

4 issues per year

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantic>

Languages: Russian, English

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>

Aims and Scope

Bulletin of Peoples' Friendship University, series "Theory of Language. Semiotics. Semantics" (new title "*RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*") elaborates and deepens the topics of general and special theory of language, speech activity and speech; semiotic features of sign systems and those of language units, belonging to different levels and texts; semiotics and poetics of literary texts; functional semantics of lexical and grammatical units; pays attention to complex and comparative typological research of language categories and units.

General goals and objectives of the journal, besides the development and propaganda of humanities, include the integral characteristics of paradigms of philological and humanitarian knowledge — symbolic and social paradigms, in particular. As to the application, methodology and complex, integral methods of theoretical research of language and society are being elaborated as well as the research in systemic linguistics and language modeling.

Academic Journal "**RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics**" (4 issues a year) was founded in 2010 (4 issues a year) and is a peer-reviewed journal on the list of the RF State Commission for Academic Degrees and Titles. It's an international journal regarding both the editorial board and contributing authors as well as research and topics of publications. Its authors are leading researchers possessing PhD and PhDr degrees, and PhD and MA students from Russia and abroad. The journal also introduces such sections as "Reviews", "Scientific Reviews", "Scientific Chronicles".

Submission requirements and stylesheet guidelines are available online: <http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=148#redcol>.

Each article is being reviewed anonymously (peer-reviewing) by two experts. The editorial board makes up a final decision on publication referring to the opinion of the reviewers.

Authors are supposed to subscribe the Bulletin, if they'd like to have an issue with their article published.

E-mail: semioticj@rudn.university

Editor K.V. Zenkin

Computer design E.P. Dovgolevskaya

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

Postal Address of the Editorial Board:

6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: semioticj@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price

The Peoples' Friendship University of Russia (the RUDN University), Moscow, Russian Federation
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

© Peoples' Friendship University of Russia, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

- Лазарева О.В.** (Москва, Россия). Функциональная и сопоставительная семантика 247

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ СЕМАНТИКА

- Панова М.Н.** (Москва, Россия). Влияние социальных факторов на речевое поведение государственных служащих 254
- Жамалетдинова Э.Х.** (Москва, Россия). Поколенческие различия восприятия ценности «развитие» в обыденном языковом общественном сознании (на материале ассоциативных словарей и результатах психосемантического эксперимента) 273
- Перфильева Н.В.** (Москва, Россия), **Ху Пэйпэй** (Шэньчжэнь, Китай). Способы ассимиляции английских заимствований в китайский язык 287
- Семенова S.N.** (Krasnodar, Russia). Structure of Cognitive Type of Scientific Article on Mountain Ecosystems (**Семенова С.Н.** (Краснодар, Россия). Структура когнитивного типа научной статьи о горных экосистемах) 302
- Orlova T., Kolosova A., Medvedev Y. & Barov S.** (Moscow, Russia). The Expressing of National and Cultural Identity in English and Russian Proverbs (**Орлова Т.Г., Колосова А.А., Медведев Ю.С., Баров С.А.** (Москва, Россия). Выражение национальной и культурной идентичности в русских и английских пословицах) 320
- Феликсов С.В.** (Москва, Россия). Семантический аспект лингвистического описания лексики православного вероучения в церковнославянском языке 335
- Абаева Е.С.** (Москва, Россия). Перевод отрывков текста с юмористическим эффектом: сопоставительный аспект 351
- Alontseva N.V., Ermoshin Y.A.** (Moscow, Russia). Special Aspects of Working with the Lexical Level of Legal Discourse Texts in the English and Russian Languages (**Алонцева Н.В., Ермошин Ю.А.** (Москва, Россия). Особенности работы с лексическим уровнем текста юридического дискурса на английском и русском языках) 365
- Джусупов Н.М.** (Жетысай, Казахстан). Концентрация средств выдвигания в поэтическом тексте. Статья 2 379
- Селиверстова Е.И.** (Санкт-Петербург, Россия) Глаза как зеркало души: лексико-фразеологический аспект 388
- Krasina E.A., Jabballa Mahmoud Mustafa X.** (Moscow, Russia). Code-Switching: State-of-the Art (**Красина Е.А., Жаббалла Махмуд Мустафа Х.** (Москва, Россия). Переключение кодов: современное состояние) 403

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

- Осокина Е.А.** (Москва, Россия). Сравнительная авторская лексикография: постановка проблемы. возможности и перспективы 416
- Несова Н.М.** (Москва, Россия), **Бобрицких Л.Я.** (Воронеж, Россия). Представление словаря в теоретической и учебной лексикографии 439

НАУКА 21.0

- Тимофеева Н.Ю.** (Симферополь, Россия). Иллокутивная направленность и референциальная специфика языковой игры 451
- Родина Ю.Д.** (Коломна, Россия). Структурные схемы, репрезентирующие синтаксический концепт «мыслительная деятельность» во второй главе («Нянюшка Александра») романа А. Белого «Котик Летаев» 463
- Пудикова Г.Н.** (Москва, Россия). Алгоритм анализа деловых писем 480

CONTENTS

FROM THE EDITORIAL BOARD

Lazareva O.V. (Moscow, Russia). Functional and Comparative Semantics 247

FUNCTIONAL AND COMPARATIVE SEMANTICS

Panova M.N. (Moscow, Russia). The Influence of Social Factors on Verbal Behavior of Public Officials 254

Zhamaletdinova E.Kh. (Moscow, Russia). The Differences in Perception of the Basic Value “Development” in Public Linguistic Consciousness of Russian Generations on the Basis of Associative Dictionaries and the data of the Psycho-semantic Experiment 273

Perfilieva N.V. (Moscow, Russia), **Hu Peipei** (Shenzhen, China). Assimilation of English Loanwords in Chinese 287

Semenova S.N. (Krasnodar, Russia). Structure of Cognitive Type of Scientific Article on Mountain Ecosystems 302

Orlova T., Kolosova A., Medvedev Y. & Barov S. (Moscow, Russia). The Expressing of National and Cultural Identity in English and Russian Proverbs ... 320

Feliksov S.V. (Moscow, Russia). Semantic Aspect of the Linguistic Description of Lexicon of Orthodox Dogma in Church Slavonic Language 335

Abaeva E.S. (Moscow, Russia). Translation of the Extracts with Humorous Effect: Contrastive Analysis 351

Alontseva N.V., Ermoshin Y.A. (Moscow, Russia). Special Aspects of Working with the Lexical Level of Legal Discourse Texts in the English and Russian Languages 365

Dzhusupov N.M. (Zhetysay, Kazakhstan). Concentration of Foregrounding Devices in a Poetic Text 379

Seliverstova E.I. (St. Petersburg, Russia). Eyes as a Mirror of the Soul: the Lexical-Phraseological Aspect 388

Krasina E.A., Jabballa Mahmoud Mustafa X. (Moscow, Russia). Code-Switching: State-of-the Art 403

LEXICOGRAPHY

- Osokina E.A.** (Moscow, Russia). The Author's Comparative Lexicography: Problem Statement. Opportunities and Prospects 416
- Nesova N.M.** (Moscow, Russia), **Bobritskikh L.Y.** (Voronezh, Russia). Representation of the Dictionary in Theoretical and Educational Lexicography 439

SCIENCE 21.0

- Timofeeva N.Y.** (Simferopol, Russia). Illocutionary Direction and Referential Specifics of Language Game 451
- Rodina J.D.** Structural Schemes that Represent the Syntactic Concept "Thinking Activity" in the Second Chapter ("Nayanushka Alexander") of A Roman A. Bely "Kotik Letaev" 463
- Pudikova G.N.** (Moscow, Russia). Algorithm of Analysis the Business Letter ... 480

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ СЕМАНТИКА

О.В. Лазарева

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемый читателю выпуск тематического номера научного журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика» посвящен проблемам функциональной и сопоставительной семантики.

Современное развитие лексической семантики характеризуется движением научной мысли в следующих направлениях:

1) проблема взаимосвязи языка и мышления, о корреляции языка и культуры, синхронном состоянии диахроническом развитии языка, представленная работами Н.Н. Болдырева [1], А. Вежбицкой [2], В.В. Колесова [3], Дж. Лайонза [4], В.А. Масловой [5] и многих других;

2) теоретические вопросы семантики, в частности семантические процессы в языке, рассмотрены в трудах Ю.Д. Апресяна [6], В.Г. Гака [7], И.М. Кобозевой [8], Л.А. Новикова [9], З.Д. Поповой [10], Д.Н. Шмелева [11] и их учеников;

3) исследования функционального развития лексики языка представлены в работах Л.П. Крысина [12], В.И. Телия [13] и многих других;

4) изучение организации языковой картины мира, его категоризации — предмет рассмотрения когнитивной семантики — работы В.И. Карасика [14], Е.С. Кубряковой [15], Дж. Лакоффа [16], Ю.С. Степанова [17], И.А. Стернина [18] и многих других;

5) концепция языкового сознания Е.Ф. Тарасова [19] и Н.В. Уфимцевой [20];

6) русская авторская лексикография, в частности, работы Ю.Н. Караулова [21; 22].

Статьи, предлагаемые читателю в данном номере журнала, продолжают работу в данных направлениях.

КРАТКИЙ ОБЗОР СТАТЕЙ НОМЕРА

Начинается наш выпуск с работы **М.Н. Пановой** (Москва, Россия), посвященной проблеме использования русского языка в административно-правовой сфере. Данное исследование выявило наличие определенных канонов функционирования корпоративного языка в письменной форме и противоречий между

рекомендациями академических словарей и речевой практикой работников сферы государственного управления, решение которых предлагает автор статьи. Статья **Э.Х. Жамалетдиновой** (Москва, Россия) продолжает исследование обыденного языкового общественного сознания носителя русского языка на примере репрезентации содержания ценности *развитие*.

Работа **Н.В. Перфильевой** (Москва, Россия) в соавторстве с **Ху Пэйпэй** (Шэньчжэнь, Китай) посвящена описанию неологизмов-заимствований из английского языка в китайский и способов их освоения.

С.Н. Семенова (Краснодар, Россия) рассматривает лексику горных экосистем русского и английского языков и предлагает когнитивный тип научной статьи, учитывающей прагматику текстовых реализаций и наполнения тезауруса данной предметной области.

Коллективная работа **Т.Г. Орловой, А.А. Колосовой, Ю.С. Медведева** и **С.А. Барова** (Москва, Россия) продолжает тему сопоставительного анализа лексического уровня языков и рассматривает английские и русские поговорки с понятием «счастье—несчастье», на основании проведенного структурно-семантического анализа делается вывод о специфике мышления и своеобразия русской и английской лингвокультур.

С.В. Феликсов (Москва, Россия) описывает церковнославянскую лексику православного вероучения и предлагает семантическую ее классификацию с привлечением текстовых, лексикографических и экстралингвистических факторов.

Функциональная сторона семантических исследований на уровне перевода — объект работы **Е.С. Абаевой** (Москва, Россия), автора, который предлагает сменить общую схему сопоставительного анализа текстов с юмористическим эффектом оригинала и перевода с основой на общую теорию вербального юмора С. Аггардо. По утверждению Е.С. Абаевой, наблюдения и выводы, представленные в качестве результатов в работе, могут оказаться полезны для развития общей теории перевода юмора и как практические рекомендации для переводчиков художественной литературы.

Работа **Н.В. Алонцевой** и **Ю.А. Ермошина** (Москва, Россия) рассматривает лексику русского и английского языков юридического дискурса в аспекте перевода на материале текстов международных договоров. Авторы рассматривают системные ошибки и проблемные области использования эквивалентных контекстуально-смысловых единиц.

В статье **Н. Джусупова** (Жетысай, Казахстан) на материале строфы стихотворного произведения «Айтыс» Олжаса Сулейманова проведен анализ средств выдвигания. Центральное место работы отведено рассмотрению семантико-стилистических особенностей использованных лексических единиц. Автор делает вывод о том, что создание семантически насыщенного нестандартного поэтического микротекста генерировано билингвальным художественным мышлением Олжаса Сулейманова.

В работе **Е.И. Селиверстовой** (Санкт-Петербург, Россия) анализируются поговорки, содержащие компоненты *глаза* и *глазки*, с точки зрения их способности отражения психоэмоциональной стороны человека. Исследование проведено на материале художественных текстов.

Е.А. Красина и **Жаббалла Махмуд Мустафа Х.** (Москва, Россия) рассматривают проблему переключения кодов, что предполагает проведение анализа внутренней структуры предложения на морфологическом и синтаксическом уровнях.

Раздел лексикографии нашего номера открывает статья **Е.А. Осокиной**, посвященная авторской лексикографии. В работе представлено сопоставление словарных статей в нескольких авторских словарях одной модели, что, по мнению автора, подчеркивает творческие особенности писателя и формирует широкий лингвокультурный контекст.

В исследовании **Н.М. Несовой** (Москва, Россия) и **Л.Я. Бобрицких** (Воронеж, Россия) анализируются особенности двуязычных учебных словарей на основании теоретического и практического рассмотрения авторами макроструктуры словарей данного типа.

Работы молодых ученых Ю.Д. Родиной, Н.Ю. Тимофеевой и Г.Н. Пудиковой продолжают исследование темы и проблематики номера.

В статье **Н.Ю. Тимофеевой** (Симферополь, Россия) на материале фиксации устной речи жителей Крыма рассмотрены реализации фатической и когнитивной функций языка феномена языковой игры. Автор проводит дискурсивное, словообразовательное и семантическое исследование и делает вывод об ограниченности сферы применения термина «языковая игра» фактами фатической направленности.

Ю.Д. Родина (Коломна, Россия) с позиций концептологии рассматривает роман Андрея Белого «Котик Летаев», на материале которого выявляются и описываются синтаксические схемы, центром которых являются глаголы мышления, познания, воображения.

Г.Н. Пудикова (Москва, Россия) предлагает алгоритм анализа деловых писем прежде всего с позиций структурно-семантических и прагматических их особенностей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Болдырев Н.Н.* Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10—20.
2. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
3. *Колесов В.В.* Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007.
4. *Лайонз Дж.* Лингвистическая семантика. Введение / Джон Лайонз; Пер. с англ. И.Б. Шатуновского, В.В.
5. *Маслова В.А.* Когнитивная лингвистика. М., 2005.
6. *Апресян Ю.Д.* Избранные труды: В 2-х т. М.: Языки русской культуры, 1993.
7. *Гак В.Г.* Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). М.: Международные отношения, 1977.
8. *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. М.: Едиториал УРСС, 2000.
9. *Новиков Л.А.* Новиков. Избранные труды. Том I: Проблемы языкового значения. Том II: Эстетические аспекты языка. М.: Изд-во РУДН, 2001.
10. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2003.
11. *Шмелев Д.Н.* Избранные труды по русскому языку. М.: Языки славянской культуры, 2002.

12. *Крысин Л.П.* Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
13. *Телия В.И.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.
14. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
15. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004.
16. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.
17. *Степанов Ю.С.* В мире семиотики // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанова. М., 2001, С. 5—42.
18. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2007.
19. *Тарасов Е.Ф.* Проблема анализа содержания общечеловеческих ценностей (проект) // Вопросы психолингвистики. № 1(15). М., 2012. С. 9—17.
20. *Уфимцева Н.В.* Языковое сознание: динамика и вариативность. М., Калуга: Институт языкознания РАН, 2011.
21. *Караулов Ю.Н.* (отв. ред.). Русская авторская лексикография XIX—XX веков. Антология. М., 2002.
22. *Караулов Ю.Н., Филиппович Ю.Н.* Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. Москва: Азбуковник, 2009.

FROM THE EDITORIAL BOARD

FUNCTIONAL AND COMPARATIVE SEMANTICS

O.V. Lazareva

RUDN University

Miklukho-Maklaya st., 6, Moscow, Russia, 117198

INTRODUCTION

The offered articles belong to the thematic issue of the scientific journal “Bulletin of Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics” and are devoted to the problems of functional and comparative semantics.

The modern development of lexical semantics is characterized by the movement of scientific thought in the following directions:

1) the problem of interrelation between language and thinking, correlation of language and culture, synchronous state of diachronic development of the language represented by the works of N.N. Boldyreva [1], A. Vezhbitskaya [2], V.V. Kolesov [3], J. Lyons [4], V.A. Maslova [5] and many others;

2) theoretical questions of semantics, in particular, semantic processes in language, are considered in the works of Yu.D. Apresyan [6], V.G. Gak [7], Kobozeva [8], L.A. Novikov [9], Z.D. Popova [10], D.N. Shmelev [11] and their students;

3) studies of the functional development of the lexis of the language are presented in the works of L.P. Krysinina [12], V.I. Telia [13] and many others;

4) the study of the organization of the linguistic picture of the world, its categorization — the subject of consideration of cognitive semantics — the works of V.I. Karasik [14], E.S. Cubreacova [15], J. Lakoff [16], Yu.S. Stepanova [17], I.A. Sternin [18] and many others;

5) the concept of linguistic consciousness E.F. Tarasova [19] and N.V. Ufim-tseva [20];

6) Russian author's lexicography, in particular, the work of Yu.N. Karaulov [21; 22].

The articles offered to the reader in this issue of the journal continue the work in these directions.

BRIEF REVIEW OF THE ARTICLES OF THE ISSUE

Our issue begins with the work of **M.N. Panova** (Moscow, Russia) devoted to the problem of using the Russian language in the administrative and legal spheres. This study revealed the existence of certain canons of the functioning of the corporate language in the written form and contradictions between the recommendations of academic dictionaries and the speech practice of workers in the sphere of public administration, the solution of which is proposed by the author of the article.

In her article **E.Kh. Zhamaletdinova** (Moscow, Russia) continues to study the everyday language public consciousness of the Russian language native speaker by the example of the representation of the value content — *развитие*.

The work of **N.V. Perfilieva** (Moscow, Russia) in co-authorship with **Hu Peipei** (Shenzhen, China) is devoted to the description of neologisms-borrowings from English into Chinese and the ways to master them.

S.N. Semenova (Krasnodar, Russia) considers the lexis of mountain ecosystems of the Russian and English languages and suggests the cognotype of a scientific article that takes into account the pragmatics of textual implementations and the filling of the thesaurus of a given subject area.

The collective work of **T.G. Orlova, A.A. Kolosova, Yu.S. Medvedev** and **S.A. Barov** (Moscow, Russia) continues the topic of comparative analysis of the lexical level of languages and examines English and Russian proverbs with the concept of "happiness-unhappiness". The conclusion about the specifics of thinking and the uniqueness of Russian and English linguocultures is made on the basis of structural and semantic analysis.

S.V. Felixov (Moscow, Russia) describes the Church Slavonic lexis of the Orthodox doctrine and offers its semantic classification with the use of textual, lexicographical and extra-linguistic factors.

Functional aspects of semantic research on the level of translation — the object of the work of **E.S. Abaeva** (Moscow, Russia), the author who proposes to change the general scheme of comparative analysis of texts with the humorous effect of the original and the translation with a basis for the general theory of verbal humour of S. Attardo. According to E.S. Abaeva, the observations and conclusions presented as

results in the work may prove to be useful for the development of a general theory of the translation of humour and may serve as practical recommendations for translators of fiction.

In their work, **N.V. Alontseva** and **Y.A. Ermoshin** (Moscow, Russia) consider the lexis of the Russian and English languages of legal discourse in the aspect of translating texts of international treaties. The authors consider systematic errors and problem areas of using equivalent contextual-semantic units.

In the article of **N. Dzhusupov** (Zhetysay, Kazakhstan) on the material of the strophe of the poem “Aitys” by Olzhas Suleymanov there was conducted the analysis of the means of foregrounding. The central place of work is devoted to the consideration of the semantic-stylistic features of the used lexical units. The author concludes that the creation of a semantically saturated non-standard poetic microtext is generated by the bilingual artistic thinking of Olzhas Suleymanov.

In the work of **E.I. Seliverstova** (Moscow, Russia) there are analyzed paremiae containing components of *глаза* and *глазки* in terms of their ability to reflect the psycho-emotional side of a person. The study was conducted on the material of literary texts.

The section of the lexicography of our issue is opened with the article of **E.A. Osokina** (Moscow, Russia) which is dedicated to the author’s lexicography. The paper presents the comparison of dictionary articles in several author dictionaries of one model, which, in the author’s opinion, emphasizes creative features of the writer and forms a broad linguocultural context.

In the study of **N.M. Nesova** (Moscow, Russia) and **L.Ya. Bobritskikh** (Voronezh, Russia) there are analyzed features of bilingual educational dictionaries on the basis of the authors’ theoretical and practical consideration of the macrostructure of dictionaries of this type.

The works of young scientists Yu.D Rodina, N.Yu. Timofeeva, and G.N. Pudikova continue to study the topic and problematics of the issue.

In the article of **N.Yu. Timofeeva** (Simferopol, Russia) on the material of fixations of the oral speech of Crimea inhabitants there was examined the realization of phatic and cognitive functions of the language game phenomenon. The author conducts discursive, word-formation and semantic research and concludes that the scope of the term “language game” is limited by the facts of a phatic focus.

Yu.D. Rodina (Kolomna, Russia) considers the novel by Andrei Bely “Kotik Letaev” from the standpoint of conceptology. On the basis of the novel, syntactic schemes are identified and described with the focus on verbs of thinking, cognition and imagination.

G.N. Pudikova (Moscow, Russia) proposes an algorithm for analyzing business letters primarily from the standpoint of their structural and semantic, and pragmatic features.

REFERENCES

1. Boldyrev, N.N. (2016). Cognitive schemes of language interpretation, *Questions of cognitive linguistics*, 4, 10—20.
2. Wierzbicka, A. (1999). *Semantics: Primes and Universals*. Moscow.

3. Kolesov, V.V. (2007). *Russian mentality in language and text*. SPb.: Petersburg Oriental Studies.
4. Lyons, J. *Linguistic semantics. Introduction* / John Lyons; Trans. with English. IB Shatunovskiy, V.V.
5. Maslova, V.A. (2005). *Cognitive linguistics*. Moscow.
6. Apresyan, Yu.D. (1993). *Selected Works: In 2 volumes*, Moscow: “Languages of Russian Culture”. Moscow.
7. Gak, V.G. (1977). *Comparative lexicology (on the basis of French and Russian)*. Moscow: International Relations.
8. Kobozeva, I.M. (2000). *Linguistic semantics*. Moscow: Editorial URSS.
9. Novikov, L.A. (2001). *Selected works. Volume I. Problems of linguistic meaning. Volume II. Aesthetic aspects of language*. Moscow: Publishing House of the Peoples Friendship University of Russia.
10. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2003). *Essays on cognitive linguistics*. Voronezh: Istoki.
11. Shmelyov, D.N. (2002). *Selected works on the Russian language*. Moscow: Languages of Slavic Culture.
12. Krysin, L.P. (1989). *Sociolinguistic Aspects of the Study of the Modern Russian Language*. Moscow.
13. Telia, V.I. (1986). *Connotative aspect of semantics of nominative units*. Moscow: Nauka.
14. Karasik, V.I. (2002). *Language Circle: Personality, Concepts, Discourse*. Volgograd: The Change.
15. Kubryakova, E.S. (2004). *Language and knowledge. On the way of getting knowledge of the language: parts of speech from the cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world*. Ros. Academy of Sciences. Institute of Linguistics. Moscow: Languages of Slavic Culture.
16. Lakoff, J. & Johnson, M. (2004). *Metaphors that we live in*. Moscow: Editorial URSS.
17. Stepanov, Yu.S. (2001). *In the world of semiotics* In *Semiotics: Anthology*. Moscow. 5—42.
18. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2007). *Semantico-cognitive analysis of the language*. Voronezh: Istoki.
19. Tarasov, E.F. (2012). *The problem of analyzing the content of universal values (draft)*, *Questions of psycholinguistics*, 1(15), 9—17.
20. Ufimtseva, N.V. (2011). *Language consciousness: dynamics and variability*. Moscow, Kaluga: Institute of Linguistics RAS.
21. Karaulov, Yu.N. (Ed). (2002). *Russian author lexicography of the XIX—XX centuries. Anthology*. Moscow.
22. Karaulov, Yu.N. & Filippovich, Yu.N. (2009). *Linguocultural consciousness of the Russian language personality. Modeling the state and functioning*. Moscow: Azbukovnik.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ СЕМАНТИКА

УДК: 316.7:81'276.6:35.07

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-254-272

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ*

М.Н. Панова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
пр. Вернадского, 82, г. Москва, Россия, 119571

Статья посвящена выявлению социальных факторов и тенденций, влияющих на речевое поведение современных государственных служащих. К ним относятся функции государственной службы, необходимость соответствия новому стилю управленческой деятельности, социокультурным условиям времени. На профессиональную речь госслужащих влияет и такой фактор, как языковая мода.

В статье рассматривается проблема использования русского языка как государственного языка Российской Федерации в административно-правовой сфере. Соблюдение госслужащими литературных норм особенно важно в письменной речи, в текстах официально-делового стиля. Автор анализирует некоторые языковые трудности на конкретных примерах из текстов документов. В области государственного управления и законодательства существуют определенные традиции использования корпоративного языка. Анализ трудных случаев русского языка, проведенный автором, показал, что отдельные языковые трудности, актуальные для сферы государственного управления, вообще не описаны в справочной литературе, а некоторые рекомендации лингвистов противоречат традициям официально-делового стиля. В статье рассматриваются примеры влияния на язык официальных документов политических и юридических факторов, имеющих для государственных служащих приоритетное значение при выборе того или иного языкового варианта.

Автор статьи поднимает вопрос о необходимости ликвидации противоречий между рекомендациями академических словарей и реальной речевой практикой работников сферы государственного управления и предлагает пути его решения. Решение этого вопроса имеет большое значение для повышения качества официальных документов.

Ключевые слова: речевое поведение государственных служащих, социальные факторы, языковая мода, нормы и традиции официально-делового стиля

---

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-04-00151 «Ортологические трудности русского языка и корпоративные нормы в административно-правовой сфере».

ВВЕДЕНИЕ

Институт государственной службы в составе более чем миллиона работников является связующим звеном между государственной властью и гражданским обществом. Описание речевого портрета государственного служащего как представителя многочисленной и важной общественной страты предполагает выявление ряда внешних элементов, влияющих на его профессиональную речь, анализ социальных детерминант и актуальных тенденций в речевом поведении современных государственных служащих.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Все видоизменения языка, возникающие под воздействием внешних факторов, в том числе социальных, и имеющие определенную функцию в обществе, «составляют внешнюю (функциональную) систему данного языка в данный период времени» [1. С. 29]. На речевое поведение государственных служащих, их «языковое существование» оказывают влияние особенности корпоративной культуры, профессиональные установки и ценности, отношение к чиновникам в обществе, СМИ.

Как показывают результаты социологических исследований, образ государственного служащего в обыденном сознании россиян, как правило, негативный. В лингвистических словарях профессия работника органов исполнительной власти обозначается словами с нейтральной и отрицательной коннотацией: *государственный служащий, работник аппарата (органов) государственного управления, чиновник, чинуша*, а также заимствованными словами: *бюрократ, клерк*. Материалы Русского ассоциативного словаря показывают, что частотные реакции на слово-стимул *служащий* — такие оценочные слова, как *бюрократ, маленький, мелкий, серый, служака* и даже *человек в футляре*. Реакции на слово-стимул *чиновник* — слова *чванливый, важный, высокомерный, надменный, надутый, заносчивый, спесивый* [2].

В научных работах, посвященных анализу результатов социологических опросов, отмечается, что в обществе сложилось противоречивое отношение к чиновникам. По мнению многих россиян, госслужащие — члены социально престижной профессиональной группы. Другие полагают, что это не обычная профессиональная группа, а обособившийся слой, представителям которого свойственны взяточничество, пренебрежение к законам, безразличное отношение к людям [3]. В целом, как показывают результаты социологических опросов, из-за отрицательного отношения большей части населения к деятельности чиновников последние несут, пользуясь терминологией политтехнологов, имиджевые потери.

Отношение к госслужащим формируется не только под влиянием личного опыта граждан, но и под воздействием СМИ. Образ государственного служащего в СМИ зависит от политической ориентации редакции печатного издания или телеканала, политических и нравственных предпочтений того или иного журналиста. Но в целом в средствах массовой коммуникации доминирует негативный образ управленца-бюрократа.

В художественных произведениях, созданных в России в постперестроечные годы, в частности в начале XXI в., изображен отталкивающий, аморальный образ чиновника — демагога, взяточника (произведения М. Кантора, А. Потемкина и др.).

Так, А. Потемкин, автор повести «Стол» — доктор экономических наук, предприниматель, специалист по фондовому рынку, в свое время руководивший департаментом крупных налогоплательщиков в Федеральной службе по налогам и сборам и поэтому знающий проблемы государственной службы «изнутри». Повесть написана в жанре социальной сатиры с элементами гротеска. В ней описывается рабочий день столичного чиновника, столначальника-бюрократа Аркадия Дульчикова, возглавляющего один из отделов «очень важного российского министерства». Высокопоставленный чиновник-взяточник, принимающий посетителей, рассматривает их просьбы, прикидывая, сколько он может потребовать с каждого из них за свои услуги. Профессия становится для него образом жизни, а стол в служебном кабинете — символом власти, завидного материального положения и уверенности в завтрашнем дне.

В повести *стол* — многозначное понятие. Стол — это не только часть интерьера служебного кабинета Дульчикова. Это «его стержень жизни», «жизненная опора», «основа успеха» и поэтому надо держать в руках «честь стола». Кроме того, стол — это и начальник отдела: «Составлю текст письма на имя нашего первого стола. Оно должно быть подписано вашим первым столом».

Стол — это ответственная должность в сфере государственной службы. Посетители в приемной ждут «доступа к столу». Стол — это и сфера служебной компетенции чиновника. «Столы фискальных чиновников — соблазнительное инвестиционное поле. Тут многое можно сотворить!» — думает один из посетителей. Поэтому бывают «замечательные, прибыльные столы», «доходные»; те, которые «дорого стоят». «Стол даст любому приличный капитал». Стол — это «полезные люди», «чисто деловые связи». Стол «оберегает», свой стол надо «охранять», «беречь», чтобы никто не «замахнулся на стол». Стол — символ власти. Дульчикову все время кажется, что стол «отнимут... отберут», «отторгнут», «уведут». Стол надо «защищать», «укреплять его опции», «обеспечить стол прикрытием». Стол в повести — аллегория бюрократизма. «Мой стол — вот ключевые слова! — размышляет Дульчиков. — Защищая стол, я оберегаю собственную жизнь!».

Позиция автора повести, его отношение к бюрократии выражены в авторских рефлексиях («В наших министерствах редко встретишь чиновника, который не воодушевился бы идеей нового заработка»), в словах бизнесмена — одного из посетителей Дульчикова («Пока в России на чиновников в суд нельзя будет подавать, никаких положительных реформ не следует ждать»).

В последние десятилетия появилось большое количество книг, написанных людьми, занимающими или занимавшими несколько лет назад довольно значительные должности в органах исполнительной власти. Несмотря на авторскую субъективность при изложении материала, присущую мемуарам как особому жанру, включающему в себя различные свойства публицистики, документально-исторической прозы и т.п., представляется целесообразным проанализировать

образ чиновника, созданный его «коллегами по цеху». К сожалению, он тоже далек от идеала. Типичный образ чиновников наших дней, изображенный в современной мемуарной литературе (повести Б. Немцова, И. Хакамады), — это заурядные «серые люди», «серые воротнички», «серые мыши», «мутанты», коррупционеры [4. С. 274].

Отношение общества и СМИ к госслужащим оказывает воздействие на стиль их публичных выступлений, речевого поведения в целом. Поскольку вербальное поведение выполняет функцию «речевого паспорта говорящего» [5. С. 7], в речи госслужащих отражается их намерение определенным образом позиционировать себя в обществе. В публичных выступлениях на различных деловых совещаниях, форумах, транслируемых СМИ, представители власти активнее, чем несколько десятилетий назад, используют специальную терминологию. Это связано с тем, что в условиях модернизации системы государственного управления в России возникает потребность в номинации новых понятий, что приводит к появлению — как правило, в результате заимствования иностранной терминологии государственного менеджмента — новых терминов, характеризующих различные аспекты управленческих отношений.

Например, взаимодействие власти и бизнеса привело к проникновению некоторых еще недавно сугубо экономических понятий в сферу государственного управления. Об этой тенденции свидетельствуют тексты учебников и научных трудов, посвященных проблемам государственного управления, а также тексты официальных документов о государственной службе. Так, в Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006—2008 годах уже использовались такие термины, как *система внутреннего аудита эффективности расходов бюджета*, *оценка коррупциогенности государственных функций*, *система мониторинга эффективности мер государственного надзора*, *пилотное внедрение стандартов государственных услуг*, *механизм аутсорсинга административно-управленческих процессов* [6. С. 134].

Вместе с тем в устной деловой речи чиновников — причем не только в интрапрофессиональном, но и в публичном общении — наблюдается тенденция к снижению стиля речи, ее вульгаризации. В лексиконе публичных выступлений ряда чиновников активно используются вульгаризмы и даже инвективная лексика: *врубаться в проблему*, *долбануть*, *пахать*, *кошмарить*, *скулить*, *штаны просиживать*, *отморозки*, *вранье*, *хамская выходка* и т.д. Такая манера речевого поведения ряда госслужащих, объясняемая их коммуникативной установкой — выглядеть прогрессивными, динамичными, раскованными, — становится все более популярной.

Среди факторов, влияющих на речевое поведение госслужащих, следует назвать и языковую моду как один из «регуляторов языкового поведения, обеспечивающего дифференциацию языковых средств по признаку престижности» [7. С. 274].

Семантическое переосмысление некоторых слов в последние десятилетия отмечается многими исследователями. Эти слова в устах наших современников все чаще используются в значении, не указанном в лингвистических словарях,

приобретают новый смысл. Причем именно в этом, новом значении они становятся необычайно модными, популярными благодаря СМИ, которые способствуют их распространению в обществе.

В качестве примера рассмотрим модные глаголы, связанные с передачей информации, — *озвучить* и *артикулировать*. Они широко распространились в современном обществе и особенно популярны в административно-политическом дискурсе, в чиновничьей среде.

Например, глагол «озвучить» широко употребляется чиновниками в значении «произнести, назвать, сформулировать, сообщить», например:

«Такой прогноз *озвучил* мэр Москвы Сергей Собянин во время осмотра одного из таких объектов» («За Калужской заставой», № 5, 2016).

В авторитетных лингвистических словарях указано только одно значение этого глагола. Например, в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова (далее — СРЯ) [8] указано, что *озвучить* — «приспособить к звуковой передаче, сделать звуковым», например: *О. фильм*. Слово сопровождается пометой «спец.». В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова (далее — БТС) [9] тоже отмечается только одно значение этого глагола с пометой *проф.*: «произвести запись фонограммы к кинофильму (музыки, дикторского текста, шумов)», например: *О. фильм, старую киноленту*. В «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» Н.Ю. Шведовой (далее — ТСРЯ) [10] также отмечается, что *озвучить* — «записать звуковое сопровождение (фильма) отдельно от съемки» (*Фильм озвучен на студии*). Глагол тоже сопровождается пометой «спец.».

В «Словаре современного жаргона российских политиков и журналистов» в качестве второго значения этого глагола уже указывается следующее: «довести информацию до аудитории, произнести публично, зачитать» (синонимы: огласить, сказать, изложить)» [11].

Авторы словаря считают, что глагол *озвучить* первоначально означал публичное чтение печатных материалов (отчетов, пресс-релизов) на пресс-конференциях перед журналистами. После употребления в «Российской газете» в 1992 г. слова *озвучить* в этом значении оно стало активно употребляться в СМИ:

«В свою очередь Владимир Исправников... *озвучил* прогноз Высшего экономического совета...» (Российская газета», 06.02.1992).

Причем первоначально глагол *озвучить* в новом значении закавычивался.

По мнению лингвистов, использование слова «озвучить» «в указанном выше смысле („произнести“) является грубым нарушением нормы, искажающим законы сочетаемости слов и эстетически оскорбляющим слух носителя русского языка...» [12. С. 47].

Вл. Новиков пишет, что употребление этого глагола «почему-то это больше нравится говорящим, чем „прочитать вслух“ или „огласить“. Может быть, это потому, что звучащее слово отчетливее входит в сознание, чем письменное. Бумага, как известно, все стерпит, а „озвученный“ документ сразу обнаруживает свою истинную сущность, порой довольно абсурдную» [13].

М. Королева считает, что озвучить — «это речевой вирус, кто-то из журналистов или политиков подбирал однажды синоним к надоевшим *сказать, говорить, заявить* и нашел, подобрал *озвучить*. А кто-то услышал, слово понравилось, подхватило — и покатилось...» [14]. Кроме того, М. Королева считает, что *озвучить* — «слово безответственное, потому что озвучить можно не свое, а чужое мнение, чужую мысль, распоряжение, цифры и факты. А говорящий лишь озвучил чужое, он тут совершенно ни при чем» [14]. Образованный носитель русского языка воспринимает подобное словоупотребление как речевую ошибку или ищет в нем определенный смысл, проявление некой языковой игры — игры в однокоренные слова.

Называет глагол «озвучить» вирусом и О. Северская, считая, что оно только на первый взгляд выглядит безобидно, но на самом деле обедняет наш язык, делая реальной опасность вытеснения из него других «передающих звучащую речь глаголов»...» [15. С. 47].

Иными словами, вместо глагола «озвучить» в значении «произнести что-л. вслух, передать своими словами чужие слова и мысли» было бы уместнее использовать следующие синонимы: *сообщить*, а не *озвучить информацию*; *представить*, а не *озвучить проект закона*; *обнародовать*, а не *озвучить результаты работы*; *процитировать*, а не *озвучить высказывание министра*; *высказать, изложить*, а не *озвучить мнение, позицию*; *назвать* проблему, *упомануть* о проблеме, а не *озвучить ее*.

При этом в настоящее время в текстах, далеких от политики, — в частности, на интернет-форумах, глагол «озвучить» активно употребляется именно в значении — «синхронизировать звуковую дорожку с видеорядом»: «*Простой способ озвучить домашнее видео*»; «*Как озвучить помещение фоновой музыкой*».

Глагол «артикулировать» сейчас тоже стал употребляться довольно часто, и вряд ли обоснованно. В СРЯ такого глагола нет, есть только существительное «артикуляция» — «в языкознании: работа органов речи для произнесения звука». В ТСРЯ этот глагол тоже отсутствует. Есть существительное «артикуляция». Отмечено, что оно «восходит к латинскому глаголу *articulāre* — расчленять (речь), членораздельно произносить». В БТС указано, что: *артикулировать* — «производить артикуляцию», глагол сопровождается пометой «лингв.», а существительное *артикуляция* определяется как «работа или положение органов речи при произнесении звука», «степень отчетливости произношения».

Таким образом, лингвистический термин *артикулировать* означает «осуществлять артикуляцию, произносить, выговаривать». *Артикуляция* — это процесс произношения звуков, но не слов и фраз. В СМИ можно встретить примеры, в которых этот глагол употребляется уместно, в значении, указанном в словарях, например: «Заседания законодательного органа Республики Молдова были отменены, т.к. спикер парламента Республики Молдова ... очень болен, не встает с постели и даже не может хорошо *артикулировать* слова» (Новости в Интернете от 15 марта 2013 г.). Но чаще глагол *артикулировать* стал употребляться в речи политиков, чиновников и журналистов в новом значении — «заявить, сообщить о чем-л.», «назвать, сформулировать что-л.».

Лидер партии «Справедливая Россия» Сергей Миронов сообщил ведущему в эфире радио «Голос России», что «в первое десятилетие XXI в. Россия наконец-то стала внятно *артикулировать свои национальные интересы*». Главный редактор одного из информационно-аналитических порталов считает, что президент на встрече с доверенными лицами и прессой «должен был *артикулировать либеральную программу*». В данном случае мы сталкиваемся с неуместным использованием глагола *артикулировать*, поскольку совершенно очевидно, что говорящий не имел в виду членораздельное произношение звуков, четкое их выговаривание [16. С. 36].

Итак, на речевое поведение государственных служащих оказывают влияние ***такие экстралингвистические факторы, как социально-профессиональная среда, характер и функции государственной службы, общественное мнение, необходимость соответствия новому стилю управленческой деятельности, социокультурным условиям времени***. На профессиональную речь госслужащих, как показано выше, влияет и такой фактор, как языковая мода. Своим вербальным и невербальным поведением современные российские чиновники демонстрируют новый, демократический стиль работы, новую модель деловых отношений и служебного поведения в сфере государственного управления, пытаясь предъявить обществу новый образ государственного служащего и новый, привлекательный образ государственной службы.

Говоря об уровне речевой культуры чиновников, надо отметить, что эта профессиональная группа отличается неоднородностью, что отражает культурно-речевая типология языковых личностей госслужащих [17. С. 207]. Их уровень владения русским языком зависит от качества образования, профессиональной подготовки, общего культурного уровня. «Дополнительные трудности создает недостаточная разработанность общей теории нормы, вопросов соотношения нормы и системы языка, нормы и вариантов» [18 С. 8].

В русском языке существует большое количество трудных случаев словоупотребления, использования грамматических форм, орфографических и пунктуационных трудностей. Так, В.В. Свинцов предлагает ввести в научный обиход термин «языковая (ортологическая) трудность». Речь идет о действительно трудных случаях, причина которых кроется, в частности, «в объективном несовершенстве „языкового законодательства“, то есть либо в лакунарности, либо в избыточности норм и правил использования языка» [19. С. 38].

Некоторых важных для госслужащих правил и рекомендаций в справочной литературе вообще нет. Возможно, некоторые из них действительно актуальны не для всех граждан (употребление полных и сокращенных наименований федеральных министерств и др.), но, например, ответ на вопрос, ставить ли запятую в конце письма после слов «С уважением», интересует многих.

В деловой переписке употребляется этикетное клише «*С уважением, Иванов*» именно с такой пунктуацией, хотя употребление запятой в данном случае, скорее всего, противоречит пунктуационным правилам русского языка: ведь это не обращение — «С добрым утром, Иванов!» или «С днем рождения, Иванов!» Использование запятой здесь вызывает вопросы, поскольку значение этой фразы в конце

делового письма — «Уважающий Вас А.М. Иванов» или «Относящийся к Вам с уважением А.М. Иванов», и запятая по правилам русской пунктуации (согласованное определение стоит перед определяемым словом) здесь, по-видимому, не нужна. Аргумент, который часто приводят в данном случае (в деловых письмах на английском языке запятую в этом клише ставят), сомнителен: в русском языке существуют свои правила пунктуации. К сожалению, в полном академическом справочнике «Правила русской орфографии и пунктуации» (далее — ПАС) [20] этот случай специально не рассматривается.

Далеко не в каждом авторитетном научном или справочном издании госслужащие могут найти ответ на вопрос «поехать *на Украину*» или «поехать *в Украину*» и, соответственно, «приехать *с Украины*» или «*из Украины*». Для этого они должны обратиться, в частности, к академической «Русской грамматике», найти § 1665, где указано, что характерное для предлога *на* пространственное значение выражается в словосочетаниях *жить на Украине, ехать на Украину* [21. С. 711].

Составителей документов этот вопрос интересует потому, что в настоящее время в СМИ и в межгосударственной деловой переписке чаще употребляется вариант *в Украине*. На нем также настаивают руководители некоторых ведомств. В Справочнике по русскому языку Д.Э. Розенталя, Е.В. Джанджаковой и Н.П. Кабановой (далее — СПРЯ) отмечается, что «в официально-деловой речи закрепилось предложно-падежное сочетание *в Украине / из Украины* наряду с нейтральным *на Украине / с Украины* [22. С. 512].

Общеизвестно, что словосочетание «на Украину» возникло под влиянием украинского языка (аналогично: *на Полтавщину / Полтавщине, на Черниговщину / Черниговщине*) и поддерживается выражением «на окраине». «По соображениям национального престижа», дескать, «с Украины» — значит «с окраины» (хотя исторически это именно так) украинскими политиками эта форма была осуждена как неправильная и отвергнута», — отмечают авторы книги «Не говори шершавым языком», подчеркивая явное «национально-политическое происхождение» данного словосочетания [12. С. 152].

По мнению Президента Украины Л. Кучмы, *на Украине* «просто звучит некрасиво» (газета «Книжное обозрение», от 8 сентября 2003).

Надо отметить, что, например, топонимы *на Кубе* и *на Кипре* имеют варианты *в республике Куба* и *в республике Кипр*. Однако в отношении Украины аналогичного решения рассматриваемый вопрос не имеет, поскольку официальное название государства — *Украина*, а не *Республика Украина*. Несмотря на активное употребление сочетаний с предлогом «в» в речи не только украинцев, но и многих российских чиновников, политиков и журналистов, вероятно, правильнее квалифицировать данную грамматическую форму как проявление превратно понимаемой политкорректности [17. С. 224—225].

Иногда причины ортологических трудностей объясняются вариативностью языковой нормы и трудностью выбора пользователем одного из вариантов. Например, в литературном языке допустимы варианты *тоннель* и *туннель, междугородный* и *междугородний, позже* и *позднее* и т.д. В разделе ПАС «Графические сокращения» [20, § 209, 210] тоже представлены варианты: существительное

гражданин рекомендуется сокращать как *гр-н* и *гр*. По мнению В.В. Свинцова, ортологическая трудность возникает, когда оба варианта возможны и решение должен принять сам пользователь «в соответствии с собственным вкусом, потребностями, ситуацией» [19. С. 42]. Для составителя документа в таких случаях предпочтительным был бы вариант, рекомендованный кодификаторами, авторами правил специально для текстов служебных документов, нормативных правовых актов и сопровождаемый пометой «офиц.».

Часто проблемы у составителя документа вызывает недостаточно полное и непротиворечивое описание того или иного случая в разных лингвистических справочниках, разночтения в словарях. По справедливому замечанию Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой, «именно изменчивостью нормы, наличием ее вариантов в различных речевых стилях объясняются различные показания словарей» [23. С. 49].

К числу таких трудных случаев относятся, например, склонение некоторых фамилий, согласование приложений — географических наименований с существительным — родовым названием и др.

Так, в справочнике «Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов» (далее — ГПРР) Л.К. Граудиной, В.А. Ицковича, Л.П. Катлинской по поводу употребления географических наименований отмечается, в частности, что «...самый сложный случай представляют собой наименования на *-ия*. Все славянские и тем более русские топонимы-приложения этой группы в косвенных падежных формах склоняются: *делегация Республики Болгарии* и т.д.» [24. С. 208]. Авторы ГПРР подчеркивают, что в эту группу, имеющую в названии форму им. падежа (*Республика Болгария*), в настоящее время входит более 40 единиц. Вместо употребляемого ранее и являвшегося одним из исключений в этой многочисленной группе официального названия *Федеративная Республика Германия* «...после воссоединения Восточной и Западной Германии директор Европейского департамента в 1995 г. в специальном документе (со ссылкой на договоренность Министерств иностранных дел России и Германии) подчеркнул решение сторон не склонять... слово *Германия* в полном наименовании государства — *Федеративная Республика Германия* — в официальных документах. Авторы справочника установили, что несклоняемость топонима на *-ия* в косвенных падежах в документах де-факто зарегистрирована уже и в других случаях: посол *Республики Кения*; полномочный представитель *Республики Колумбия*, визит в *Республику Индия*, на территории *Республики Хакасия* и т.д.

В газетной и разговорной речи в косвенных падежах такой топоним, как правило, по-прежнему склоняется, и авторы ГПРР считают, что целенаправленная унификация по несклоняемому образцу во всех ситуациях была бы преждевременной, но не исключают признания несклоняемости топонимов на *-ия* в официальных документах [24. С. 208].

Как видно из приведенных примеров, на решение вопроса о правилах склоняемости/несклоняемости рассматриваемой группы топонимов-приложений в текстах официально-делового стиля оказывают влияние **внешние, экстралингвистические причины**.

В целом правила согласования приложения — географического наименования (топонима) с существительным — родовым наименованием, изложенные в различных лингвистических справочниках, для многих рядовых составителей документов часто сложны, они предлагают пользователю рассматривать и учитывать многие аспекты. Например, в СПРЯ указано: «Приложение — географическое название согласуется или не согласуется с определяемым словом в зависимости от того, что оно называет, чем выражено, насколько известно географическое название» [22. С. 499]. Государственному служащему необходимо учитывать немало факторов, чтобы понять, почему правильно *в городе Петропавловске-Камчатском, в селе Никольском-Архангельском*, но *в городе Кривой Рог, в городе Гусь-Хрустальный; из города Кум-Даг, но из города Франкфурта-на-Майне*.

Поэтому нам представляется более рациональной точка зрения проф. Ю.А. Бельчикова, который предлагает следующее правило: «Географическое наименование не согласуется с родовым наименованием в деловых документах, в географической, военной литературе, в туристических справочниках, часто в официальных сообщениях; оно ставится в исходной форме с целью передать точную информацию. Это норма официально-делового и научного стилей, административно-судебной речи (подчеркнуто в цит. изд. — М.П.) [25. С. 208].

Укажем на другие примеры различных рекомендаций в словарях. БТС, например, информирует о том, что существительное *пени* имеет формы единственного и множественного числа, а «Русский орфографический словарь» под ред. В.В. Лопатина (далее — РОС) квалифицирует употребление ед.ч. — *пеня* как устаревшее. Или, например, в «Орфоэпическом словаре русского языка» И.Л. Резниченко [26], вошедшем в список словарей, одобренных Минобрнауки России, варианты произношения *обеспéчение* и *обеспечéние* рекомендуются как равноправные, а в других, не менее авторитетных орфоэпических словарях (Т.Ф. Ивановой [8], М.А. Штудинера [27], К.С. Горбачевича [5]), второй вариант, с ударением на четвертом слоге, признается неправильным и сопровождается запретительной пометой.

В ПАС [20, § 122] в качестве примера «сочетаний, которые пишутся раздельно» приводятся «сочетания типа *январь месяц, в марте месяце*», что дает читателю основание считать подобные словосочетания правильными. Вместе с тем в «Словаре-справочнике лингвистических терминов» Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой [28] в качестве иллюстрации термина «плеоназм» как речевой ошибки приводится словосочетание *в апреле месяце* с пояснением: «в слове *апрель* уже заключено понятие месяца». И подобных примеров немало.

Противоречивые рекомендации встречаются не только в лингвистических словарях, но и в служебных справочниках. Так, в разделе VIII «Общественные объединения» Справочника по оформлению нормативных правовых актов в Администрации Президента Российской Федерации» (далее — САП) [29] вызывает вопросы, например, отсутствие единообразия в написании названий партий: политическая партия «Единая Россия» (в кавычках) и политическая партия Справедливая Россия (без кавычек).

При использовании государственного языка в административно-правовой сфере подобные противоречия в оценке языковых трудностей крайне нежелательны. Дело в том, что владение литературным языком для госслужащих — это, в соответствии с законодательством Российской Федерации, профессиональное требование. Документы должны быть грамотно составлены и оформлены в соответствии с нормами литературного языка. Нормы русского литературного языка закреплены в словарях, учебниках и справочниках. Однако список словарей, в которых фиксируются нормы русского языка как государственного, предложенный несколько лет назад Минобрнауки России, вызвал ряд вопросов у филологов-русистов. Во всяком случае, он требует пополнения другими, не менее авторитетными изданиями.

Официально-деловой стиль, используемый при составлении служебных и нормативных правовых документов, практически не приемлет использования в тексте диспозитивной нормы, так как доминантой этого функционального стиля является фактическая и смысловая *точность, не допускающая инотолкования* [30. С. 171], а следовательно, в деловых текстах необходимо единообразие, использование одного из существующих в языке вариантов. Ведь отличительные черты официально-делового стиля — это *стандартизация языкового оформления, высокая степень регламентированности документного текста*.

В своей работе составители документов сталкиваются и еще с одной причиной языковых трудностей, возникающей в случае противоречий между рекомендациями, содержащимися в академических словарях, с одной стороны, и в ведомственных инструкциях и правилах подготовки документов, с другой. В данном случае мы сталкиваемся с влиянием на содержательную сторону орфографии ее *«внешних функций — детерминант, в частности, социальной и юридической»* [31. С. 94].

Если речь идет об орфографических нормах, то Русский орфографический словарь (далее — РОС) и ПАС должны быть авторитетными источниками рекомендаций в области правописания и для госслужащих. Например, в ПАС в названиях учреждений и организаций рекомендуется писать с прописной буквы только первое слово, входящие в их состав имена собственные, а также первое слово включаемых в них других организаций. Отмечается, что по традиции с прописной буквы пишутся все слова в названиях: *Общество Красного Креста и Красного Полумесяца, Организация Объединенных Наций, Лига Наций, Совет Безопасности ООН* [20. §189].

Однако в реальной речевой практике работники административно-правовой сферы игнорируют рекомендацию словаря и справочника писать, в частности, в словосочетании *Государственная дума* с прописной буквы только первое слово и в соответствии с Конституцией Российской Федерации пишут оба слова с большой буквы — *Государственная Дума*. Такое написание соответствует и рекомендациям, представленным в САП [29].

Причем список названий международных организаций, в которых все слова пишутся с прописной буквы, в этом справочнике, кроме упомянутых в ПАС, включает и другие названия: *Генеральная Ассамблея ООН, Экономический и Социальный Совет ООН, Международный Суд ООН, Секретариат ООН*.

В ПАС рекомендуется писать в официальных текстах с прописной буквы только названия высших государственных должностей и титулов [20. § 196]. В Реестре должностей федеральной государственной гражданской службы, во многих ведомственных инструкциях, в отличие от РОС и ПАС, предлагается использование в документах прописных букв для маркирования социального статуса ряда служебных должностей (не только высших), названий учреждений, подразделений органов управления, например: *Мэр, Министр, Губернатор, Аппарат*.

Приведем еще один пример влияния на написание, соответствующее внутренней логике языка, внешних, экстралингвистических причин. 21 октября 2009 г. Государственная дума, несмотря на возражения общественности, приняла решение о единообразии использования в законодательстве слов «паралимпийский» и «сурдлимпийский», якобы приведя их в соответствие с международной терминологией, используемой в документах МПК (Международного *паралимпийского* комитета): ср.: *paralympic games*. И уже не только в законе «О физической культуре и спорте в РФ», но и в ряде других законов рекомендованные РОС [32] написания слов *параолимпийский, сурдоолимпийский* и *сурдоолимпийский* заменяются новыми — *паралимпийский* и *сурдлимпийский* [33. С. 22].

Интересна и история прилагательного *розыскной/разыскной*, употребляемого в нормативных правовых актах. В русском языке гласные в приставках пишутся единообразно в ударной и безударной позиции, а приставки *раз-/роз-* пишутся в соответствии с фонетическим принципом орфографии, являясь исключением из этого правила. Академические издания орфографических словарей (в том числе последнее издание РОС [32] уже более двадцати пяти лет рекомендуют написание прилагательного *разыскной* с безударной приставкой *раз-*.

Тем не менее в 1999 г. в связи с представлением на утверждение в Государственную Думу поправок к Закону об оперативно-разыскной деятельности у законодателей возник вопрос о вызывающем трудности написании прилагательного. В ответ на запрос, адресованный Главным государственным правовым управлением Президента РФ Институту русского языка им. В.В. Виноградова РАН, ученые Института подготовили разъяснительное письмо, в котором предложили писать слово *разыскной* с буквой *а* и подробно разъяснили свою позицию, представив экскурс в историю вопроса [34. С. 162].

К сожалению, мнение авторитетных лингвистов, представлявших академический институт, сотрудники, ответственные за лингвистическую экспертизу законопроекта, проигнорировали, поэтому депутаты приняли поправки к «Закону об *оперативно-розыскной* деятельности».

Интересно, что через несколько лет Управление тогда еще оперативно-розыскной информации службы криминальной милиции МВД России также направило в Дирекцию Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН запрос, в котором содержалась просьба о предоставлении аргументированного разъяснения правильного написания слова *розыскной/разыскной*. Получив из Института ответ о том, что для устранения неоговоренного в Своде правил 1956 г. исключения из правила написания приставки *роз-/раз-* (подчеркнуто мной — М.П.)

в качестве нормативного рекомендовано написание *разыскной*, руководство министерства внесло соответствующие изменения в служебные документы ведомства. Так, в Постановлении Правительства Российской Федерации от 6 февраля 2003 г. № 60 за подписью М. Касьянова упоминаются подразделения *оперативно-разыскной* информации. Однако в названии и тексте упомянутого федерального закона сохранено устаревшее написание прилагательного — *оперативно-розыскная деятельность* [34. С. 164].

Можно привести и примеры влияния на орфографическую практику в сфере государственного управления *политических факторов*. В 1995 г. было опубликовано распоряжение Администрации Президента РФ (от 17 августа 1995 г. № 1495) о возвращении к старым названиям государств — бывших республик СССР и их столиц, например: *Ашхабад, Таллин* и др. — вместо предлагавшихся в то время руководством этих государств *Ашгабад, Таллинн* и т.д. Правда, как показала орфографическая практика, это распоряжение выполнялось непоследовательно, видимо, потому, что не все заинтересованные лица: журналисты, чиновники — с ним были знакомы [17. С. 224]. В настоящее время в САП [36] рекомендуется употреблять, например, названия *Республика Белоруссия, Киргизская Республика*, но *Республика Молдова* (не Молдавия), однако дается примечание: «При подготовке международных договоров и других документов разрешается учитывать при необходимости *пожелания контрагентов* по написанию указанных наименований». И далее в тексте можно найти пример такого употребления — Парламентское Собрание Союза *Беларуси* и России.

Анализ узуса — реальной речевой практики в административно-правовой сфере — показывает, что существует такое явление, как традиции корпоративного языка госслужащих. Специфика обучения госслужащих состоит в том, что потребителями, пользователями орфографических рекомендаций выступают работники органов государственного управления. К числу прецедентных текстов административного дискурса относятся Конституция РФ и федеральные законы, тексты программных выступлений должностных лиц, руководителей государства, другие нормативные правовые документы.

Разумеется, столкнувшись с трудным случаем написания или словоупотребления, государственные служащие предпочитают рекомендациям лингвистов более авторитетные для них предписания федеральных законов и служебных документов, но в результате они постоянно находятся в положении нарушителей норм русского литературного языка [33. С. 19].

ВЫВОДЫ

Подведем основные итоги.

Нормализация и кодификация литературного языка предполагает анализ национального корпуса текстов, относящихся к различным функциональным стилям, ведь в идеале национальный корпус языка характеризуется представительностью, сбалансированным составом самых разнообразных с точки зрения

языка и стиля текстов. Однако на деле при определении нормативного варианта авторы правил орфографии и пунктуации и составители лингвистических словарей, отслеживая современные тенденции развития литературного языка, не в полной мере учитывают целый пласт текстов, относящихся к корпоративной культуре, имеющей многолетнюю историю и традиции, — государственной службе. Это тексты официально-делового стиля, в том числе служебных документов языка [33. С. 20].

Проблема урегулирования некоторых спорных случаев несоответствия норм, принятых в языке документов, нормам современного русского литературного языка, рекомендованным лингвистическими словарями, проблема нахождения разумного компромисса между авторами словарей и служебных инструкций представляется нам чрезвычайно своевременной [33. С. 22]. Подобные ортологические трудности следует рассмотреть в первую очередь и сформулировать четкие рекомендации для госслужащих и законодателей.

Необходимо создать «согласительную комиссию», в состав которой должны обязательно войти и сотрудники академических институтов, и составители служебных инструкций, и лингвисты-эксперты, работающие с этой целевой аудиторией. Необходимо решить вопрос о подготовке единых рекомендаций по языковому оформлению служебных и нормативных правовых документов. Ведь многие литературные нормы — это результат общественных соглашений.

Очевидно, что языковые нормы, не связанные с системными закономерностями языка, а являющиеся результатом установленной обществом конвенции, то есть некоторым набором условных соглашений, в случае их пересмотра, уточнения и адаптации применительно к сфере государственного управления не вызывают болезненной реакции лингвистов-кодификаторов, составителей словарей [33. С. 22].

Требуется скорейшей реализации задача ассимилирования традиционных норм русского языка, сложившихся в административно-правовой сфере, в систему норм, зафиксированных словарями современного русского языка. «Существующая де-факто традиционная норма нуждается в некоторых случаях в кодификации-описании и закреплении ее в лингвистических словарях и справочниках в качестве варианта, а в некоторых случаях она должна быть заменена общепринятым и кодифицированным в академических словарях написанием, словоупотреблением и т.д. и изъята из служебных инструкций как языковая ошибка» [35. С. 162].

В рамках научного проекта «Ортологические трудности русского языка и корпоративные нормы в административно-правовой сфере» научным коллективом (доктора филол. наук О.Н. Киянова, М.Н. Панова, А.А. Холиков) в настоящее время проводится большая исследовательская работа, результаты которой будут иметь важное значение для повышения качества официальных документов.

Совершенно очевидно, что назрела настоятельная необходимость решить вопрос о подготовке единых рекомендаций по языковому оформлению служебных документов на государственной гражданской службе и созданию авторитетного справочника для работников административно-правовой сферы.

Проведенный в статье анализ показал, что на рубеже XX—XXI вв. в России во внешней системе современного русского языка, в его функционально-стилистической структуре произошли существенные изменения, которые отразились на речевом поведении государственных служащих. Названные в статье социальные факторы, детерминанты оказывают влияние на устную и письменную речь работников сферы государственного управления, на выбор ими того или иного варианта на всех уровнях языка.

© Панова М.Н.

Дата поступления: 15.01.2018

Дата приема в печать: 30.01.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Степанов Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М.: Наука, 1976.
2. Русский ассоциативный словарь (Ассоциативный тезаурус современного русского языка). Кн. 1—6 / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов и др. М.: ИРЯ РАН, 1994—1998.
3. Служебная карьера / Под общ. ред. Е.В. Охотского. М.: Экономика, 1998.
4. Панова М.Н. Образ российского государственного служащего в постсоветской художественной литературе // Русская словесность в поисках национальной идеи: Материалы II Международного научного симпозиума. М.-Волгоград. 5 июля 2010 г. М.: Изд-во РАГС, 2010.
5. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002.
6. Панова М.Н. Язык государственного управления: тенденции современного административного дискурса / Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический фак-т. 20—23 марта 2010 г.): Труды и материалы / Составители М.Л. Ремнёва и А.А. Поликарпов. М.: Изд-во Мос. ун-та, 2010.
7. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений за языковой практикой масс-медиа. М.: Изд-во Афинского ин-та им. А.С. Пушкина, 1997.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1983.
9. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000.
10. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007.
11. Моченов А.В., Никулин С.С., Ниясов А.Г., Савваитова М.Д. Словарь современного жаргона российских политиков и журналистов. М.: Олма-Пресс, 2003.
12. Горбаневский М.В., Караулов Ю.Н., Шаклеин В.М. Не говори шершавым языком: О нарушениях норм литературной речи в электронных и печатных СМИ. М.: Галерея, 2000.
13. Новиков Вл.Н. Словарь модных слов. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2011.
14. Королева М.А. <https://rg.ru/2012/02/09/ozvuchit.html>.
15. Северская О.И. Говорим по-русски с Ольгой Северской. М.: СЛОВО/SLOVO, 2004.
16. Панова М.Н. Модные слова в речи чиновников // Русская речь. 2015. № 6.
17. Панова М.Н. Языковая личность государственного служащего: опыт лингвометодического исследования. М.: Изд-во РУДН, 2004.
18. Вербицкая Л.А. Давайте говорить правильно: Пособие по русскому языку. М.: Высшая школа, 2001.

19. *Свинцов В.В.* Как правильно, или о причинах языковых затруднений // *Русская речь*. 2012. № 4.
20. *Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник* / Под ред. В.В. Лопатина. М.: Эксмо, 2007.
21. *Русская грамматика. Том I: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология* / АН СССР. Институт русского языка. М.: Наука, 1980.
22. *Розенталь Д.Э.* Справочник по русскому языку: правописание, произношение, литературное редактирование / Д.Э. Розенталь, Е.В. Джанджакова, Н.П. Кабанова. М.: Айрис-пресс, 2007.
23. *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словоупотребление и норма // *Русская речь*. 1967. № 3. Цит. по: *Русская речь*. 2017. № 1.
24. *Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П.* Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. М.: Наука, 2001.
25. *Бельчиков Ю.А.* Практическая стилистика современного русского языка. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009.
26. *Резниченко, И.Л.* Орфоэпический словарь русского языка: Произношение. Ударение. М.: Астрель: АСТ, 2003.
27. *Штудинер М.А.* Словарь образцового русского ударения. М.: Айрис-пресс, 2008.
28. *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2001.
29. Справочник по оформлению нормативных правовых актов в Администрации Президента Российской Федерации» (по состоянию на 5 апреля 2016 г). Утвержден ГПУ Президента РФ. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=EXP;n=654154;req=doc#07639934726049904>.
30. *Кожина М.Н.* Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1977.
31. *Голев Н.Д.* Антиномии русской орфографии / Алтайский гос. ун-т. Барнаул, 1997.
32. *Русский орфографический словарь* / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; О.Е. Иванова, В.В. Лопатин (отв. ред.). М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012.
33. *Панова М.Н.* Русский язык в сфере государственного управления: актуальные проблемы и пути их решения // *Функционирование русского языка как государственного в современных условиях: Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 7 декабря 2012 года): сб. ст. / отв. ред. О.Н. Киянова; РПА Минюста России. М.: РПА Минюста России, 2013.*
34. *Панова М.Н.* Литературная норма в официально-деловых текстах // *Научное обозрение: гуманитарные исследования*. 2017. № 4. С. 159—165.
35. *Киянова О.Н., Панова М.Н.* Использование государственного языка РФ в сфере государственного управления: проблема статуса «корпоративных» языковых норм // *Язык и право. Актуальные проблемы взаимодействия. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Выпуск 6. Р. н/Д.: Донское книжное издательство, 2016 (секция 4. Лингвистическая экспертиза в профессиональной сфере).*
36. *Иванова Т.Ф.* Новый орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. Грамматические формы. М.: Рус. яз. — Медиа, 2005.
37. *Панова М.Н.* Литературная норма в официально-деловых текстах // *Научное обозрение: гуманитарные исследования*. 2017. № 4. С. 159—165.
38. *Панова М.Н.* Русский язык в сфере государственного управления и литературная норма // *Русская речь*. 2017. № 3.
39. *Горбачевич К.С.* Современный орфоэпический словарь русского языка. Все трудности произношения и ударения. М.: Астрель: АСТ, 2009.

УДК: 316.7:81'276.6:35.07

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-254-272

THE INFLUENCE OF SOCIAL FACTORS ON VERBAL BEHAVIOR OF PUBLIC OFFICIALS

Marina N. Panova

The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration

Vernadsky pr., 82, Moscow, Russia, 119571

Abstract. The article is devoted to professional speech of public officials. The author analyses specific social factors, which influence the language of state administration. These are functions of public administration, the necessity to follow a new style of state administration, modern administrative discourse, social and cultural trends as well as the language mode — the factor which influences verbal behavior of public officials.

The article deals with the problem of the usage of the Russian language as an official language of the Russian Federation in the field of law and public administration. It is very important for public officials to use literary language norms in official texts, documents, where they use Russian as an official language. The article focuses on certain linguistic difficulties in official documents. Analysis of the usage of literary language in the field of public administration indicates that there are some traditions of public officials corporate language. The author analyses linguistic difficulties in official texts, some of them are not described in special dictionaries. Some recommendations of dictionaries are not applicable for public officials, because they have the contradictions with their real speech practice. The author of the article indicates some political and legal factors, which influence the language of state administration. They are of great importance in situations of choice of linguistic variants in speech practice of public officials.

The author suggests the solutions for the problem of contradictions in the recommendations of the academic vocabulary and actual practice of public officials for literary language normalization. The solution of this problem will improve the quality of drafting of official documents.

Keywords: verbal behavior of public officials, social factors, language mode, literary language norms and traditions in official style

REFERENCES

1. Stepanov, G.V. (1976). Typology of language states and situations in the countries of the Romance speech. Moscow: Nauka. (In Russ).
2. Karaulov, Yu.N., Sorokin, Yu.A., Tarasov, E.F. & al. (1994—1998). Russian associative dictionary (Associative Thesaurus of the Modern Russian Language). Book 1—6. Moscow: The Institute of Physics and Technology of the Russian Academy of Sciences. (In Russ).
3. Ohotsky, E.V. (Ed.). (1998). Service career. In Under the Society. Moscow: Economics. (In Russ).
4. Panova, M.N. (2010). The image of a Russian civil servant in post-Soviet fiction In Russian literature in search of a national idea: Proceedings of the II International Scientific Symposium. Moscow—Volgograd. July 5, 2010. Moscow: RAGS Publishing House. (In Russ).
5. Karasik, V.I. (2002). The language of social status. Moscow: ITDGGK “Gnosis”. (In Russ).
6. Panova, M.N. (2010). Public Administration Language: tendencies of modern administrative discourse. In Russian Language: its Historical Destiny and Present: IV of the International Congress of Russian Language Researchers (Moscow, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology, 20—23 March 2010): Proceedings and materials / M.L. Remneva & A.A. Polikarpov. Moscow: Publishing house MGU. (In Russ).
7. Kostomarov, V.G. (1997). Language taste of the era: from observations of the language practice of the media. Moscow: Publishing House of the Athens Institute by A.S. Pushkin. (In Russ).

8. Ozhegov, S.I. (1983). Dictionary of the Russian language. N.Yu. Shvedova (Ed.). Moscow: Russky yazyk. (In Russ).
9. Great Dictionary of the Russian language (2000). S.A. Kuznetsov (Ed.). SPb.: Norint. (In Russ).
10. Shvedova, N.Yu. (Ed.) (2007). Dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words. V.V. Vinogradov Institute of Russian language. Moscow: Publishing Center “Azbukovnik”. (In Russ).
11. Mochenov, A.V., Nikulin, S.S., Niyasov, A.G. & Savvaitova, M.D. (2003). Dictionary of modern jargon of Russian politicians and journalists. Moscow: Olma-Press. (In Russ).
12. Gorbanevsky, M.V., Karaulov Yu.N. & Shaklein V.M. (2000). Do not speak rough language: Violations of the norms of literary speech in electronic and print media. Moscow: Galeria. (In Russ).
13. Novikov, V.I. (2011). Dictionary of fashion words. Moscow: AST-PRESS BOOK. (In Russ).
14. Koroleva, M.A. <https://rg.ru/2012/02/09/ozvuchit.html>. (In Russ).
15. Severskaya, O.I. (2004). We speak Russian with Olga Severskaya. Moscow: SLOVO. (In Russ).
16. Panova, M.N. (2015). Fashionable words in the speech of officials, *The Russian speech*, 6. (In Russ).
17. Panova, M.N. (2004). The language personality of a civil servant: the experience of a linguistic method. Moscow: Publishing House of RUDN. (In Russ).
18. Verbitskaya, L.A. (2001). Let's talk correctly. The manual on the Russian language. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ).
19. Svintsov, V.V. (2012). How right, or about the causes of language difficulties, *The Russian speech*, 4. (In Russ).
20. Lopatin, V.V. (Ed.). (2007). Rules of Russian spelling and punctuation. Moscow: Eksmo. (In Russ).
21. Russian grammar (1980). Volume I: Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word formation. Morphology. Moscow: Nauka. (In Russ).
22. Rosenthal, D.E., Dzhandzhakova, E.V. & Kabanov, N.P. (2007). Reference book on Russian language: spelling, pronunciation, literary. Moscow: Iris Press. (In Russ).
23. Rosenthal, D.E. & Telenkova, M.A. (1967). Word usage and norm, *The Russian speech*, 3. (In Russ).
24. Graudina, L.K., Itskovich, V.A. & Katlinskaya, L.P. (2001). Grammatical correctness of Russian speech. A stylistic dictionary of options. Moscow: Nauka. (In Russ).
25. Belchikov, Yu.A. (2009). Practical stylistics of the modern Russian language. Moscow: AST-PRESS BOOK. (In Russ).
26. Reznichenko, I.L. (2003). Orthoepic dictionary of the Russian language: Pronunciation. Stress. Moscow: Astrel: AST. (In Russ).
27. Shtudiner, M.A. (2008). Dictionary of exemplary Russian accent. Moscow: Iris Press. (In Russ).
28. Rosenthal, D.E. & Telenkova, M.A. (2001). Dictionary-reference of linguistic terms. Moscow: Open Company “Publishing house Astrel”, Open Company “Publishing house AST”. (In Russ).
29. Handbook on the formulation of regulatory legal acts in the Administration of the President of the Russian Federation (as of April 5, 2016). Approved by the President of the GPU RF. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=EXP;n=654,154;req=doc#07639934726049904>. (In Russ).
30. Kozhina, M.N. (1977). Stylistics of the Russian language. Moscow: Enlightenment. (In Russ).
31. Golev, N.D. (2012). Antinomy of Russian spelling / Altai state. un-t. Barnaul, 1997. (In Russ).
32. Ivanova, O.E. & Lopatin, V.V. (Ed.). (2012). Russian orthographic dictionary. V.V. Vinogradov Institute of Russian language. Moscow: AST-PRESS BOOK. (In Russ).
33. Panova, M.N. (2013). Russian language in the sphere of public administration: actual problems and ways to solve them. In Functioning of the Russian language as a state language in modern conditions: Vseros. Scientific-practical conference (Moscow, December 7, 2012): H.E. Kiyanova (Ed.); RPA of the Ministry of Justice of Russia. Moscow: RPA of the Ministry of Justice of Russia. (In Russ).

34. Panova, M.N. (2017). Literary norm in official business texts, *Scientific review: humanitarian research*, 4, 159—165. (In Russ).
35. Kiyanova, O.N. & Panova, M.N. (2016). Use of the state language of the Russian Federation in the sphere of public administration: the problem of the status of “corporate” language norms. In *Language and Law. Actual problems of interaction. Materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference. Issue 6*. R.ND: Donskoy publishers, section 4. Linguistic expertise in the profession. (In Russ).
36. Ivanova, T.F. (2005). A new orthoepic dictionary of the Russian language. Pronunciation. Stress. Grammatical forms. Moscow: Russkiy yazyk. Media. (In Russ).
38. Panova, M.N. (2017). Russian language in public administration and the literary norm, *The Russian speech*, 3. (In Russ).
39. Gorbachevich, K.S. (2009). Modern orthoepic dictionary of the Russian language. All the difficulties of pronunciation and stress. Moscow: Astrel: AST. (In Russ).

Для цитирования:

Панова М.Н. Влияние социальных факторов на речевое поведение государственных служащих // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 2. С. 254—272. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-254-272.

For citation:

Panova, M.N. (2018). The influence of social factors on verbal behavior of public officials. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(2), 254—272. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-254-272.

Marina N. Panova, 2018. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (2), 254—272. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-254-272.

Сведения об авторе:

Панова Марина Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры гуманитарных наук, деловой этики и социальной ответственности Института бизнеса и делового администрирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); *научные интересы*: языковая личность государственного служащего, административный дискурс, профессиональная речь госслужащих, русский язык как государственный язык Российской Федерации; *e-mail*: pmnaka@mail.ru

Bio Note:

Panova Marina Nicolayevna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Humanitarian Sciences, Business Ethics and Social Responsibility at “The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration”; *scientific interests*: language personality of public officials, administrative discourse, professional speech of public officials, Russian language as an official language of the Russian Federation; *e-mail*: pmnaka@mail.ru

УДК: 316.77:81'374.3:81'23

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-273-286

ПОКОЛЕНЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ ВОСПРИЯТИЯ ЦЕННОСТИ «РАЗВИТИЕ» В ОБЫДЕННОМ ЯЗЫКОВОМ ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ (на материале ассоциативных словарей и результатах психосемантического эксперимента)

Э.Х. Жамалетдинова

Московский государственный лингвистический университет
ул. Остоженка, 38, Москва, Россия, 119034

Статья посвящена репрезентации содержания ценности *развитие* в обыденном языковом общественном сознании представителей двух поколений современной России: перестроечного и постперестроечного. В ней проанализированы словарные статьи из ассоциативных словарей русского языка и результаты психосемантического эксперимента.

Анализ статьи ассоциативного словаря помогает выделить компоненты значения изучаемой ценности, отраженные в обыденном языковом общественном сознании носителя русской культуры. Результаты психосемантического эксперимента, представленные в виде факторных матриц и дендрограмм, позволяют выделить коннотативные различия восприятия исследуемой ценности и связь с другими ценностями, такими как *труд* и *сотрудничество*. Для интерпретации данных привлекаются исторические, социологические и статистические материалы. Теоретической базой данного исследования послужили теория деятельности А.Н. Леонтьева, концепция языкового сознания Е.Ф. Тарасова и Н.В. Уфимцевой и интегративно-эклетический подход путем триангуляции, разработанный В.А. Янчуком, который характеризуется комбинированием количественных и качественных методов исследования.

На основании результатов проведенного исследования делается вывод о том, что значительных сдвигов в содержании ценности *развитие* на уровне обыденного языкового общественного сознания носителей русской культуры двух разных поколений не произошло. Однако мы можем говорить о наметившемся векторе изменений в содержании данной ценности в языковом общественном сознании, связанных с переходом от индустриального типа экономики к постиндустриальному. Данный тип экономики характеризуется повышением значения интеллекта в общественных отношениях.

Методика исследования ценности *развитие* может быть использована для изучения репрезентации ценностей в языковом сознании носителей национальных культур. Данные исследования также могут применяться в разработке заданий для обучения РКИ.

Ключевые слова: ценность, развитие, поколение, языковое сознание, общественное сознание, ассоциативный словарь, психосемантический эксперимент

ВВЕДЕНИЕ

Образ базовых ценностей национальной культуры формируется на основе представлений о них, отраженных в научном сознании и сознании рядового представителя этноса. Как пишет В.К. Шохин, ценности являются наиболее глубин-

ными составляющими всей структуры личности [1]. Являясь мощным личностным ресурсом, ценности также выступают в качестве основы, связывающей индивида и общество. Ценности воспроизводятся в культурных образцах общественной жизни, укореняются в сознании поколений, тем самым выполняя социализирующую функцию [2]. Так, Т. Парсонс считает, что ценности являются культурными, а не личностными характеристиками, чем объясняется тот факт, что они являются общепринятыми. Даже если отдельный индивид не принимает какую-либо ценность, они тем не менее продолжают функционировать в системе общества. Выбор системы ценностей индивидом изначально предreshен уже сложившейся системой ценностей, членом которой он становится при рождении. Интернализация ценностей рассматривается Т. Парсонсом как один из основных механизмов воспроизводства социальных систем, упорядочивания и поддержания системного равновесия. По его мнению, институционализация ценностных ориентаций является наиболее оптимальным средством общественных изменений и, в частности, социального реформирования [3].

По мнению российского социолога Н.И. Лапина, ценности — это обобщенные представления людей о целях и нормах своего поведения, воплощающие исторический опыт и концентрировано выражающие смысл культуры отдельного этноса и всего человечества. Это значит, что в сознании индивида существуют некие идеалы, на которые он ориентируется в своих действиях. Эти идеалы напрямую влияют на формирование определенного типа поведения, в том числе отношения к политическим и экономическим переменам [4].

Базовые ценности представляют собой обобщенные цели людей и общие способы достижения этих целей. Их количество невелико. Они соотносятся с основными потребностями человека (витальными, социализационными, интеракционными и др.). Примерами базовых ценностей могут быть: семья, свобода (терминальные ценности); милосердие, независимость (инструментальные ценности). Универсальные, или общечеловеческие, ценности являются культурным инвариантом базовых, они свойственны любой культуре [5]. Стоит также заметить, что наименование некоторого количества ценностей общечеловеческими не означает, что они являются объективными. Полностью объективными могут называться понятия, которые не зависят ни от отдельного индивида, ни от человечества в целом, т.к. оценка, чем, по сути, и являются ценности, никогда не становится объективной, даже если ее разделяют все люди [6]. Общечеловеческие ценности обобщают конкретный исторический опыт совокупной жизнедеятельности людей разных исторических эпох, типов цивилизации, социально-экономических укладов, классов, национальностей, этносов и культур.

Целью данной работы является фиксация изменения значения базовой ценности *развитие* на обыденном уровне языкового общественного сознания представителей двух поколений современной России в связи с радикальными историческими переменами, спровоцированными распадом СССР. Как пишет Е.Ф. Тарасов, фиксация содержания общечеловеческих ценностей необходима для корректировки деятельности по формированию идентичности российского суперэтноса [7].

Мы исходим из того, что сознание представляет собой трехуровневую модель. Согласно Е.Ф. Тарасову, содержание общечеловеческих ценностей сосредоточено в политекстовых описаниях. Политекстовость означает совокупность устных и письменных текстов. В зависимости от характера текста его предлагается связывать с определенным уровнем сознания. Уровень официального общественного сознания зафиксирован в научных и философских текстах; промежуточный уровень сознания реализуется в энциклопедических лингвистических словарях и в толковых словарях, где собраны обыденные представления, обработанные научным методом; уровень обыденного сознания составляют устные высказывания, которые представляют собой ценностные прескрипции официального уровня общественного сознания, переработанные с целью приближения к условиям индивидуальной жизнедеятельности, а также данные экспериментов, овнешняющих обыденные представления носителей национальной культуры, и составляют [8].

1. Анализ содержания базовой ценности *развитие* на обыденном уровне языкового общественного сознания носителей русской культуры в ассоциативных словарях русского языка

В этом исследовании сделана попытка интерпретировать различия восприятия базовой ценности *развитие* двумя поколениями, перестроечным, или поколением переходного периода 1960—1970 гг. р., и постперестроечным, или постпереломным, поколения (после 1980 гг. р.) [9]. Наш метод изучения образа базовых ценностей в языковом общественном сознании опирается на интегративно-эkleктичный подход путем триангуляции, разработанный В.А. Янчуком. Данный подход понимают как комбинирование качественных и количественных методов.

Качественные методы характеризуются многообразием контекстов, направлены на выявление значений и своеобразия интерпретаций, гибки, диалогичны и интерактивны по процедуре, естественны по характеру.

Главным недостатком качественных методов можно считать субъективность. В то же время количественные методы более объективны, отличаются высокой степенью достоверности и надежности. Однако их критикуют за дистанцированность от реальности, искусственность и предопределяющий характер. Ограничением при комбинировании этих методов может выступать характер анализа данных.

Количественные данные анализируют с помощью метода дедукции после завершения их сбора; качественные данные анализируют с помощью метода индукции как в момент сбора материала, так и после его завершения [10]. Триангуляция является мощным инструментом валидации качественных данных.

Сочетание качественных и количественных методов продиктовано особенностями анализируемого материала. Анализ ассоциативных полей и результатов психосемантического эксперимента, с одной стороны, требует определенных подсчетов; с другой стороны, необходимо их содержательное описание и интерпрета-

ция. В связи с этим возникает необходимость привлечения данных других наук, например, социологических и исторических источников. Таким образом, стратегия триангуляции нацелена на расширение познавательной перспективы и доказательство достоверности полученных данных.

Согласно определению Б.А. Грушина из Новой философской энциклопедии *развитие* является высшим типом движения и качественного изменения в природе и обществе. Данный процесс охватывает все типы материи в природе, т.е. неорганическую, органическую, социальную и сознание в форме науки, морали, идеологии и т.д. Развитие связано с изменением внутренней структуры объекта в процессе жизнедеятельности объекта и не тождественно понятию «ход времени».

Таким образом, развитием является не любое изменение объекта во времени, а только связанное с качественной трансформацией его внутреннего состояния. Согласно философскому представлению, целостное развитие сознания и материи представляет собой бесконечное движение по восходящей спирали. Такое движение противоречиво, т.к. предполагает и отступления, но все-таки его основной характеристикой является прогрессивная направленность — от простого к сложному, от низшего к высшему [11].

Для исследования репрезентации ценности *развитие* на обыденном уровне языкового общественного сознания носителей русской культуры двух поколений использовались материалы двух ассоциативных словарей русского языка, Русского ассоциативного словаря (далее — РАС) и Русского регионального ассоциативного словаря-тезауруса (далее — ЕВРАС) и результаты психосемантического эксперимента, проведенного со студентами, преподавателями и сотрудниками РУДН, РосНОУ, ЮУрГУ в 2013—2014 гг. Выборка составила 30 испытуемых для каждого поколения.

Анализ статьи ассоциативного словаря помогает выделить компоненты значения ценности, отраженные в обыденном языковом общественном сознании. Результаты анализа ассоциативных полей объективны, т.к. получены с учетом количественных и качественных критериев, упомянутых ниже. Интерпретация результатов носит научно-гипотетический характер, в связи с чем для подтверждения гипотез автора используются социологические, исторические, статистические источники.

Мы проанализировали частотные реакции на стимул *развитие* и представили соотношение количества определенных реакций и общего количества реакций. Всего в РАС проанализировано 103 реакции, в ЕВРАС — 506. Результаты всех расчетов даны в процентах.

В сравнительном анализе ассоциативных полей из РАС и ЕВРАС использованы следующие количественные критерии.

1. Критерий общего количества реакций на стимул *развитие*: в РАС — 103; в ЕВРАС — 506.

2. Критерий «Количество различных реакций на стимул»: в РАС — 77; в ЕВРАС — 215.

3. Критерий частотных реакций: в РАС — 39 (37%) от общего количества реакций; в ЕВРАС — 345 (68%).

4. Критерий единичных реакций: в РАС — 62 (60%); в ЕВРАС — 151 (29,8%).

5. Критерий количества синтагматических связей частотных реакций: в РАС — 27 (69%); в ЕВРАС — 198 (57%).

6. Критерий количества парадигматических связей частотных реакций: в РАС — 12 (31%); в ЕВРАС — 147 (43%).

Словарная статья *развитие* в РАС

Ребенок/ребенка **6**; общества **5**; половое, прогресс, умственное **4**, воспитание, движение, жизнь, речи, рост, ума, физическое, человека **2**; **103 + 77 + 2 + 62**.

Словарная статья *развитие* в ЕВРАС

Ребенка/ребенок **39**; рост **36**; прогресс **21**; ума **19**; умственное **18**; быстрое, эволюция **14**; мозга, человека **13**; личности **12**; речи **11**; науки **10**; событий/событие **8**; мышление **7**; знание; движение, учеба, общество, промышленности/промышленность **6**; экономика, жизнь/жизни, интеллект **5**; страны **4**; вперед, мысль, мышления, нации, организм, памяти, подъем, сила, **3**; бизнеса, вверх, движение вперед, действия, детей, жизнь, интеллекта, компьютер, культуры, личность, отношений, отстало, отсталое, плод, плода, поступательное, продвижение, процесс, разум, совершенствование, спираль, человечество, школа, эмбрион **2**; **506 + 215 + 10 + 151**.

Самой частотной реакцией в обоих ассоциативных полях является *ребенок/ребенка*: РАС — 15%, в ЕВРАС — 11%. Все последующие реакции значительно отличаются по частотности, хотя во многом совпадают содержательно. На втором месте в РАС находится реакция *общества* (12,8%). В ЕВРАС реакция *общество* имеет частотность 1,7%. На втором месте в ЕВРАС располагается реакция *рост* 10,4%. Данная реакция в РАС имеет только 5% упоминаний. На третьем месте в РАС находятся реакции *половое*, *прогресс* и *умственное* (10,25%). Реакция *половое* отсутствует в ЕВРАС. На третьем месте в ЕВРАС расположена реакция *прогресс* (6%). На четвертом месте с частотностью 5% находятся следующие реакции: *жизнь*, *воспитание*, *движение*, *рост*, *речи*, *ум*, *физическое*, *человека*. Из перечисленных реакций в ЕВРАС отсутствуют реакции *воспитание*, *физическое*. На четвертом и пятом места в ЕВРАС находятся реакции *ума* (5,5%) и *умственное* (5,2%).

Для выделения содержательных различий в реакциях на стимул *развитие* мы объединили их в следующие категории (табл. 1). В РАС самой многочисленной является категория «онтогенетического развития»: 16 реакций, что составляет 41% от частотных. В ЕВРАС самая многочисленная категория — это категория «интеллектуальное развитие»: 87 реакций (25%). На втором месте стоит категория «онтогенетическое развитие» (67 реакций = 19,4%).

Таблица 1

Категории реакций на стимул развитие

Категории	Реакции РАС	Реакции ЕВРАС
Интеллектуальное развитие	Умственное, ума, речи	Умственное, речи, мозга, знание, мышление, интеллект, мысль, разум
Онтогенетическое развитие	Ребенок, половое, человека, жизнь, физическое	Ребенок, человека, жизни, плода, эмбрион, детей
Моральное развитие	Воспитание	Личности
Историческое развитие	Общества	Эволюция, общество, страны, нации, человечество
Развитие, обеспечивающееся государством	—	Науки, промышленности, экономики, культуры, бизнеса
Направленность развития	—	Вперед, вверх, движение вперед
Скорость развития	—	Быстрое, отстало, отсталое
Качественные характеристики развития	Прогресс	Прогресс, сила, поступательное, продвижение, спираль, совершенствование
Источники развития	—	Учеба, школа, компьютер
Синонимы	Движение, рост	Рост, движение, процесс
Развитие как реакция на что-либо	—	Событий, действий, отношений

Table 1

Categories of reactions to the stimulus development

Categories	Reactions RAD	Reactions EVRAD
Intellectual development	intellectual, intellect , speech	Intellectual, speech, brain, knowledge, thinking, intellect, idea, mind
Ontogenetic development	child, sexual, man, life, physical	child, man, life, fetus, embryo, children
Moral development	upbringing	personality
Historical development	society	evolution, society, country, nation, mankind
Government-backed development	—	science, industry, economics, culture, business
Direction of development	—	forward, upward, movement forward
Speed of development	—	rapid, fell behind, lagged
Quality characteristics of development	progress	progress, power, progressive, promotion, spiral, perfection
Sources of development	—	studies, school, computer
Synonyms	motion, growth	growth, motion, process
Development as reaction to smth.	—	events, actions, relations

Среди наиболее частотных реакций в РАС на стимул *развитие* в ЕВРАС отсутствуют следующие: *половое* (10,25%), *физическое* (5%) и *воспитание* (5%) (см. табл. 1). В группе единичных реакций в ЕВРАС обнаружена реакция *половое*.

Из различий в реакциях на стимул *развитие* в двух статьях необходимо отметить отсутствие реакций, входящих в категорию «развитие, обеспечивающееся государством». Хотя некоторые реакции из данной категории встречаются в РАС в качестве единичных. Возможно, что такую разницу можно отнести к малому количеству реакций.

Однако зафиксированный перевес реакций в сторону от категории «онтогенетическое развитие» в РАС к категории «интеллектуальное развитие» в ЕВРАС может быть интерпретирован с помощью представленных ниже социологических данных и мнений ведущих социологов.

Ю.А. Красин в статье «Мировоззренческое кредо инновационной модернизации социума» пишет, что в настоящее время происходит «большое переформатирование социума», которое заключается в переосмыслении двигателя общественных отношений. По мнению автора, сейчас гораздо больше внимания уделяется духовным факторам производства, т.е. «творческой силе разума». Такой сдвиг объясняется значительным уменьшением зависимости человека от природных условий. Автор утверждает, что сейчас происходит зарождение нового типа общества, в котором ведущую функцию управления средой обитания выполняет человеческий интеллект, а не его производительная сила. Однако данная трансформация еще не полностью осознана обществом, что естественно для любого явления переходного периода [12].

Социолог Элла Панеях указывает на изменения в трудовой сфере, связанные с иным отношением к занятости. Например, среди людей 20—30 лет уменьшилась боязнь потерять работу; они тяготеют к работе по свободному графику [13]. Согласно сборнику «Рабочая сила, занятость и безработица в России» в 2015 г. в производственной сфере основной процент занятых приходится на возрастные категории от 30—39 лет и от 50—59 лет, в непромышленной сфере (например, в таких областях, как торговля, гостиничный бизнес, финансы, недвижимость, госуправление) основную рабочую силу представляет возрастная категория 20—39 лет. Также из 100% занятых в неформальном секторе (индивидуальные предприниматели) на 2015 г. 14,4% составляют граждане 25—29 лет, что по сравнению с 13,4% в 2006 г. Граждане от 40 до 44 лет, занятые в неформальном секторе, составляют 12% по сравнению с 13,1% в 2006 г. [14]. Следовательно, происходит переход от экономики индустриального типа, когда человека характеризует его рабочее место, к постиндустриальному, когда человек не привязан к одному месту работы.

Трансформации подвергаются и моральные установки. Данный процесс происходит среди рядовых членов общества, которые самоорганизуются в основном по причине недовольства чем-либо и/или из желания изменить ситуацию (например, негосударственные общественные организации «Архнадзор», «Диссернет», «Общество синих ведерок», «Лиза Алерт», благотворительные организации и др.). Преимуществами разветвленных связей, которым способствует участие в подобных сообществах, является снижение нетерпимости к различиям или новым явлениям (например, повышение количества женщин на руководящих постах в России).

С другой стороны, процессу гуманизации и торжеству разума противостоит тенденция к дегуманизации, которая задана в период 90-х, и проявляется в авторитарном правлении, социальном неравенстве, деградации производства, всепоглощающей коррупции и бюрократии, разрушении системы образования и здравоохранения, усугублении межличностной агрессии и моральном падении [15].

Наряду с негативными проявлениями общественных отношений происходят положительные инновационные процессы, которые охватывают многочисленные

научно-технические, образовательные и социальные сферы и стимулируют участие молодежи (например, Сколково в Москве, Иннополис и Технополис Химград в Казани; форум «Селигер»). На это направлена государственная инновационная политика. Следовательно, можно говорить о модернизации сверху.

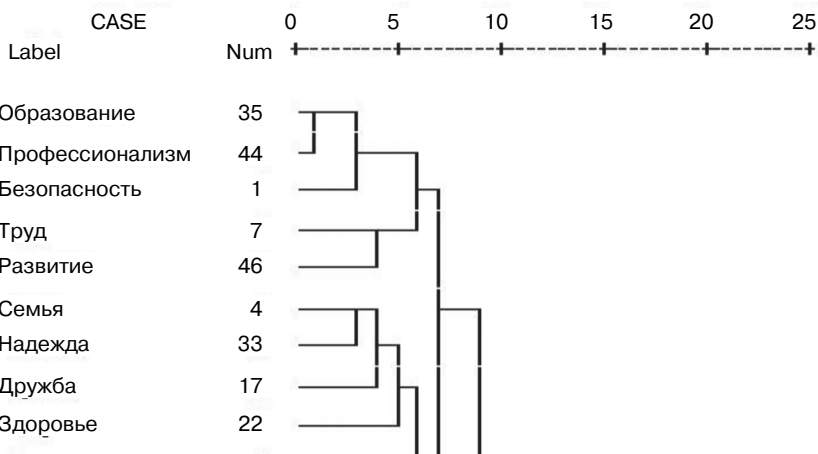
2. Анализ содержания базовой ценности развитие на обыденном уровне языкового общественного сознания носителей русской культуры на материале психосемантического эксперимента

С целью исследования трансформации содержания ценности *развитие* в сознании перестроечного и постперестроечного поколения проведен сопоставительный анализ результатов психосемантического эксперимента. По мнению Ч. Осгуда, данный метод призван выявить, прежде всего, эмотивную оценку качеств объекта и в меньшей степени, — когнитивные и поведенческие установки реципиентов в отношении объекта (до и после его предъявления) [16]. Результаты данного эксперимента представлены в виде дендрограммы (рис. 1 и 2) и суммарной матрицы (табл. 2), которая анализируется исходя из четырех факторов — оценки, упорядоченности, активности, силы [11].

Рис. 1. Элемент дендрограммы общечеловеческих ценностей для постперестроечного поколения

Figure 1. The element of cluster tree of universal values for Post-Soviet generation

Рис. 2. Элемент дендрограммы общечеловеческих ценностей для перестроечного поколения

Figure 2. The element of cluster tree of universal values for Soviet generation

Таблица 2

**Сопоставительный анализ факторов для ценности развитие
у перестроечного и постперестроечного поколений**

Фактор	Поколение	
	постперестроечное	перестроечное
Оценка	+0,6 светлый, приятный, красивый, безопасный, нежный	+0,3 светлый, приятный, красивый, безопасный, нежный, упорядоченный, устойчивый, сильный
Активность	+0,58 быстрый, движущийся, активный	+0,35 быстрый, движущийся, активный
Сила	+0,45 тяжелый, сложный, твердый, большой, сильный	-0,02 легкий, простой, мягкий
Упорядоченность	-0,2 таинственный, изменчивый	+1 обычный

Table 2

**Comparative analysis of the factors for the universal value development
of Soviet and Post-Soviet generation**

Factor	Generation	
	Post-Soviet generation	Soviet generation
Evaluation	+0,6 clear, pleasant, beautiful, safe, delicate	+0,3 clear, pleasant, beautiful, safe, delicate, ordered, stable, strong
Activity	+0,58 rapid, moving, active	+0,35 rapid, moving, active
Power	+0,45 heavy, difficult, hard, big, strong	-0,02 light, easy, soft
Order	-0,2 mysterious, volatile	+1 ordinary

В дендрограмме у постперестроечного поколения *развитие* ближе всего расположена к *сотрудничеству*. Более слабая связь наблюдается с кластером «творчество, внимание к людям, успех и удовольствие» (см. рис. 1).

Перестроечное поколение связывает ценность *развитие* с ценностью *труд*. Более слабая связь с «карьерным» кластером (*безопасность, профессионализм, образование*) и с «духовным» кластером (*семья и надежда*) (см. рис. 2).

Однако у постперестроечного поколения связь с «карьерным» кластером еще слабее, чем у перестроечного. В РАС самыми распространенными реакциями на ценность *труд* являются следующие: *работа 53; тяжелый 45; мир, облагораживает, ударный 13; лень, май 12*. Это свидетельствует о психологических установках, укоренившихся за счет советской пропаганды необходимости труда. Характеристика *тяжелый* говорит об отрицательном отношении к данной ценности, что порождает противоречие с последующими реакциями.

У постперестроечного поколения в ЕВРАС самой распространенной реакцией на ценность *сотрудничество* также является *работа 33*. Последующие реакции (*договор 16; компания 15; доверие, помощь 11; фирма 10; кооперация 9; выгода, контракт, партнер 8; деньги, партнерство, успех 7; бизнес, коллеги, поддержка 6; дело, люди, отношения, согласие, труд, участие 5; взаимность 4*) раскрывают определение *сотрудничества* как типа взаимоотношений людей между собой в процессе деятельности, характеризующихся согласованностью, слаженностью мнений и действий, связанных с межличностными отношениями, построенными на доверии, помощи и поддержке, которые должны привести к успеху и выгоде [17].

Рассмотрим непосредственно восприятие ценности *развитие* с помощью данных факторов (см. табл. 2).

Представители обоих поколений оценивают *развитие* положительно. Однако по факторам **оценка** и **сила** восприятие у обоих поколений отличается почти в два раза. Это можно объяснить большей свободой представителей постперестроечного поколения в плане занятости: они заканчивают обучение и начинают более или менее определенную карьеру, тогда как перестроечное поколение в основном уже имеет постоянную занятость, семью и связанные с ней обязанности. У них может назреть необходимость усовершенствовать свои навыки, обновить полученные знания или сменить профессию и тем самым повлиять на изменения в своей жизни. Во время социально-экономических реформ 1990-х значительное количество работающих людей было вынуждено сменить профессию. Несмотря на то, что система дополнительного образования, способная помочь им в этом, существенно пострадала во время перестройки, некоторые учреждения сумели адаптироваться к новым условиям, укрепили позиции и стали востребованы [18]. Согласно данным исследования «Непрерывное образование» более половины слушателей курсов ДПО желают сменить профессию.

Возможно, что этим обусловлена характеристика ценности *развитие* по фактору **упорядоченность** как *обычной*, т.е. связанной со стабильностью и рутинной или доступностью образования, которое является главным источником развития. В то же время доступность образования не является основной мотивационной силой для его получения среди взрослого населения, т.к. получение ДПО не всегда гарантирует какие-либо экономические выгоды [19; 20].

Почти никакой характеристики ценности *развития* нет по фактору **сила**. В связи с этим мы делаем вывод, что в обыденном языковом общественном сознании перестроечного поколения *развитие* имеет нейтральное значение последовательной закономерной смены состояний, происходящих по инерции. В то время как представители постперестроечного поколения воспринимают данную ценность как *активную, сложную, сильную, неустойчивую, стихийную*.

ВЫВОДЫ

Судя по данным психосемантического эксперимента, отношение к ценности *развитие* у двух поколений практически одинаково. Отличаться могут причины такого отношения в силу разного жизненного опыта.

У представителей обоих поколений совпадает мнение о том, что *развитие* наиболее динамично и важно в раннем возрасте (реакции *ребенок/ребенка* в РАС и ЕВРАС). Оба поколения рассматривают *развитие* как движение по восходящей (реакция *прогресс*) и отдают одно из ведущих мест в иерархии форм развития *умственному*. По их мнению, *развитие* присуще всем сферам жизни отдельного индивида, общества и жизни в целом.

Однако взгляд на ценность *развитие* у постперестроечного поколения более обширен. Они больше ассоциируют *развитие* с социально-экономической сферой, чем перестроечное. Причиной этому может быть возрастной фактор, т.к. предста-

вители этого поколения находятся в активной фазе познания мира. На такое восприятие могло повлиять заметное увеличение активности во многих областях жизни, что может восприниматься как развитие.

В целом мы заключаем, что значительных сдвигов в содержании ценности *развитие* в обыденном языковом общественном сознании русского этноса на данный момент не произошло.

© Жамалетдинова Э.Х.

Дата поступления: 12.01.2018

Дата приема в печать: 20.01.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Степин В.С.* Новая философская энциклопедия в 4-х томах. Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд. М.: Мысль, 2010.
2. *Parsons T.* The Concept of Society: The Components and Their Interrelations. In: T. Parsons. *Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives*. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1966. P. 5—29.
3. *Parsons T.* The social system. London: Routledge, 1991.
4. *Лапин Н.И.* Ценности, группы интересов и трансформация российского общества // Социологические исследования. 1997. № 3. С. 14—24. Режим доступа: <http://ecsosman.hse.ru/rubezh/msg/16439645.html> (Дата обращения 17.03.2018).
5. *Лапин Н.И.* Универсальные ценности и многообразие жизненных миров людей // Пленарное заседание «Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры». 13—14 мая 2010. С. 105—107 // Режим доступа: <http://www.lihachev.ru/chten/6514/7204/7206/> (Дата обращения: 17.03.2018).
6. *Шердаков В.Н.* Социально-психологический анализ христианской морали. Л.: Гос. музей истории религии и атеизма МК РСФСР, 1974.
7. *Тарасов Е.Ф.* Проблема анализа содержания общечеловеческих ценностей // Вопросы психолингвистики. 2012. № 1(15). С. 8—17.
8. *Тарасов Е.Ф.* Прологомены к теории языкового сознания // Вопросы психолингвистики. 2014. № 4 (22). С. 24—36.
9. *Семенова В.В.* Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009.
10. *Янчук В.А.* Интегративно-эkleктический подход к анализу психологической феноменологии. Словарь-справочник. Академия постдипломного образования. Минск, 2001.
11. *Нистратов А.А.* Образ России в представлении иностранцев // Вопросы психолингвистики. 2015. № 1 (23). С. 33—44.
12. *Красин Ю.А.* Мировоззренческое кредо инновационной модернизации социума // Российская политическая наука: Идеи, концепции, методы: Научное издание / Под ред. Л.В. Сморгунова. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. С. 239—254.
13. *Панеях Э.* В интернете как-то стало нервно, грязно, грубо. Режим доступа: https://daily.afisha.ru/relationship/3373-v-internete-kak-to-stalo-nervno-gryazno-grubo/?utm_source=subscription&utm_medium=email_daily&utm_campaign=daily_2016-10-28 (Дата обращения 18.03.2018).
14. *Лайкам К.Э.* Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам Выборочных обследований рабочей силы). 2016: Стат. сб. Росстат. М., 2016.
15. *Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А.* Молодежь России. М.: Московская школа политических исследований, 2011.

16. Osgood C.E., Suci G.J., Tannenbaum Percy H. The measurement of meaning, Urbana, Chicago and London: University of Illinois Press. 1957.
17. Безрукова В.С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). Екатеринбург, 2000.
18. Латов Ю.В. Непрерывное образование — стимул человеческого развития и фактор социально-экономических неравенств. М.: ЦСПиМ, 2014.
19. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
20. Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 15—26.

Словари

21. ЕВРАС: Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус. Режим доступа: <http://iling-ran.ru/main/publications/evras> (дата обращения: 12.03.2018).
22. РАС: Русский ассоциативный словарь Режим доступа: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 12.03.2018).

УДК: 316.77:81'374.3:81'23

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-273-286

THE DIFFERENCES IN PERCEPTION OF THE BASIC VALUE “DEVELOPMENT” IN PUBLIC LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN GENERATIONS ON THE BASIS OF ASSOCIATIVE DICTIONARIES AND THE DATA OF THE PSYCHOSEMANTIC EXPERIMENT

Elmira Kh. Zhamaletdinova

Faculty member of Institute of International Relations
and Social and Political Sciences, MSU
Ostozhenka street, 38, Moscow, Russia, 119034

Abstract. This article examines the meaning of basic value “development” reflected on the common level of linguistic consciousness of representatives of two generations: the one of “perestroika” times and the Post Soviet one. The common level of linguistic consciousness is revealed through analysis of associative dictionaries and the results of the psycho-semantic experiment.

The analysis of the articles from associative dictionaries helps to distinguish components of the meaning of the basic value under investigation on the common level of linguistic civil consciousness. The data of the psycho-semantic experiment that is presented as factor matrices and cluster trees allow to capture connotative differences of the perception of the value in question and trace the link with such values as “labour” and “cooperation”. We resort to historical, sociological and statistic data in order to interpret the results of the analysis.

The methodology of the research is based on the theory of activity approach elaborated by Leontiev A.N., the conception of linguistic consciousness of Tarasov E.F. and Ufimtseva N.V. and the integrative and eclectic approach by the mixed method designed by Yanchuk V.A.

The results of the given research show that there were not significant shifts in the perception of the value “development” on the common level of linguistic consciousness of the two generations. However we can spotted the changes in the contents of the value in question on the linguistic common level of civil consciousness due to the movement from the industrial type of economy to the postindustrial one that is characterized by the growing significance of intellect.

The methods of the analysis can be potentially used for similar research of basic values of national cultures. The materials of this paper can be employed to create tasks for Russian as Foreign language classes.

Key words: value, development, generation, linguistic consciousness, public consciousness, associative dictionary, psycho-semantic experiment

REFERENCES

1. Stepin, V.S. (2010). New philosophical encyclopedia. Moscow. (In Russ).
2. Parsons, T. (1966). The Concept of Society: The Components and Their Interrelations. In: T. Parsons. *Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives*. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall. pp. 5—29.
3. Parsons, T. (1991). The social system. London: Routledge.
4. Lapin, N.I. Universal values and diversity of life worlds of people URL: <http://www.lihachev.ru/chten/6514/7204/7206/> (accessed 17.03.2018). (In Russ).
5. Lapin, N.I. Values, interest groups and the transformation of Russian society URL: <http://ecsocman.hse.ru/rubezh/msg/16439645.html> (accessed 17.03.2018). (In Russ).
6. Sherdakov, V.N. (1974). *Social-psychological analysis of Christian morality*. Leningrad: State museum of religion and atheism MK RSFSR. (In Russ).
7. Tarasov, E.F. (2012). The problem of the analysis of the universal value meaning. *Journal of Psycholinguistics*, 1(15). 8—17 (In Russ).
8. Tarasov, E.F. (2014). The prolegomena for the theory of linguistic consciousness. *Journal of Psycholinguistics*, 4 (22). 24—36. (In Russ).
9. Semenova, V.V. (2009). Social dynamics of generations: problem and reality. M.: Russian political encyclopedia. (In Russ).
10. Yanchuk, V.A. (2001). Integrational and eclectic approach to the analysis of psychological phenomenology. Minsk: Akademiya postdiplomnogo obrazovaniya. (In Russ).
11. Nistratov, A.A. (2015). The image of Russia in the eyesight of foreigners. *The Problems of Psycholinguistics*. 1(23). 33—44. (In Russ).
12. Krasin, Yu.A. (2015). The world-view credo of innovative modernization of society. In: *Rossiiskaya politicheskaya nauka: Idei, kontseptsii, metody*. Moscow: Aspekt Press. 239—254. (In Russ).
13. Paneyakh, E. It got nervous, filthy, rude in the Internet. URL: https://daily.afisha.ru/relationship/3373-v-internete-kak-to-stalo-nervnogryaznogrubo/?utm_source=subscription&utm_medium=email_daily&utm_campaign=daily_2016-10-28 (accessed 18.03.2018)
14. Laikam, K.E. (2016). Labor, employment and unemployment in Russia (the results of selective research of labor force). Moscow: Rosstat. (In Russ).
15. Gudkov, L.D., Dubin, B.V. & Zorkaya, N.A. (2011). The youth of Russia. Moscow: Moscow School of Political Research publ. (In Russ).
16. Osgood, C.E., Suci G. J. & Tannenbaum, Percy H. (1957). The measurement of meaning. Urbana, Chicago and London: University of Illinois Press.
17. Bezrukova, V.S. (2000). Basics of Spiritual Culture. Ekaterinburg. (In Russ).
18. Latov, Yu.V. (2014). Continuous education — a stimulus of human development and a factor of socio-economic inequality. Moscow: TsSPiM. (In Russ).
19. Leontiev, A.N. (1975) Activity. Consciousness. Personality. Moscow: Politizdat publ. (In Russ).
20. Leontiev, D.A. (1996). A value as an interdisciplinary notion: the experience of multilayer reconstructions. *The Problems of Philosophy*. 4. 15—26. (In Russ).

Dictionaries

21. Cherkasova, G.A. & Ufimtseva, N.V. EVRAD: Russian regional associative dictionary-thesaurus. URL: <http://iling-ran.ru/main/publications/evras> (accessed: 12.03.2018) (In Russ).
22. RAD: Russian associative dictionary. URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php> (accessed: 12.03.2018) (In Russ).

Для цитирования

Жамалетдинова Э.Х. Поколенческие различия восприятия ценности «развитие» в обыденном языковом общественном сознании (на материале ассоциативных словарей русского языка и психосемантического эксперимента) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 2. С. 273—286. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-273-286.

For citation

Zhamaletdinova, E.Kh. (2018) The differences in perception of the basic value “development” in linguistic public consciousness of the Russians (on the basis of associative dictionaries and the data of the psychosemantic experiment). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (2), 273—286. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-273-286.

Elmira Kh. Zhamaletdinova, 2018. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (2), 273—286. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-273-286.

Сведения об авторе

Жамалетдинова Эльмира Хамитовна, преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области политических наук Института международных отношений и социо-политических наук в Московском государственном лингвистическом университете; *научные интересы*: аксиология, лингвокультурология, социолингвистика, психолингвистика; *e-mail*: khamitovich@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-3804-643X>

Bio Note

Zhamaletdinova Elmira Khamitovna, faculty member of the Department of linguistics and professional communication in the field of political sciences of the Institute of International Relations and Socio-political sciences in Moscow State Linguistic University; *scientific interests*: axiology, cultural linguistics, sociolinguistics, psycholinguistics; *e-mail*: khamitovich@gmail.com

УДК: [811.111:811.581]373.45
DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-287-301

СПОСОБЫ АССИМИЛЯЦИИ АНГЛИЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

Н.В. Перфильева¹, Ху Пэйпэй²

¹Российский университет дружбы народов
117198 Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

²Институт прикладных иностранных языков
Шэньчжэньского политехнического института
518055 Китай, Гуандун, Шэньчжэнь,
район Наньшань, проспект Люсянь, 2190

Статья посвящена проблеме основных способов ассимиляции английских слов в китайский язык: фонетический, семантический способы и калькирование являются основными способами освоения английских слов. В китайской лингвистике остается дискуссионным вопрос, какой способ освоения заимствованных слов является предпочтительным. Специфика иероглифической письменности китайского языка предопределила ряд особенностей освоения английских неологизмов путем калькирования. В настоящее время большое количество слов заимствуется смешанным способом, при котором помимо точного перевода английского слова или части слова на китайский язык обязательно присутствует иероглиф или сочетание иероглифов, которые передают звучание английского слова или части английского слова. Такие звуковые иероглифы могут находиться как в препозиции, так и постпозиции смысловой части слова. Отличительной чертой подобных иероглифических знаков является их асемантический характер. Что касается графического способа, то он не является продуктивным способом в китайском языке. В последнее время в китайском языке активно используется способ, при котором иероглифическое слово представляет собой синтез иероглифических знаков, цифровых обозначений, символов и английских графем. Спецификой подобного способа освоения заимствованных слов в китайском языке является их функционирование как аббревиатур.

Отдельная роль принадлежит классификатору в плане освоения новых слов английского происхождения в китайском языке. Добавление классификатора к заимствованным словам облегчает носителям китайского языка понимание нового слова.

Также в статье описывается вариантность передачи английских заимствованных слов в китайском языке. В статье приводится большое количество примеров, иллюстрирующих типичные способы освоения английских неологизмов в китайском языке.

Ключевые слова: заимствование, фонетический способ, семантический способ, полукалькирование, синтезированные слова, английский язык, китайский язык

ВВЕДЕНИЕ

Традиционно китайские лингвисты выделяют следующие способы освоения заимствованной лексики других языков в китайском языке: *графический, фонетический, семантический, полукалька* и *аббревиация* [1—5].

В китайской лингвистике термин *графические заимствования* используется в широком и узком смысле. В первом значении под графическими заимствованиями понимается сохранение исходной формы заимствованного слова, например, английские графемы сохраняют свое написание в китайском языке. Но этот способ заимствования английских слов в китайский язык является нетипичным [5—7].

Во втором значении под графическими заимствованиями в китайском языке понимается сохранение графики лексических единиц в том случае, когда система письменности языка-источника также основана на иероглифической графике, например, китайский и японский языки [8; 9]. Приведем пример:

Японский язык (язык-источник)	Китайский язык (язык-рецептор)
先生 [senn sei] [10]	先生 [xian sheng] [11]
◆ <i>уважительное обращение к человеку</i>	◆ <i>господин</i>
◆ <i>господин</i>	◆ <i>обращение к мужу</i>
◆ <i>учитель</i>	◆ <i>(арх.) бухгалтер</i>
◆ <i>доктор, врач</i>	◆ <i>(арх.) предсказатель</i>
◆ <i>юрист</i>	◆ <i>уважительное обращение к пожилому человеку</i>
◆ <i>артист</i>	◆ <i>учитель</i>
◆ <i>ласковое или насмешливое обращение к человеку</i>	◆ <i>врач, доктор</i>

При заимствовании английских слов в китайский язык графический способ почти не применяется. Таким образом, в данной статье будет подробно рассматриваться *полукалька, аббревиация, фонетический и семантический* способы заимствования английских слов в китайский язык.

ФОНЕТИЧЕСКИЙ СПОСОБ

Фонетический способ — один из способов освоения заимствованной лексики в китайский язык. Особенность данного способа заключается в использовании иероглифов, близких в произношении с исходным английским словом. Приведем примеры:

Английский язык (язык-источник)	Китайский язык (язык-рецептор)
<i>bus</i>	巴士 [ba shi]
<i>coffee</i>	咖啡 [ka fei]
<i>cool</i>	酷 [ku]
<i>DINK (Double Income No Kids)</i>	丁克 [ding ke]
<i>gene</i>	基因 [ji yin]
<i>McDonald's</i>	麦当劳 [mai dang lao]
<i>kefir</i>	开菲尔 [kai fei er]
<i>Twitter</i>	推特 [tui te]

Проанализируем слова из вышеуказанных примеров:

Twitter ‘Твиттер’ — социальная сеть для обмена короткими сообщениями публично. Оно было заимствованно фонетическим способом в китайский язык как 推特 [туй тэ]:

推 — толкать, двигать, подавать вперед, рекомендовать, расширять, исследовать, отложить;

特 — специальный, особенный, исключительный, особый, чрезвычайный, единственный.

Выделенные иероглифы в приведенных выше примерах теряют свое вещественное значение — десемантизируются, так как их функцией является передача звучания английского слова.

В процессе освоения слова английского происхождения в китайском языке необходимо учитывать специфику фонетической системы китайского языка.

1. В китайском языке количество слогов в словах ограничено. Ян Сипэн приводит следующие данные: около 430, а с учетом четырех тонов количество слогов составляет не более 1370 [12]. Количество слогов в английском языке составляет примерно 10 000 [13].

Кроме того, слог китайского слова обычно состоит из согласного и гласного звуков, согласный всегда предшествует гласному. По сравнению с китайскими слогами структура слога английского языка более свободна, возможны сочетания согласных, место согласных не фиксировано.

2. В фонетической системе английского языка существуют ударения, в китайской — четыре тона. В китайском языке есть иероглифы, которые транскрибируются одинаково, но произносятся с разными тонами. В таких случаях особое внимание уделяется значению китайского иероглифа.

Итак, существующие различия фонетических систем английского и китайского языков объясняют изменение произношения английских слов в процессе заимствования их китайским языком. При заимствовании происходит процесс «подгонки» звуков английского языка к китайской фонетической системе: в процессе заимствования новых английских слов китайский язык автоматически устраняет несвойственные ему звуки, приспосабливает их к звуковой норме китайского языка.

Фонетически заимствованные слова английского происхождения в китайском языке делятся на два типа:

◆ *чистые фонетические слова*, особенно при ассимиляции английских имен, фамилии и географических названий:

Donald Trump — 唐纳德·特朗普 [tang na de te lang pu],

Washington — 华盛顿 [hua sheng dun];

◆ *фонетико-смысловое заимствование*, особенностью которого является учет значения, как минимум, одного иероглифа:

hacker — 黑客 [hei ke] ‘черный’ + ‘гость’.

На наш взгляд, фонетико-семантический способ заимствования используется достаточно часто, особенно когда стоит задача привлечь внимание потребителей и передать положительную коннотацию иностранных торговых марок (табл. 1).

Таблица 1

Наименование иностранных торговых марок в китайском языке

Исходные слова в английском языке	Заимствованные слова в китайском языке	Значения иероглифов [11]
Airbnb	爱彼迎 [ai bi ying]	爱 'любовь, быть влюбленным' 彼 'тот, то место, там' 迎 'встречать, приветствовать'
Booking	缤客 [bin ke]	缤 'полный, многочисленный' 客 'гость'
Coca-Cola	可口可乐 [ke kou ke le]	可口 'вкусно' 可乐 'радостно'
google	谷歌 [gu ge]	谷 'ущелье, горная долина' 歌 'песня, петь'
milka	妙卡 [miao ka]	妙 'превосходный, волшебный' 卡 'карта' (сокращ. от слова 'калория')
Pepsi-cola	百事可乐 [bai shi ke le]	百事 'все дела' 可乐 'радостно'
Snickers	士力架 [shi li jia]	士 'молодой человек, самурай' 力 'сила' 架 'строить'
Subway	赛百味 [sai bai wei]	赛 'превосходить, лучше' 百 'сто' 味 'вкус'

Отметим, что в настоящее время в китайском языке может наблюдаться вариативность перевода названий иностранных компаний, например, у американской марки *Dove* существует два варианта перевода на китайский язык:

Dove

德芙

Фото 1. Упаковка шоколада *Dove*

多芬

Фото 2. Упаковка шампуня для мужчин *Dove*

Источник: Фото автора @ Ху Пэйпэй

Семантический анализ иностранных торговых марок в китайском языке

Dove	
Американская торговая марка компании «Марс»:	Американская торговая марка компании «Юнилэвэр»:
шоколад	мыло, шампунь
德芙 [de fu]	多芬 [duo fen]
德 'добродетель, сила души, высочайшая милость' 芙 'прекрасный, лotosовый, в значении красота'	多 'много, только лишь' 芬 'армат, приятный запах'

Рассмотрим подробнее данные примеры в таблице 2.

Комментарии к примерам: в обоих случаях произношение иероглифов максимально приближено к произношению английской лексической единице *dove*, что имеет большое значение, так как потенциальным покупателям несложно запоминать американскую торговую марку. Этот прием для создания имиджа товара или продвижения продукции в последнее время достаточно активно используется в сфере торговли и бизнеса в Китае.

Значения иероглифов непосредственно намекают на сам продукт. Так, если для рекламы американского шоколада *Dove* используются иероглифы, значения которых намекают на красоту вкуса, то для рекламы моющего средства *Dove* выбираются иероглифы, семантика которых подчеркивает приятный вкус, обильную пену нового продукта на китайском рынке.

В настоящее время достаточно активна тенденция, когда при переводе английских заимствованных слов на китайский язык учитывается не только семантика иероглифических знаков, с помощью которых передается произношение исходной лексической единицы, но учитывается и стилистическая окраска иероглифа. Например, в китайский язык было заимствовано английское слово *shopping* 'шопинг' — 血拼 [xue pin].

Иероглифы в данном слове имеют следующие значения:

血 [xue] 'кровь, кровавые',

拼 [pin] 'пожертвовать жизнью, из всех сил'.

Таким образом, в отличие от исконного слова 购物 [gou wu] 'делать покупки' в заимствованной лексической единице 血拼 [xue pin] 'шопинг' подчеркивается негативный оттенок: заимствованная лексическая единица обозначает покупку, совершенную без смысла, без цели, дословный перевод 'человек из всей крови покупает' или платит своей кровью, то есть при заимствовании данной лексической единицы в китайский язык у слова появилась пейоративная окраска, в английском языке *shopping* не имеет отрицательной коннотации. В последнее время ввиду частотности употребления у слова 血拼 постепенно стирается пейоративная окраска и слово употребляется наряду с исконным иероглифическим знаком в значении 'делать покупки'.

Рассмотрим пример употребления данного слова в СМИ Китая:

“一带一路”高峰论坛期间，各国政要夫人纷纷现身秀水街“血拼”。[URL: http://news.ifeng.com/a/20170516/51100248_0.shtml] [14].

Перевод на русский язык: *В период саммита «Один пояс, один путь», супруги первых лиц одна за другой были на улице Сюшуйцзе за покупками.*

Заемствованное слово достаточно легко образует новые слова с помощью словообразовательных средств китайского языка, например, слово 血拼族族 [zu] ‘род, группа людей, которая любит делать покупки’. Слово 血拼族族 было образовано с помощью классификатора, который используется для обозначения групп людей. Так, в 2007 году в китайском языке было письменно зафиксировано появление нового слова 陪拼族 [pei pin zu], производного от слова 血拼, которое обозначает мужчин или молодых людей, с удовольствием составляющих компанию в походе по магазинам жене или девушке.

Таким образом, специфика китайского языка как языка с иероглифической письменностью, которая во многом сохраняет идеографическую наполненность знака, объясняет стремление при заимствовании слов фонетическим способом в китайский язык передать семантику знака или намекнуть на смысл иероглифического знака.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СПОСОБ

Семантический способ заимствования слов наряду с фонетическим способом является один из важных источников пополнения лексики китайского языка.

При использовании семантического способа употребляются исконные китайские иероглифы для передачи значения английского слова. Активно заимствуются английские слова в компьютерной сфере и в социальной жизни. Приведем несколько примеров (табл. 3).

Таблица 3

Примеры семантических заимствований слов английского происхождения в китайском языке

Английское слово	Слова, заимствованные семантическим способом	Значения иероглифов
bioterrorism	生物恐怖主义 [shengwu kongbu zhuyi]	生物 ‘живое существо, биология’ 恐怖 ‘террор, страх’ 主义 ‘идея, теория’
block chin	区块链 [qu kuai lian]	区块 ‘блок’ 链 ‘цепочка, цепь’
cloud computing	云计算 [yun jisuan]	云 ‘облако, туча’ 计算 ‘рассчитывать, калькулировать, расчет’
cybercitizen	网民 [wang min]	网 ‘сеть’ 民 ‘народ, население’
dark web	暗网 [an wang]	深 ‘недоступный’ 网 ‘сеть’
deep web	深网 [shen wang]	暗 ‘темный’ 网 ‘сеть’
electronic book	电子书 [dianzi shu]	电子 ‘электронный’ 书 ‘книга’
email	电子邮件 [dianzi youjian]	电子 ‘электронный’ 邮件 ‘письмо, почта, корреспонденция’
firefox	火狐 [hou hu]	火 ‘огонь, пламя’ 狐 ‘лиса’

Английское слово	Слова, заимствованные семантическим способом	Значения иероглифов
fog computing	雾计算 [wu jisuan]	雾 'туман, дымка' 计算 'рассчитывать, калькулировать, расчет'
handset	手机 [shou ji]	手 'рука, ручной' 机 'машина, устройство'
hot dog	热狗 [re gou]	热 'горячий' 狗 'собака'
hot line	热线 [re xian]	热 'горячий' 线 'линия'
mouse	鼠标 [shu biao]	鼠 'мышь' 标 'знак, влаг, стандарт, показатель'
smartphone	智能手机 [zhineng shouji]	智能 'интеллект, ум, способность' 手机 'сотовый телефон'

В настоящее время в китайской лингвистике не существует однозначной позиции, каким способом должны заимствоваться слова в китайский язык. Существуют несколько точек зрения по данной проблеме.

Лингвисты Гао Минкай, Гао Няньчжан и др. считают, что фонетический способ должен быть единственным способом освоения заимствований. Чэнь Юань придерживается мнения, что семантический способ освоения неологизмов должен быть основным. Он пишет, что основная тенденция при заимствовании заключается в том, чтобы «...противиться полному использованию фонетического способа, допускать только частичное использование фонетического способа...» [15].

Большинство лингвистов считают, что фонетический и семантический способы в равной степени важны и могут использоваться для освоения заимствованных слов. Например, Ян Сипэн в книге «Исследование заимствования в китайском языке» критикует точку зрения Чэнь Юаня: «С точки зрения когнитивной психологии, можно согласиться с Чэнь Юанем в том, что китайский язык имеет тенденцию к употреблению семантического способа при освоении заимствованных слов. Но если противиться употреблению фонетического способа при освоении заимствований, то это не будет соответствовать существующим фактам в языке... Фонетический способ является главным способом для освоения заимствованных слов не только в различных языках, но и одним из важных способов в китайском языке» [12].

Количественный анализ заимствованной лексики показал, что при освоении английских неологизмов в китайском языке активно используются и семантический, и фонетический способы.

СМЕШАННЫЕ СПОСОБЫ

Кроме фонетического и семантического способов в китайском языке часто встречается смешанный способ при заимствовании английских слов — полукалька. Данный способ условно делится на:

1. Фонетико-семантические заимствования, в которых первая часть — иероглиф, близкий по звучанию первой части исходного слова, как правило,

не имеющий значения в китайском языке, вторая часть — иероглиф, значение которого представляет буквальный перевод второй части исходного слова.

Приведем примеры:

比特币 от BitCoin ‘биткоин’ [14].

Заемствование английского слова передается сочетанием двух иероглифов 比特, первые два иероглифа имитируют произношение первой части английского слова и не имеет значения, второй иероглиф представляет собой перевод английской лексической единицы *coin* — 币 [bi] ‘валюта, деньги’.

Приведем еще примеры заимствованных аналогичным способом английских слов в китайский язык:

因特网 ‘интернет’ образовано от английского слова *Internet*, сочетание иероглифов 因特 передает звучание первой части английского слова [yin te] и не имеет значения в китайском языке, третий иероглиф 网 [wang] переводится как ‘сеть’. В таблице 4 представлены слова, образованные по данной модели [14].

Таблица 4

Примеры слов, образованных фонетико-семантическим способом

Иероглиф / сочетание иероглифов, передающих звучание английского слова. Не имеют значения	Заемствованная единица	Смысловый иероглиф
	维基百科 от Wikipedia	
维基 [wei ji]		百科 [bai ke] ‘энциклопедия’
	纳米技术 от nanotechnology	
纳米 [na mi]		技术 [ji shu] ‘технология’

2. Семантико-фонетические заимствования, в которых первая часть — смысловая, вторая часть — звуковая имитация, примеры представлены в таблице 5.

Таблица 5

Примеры слов, образованных семантико-фонетическим способом

Смысловый иероглиф	Заемствованная единица	Иероглиф / сочетание иероглифов, передающие звучание английского слова. Не имеют значения
	星巴克 от Starbucks	
维基 [wei ji]		百科 [bai ke] ‘энциклопедия’
	纳米技术 от nanotechnology	
星 [xing] ‘звезда’		巴克 [ba ke]
	文化休克 от culture shock	
文化 [wen hua] ‘культура, культурный шок’		休克 [xiu ke]
	新西兰 от New Zealand	
新 [xin] ‘новый, новая’		西兰 [xi lan]

3. Смешанный тип заимствований, при котором китайские иероглифы передают звучание английского слова плюс добавляется классификатор. Необходимо отметить особую группу слов, в которых при заимствовании слов английского происхождения добавляется классификатор китайского языка (табл. 6).

Таблица 6

Смешанный тип заимствований

Классификатор	Китайское слово	Исходное слово
鱼 [yu] — рыба	三文鱼 [san wen yu]	salmon
	沙丁鱼 [sha ding yu]	sardine
	吞拿鱼 [tun na yu]	tuna
	多宝鱼 [duo bao yu]	turbot
果 [guo] — плод	费约果 [fei yue guo]	feijoa
	奇异果 [qi yi guo]	kiwi
	百香果 [bai xiang guo]	passion fruit
	碧根果 [bi gen guo]	pecan

Этот способ заключается в передаче звучания английских слов с помощью китайских иероглифов плюс китайский классификатор. В зависимости от места китайской морфемы-классификатора в переводимом слове выделяются два типа лексических единиц:

- транскрибирование слово+ классификатор;
- классификатор + транскрибированное слово.

Отметим тот факт, что при ассимиляции английских слов в китайский язык некоторые китайские морфемы-классификаторы по аналогии с английскими словами расширяют семантический объем: помимо классифицирующей функции иероглифических знаков развивают вещественное значение. Приведем пример классификатора, который расширяет семантический объем до иероглифического знака-слова. Например:

Частица 吧 [ba] в китайском языке обозначает звукоподражание шлепку. Расширение семантического объема произошло под влиянием английского слова *bar*. От нового значения 吧 активно была образована целая цепочка слов в китайском языке (табл. 7).

Таблица 7

Классификатора в функции полнозначного слова

Классификатор	Китайское слово	Значение
吧 [yu] бар	网吧 [wang ba]	интернет-кафе
	水吧 [shui ba]	бар напитков
	迪吧 [di ba]	дискотека
	贴吧 [tie ba]	электронная доска объявлений, форум
	手吧 [shou ba]	форум для любителей рукоделия
	吧友 [ba you]	посетители форума
	吧台 [ba tai]	стойка бара

ГРАФИЧЕСКИЙ СПОСОБ (БУКВЕННЫЕ СЛОВА)

В современном китайском языке существует группа иероглифических знаков, в состав которых входят латинские буквы. Многие китайские лингвисты считают, что иероглифические знаки, имеющие в своем составе английские графемы, представляют собой особую группу слов, которая, несомненно, являются частью лексического фонда китайского языка. Например, Шэнь Мэньин пишет о том, что «количественные буквенные слова распространены в обществе. Коммуникация людей уже невозможна без употребления буквенных слов...» [16]. Лю Юнцюань в статье «Проблема буквенных слов» утверждает, что «слова, частично написанные графемами (обычно латиницей), или слова, полностью написанные буквами, являются частью лексики китайского языка» [17]. Ли Яньцзе считает, что «<...> буквенные слова являются составляющей частью лексики китайского языка» [18].

Большинство буквенных слов английского происхождения в китайском языке появилось после экономических и политических реформ (1978 г.). До 1978 г. буквенными слова в китайском языке являлись лишь профессиональные слова, например, *A 型血* [A xue xing] ‘группа крови А’, *维生素 C* [wei sheng su C] ‘витамин С’.

Количество буквенных слов в Большой Китайской Энциклопедии (1988 г.) составляет 30 единиц. Ян Хуа в словаре «Цыхай» (1989 г.) приводит 97 буквенных слов. По исследованию Ян Хуа, в «Словаре современного китайского языка» (1996 г.) 39 единиц [19]. В «Словаре современного китайского языка» зафиксировано 180 буквенных слов [20].

Буквенные слова, которые употребляются в китайском языке, можно разделить на два типа: *полные буквенные слова* и *частичные буквенные слова* [6; 21—26].

Полные буквенные слова английского происхождения в китайском языке полностью совпадают с формой написания или произношения исходных слов: *BBS, CD, CPU, DNA, Facebook, MBA, MSN, GDP, ICQ, ID, ins(instgram), iPhone, IT, PK*.

Отметим, что существуют аббревиатуры английского происхождения, у которых одновременно функционируют фонетические и семантические заимствования в китайском языке (табл. 8).

Таблица 8

Вариативность передачи английских аббревиатур на китайском языке [26]

Исходное слово	Фонетический способ	Семантический способ
iPhone	爱疯 [ai feng]	中央处理器 [zhong yang chuliqi]
OPEC	欧佩克 [ou pei ke]	石油输出国组织 [shiyou shuchuguo zuzhi]
email	伊妹儿 [yi mei er]	电子邮件 [dianzi youjian]

Частичные буквенные слова представляют собой китайские иероглифические знаки, в состав которых могут входить английские графемы и цифровые обозначения. Данная группа слов может делиться на следующие типы:

◆ препозиция иероглифа / сочетания иероглифов по отношению к английским графемам или английскому слову:

Пример	Значение
手机 <i>app</i>	приложение для мобильного телефона
游戏 <i>ID</i>	аккаунт игры

◆ постпозиция иероглифа / сочетания иероглифов по отношению к английским графемам или английскому слову:

Пример	Значение
AC 米兰队	футбольный клуб Милан
APP 电脑版	приложения для персональных компьютеров
ATM 机	банкомат
B 股	акции класса B
T 恤衫	футболка
U 盘	флешка

◆ иероглифические слова, в состав которых входит графема(ы), символ и цифра(ы):

пример	значение
3G/4G/5G 时代	сеть третьего/четвертого/пятого поколения
IMAX 3D 电影	аймакс 3d
Win 10 (Windows 10) 系统	операционная система для персональных компьютеров
R&B 音乐	современный ритм-н-блюз

ВЫВОДЫ

В китайском языке возможны следующие способы освоения заимствованной лексики: *графический, фонетический, семантический, полужалка и аббревиация*. Фонетический и семантический остаются самыми частотными способами освоения английских заимствований в китайском языке. Графические заимствования не являются частотными единицами в современном китайском языке, так как процент заимствования из языков, имеющих иероглифическую письменность, невысок.

Особенностью китайского иероглифа является его контекстуальная зависимость, что создает дополнительные трудности при понимании заимствованного слова в иероглифической записи, поэтому достаточно часто заимствованные слова сопровождаются классификаторами, которые помогают встроить заимствованное слово в лексическую систему китайского языка и облегчают понимание значения нового иероглифического знака для носителей китайского.

Иероглифические слова / графические заимствования, в состав которых входят английские графемы, символы, цифровые обозначения, также являются частью

лексического фонда современного китайского языка. Существуют значительное количество графических заимствований, при этом сохраняется высокая вариативность их передачи семантическим или фонетическим способами в китайском языке.

© Перфильева Н.В., Ху Пэйпэй
Дата поступления: 20.01.2018
Дата приема в печать: 20.02.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. 高明凯、刘正埏. 现代汉语外来词研究[M]. 北京: 文字改革出版社, 1958. Гао Минкай, Лю Чжэнтань. Исследование заимствований в современном китайском языке. Пекин: Вэньцзи гайгэ чубаньшэ, 1958.
2. 李建国. 新词新语研究与辞书编纂[J]. 中国语言文字, 1996 (6):30—37. Ли Цзяньго. Исследование новых слов и кодификация иероглифов // Исследование кодификации словаря. 1996. № 6. С. 30—37.
3. 张德新. 第三次浪潮—外来词引进和规范刍议[J]. 语言文字应用, 1993, (3): 70—76. Чжан Дэсинь. Третья волна: освоение и правила заимствования // Употребление речи и письменности. 1993. № 3. С. 70—76.
4. 刘树新. 汉语描写词汇学[M]. 北京: 商务出版社, 1990. Лю Шусинь. Описание лексики китайского языка. Пекин: Шан'у Чубаньшэ, 1990.
5. 张小平. 当代汉语词汇发展变化研究[M]. 济南: 齐鲁出版社, 2008. Чжан Сяопин. Исследование развития и изменения современной китайской лексики. Цзинань: Издательство Цилу, 2008.
6. 徐昌和. 英语新语新词导论[M]. 上海: 上海交通大学出版社, 2009. Сюй Чжанхэ. Неологизмы английского языка. Шанхай: изд-во Шанхайского цзяотун Университета, 2009.
7. 邹嘉彦、游汝杰. 汉语与华人社会[M]. 上海: 上海复旦大学出版社、香港城市大学出版社, 2001. Цзоу Цзянь, Ю Жуцзе. Китайский язык и китайское общество. Шанхай, Гонконг: издательство Фуданского университета, 2001.
8. 史有为. 汉语外来词[M]. 北京: 商务出版社, 2003. Ши Ювэй. Заимствования в китайском языке. Пекин: Шан'у Чубаньшэ, 2003.
9. 史有为. 外来词—异国文化的使者[M]. 上海: 上海辞书出版社, 2004. Ши Ювэй. Посланцы другой культуры — иностранные заимствования. Шанхай: Шанхай цзишу чубаньшэ, 2004.
10. 新日汉辞典[M]. 沈阳: 辽宁人民出版社, 1981. Новый японско-китайский словарь. Шеньян: Ляонин женьминь чубаньшэ, 1981.
11. 新华词典[M]. 北京: 商务出版社, 1998. Толковый словарь Синьхуа. Пекин: Шану Иншугуан, 1998.
12. 杨锡彭. 汉语外来词研究[M]. 上海: 上海人民出版社, 2007. Ян Сипэн. Исследование заимствованных слов в китайском языке. Шанхай: Жэньминь чубаньшэ, 2007.
13. 潘文国. 汉英语对比纲要[M]. 北京: 北京语言文化大学出版社, 1996. Пань Вэньгуо. Сравнительный анализ китайского и английского языков. Пекин: Изд-во Пекинского Университета языка и культуры, 1996.
14. 分头行动! 第一夫人们纷纷现身秀水街“血拼”. 链接: http://news.ifeng.com/a/20170516/51100248_0.shtml 最后访问时间: 2018年3月1日. Супруги первых лиц одна за другой были на улице Сюшуйцзе за покупками. Режим доступа: http://news.ifeng.com/a/20170516/51100248_0.shtml. Дата обращения: 1.03.2018.

15. 陈原. 语言和人[M]. 北京: 商务出版社, 2003. *Чэнь Юань. Язык и человек. Пекин: Шан'у Чубаньшэ*, 2003.
16. 沈孟瓊. 解读字母词的表达功用[J]. 平顶山师专学报, 2002(6):46—47. *Шэнь Мэньин. Коммуникативная функция буквенных слов // Вестник Пиндиншанского педагогического института. 2002. № 6. С. 46—47.*
17. 刘涌泉. 关于汉语字母词的问题[J]. 语言文字应用, 2002(1):85—90. *Лю Юнцюань. О проблеме буквенных слов // Употребление речи и письменности. 2002. № 3. С. 85—90.*
18. 李彦洁. 现代汉语外来词发展研究[D]. 济南: 山东大学, 2006. *Ли Янцзе. Исследование развития заимствования в современном китайском языке. Дис. ... кан. филол. наук. Цзинань: 2006.*
19. 杨华. 汉语新词典研究[M]. 哈尔滨: 黑龙江教育出版社, 2002. Ян Хуа. Исследование новых слов в китайском языке. Харбин: Хэлуцзян цзяоюй чубаньшэ, 2002.
20. 王德春. 多角度研究语言[M]. 北京: 清华大学出版社, 2002. *Ван Дэчунь. Многоаспектные исследования языка. Пекин: Цзинхуа дасюэ чубаньшэ, 2002.*
21. 潘文国、叶步青、韩洋. 汉语的构词法研究: 1898—1990[M]. 台北: 台湾学生书局, 1993. *Пань Вэньгуо, Е Буцин, Хань Ян. Исследование словообразования китайского языка: 1898—1990 гг. Тайбэй: Сюэшэн шуцзю, 1993.*
22. 潘文国. 英汉对比研究一百年[J]. 世界汉语教学, 2002 (1) : 58—84. *Пань Вэньгуо. Сравнение английского и китайского языков в последние столетия // Преподавание китайского языка в мире. 2002. № 1. С. 58—84.*
23. 张静、蒋荫枏. 词和词汇[M]. 长春: 东北师范大学出版社, 1988. *Чжан Цзин, Цзян Иньчань. Слово и лексика. Чанчунь: Издательство Северо-восточного педагогического университета, 1988.*
24. 胡裕树. 现代汉语[M]. 上海: 上海教育出版社, 1981. *Ху Юйшу. Современный китайский язык. Шанхай: Шанхайский образовательный издательский дом, 1981.*
25. 黄河清. 外来概念词[J]. 语文建设通讯, 1995 (7) : 14—26. *Хуан Хэцзин. Заимствованные понятийные слова китайского языка // Вестник образования слов китайского языка. 1995. № 7. С. 14—26.*
26. 王吉辉、焦妮娜. 实用缩略词词典[M]. 上海: 上海辞书出版社, 2003. *Ван Цзихуэй, Цзяо Нина. Практический словарь аббревиации. Шанхай: Цышу чубаньшэ, 2003.*

УДК: [811.111:811.581]*373.45

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-287-301

ASSIMILATION OF ENGLISH LOANWORDS IN CHINESE

Natalia V. Perfilieva¹, Hu Peipei²

¹RUDN University

Miklukho-Maklaya st., 10, Moscow, Russia, 117198

²School of Applied Foreign Languages

Shenzhen Polytechnic

Avenue Liuxian, 2190, Nanshan District, Guangdong, China, 518055

Abstract. This article is devoted to the problem of the main ways of assimilating English words into Chinese: phonetic, semantic and calque are the main methods of assimilation of English words. Which way of loan words is preferable remains a debatable question among the Chinese linguistics. Specifics of

hieroglyphic writing of the Chinese language predetermined a number of features of assimilating English neologisms by calque. Currently, a large number of words are assimilated in a mixed way, in addition to the exact translation of an English word or part of a word into Chinese, there is necessarily a hieroglyph or a combination of hieroglyphs that convey the sound of English word or part of an English word. Such sound characters can be found in both the preposition and the postposition of the semantic part of word. A distinctive feature of such hieroglyphic signs is their asemantic character. As for the graphic method, it is not a productive way in Chinese. In recent years, in Chinese language a method that hieroglyphic word synthesized by hieroglyphic signs, digital signs, symbols and English graphemes is actively used. The specific point of this loan words method in Chinese is their function as abbreviations.

A separate role is the classifier in terms of assimilation of English new words in Chinese. Adding a classifier to a loan word makes it easier for Chinese speakers to understand.

This article also describes the variants of assimilation English loan words in Chinese. The article provides a large number of examples illustrating typical ways of assimilating English neologisms in Chinese.

Key words: loanword, phonetic method, semantic method, semi-calque, synthesized words, English language, Chinese language

REFERENCES

1. Gao, Mingkai & Liu, Zhengtan (1958). The studies of loanwords in modern Chinese. Beijing: Wenzhi Gaige Press. (In Chinese).
2. Li, Jianguo (1996). The studies of loanwords and the codification of dictionaries. *Codification of dictionaries Research*, 6, 30—37. (In Chinese).
3. Zhang, Dexin (1993). The 3rd wave: the assimilation and rules of loanwords. *The use of the speech and writing*, 3. (In Chinese).
4. Liu, Shuxin (1990). The descriptions of Chinese vocabularies. Beijing: Commercial Press. (In Chinese).
5. Zhang, Xiaoping (2008). *The studies of developments and changes in Chinese vocabulary*. Jinan: Qilu Press. (In Chinese).
6. Xu, Changhe (2009). English neologisms. Shanghai: Shanghai Jiao Tong University Press. (In Chinese).
7. Zou Jiayan, You Rujie (2001). *The Chinese language and the Chinese society*. Shanghai, Hong Kong: Fudan University Press. (In Chinese).
8. Shi, Youwei (2003). Loanwords in Chinese. Beijing, Commercial Press (In Chinese).
9. Shi, Youwei (2004). *Loanwords — the envoys of another culture*. Shanghai: Lexicographical Publishing House. (In Chinese).
10. New Japanese-Chinese dictionary. (1981). Shenyang: Liaoning People's Publishing House (In Japanese & Chinese).
11. Xinhua Dictionary. (1998). Beijing: Commercial Press. (In Chinese).
12. Yang, Xipeng (2007). The research of loanwords in Chinese. Shanghai: People's Publishing House (In Chinese).
13. Pan, Wenguo (1996). Comparison introduction of the Chinese and English languages. Beijing: Beijing Language and Culture University Press Publ. (In Chinese).
14. The spouses of the presidents went to the Xiushuijie for shopping one by one. URL.: http://news.ifeng.com/a/20170516/51100248_0.shtml (assessed: 19.03.2018).
15. Chen, Yuan (2003). Language and people. Beijing, Commercial Press. (In Chinese).
16. Shen, Menyng (2002). Communicative function of the letter-words. *Journal of the Pingdingshan Pedagogical Institute*, 6, 46—47. (In Chinese).
17. Liu, Yunjuan (2002). The problems of the letter words. *The use of the speech and writing*, 3, 85—90. (In Chinese).
18. Li, Yanjie (2006). The studies of loanwords in Chinese [abstract of dissertation]. Jinan. (In Chinese).

19. Yang, Hua (2002). The studies of new words in Chinese. Haerbin. Heilongjiang Educational Press. (In Chinese)
20. Wang, Dechun (2002). Multidimensional studies of the language. Beijing: Tsinghua University Press. (In Chinese).
21. Pan, Wenguo, Ye, Buqing & Han, Yang. (1993). The studies of Chinese word-building: 1898—1990. Taipei: students' Book Publishing House. (In Chinese).
22. Pan Wenguo (1996). *Comparison introduction of the Chinese and English languages*. Beijing: Beijing Language and Culture University Press. (In Chinese).
23. Zhang, Qin & Jiang, Yinzhong. (1998). Word and phrases. Changchun: Northeast Normal University Press. (In Chinese).
24. Hu, Yushu. (1981). *The modern Chinese language*. Shanghai: Shanghai Educational Publishing House. (In Chinese).
25. Huang, Heqing. (1995). Chinese loanwords. *Journal of Chinese word-building*, 7. (In Chinese).
26. Wang, Jihui & Jiao, Nina (2003). Practical abbreviations dictionary. Shanghai: Lexicographical Publishing House. (In English & Chinese).

Для цитирования:

Перфильева Н.В., Ху Пэйпэй. Способы ассимиляции английских заимствований в китайский язык // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 2. С. 287—301. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-287-301.

For citation:

Perfilieva, N.V. & Hu, Peipei. (2018). Assimilation of English Loanwords in Chinese. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (2), 287—301. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-287-301.

Nataliya V. Perfilieva & Hu Peipei, 2018. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (2), 287—301. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-287-301.

Сведения об авторах:

Перфильева Н.В., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: лексикология, заимствования, неологизмы; *e-mail*: nperfilieva@yandex.ru

Ху Пэйпэй, кандидат филологических наук, старший преподаватель, старший преподаватель Института прикладных иностранных языков Шэньчжэньского политехнического института; *научные интересы*: лексикология, заимствования, неологизмы; *e-mail*: hupp1217@163.com

Bio Note:

Perfilieva N.V., Candidate of Philology, associate professor of General and Russian Linguistics Department at RUDN University; *Scientific Interests*: lexicology, loan words, neologisms; *e-mail*: nperfilieva@yandex.ru

Hu Peipei, Candidate of Philology, Lecturer, Lecturer of the School of Applied Foreign Languages, Shenzhen Polytechnic; *Scientific Interests*: lexicology, loan words. neologisms; *e-mail*: hupp1217@163.com

УДК: 81'276.6:574

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-302-319

STRUCTURE OF COGNITIVE TYPE OF SCIENTIFIC ARTICLE ON MOUNTAIN ECOSYSTEMS

Sofiya N. Semenova

Kuban State University
Stavropolskaya st., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Abstract. The structure of cognitive type of scientific article on mountain ecosystems is given in the article. The purpose of the research is to build a structure of cognitive type of scientific article describing mountain ecosystems. For achievement of the stated work's aim it was necessary to solve the following problems: 1) to explore the text corpus of scientific article on mountain ecosystems; 2) to define the topical structure of cognitive type of scientific article describing mountain ecosystems; 3) to present verbal fragments for each compositional-thematic unit; 4) to describe pragmatics of text realization of scientific article on mountain ecosystems; 5) to build mini-thesaurus of words and phrases. The author justifies the thesis that the cognitive type of a scientific article is the basic part of one of the cognitive blocks in the system of human knowledge representation in subject area "Mountain ecosystems". The main elements as: (people's life's work, environmental pollution, environmental protection, constant nature monitoring) are defined. There are words and phrases which are arranged in sub-topics in English and Russian. These words and phrases are samples from the text corpus of the subject area "Mountain ecosystems" and are not ready texts, but their blank for discursive activity not only for specialists in this sphere but for everybody who is interested in ecological problems in English and Russian. Summing all up, it can be noted that the structure of the cognitive type of the scientific articles is a mental-linguistic frame used by the authors of the scientific articles in the process of generation of texts and the readers in the process of understanding. The structure of the cognitive type is presented by a scan of a specific topic and verbal fragments for each thematic unit. The reader is able to solve or suggest a solution to the critical environmental situation in the ecosystem based on the data obtained in the course of the text description of the environmental problems of mountain ecosystems.

Key words: structure of cognitive type; subject area "Mountain ecosystems"; text corpus; linguistic frame; representation of verbal fragments; discursive activity; knowledge; cognitive activity; pragmatics of textual implementations; thesaurus

INTRODUCTION

When studying texts of a certain subject area a cognitive type (the concept given by Baranov A.G.) is introduced into the study as a mental-linguistic frame for finding the prototypical meanings of the cultural world on the basis of cognitive knowledge [1; 2].

The purpose of this work is to build a structure of cognitive type of scientific article on mountain ecosystems. We think that it is a macrostructure, which in its turn consists of a number of microstructures demonstrating the detailed distribution of data in the subject area "Mountain ecosystems".

To achieve the goal fixed in the work, it was necessary to solve the following problems:

- 1) to study the corpus of texts of scientific article describing mountain ecosystems;
- 2) to determine the thematic structure of the cognitive type of scientific article characterizing mountain ecosystems;
- 3) to present verbal fragments to each composition-thematic block;
- 4) to describe the pragmatics of textual implementations of scientific article on mountain ecosystems.

Our survey of scientific works on the following linguistic problems are based on the Russian and foreign researchers' studies, dealing with:

- 1) *thesaurus* [6; 18; 20; 30];
- 2) *genre* [3; 9; 17; 27];
- 3) *text* [11; 14; 22; 25];
- 4) *discourse* [4; 6; 10; 13; 16; 23; 26; 29];
- 5) *cognitive linguistics* [5; 12; 15; 19; 21; 24; 28].

The cognitive type of a scientific article describing the ecological problems of mountain ecosystems is the main part of one of the cognitive blocks "Mountain ecosystems" in the system of the representation of human knowledge in the subject area "Mountain ecosystems". The structure of cognitive types consists of a complex of objective elements that represent various information concerning the ecology of mountain ecosystems. As a result of the analysis of more than 200 descriptions of the ecological situation in the mountains, the following structure of the cognitive type of scientific article was obtained (1—7) (High Priorities. GEF's Contribution to Preserving and Sustaining Mountain Ecosystems. Washington, 2002. Vol. 13. № 1. 2002. 30 p.; Meith N. World Conservation: Mountain High. Switzerland, 2002. Vol. 33. № 1. 40 p.; Mountain Momentum: Agenda for Today and Policy beyond IYM 2002. The United Nations University. 2002 International Year of Mountains. 2002. 26 p.; Nemolyaeva L. Ensuring Long-Term Conservation of the Altai-Sayan Ecoregion WWF Project: Achievements and Lessons Learned. M., 2001. 16 p.; Russian Bird Conservation Union. M., 1998. 11 p.; Supporting Environmental Cooperation in Central Asia. Philippines, 2002. 49 p.; Tropical Montane Cloud Forests: Time for Action. Switzerland, 1999. 29 p.)

THE THEMATIC STRUCTURE OF THE COGNITIVE TYPE OF SCIENTIFIC ARTICLE DESCRIBING ECOLOGICAL PROBLEMS OF MOUNTAIN ECOSYSTEMS

1. People:

- 1) People's lives; 2) conflicts.

2. Factors affecting biodiversity change:

- 1) Global climate change; 2) reduction of forest; 3) overgrazing of livestock;
- 4) mining industry.

3. Monitoring of mountain ecosystems:

- 1) hydrology; 2) landscapes; 3) flora; 4) fauna.

4. Pollution and environmental degradation of Mountain ecosystems.

5. Protection of the environment of mountain ecosystems:

- 1) ecotourism; 2) resources: soil, water, forest.

6. International organizations for the protection of the environment of mountain ecosystems:

1) The name; 2) the purposes of the organizations; 3) financing; 4) the results.

As a result of the study of the texts' corpus, we came to the conclusion that the thematic structure of the cognitive type of scientific article describing the ecological problems of mountain ecosystems consists of informative factors combined with subordinate and co-ordinate textual and classification features. In our work a number of words and phrases are presented. The given examples are arranged in sub-topics in English and Russian. These words and phrases serve as a sample of the corpus of texts of the subject area "Mountain ecosystems" and are not ready-made texts, but they are preparations for the discursive activity not only for specialists in this field, but for all those who are interested in environmental problems of mountain ecosystems in English and Russian.

REPRESENTATION OF VERBAL FRAGMENTS

1. People

People's life's work

Hunting / poaching (охота), aggregation (собрание), cutting (вырубка), perforation / boring / drilling (бурение), occupancy (заселение), horticulture (садоводство), husbandry (сельское хозяйство), melioration (мелиорация), recultivation (возделывание).

Conflicts

To plague mountain region (насылать бедствие на горный регион); war disaster (военное бедствие), armed combat in mountain region (вооруженный бой в горном регионе), widespread conflicts in mountain regions (распространенные конфликты в горных регионах).

2. Factors affecting biodiversity change

Global climate change

To be of vital importance (быть жизненно необходимым), glaciers (ледники), to affect the lives of mountain people (влиять на жизнь людей, живущих в горах).

Deforestation

To degrade natural forest ecosystems (подвергать деградации природные лесные экосистемы), to disappear rapidly (быстро исчезать), to be for legal and illegal drug production (быть для законного и незаконного производства лекарств).

Overgrazing

To drive livestock to mountains (вести домашний скот к горам), to cause soil erosion and desertification (привести к эрозии почвы и опустыниванию), grazing land for cattle (пастбище для скота).

Mining Industry

To constitute significant threat (представлять значительную угрозу), construction of new railroads (строительство новых железных дорог), dams (дамбы), hydroelectric power plants (гидроэлектрические предприятия).

3. Monitoring of mountain ecosystems

Hydrology

To supply major rivers in the world (питать основные реки в мире), to quench thirst from mountain water (утолять жажду горной водой), to experience chronic water shortages (переживать постоянную нехватку воды).

Landscapes

To prevent soil erosion (предотвратить эрозию почвы), to be common (быть обычным), to be sensitive to climate changes (быть чувствительным к климатическим изменениям).

Flora

Concentration of flora (концентрация растительности), tree (дерево), shrub (куст), flower (цветок), grass (трава), rare plants (редкие растения).

Fauna

Animal kingdom (царство животных), beast (зверь), male (самец), female (самка), mammal (млекопитающее), bird (птица), reptile (рептилия), rodent (грызун), fish (рыба), worm (червь), insect (насекомое), predator / prey (хищник).

4. Pollution and environmental degradation of mountain ecosystems

Burning of fossil fuels (сгорание ископаемых горючих), pollution from mining operation (загрязнение от добывающих работ), water pollution (загрязнение воды).

5. Protection of mountain ecosystems' environment

Ecotourism

To include incentives to conserve ecosystems (включать стимулы, чтобы сохранить экосистемы), to conserve biodiversity (сохранять биоразнообразие), to conserve the area's unique natural heritage (охранять территории уникального природного наследия).

Resources

Soil

To use vegetation to minimize surface erosion (использовать растительность для того, чтобы уменьшить поверхностную эрозию), control of soil erosion (контроль за эрозией почвы), proper drainage (необходимый дренаж).

Water

To improve flood forecasting (усовершенствовать прогноз наводнения), to improve water quality (улучшить качество воды), water conservation (сохранение воды).

Forest

To protect crops from strong winds (защищать урожаи от сильных ветров), management of forest resources (управление лесными ресурсами).

6. International organizations for the protection of mountain ecosystems' environment

Names

АСР (Agricultural Conservation Programme) — Программа помощи фермерам в сохранении почвенных, водных и лесных ресурсов, ЕЕФ (European Environmental Foundation) — Европейский фонд окружающей среды, IAWPR (International Association on Water Pollution Research) — Международная ассоциация по исследованию загрязнения воды, NEAP (National Environmental Action Programme) — Национальная программа действий по охране окружающей среды, WWW (World Weather Watch) — Всемирная служба погоды.

The aims of the organizations

To contribute to the maintenance of productive lands (способствовать поддержанию продуктивности земель), to provide a source of new medications and chemical substances (предоставлять источник новых лекарственных и химических веществ).

Finance

Private company financing (финансирование частной компанией), a group financing (финансирование группой), agency financing (финансирование агентством), government financing (финансирование правительственным), money (деньги), dollars (доллары).

Results

To support development of networks (поддерживать развитие сетей), ecotourism (экотуризм), network (сеть), involvement in mountains (вмешательство в горы), conservation strategies (стратегии защиты), establishment of new protected areas (фиксирование новых охраняемых территорий).

ORIGINAL ENGLISH EXCERPTS FROM SCIENTIFIC ARTICLES AND RUSSIAN TRANSLATION

In the following excerpts from the scientific articles, we tried to illustrate ecological problems that resulted from irrational use of mountain ecosystems by humans. The presented translations after each excerpt of the scientific article are made by us.

“Climate change is now accepted as a reality by most scientists and by a significant proportion of policy-makers in governments around the world. Since mountains cover nearly a quarter of the Earth’s land surface, climate change is clearly of concern to the hundreds of millions who live in mountain area. Yet climate change in mountains is of vital importance to the entire global population” (Meith N. World Conservation: Mountain High. Switzerland, 2002. Vol. 33. № 1. P. 14).

(В настоящее время изменение климата понимается большинством ученых и высших чиновников в правительствах во всем мире как действительность. Поскольку

горы занимают почти четверть всей поверхности Земли, изменение климата беспокоит сотни миллионов людей, живущих в горных областях. Изменение климата в горах имеет огромное жизненное значение и для всего мирового сообщества.)

From the above passage it follows that humanity aspires to live comfortably. Therefore it uses all the natural resources of mountain ecosystems for its material good. All this is done without rational nature management in favor of humanity, however to the detriment of the mountain ecosystem. In fact, damage will be done only to future generations of mankind. So, in this passage, the author of the scientific article implicitly calls on all to protect and use natural resources correctly in order to preserve them for future generations.

“The consequences will have the most dramatic impact on the lifestyles of the indigenous people, animal migration routes and species composition. It will also increase the vulnerability of forest ecosystems to forest fires and pests. Climate change impact already been vividly traced in the region, such as the anomalous floods in Tyva in spring 2001, shrinking of glaciers, winter warming, changes of forest species at the top forest boundary, and changes in vegetation types on several slopes” (Nemolyaeva L. Ensuring Long-Term Conservation of the Altai-Sayan Ecoregion WWF Project: Achievements and Lessons Learned. M., 2001. P. 6).

(Последствия будут иметь самое драматическое воздействие на образ жизни местных жителей, маршруты миграции животных и видовой состав. Это также увеличит уязвимость лесных экосистем к лесным пожарам и вредителям. Результаты изменения климата уже прослеживаются в регионе, например, аномальные наводнения в Туве весной 2001 года, сокращение ледников, зимнее потепление, изменение лесных видов на наивысшей границе леса и изменения видов растительности на некоторых склонах.)

As we can see, from this excerpt from the scientific article it follows that climate change in mountain ecosystems will entail:

- 1) the disappearance of many species of animals and plants;
- 2) temperature change;
- 3) change in atmospheric pressure;
- 4) change in the amount of precipitation;
- 5) deterioration of water quality;
- 6) change in air composition.

All these factors must be harmoniously linked with each other. Even the slightest increase or decrease in temperature by 1°C can affect the entire nature of the mountains. Therefore, it is necessary to conduct scientific monitoring of all components of mountain ecosystems regularly in order to protect the environment.

“Climate change is undoubtedly taking place, and mountain ecosystems and the people who depend on them will be directly affected. At the same time, mountains are also key locations for understanding what is happening to our world. Monitoring and research focusing on mountain glaciers, hydrological systems, and sensitive species are of vital importance to us all” (Nemolyaeva L. Ensuring Long-Term Conservation of the Altai-Sayan Ecoregion WWF Project: Achievements and Lessons Learned. M., 2001. P. 6).

(Изменение климата, несомненно, имеет место. Оно коснется и горных экосистем, и людей, которые зависят от них. В то же время горы — это ключ для понимания

того, что происходит с нашим миром. Контроль и исследование состояния сред, сосредотачивающиеся на горных ледниках, гидрологических системах, уязвимых видах, имеют жизненно важное значение для всех нас.)

In this passage from the scientific article the author states the problems of mountain ecosystems associated with global climate change. The author notes that you need to monitor and investigate all components of mountain ecosystems.

As it can be seen from the above passages, the main topic of scientific articles lies in environmental issues and environment of mountain ecosystems [7. P. 56]. The main elements (human activity, environmental pollution, environmental protection, continuous monitoring) show in detail the environmental situation in the mountain regions. Almost all scientific articles provide a detailed description of the problem that characterizes the texts as descriptive, as they were in the past, are in the present and will give forecast for the future. In the process of discourse the author of the scientific article meticulously describes the details related to all environmental problems, and the reader, interpreting, comes to a conclusion (depending on his personal view of the world picture) [8. P. 145].

With the help of common elements in the meaning and use of units, classes are combined in a field. With the help of specific differences they confront each other as classes of units of one field. All received information is presented in the following mini-thesaurus structured according to the principle of a thematic dictionary, in which lexical filling of the topic blocks takes place. We hope that this mini-thesaurus will serve as a basis for discursive activity.

MINI-THESAURUS

1. Ecology (экология)

Esocide — *экоцид* (преднамеренное губительное воздействие на окружающую среду), eso-city — *экогород* (теоретический образец города будущего, в котором все бытовые и производственные процессы будут осуществляться по безотходному циклическому методу), esoclimate — *экоклимат* (климатические условия, непосредственно окружающие особь), esoclimaх — *экоклимакс* (градиент экосистемы), esocline — *экоклин, градиент экосистемы* (клин адаптации вида или сообщества к градиенту условий среды), esodemography — *экодемография* (экология народонаселения), esodevelopment — *экоразвитие, экологически приемлемое развитие* (которое наносит наименьшее негативное воздействие окружающей среде), engineering ecology — *инженерная экология* (научно-прикладная отрасль по созданию природно-технических геосистем и управлению ими, не нарушая механизмов саморегуляции объектов и процессов биосферы), environmental ecology — *экологические аспекты охраны окружающей среды*, evolutionary ecology — *эволюционная экология* (раздел науки, изучающий изменения, обусловленные развитием жизни на планете), fire ecology — *экология пожаров*, freshwater ecology — *экология пресных водоемов*, general ecology — *общая экология*, global ecology — *глобальная (планетарная) экология* (экология в приложении к биосфере земли), grassland ecology — *луговоеведение*, landscape ecology — *ландшафтная эко-*

логия (изучение и сохранение уникальных природных ландшафтов), plant ecology — *экология растений*, population ecology — *популяционная экология* (изучение совокупности популяций одного вида, объединенных общей территорией и генофондом), radiation ecology — *радиационная экология*, range ecology — *экология настбиц*, restoration ecology — *восстановительная экология*, social ecology — *социальная экология* (отрасль, изучающая взаимоотношения социальных групп общества со средой их жизни), stream ecology — *экология реки*, systemic ecology — *системная экология*, technical ecology — *техническая экология* (раздел экологии, изучающий влияние техники на экосистемы), terrestrial ecology — *экология земных организмов*, toleration ecology — *«терпимая» экология* (допускающая отклонения от стандартных требований), woodland ecology — *экология леса*, ecospecies — *эковид* (экологический вид, отличающийся от другого по различной приспособленности к условиям обитания), ecosphere — *экофера* (совокупность всего живого на Земле во взаимодействии с атмосферой, гидросферой и литосферой), ecostandard — *экологические нормы* (экостандарт), ecostress — *экологический стресс*, ecosystem — *экосистема* (основная экологическая система, включающая флору и фауну в их взаимодействии с окружающей средой), agricultural ecosystem — *сельскохозяйственная экосистема*, alpine ecosystems — *альпийские (высокогорные) экосистемы*, analog(ue) ecosystem — *искусственно созданная модель природной экосистемы*, anthropocentric ecosystem — *экосистема (подчиненная интересам человека)*, aquatic ecosystem — *водная экосистема*, elastic ecosystem — *упругая экосистема* (способная к самовосстановлению), endangered ecosystem — *экосистема (находящаяся в опасности)*, ecotype — *экотип* (генетическая вариация вида, адаптировавшегося к определенной окружающей среде).

2. Factors Influencing the Ecology of Mountain Ecosystems (факторы, влияющие на экологию горных экосистем)

Fire — *пожар*, disease — *болезнь*, insect attacks — *нашествия насекомых*, parasitism — *паразитизм*, existence — *присутствие*, habitat destruction — *разрушение естественной среды растения или животного*, population — *популяция*, evolutionary heritage — *эволюционное наследство*, genetically distinct — *генетически определенный*, protection — *защита*, liquidation — *ликвидация*, abolition — *уничтожение*, maintenance — *сохранение*, adjustment — *регулирование*, afforestation — *облесение, лесонасаждение*, agroceonosis — *агроценоз*, appeasement — *утоление*, mutualism — *взаимность*, aridity — *засушливость, бесплодность*, biodiversity — *биологическое разнообразие*; palaeodemecology — *палеодемэкология*, biogeocoenosis — *биогеоценоз*, palaeoecology — *палеоэкология*, palaesynecology — *палеосинэкология*, catasrophism — *катострофизм*, phytocoenosis — *фитоценоз*, commensalisms — *сокращение*, community — *община*, pollutant — *загрязнитель*, pollution = contamination — *загрязнение*, conservancy — *охрана (природы)*, presuppression — *подавление*, contribution — *пожертвование*, prohibition — *запрещение*, cooperation — *объединение*, protection — *защита*, reotocation — *возобновление*, restoration — *воспроизводство*, salvation — *спасение, избавление*, environmentalism — *экологизм*, starvation — *голодание*, symbiosis — *симбиоз*, thanatocoenosis —

общая смерть, fertility — плодородие, weakness — слабость, endemic — эндемик, autecology — аутоэкология (раздел экологии, изучающий действия различных факторов внешней среды на отдельные популяции).

3. General Geology (общая геология)

Mountain chain — *горная цепь*, range — *цепь*, subrange — *подуровень*, highland — *возвышенность*, rock — *скала, порода* (adj. sedimentary — *осадочная* ~, igneous ~ — *вулканического происхождения* ~, metamorphic ~ — *метаморфный* ~; molten ~ — *расплавленная* ~, soft ~ — *мягкая* ~ (ant. hard ~ — *твердая* ~), erosion-resistant ~ — *устойчивая от коррозий* ~, slate ~ — *сланцевая* ~, quartzite ~ — *кварцевая* ~, meta-sedimentary ~ — *метаосадочная* ~, granite-gneiss ~ — *гранитно-гнейсовая*; basement ~ — *подвальная* ~, granitic ~ — *гранитная* ~, dominant ~ — *доминантная* ~, visible ~ — *видимая* ~) — (the Kaibab Limestone, Toroweap Formation, Coconino Sandstone, Hermit Shale, Supai Group, Redwall Limestone, Vnuav Limestone, Bright Angel Shale, Tapeats Sandstone), canyon — *каньон*, plateaus — *плато* (the Kaibab, Kanab, Uinkaret, Shivwits), cliffs — *утесы*, dams — *плотины водохранилища*, basin *бассейн*, debris — *обломки*, slopes — *склоны*, gorge — *ущелье*, rapids — *речные пороги*, blocks — *блоки*; erosion — *эрозия*, structure — *структура*, sediment — *осадок*, weakness — *слабость*, fossils — *останки*, the earth's surface — *поверхность земли*, hardness — *твердость* (ant. softness — *мягкость*), slippage — *обвал*, earthquake — *землетрясение*, sedimentation — *отложение осадка*, bed — *ложе*, karst — *карст*, origin — *происхождение*, location — *расположение*, distance — *расстояние*, glaciation — *обледенение*, kaolinozation = kaolinisation — *разрушение гранита*, kratogen — *устойчивые блоки*, lithology = sedimentology — *наука об осадочных породах*.

4. General Geography (общая география)

Cosmography — *описание мира*, position — *месторасположение*, co-ordinate — *координата*, latitude — *широта*, longitude — *долгота*, layering — *расслоенность*, length — *длина*, meridian — *меридиан*, amplitude — *амплитуда*, azimuth — *азимут*, direction of dip — *азимут падения*, azonality — *азональность*, zonality — *зональность*, zonation — *зональное расположение*, differentiation — *поясность*, Tropic — *тропический пояс*, tropicality — *тропичность*.

4.1. Climate (климат)

Synoptics — *наука о предсказывании погоды*, microclimatology — *микроклиматология*, mesoclimatology — *мезоклиматология*, ecoclimate — *эооклимат*, air masses — *воздушные массы*, humidity = moisture — *влажность* (adj. summer — *летняя*, winter — *зимняя*, spring — *весенняя*, autumn — *осенняя*), climatic patterns — *климатические характеристики*, moist air — *влажный воздух*, weather — *погода* (adj. rainy ~ — *дождливая* ~, snowy ~ — *снежная* ~, windy ~ — *ветренная* ~, colder ~ — *холоднее* ~ (ant. warmer ~ — *теплее* ~), sunny ~ — *солнечная*, sunly = dry ~ — *сухая* ~ (ant. wet ~ — *мокрая* ~), regional ~ — *местная* ~,

clear ~ — *ясная ~*, ~ cycle — *погодный цикл*), storm — *шторм* (adj. frontal — *фронтальный ~*), pressure — *давление* (adj. high ~ — *высокое* (ant. low ~ — *низкое ~*), temperature — *температура* (high ~ — *высокая ~*, low ~ — *низкая ~*, average ~ — *средняя ~*, normal ~ — *нормальная ~*, ~ variation between day and night — *изменение между днем и ночью*, large ~ — *большая ~*, seasonal ~ — *временная ~*, freezing ~ — *замораживающая ~*, ovenlike ~ — *жаркая ~*, frostbite ~ — *обмораживающая ~*), warming — *согревающий* (ant. cooling — *охлаждающий*), state = condition — *состояние* (humidity — *влажность* = condensation — *конденсация*, activity — *деятельность*, aridity — *засушливый* = xerophytic — *ксерофитный*).

4.2. Precipitations (осадки)

Rain — *дождь* (drizzling — *моросящий ~*), rainfall — *осадки*, shower — *ливень*, thundershower — *ливень с грозой*, hail — *град*, snow — *снег*, dew — *роса*.

4.3. Types of relief (виды рельефа)

Vertical = altitudal — *вертикальный* (ant. horizontal — *горизонтальный*), anaglyphic — *рельефный*, indicating — *обозначающий*, indined — *наклонный*, inevitable — *неизбежный*, infilling — *грядоподобный*, ingressive — *ингрессионный*, inherited — *унаследованный*, installed — *проектный*, insular — *островной*, interdunal — *междюнный*, intermediate — *промежуточный*, intermixed — *смешивающийся*, internal — *внутренний*, intractable — *неподатливый*, intrazonal — *межзональный*, intrusive — *интрузивный*, invalidated — *неполноценный*, inverted — *обращенный*, isobaric — *изобарический*, isoclinal — *изоклинальный*, isostatic — *изостатический*, karstic — *карстовый*, kataclastic — *катакластические структуры*, lateritic — *латеритический*, linear = lining — *линейный*, lithologic — *литологический*, U-shaped — *у-образный*, lithospheric — *литосферный*, lobed — *падающий*, longish — *длинноватый*, longitudinal dunes — *барханный гряды*, absorbed — *поглощенный*, absorbing — *поглотительный*, magmatic — *магматический*, zenithal — *зенитный*, accumulative = aggradational — *намытый*, activated platform — *активированная платформа*, mammillated surface — *пузырчатая поверхность*; aggraded plains — *аккумулятивные равнины*, minicontinental — *миниконтинентальный*, minimal — *минимальный*, Appalachian — *аппалачский*, archaic — *устаревший*, arenaceous — *рассыпчатый, песчанистый*, neritic — *неритовый*, argillaceous — *глинистый*, armoured landform — *бронированный рельеф*, non-gravity landform — *восходящий рельеф*, noticeable — *заметный*, attractive — *привлекательный*, original = initial — *первичный*, beaded — *четковидный*, bedded — *наброшенный*, percolating — *инфильтрационный*, centriclinal — *центриклинальный*, rolling — *волнистый*, sculptured relief — *скульптурный рельеф*, diverging — *расходящийся*, separated = divided — *отделенный*, diversion — *водоотводный*, structural — *структурный*, stubby — *выровненный*, subaerial — *наземный*, transversal — *поперечный*, traveling — *подвижный*, gaping — *открытый*, undulating — *холмистый*, unimpaired — *неповрежденный*, uninverted relief — *необращенный рельеф*.

4.4. Mountain composition (состав гор)

Buttress — выдающаяся вперед часть холма или горы, divide — раздел, хребет, versant — склон, metal — щебень, monolith — отдельный каменный блок, monadrock — гора-свидетель = останец выветривания, zeugen — скала-свидетель, blaen — верховье, acclivity = declivity — склон, authigenous — частицы пород, возникшие в результате кристаллизации, cuvette — впадина, demopleth — глубокая впадина между холмами, depression — впадина (ant. sublimity — возвышенность), ruggedness — неровность, sediment — отложение, slickenside — зеркало скольжения, slippage — обвал, elongation — удаление, stratum — слой, отложение, texture — структура, tumulus — могильный холм, курган, grade — уклон, покатость, batholith — гранитный массив в горах.

4.5. Mountain description (описание гор)

Mountainous — горный, orogenic = orogenetic — горообразующий, orographical — орографический, available — относительная высота, plaintive — печальный (о горах), banding — полосчатый, passage — горный проход, pedestal — остаточная глыба пород, conformable — параллельное залегание слоев друг над другом, disgeogenous — устойчивые с трудом разрушаемые породы, escarpment — крутой откос, synclitorium — сложная складчатая структура, heteroclinal — гетероклиальная складка, impermeable = impervious rocks — водоупорные горные породы, impressive rocks — сильные породы, incised — врезанный, industrial stones — поделочные камни, injected = injenction — инъекционный = обломочный, melanocratic rocks — мелократовые горные породы, aleuritic — алеуритовый, mesotrophic — мезотрофический, alkalitrophic — щелочнотрофический, metallogenic — указывающий на происхождение железных руд, metamorphic — метаморфический, altiplanation terrace — нагорная терраса, amygdaloidal structure — миндалекаменная текстура, molten — расплавленный, antipodal — расположенный строго друг против друга, moving — движущийся (ant. motionless — неподвижный), archeological — археологический, orocratic — горосозидательный, basaltic — базальтовый, — палеотипные породы, canotypal rocks — кайнотипные породы, cardinal — главный, cavernous нещеристый, pelitic — пелитовый — обломочное отложение, penecontemporaneous folding — конседиментационная складчатость, cheesewring — грибообразная скала — останец выветривания, petrographic — изучающий горные породы, poikilitic structure — пойкилитовая структура, pointed — остроконечный, conglomerate — неоднородная горная порода, polygenetical mountains — полигенетические горы, porous mountain — пористая гора, porphyritic — неравномерно-зернистая структура магматических горных пород, posthumous folding — постумная складчатость, conveying — водопронусной, protruding — выдвинутый, psephitic — крупнообломочный, country — боковой, pyramidal peak — остроконечная пирамидальная горная вершина, covered mountain — покрытая гора, crenulate — зубчатый, crooked — согнутый, cryptoclastic rock — крытообломочная горная порода, dangling — качающийся, degraded mountains — остаточные горы = residual — остаточная порода, denudational slope — денудационный склон, rudaceous — грубообломочный, detrial rocks —

обломочные горные породы, sandblasted pebble — обломок горной породы — трехгранник, siliceous rocks — кислые горные породы, epiplatformian mountains — возрожденные горы, exogenous — экзогенные породы, taxitic structure — такситовая структура горных пород, fissured — треснутый, fixed — закрепленный, toothed — зубчатый, foliated structure — листовая структура, tremendous — огромный, fragmental texture — кластическая структура, ultrabasic rocks — ультраосновные горные породы, furrowed — морщинистый, unfossiliferous rocks — «немые» горные породы, gate — горный проход.

4.6. Mountain Processes (горные процессы)

Orogenesis — горообразование, orogeny — складчатость, humidification — увлажнение, icing — ледообразование, illuviation — вмывание, imbrication — перекрытие внахлестку — по типу укладки черепицы, impoverishment — обеднение, impression — оставленное на поверхности мягкое отложение — песок, incision — углубление рекой своего русла, inclusion — включение обломков древней горной породы, indentification — выдалбвливание, induration — окончание, industrialization — индустриализация, insolation — освещение солнечными лучами, intention — намерение, intergration — объединение, interpretation — объяснение, introduction — ознакомление, inversion — изменение, kathermy — катотермия, lapiesation — каррообразование, location — размещение, ablation — выветривание горной породы под воздействием воды, abolition — уничтожение, abrasion — истирание, abstraction — отделение, magmatism — магматизм, magnetism — магнетизм, accentuation — обострение, acclimatization — акклиматизация, manipulation — манипуляция, map assemblage — компоновка карты, adjustment — уравновешивание, meandering — изгибы, agglomeration — процесс повышения поверхности, aggradation — расширение площади распространения, metamorphism — превращение древних пород в новые, migration = movement — движение, mineralization — минерализация, altimetric — распределение высот, altiplanation — процесс выравнивания в высокогорных областях, anatexis — процесс расплавления горных пород, mountain building — горостроение, appearance — появление, nivation — разрушающее воздействие мороза на породы вблизи тающих снегов, backfolding — процесс образования опрокинутых складок, backwasting — уступание, basining — образование впадин, basking — нагревание на Солнце, oscillation — качание, bearing — отклонение, blocking — блокировка, boulis — обвал, boundage — граница, calving — процесс дробления, отделения, cementation — цементация, peneplanation — выравнивание, petrification = fossilization — окаменение, plucking = sapping — ледниковое выплывание, congelation — замерзание, congelifraction — дробление замораживанием, corrosion = corrosion — механическое воздействие обломочного материала на горные породы, ravinement — оврагообразование, refusion — процесс частичного расплавления горных пород, regelation — смерзание, removal — перемещение, replacement — замена, replenishing — пополнение, defluction — эластичное движение, deformation — процесс, при котором породы слипаются в складки, degrade — разрушение, denudation — скрывание погребенных горных пород в результате выветривания, deposition — отложение осадочных материалов, riving — растрескивание, desqua-

mation — выветривание горных пород в результате шелушения, detrition — перетиранье, diaparism — диапаризм, dilatancy — расширение, dislocation — перемещение, displacement — смещение, sedimentation — отложение осадка, sedimentogenesis — образование осадка, dissection — расчленение, seepage — фильтрация, distribution — распределение, separation = division — разделение, dolomitization — доломитизация (процесс превращения известняка в доломит), shattering — раздробление, downwearing = flettering — выколаживание склонов, shifting — смещение, slumping — оползание, stabilization — закрепление, stoping — обрушение, equiplanation = graviplanation — выравнивание, sublimation — поднятие наверх, superposion — напластование, evolution — эволюция, exhumation — снятие покрова осадочных пород, swing — сдвиг, expansion — расширение, extrusion — выталкивание, falling — падание, fanglomerate — отложение конусов выноса, terracette — оползневая терраса, firnification — процесс превращения снега в лед, thrusting — наступление, fissuring = fracturing — трещиноватость, transgression — интрузия, fluctiation — колебание, fluting — образование желобков, transition — переход, transportation — процесс перемещения обломочной породы в другое место.

We think that the thesaurus representation of knowledge is an approximate explanation of the lexical system. Such a system makes it possible to observe the level organization of vocabulary and to determine the types of relations that would not have been explicitly expressed beyond the thesaurus scheme. These are key words and their role in the division of semantic fields.

CONCLUSION

Summing all up, it can be noted that the structure of the cognitive type of the scientific articles describing environmental problems, is a mental-linguistic frame used by the authors of the scientific articles in the process of generation of texts and the readers in the process of understanding. The structure of the cognitive type presents a scan of a specific topic and verbal fragments for each thematic unit. The reader is able to solve or suggest a solution to the critical environmental situation in the ecosystem based on the data obtained in the course of the text description of the environmental problems of mountain ecosystems. He can do it with a certain degree of inaccuracy because his personal picture of the world and of course his life experience are of great importance in fulfilling it. All information is presented in the given structure according to the principle of a thematic mini-dictionary, in which lexical filling of the topic blocks takes place. We hope that this structure and mini-thesaurus will serve as a basis for discursive activity.

In addition, we would like to note that the study of texts' corpus not only of articles on mountain ecosystems in Russian and English, but also in many other genres within the framework of any literature and any language will give new results for construction of cognitive type in different subject areas.

© Семенова С.Н., 2018

Дата поступления: 20.01.2018

Дата приема в печать: 20.02.2018

REFERENCES

1. Baranov, A.G. (1999). Cognitive Formalisms of Text Activity. *Pyatigorsk State University Bulletin*, 2, 34—37. (In Russ.).
2. Baranov, A.G. (1993). Functional-pragmatic concept of text. Rostov: Rostov State University publ. (In Russ.).
3. Baranov, A.G. (2008). Pragmatics as the methodological perspective of the language. Krasnodar: Prosveshchenie-Yug. publ. (In Russ.).
4. Karasik, V.I. (2002). Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena publ. (In Russ.).
5. Lominina, Z.I. (2004). Emotional breadth of texts on ecology: trends and hypotheses. *Ecological Bulletin of Research Centers of the Black sea Economic Cooperation (BSEC. Ecology of Language as Pragmatic Essence*, 3, 45—48. (In Russ.).
6. Austin George. (1986). Word as action. New in foreign linguistics. Vol. XVII. *The theory of speech acts*. Moscow: Progress publ. pp. 22—129. (In Russ.).
7. Semenova, S.N. (2016). Compositional-Topical Modules of Content of Scientific-Popular Genre, Characterizing Subject Area “Geography” (on material of “National Geographic”). *Bulletin of Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics*, 2, pp. 56—61. (In Russ.).
8. Semenova, S.N. (2015). Cognitive Type of a Scientific Article on Ecological Problems of Mountain Ecosystems. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 10 (52), II. pp. 144—147. (In Russ.).
9. Searle, J.R. (1986). The classification of illocutionary acts. *New in foreign linguistics*, 17. Moscow: Progress publ. pp. 170—194. (In Russ.).
10. Abelson, R.P. (1981). Psychological Status of the Script Concept. *American Psychologist*, 36(7), pp. 715—729.
11. Beaugrande, R. de. L. & Dressler, W. (1994). Introduction to Text Linguistics. London: Longman publ.
12. Bellezza, F.S. & Bower, G.H. (1982). Remembering script-based text. *Poetics*, 11(1), 1—23.
13. Dijk, T.A. van. (1995). Discourse Semantics and Ideology. *Discourse and Society*, 6(2), 243—285.
14. Dijk, T.A. van. (1976). Pragmatics and Poetics. *Pragmatics of Language and Literature*, 2, 23—57.
15. Divjak, D., Levshina, N. & Klavan, J. (2016). Cognitive Linguistics: Looking Back, Looking Forward. *Cognitive Linguistics*. 27(4), 447—463. DOI: 10.1515/cog-2016-0095.
16. Enquist, N.E. (1985). Stylistics, Text Linguistics and Composition. In *Nordic Research in Text Linguistics and Discourse Analysis*. 25—45.
17. Goral, M. & Conner P.S. (2013). Language Disorders in Multilingual and Multicultural Populations. *Annual Review of Applied Linguistics*, 33, 128—161. DOI: 10.1017/S026719051300010x.
18. Gries, S.T. & Ellis N.C. (2015). Statistical Measures for Usage-Based Linguistics. *Language Learning*. The Great Britain: John Wiley & Sons, Inc publ., 65 (S1), pp. 228—255. DOI: 10.1111/lang.12119.
19. Jakobson, R. (1969). Linguistics in its Relation to other Sciences. *Actes du Xe congres international des linguists*, 1. P. 76.
20. Krause, H., Bosch, S. & Clahsen, H. (2014). Morphosyntax in the Bilingual Mental Lexicon: an Experimental Study of Strong Stems in German. *Studies in Second Language Acquisition*, 37(4), pp. 597—621. DOI: 10.1017/S02722623114000564.
21. Kruse, L. (1986). Drehbücher für Verhaltensschauplatze oder: Skripts für Settings. In: *Ordnung und Variabilität im Alltagsgeschehen*. pp. 135—153.
22. Lakoff, G. (1972). Language in Context. *Language*, 48(4), 907—927.
23. Mak, W.M., Tribushinina, E., & Andreiushina, E. (2013). Semantics of Connectives Guides Referential Expectations in Discourse: an Eye-Tracking Study of Dutch and Russian. *Discourse Processes*, 50(8), 557—576. DOI: 10.1080/0163853x.2013.841075.

24. Melinger, A., Branigan, H.P., & Pickering, M.J. (2014). Parallel Processing in Language Production. *Language, Cognition and Neuroscience*, 29(6), 663—683. DOI: 10.1080/23273798.2014.906635.
25. Meutsch, D., & Schmidt, S.J. (1986). On the Role of Conventions in Understanding Literary Texts. Amsterdam.
26. Nuyis, J. (2015). Subjectivity: Between Discourse and Conceptualization. *Journal of Pragmatics*, 86, pp. 106—110. DOI: 10.1016/j.pragma.2015.05.015.
27. Romanova, N. & Gor, K. (2017). Processing of Gender and Number Agreement in Russian as a Second Language. *Studies in Second Language Acquisition*, 39(1). 97—128. DOI: 10.1017/S0272263116000012.
28. Schank, R.C. (1982). Reminding and memory organization: An introduction to MOPs. In: *Strategies for natural language processing*. Hillsdale (N.J.); L.: Erlbaum. pp. 455—493.
29. Stubbs, M. (1983). *Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language*. Oxford.
30. Winke, P., Gass S., & Sydorenko, T. (2013). Factors Influencing the Use of Captions by Foreign Learners: An Eye-Tracking Study. *The Modern Language Journal*, 97(1). 254—275. DOI: 10.1111/j.1540-4781.2013.01432.x.

Resources

1. High Priorities. (2002). GEF's Contribution to Preserving and Sustaining Mountain Ecosystems. Washington, 13 (1). P. 30.
2. Meith, N. World Conservation: Mountain High. Switzerland, 2002. Vol. 33. № 1.
3. Mountain Momentum: Agenda for Today and Policy beyond IYM 2002. (2002). The United Nations University. 2002 International Year of Mountains. P. 26.
4. Nemolyaeva, L. (2001). Ensuring Long-Term Conservation of the Altai-Sayan Ecoregion WWF Project: Achievements and Lessons Learned. Moscow, P. 16.
5. Russian Bird Conservation Union. (1998). Moscow, P. 11.
6. Supporting Environmental Cooperation in Central Asia. (2002). Philippines, P. 49.
7. Tropical Montane Cloud Forests: Time for Action. (1999). Switzerland, P. 29.

УДК: 81'276.6:574

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-302-319

СТРУКТУРА КОГНИОТИПА НАУЧНОЙ СТАТЬИ О ГОРНЫХ ЭКОСИСТЕМАХ

С.Н. Семенова

Кубанский государственный университет
ул. Ставропольская, 149, Краснодар, Россия, 350040

В статье представлена структура когнитивного типа научной статьи о горных экосистемах. Цель исследования — построить когнитивный тип научной статьи, описывающей экологические проблемы горных экосистем. Для достижения поставленной в работе цели потребовалось решить следующие задачи: 1) изучить массив текстов научной статьи, описывающего горные экосистемы; 2) определить тематическую структуру когнитивного типа научной статьи, описывающего горные экосистемы; 3) представить речевые фрагменты к каждому композиционно-тематическому блоку; 4) описать прагматику текстовых реализаций научной статьи, описывающей горные экосистемы; 5) построить тезаурус слов и фраз. Автор обосновывает положение, что когнитивный тип научной статьи — основная часть одного

из когнитивных блоков в системе представления знаний человека в предметной области «Горные экосистемы». Выделены основные элементы: жизнедеятельность людей, загрязнение окружающей среды, охрана окружающей среды, постоянный мониторинг. В работе представлен ряд слов и словосочетаний, примеры которых расположены по субтемам на английском и русском языках. Данные слова и словосочетания служат выборкой из массива текстов предметной области «Горные экосистемы» и являются не готовыми текстами, а их заготовками для дискурсивной деятельности не только специалистов в этой области, но и всем тем, кто интересуется экологическими проблемами на английском и русском языках. Подводя итог, можно сказать, что структура когнитивного типа научной статьи — ментально-лингвистический фрейм, используемый авторами научных статей в процессе порождения текста и читателями в процессе понимания. Структура когнитивного типа представлена разверткой определенной темы и речевыми фрагментами к каждому тематическому блоку. Читатель способен решить или предложить выход из критической экологической ситуации, сложившейся в экосистеме основываясь на данные, полученные из текстового описания по экологическим проблемам горных экосистем.

Ключевые слова: структура когнитивного типа; предметная область «Горные экосистемы»; массив текстов; лингвистический фрейм; представление речевых фрагментов; дискурсивная деятельность; знания; когнитивная деятельность; прагматика текстовых реализаций; тезаурус

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Баранов А.Г. Когнитивные формализмы текстовой деятельности // Университетский вестник. 1999. № 2. С. 34—37.
2. Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов н/Д: Ростовский гос. ун-т, 1993.
3. Баранов А.Г. Прагматика как методологическая перспектива языка. Краснодар: Просвещение—Юг, 2008.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
5. Ломинина З.И. Эмотивность текстов по экологии: тенденции и гипотезы // Экологический вестник научных центров ЧЭС. Экология языка как прагматическая сущность. 2004. С. 45—48.
6. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 22—129.
7. Семенова С.Н. Композиционно-тематические блоки содержания жанра научно-популярной статьи, характеризующей предметную область «География» (на материале журнала “National Geographic”) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Москва, 2016. № 2. С. 56—61.
8. Семенова С.Н. Когнитивный тип научной статьи об экологических проблемах горных экосистем // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. № 10 (52). Ч. II. С. 144—147.
9. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М.: Прогресс, 1986. С. 170—194.
10. Abelson R.P. Psychological Status of the Script Concept // *American Psychologist*. Vol. 36(7). pp. 715—729. Washington: APA Press, 1981.
11. Beaugrande R. de L., Dressler W. Introduction to Text Linguistics. London: Longman, 1994.
12. Bellezza F.S., Bower G.H. Remembering script-based text // *Poetics*. 1982. Vol. 11. № 1. pp. 1—23.
13. Dijk T.A. van. Discourse Semantics and Ideology // *Discourse and Society*. London, Thousand Oaks, CA and New Delhi. 1995. Vol. 6. № 2. pp. 243—285.
14. Dijk T.A. van. Pragmatics and Poetics // *Pragmatics of Language and Literature*. Amsterdam: North-Holland Publishing Company, 1976. № 2. pp. 23—58.
15. Divjak D., Levshina N., Klavan J. Cognitive Linguistics: Looking Back, Looking Forward // *Cognitive Linguistics*. Germany: Mouton de Gruyter, 2016. Vol. 27. № 4. Pp. 447—463. DOI: 10.1515/cog-2016-0095.

16. *Enquist N.E.* Stylistics, Text Linguistics and Composition // Nordic Research in Text Linguistics and Discourse Analysis. Trondheim, 1985. P. 25—45.
17. *Goral M., Conner P.S.* Language Disorders in Multilingual and Multicultural Populations // Annual Review of Applied Linguistics. Great Britain: Cambridge University Press. 2013. Vol. 33. pp. 128—161. DOI: 10.1017/S026719051300010x.
18. *Gries S.T., Ellis N.C.* Statistical Measures for Usage-Based Linguistics // Language Learning. The Great Britain: John Wiley & Sons, Inc. 2015. Vol. 65. № S1. P. 228—255. DOI: 10.1111/lang.12119.
19. *Jakobson R.* Linguistics in its Relation to other Sciences // Actes du Xe congres international des linguists. Bucarest, 1969. Vol. 1. p. 76.
20. *Krause H., Bosch S., Clahsen H.* Morphosyntax in the Bilingual Mental Lexicon: an Experimental Study of Strong Stems in German // Studies in Second Language Acquisition. The Great Britain: Cambridge University Press. 2014. Vol. 37. № 4. Pp. 597—621. DOI: 10.1017/S02722623114000564.
21. *Kruse L.* Drehbücher für Verhaltensschauplätze oder: Skripts für Settings // Ordnung and Variabilität im Alltagsgeschehen. Gottingen, 1986. P. 135—153.
22. *Lakoff G.* Language in Context // Language 48 (4). 1972. P. 907—927.
23. *Mak W.M., Tribushinina E., Andreiushina E.* Semantics of Connectives Guides Referential Expectations in Discourse: an Eye-Tracking Study of Dutch and Russian // Discourse Processes. The USA: Ablex Pub. Corp. 2013. Vol. 50, № 8. P. 557—576. DOI: 10.1080/0163853x.2013.841075.
24. *Melinger A., Branigan H.P., Pickering M.J.* Parallel Processing in Language Production // Language, Cognition and Neuroscience. The Great Britain: Routledge. 2014. Vol. 29. № 6. P. 663—683. DOI: 10.1080/23273798.2014.906635.
25. *Meutsch D., Schmidt S.J.* On the Role of Conventions in Understanding Literary Texts. Amsterdam, 1986.
26. *Nuyis J.* Subjectivity: Between Discourse and Conceptualization // Journal of Pragmatics. The Netherlands: Elsevier Science Publishing Company, Inc. 2015. Vol. 86. P. 106—110. DOI: 10.1016/j.pragma.2015.05.015.
27. *Romanova N., Gor K.* Processing of Gender and Number Agreement in Russian as a Second Language // Studies in Second Language Acquisition. The Great Britain: Cambridge University Press. 2017. Vol. 39. № 1. P. 97—128. DOI: 10.1017/S0272263116000012.
28. *Schank R.C.* Reminding and memory organization: An introduction to MOPs // Strategies for natural language processing. — Hillsdale (N.J.); L.: Erlbaum, 1982. P. 455—493.
29. *Stubbs M.* Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. Oxford, 1983.
30. *Winke P., Gass S., Sydorenko T.* Factors Influencing the Use of Captions by Foreign Learners: An Eye-Tracking Study // The Modern Language Journal. The USA: John Wiley & Sons, Inc. 2013. Vol. 97. № 1. P. 254—275. DOI: 10.1111/j.1540-4781.2013.01432.x.

Источники

1. High Priorities. GEF's Contribution to Preserving and Sustaining Mountain Ecosystems. Washington, 2002. Vol. 13. № 1. 2002.
2. *Meith N.* World Conservation: Mountain High. Switzerland, 2002. Vol. 33. № 1.
3. Mountain Momentum: Agenda for Today and Policy beyond IYM 2002. The United Nations University. 2002 International Year of Mountains. 2002.
4. *Nemolyaeva L.* Ensuring Long-Term Conservation of the Altai-Sayan Ecoregion WWF Project: Achievements and Lessons Learned. M., 2001.
5. Russian Bird Conservation Union. M., 1998.
6. Supporting Environmental Cooperation in Central Asia. Philippines, 2002.
7. Tropical Montane Cloud Forests: Time for Action. Switzerland, 1999.

Для цитирования:

Семенова С.Н. Структура когниотипа научной статьи о горных экосистемах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 2. С. 302—319. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-302-319.

For citation:

Semenova S.N. (2018). Structure of Cognitive Type of Scientific Article on Mountain Ecosystems. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (2), 302—319. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-302-319.

Sofiya N. Semenova, 2018. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (2), 302—319. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-302-319.

Сведения об авторе:

Семенова Софья Новиковна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере факультета романо-германской филологии Кубанского государственного университета; *научные интересы:* социолингвистика, теория дискурса, семантика; *e-mail:* sofya.semenova75@yandex.ru

Bio Note:

Semenova Sofiya Novikovna, Candidate of Philology, Associate Professor of English in Professional Sphere Department of Roman-German Faculty at the Kuban State University; *Interests:* sociolinguistics, theory of discourse, semantics; *e-mail:* sofya.semenova75@yandex.ru

УДК: [811.161.1:811.111]27:398.9
DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-320-334

EXPRESSING OF NATIONAL AND CULTURAL IDENTITY IN ENGLISH AND RUSSIAN PROVERBS

T. Orlova, A. Kolosova, Y. Medvedev, S. Barov

RUDN University
Miklukho-Maklaya st., 6, Moscow, Russia, 117198

Abstract. The paper deals with the linguistic comparative structural and semantic analysis of English and Russian proverbs with the concept of ‘happiness-unhappiness’ that reflects national and cultural identity and the specificity of thinking of the English and Russian people. The aim of the paper is to explore and show similarities and differences in mentality and perception of the world by English and Russian people. This aim was achieved due to the study of the structural and semantic components and expressive-evaluative components of the proverbs. As a result of the study both common and specific meanings of the Russian and English proverbs were revealed in the languages under consideration. The object of the study is English and Russian proverbs associated with the binary concept of “happiness-unhappiness”. During the analysis the basic meaning of the proverbs were revealed and systematized. The analysis of the phraseological meaning, lexical components, syntactic structures, expressive and emotive connotations, sound organization of English and Russian proverbs made it possible to identify the role of linguistic means in expressing the features of the mentality of the English and Russian peoples.

Key words: national and cultural identity; mentality; comparative structural and semantic analysis; stylistic devices; universality of human mind

INTRODUCTION

Modern linguistics constantly emphasizes the idea that language is not only a mean of thought expression, a mean of communication, but also a mean of reflecting the world around a man, and also expresses the mentality of people, their national character, customs and traditions. The most vividly national and cultural identity of the people is reflected in the phraseological body of a language, in particular — proverbs, which are short, well-defined sayings, containing teachings, advice, edification, judgments and moral appraisals.

Proverbs are an important means of cognition the national and cultural identity of folk’s live, being a kind of clot of thought, “popular wisdom” of an ethnos. Proverbs show all the proverbial, intellectual-linguistic diversity and richness of languages with their inherent syntactic and analytical methods (see: [1]). Each ethnos in its own language reflects, in its own way, the world around it, depending on the characteristics of its life, different natural and climatic conditions, social structure, history, culture and traditions, etc. The difference between proverbs “in their imagery, local realities and concepts ... And everything in common is in their logical content, in the nature of the relations they transmit” [19]. We should add that the similarity in the meaning of proverbs is determined by the universal character of human thinking that is inherent in man, like homo

sapiens. “The particular interest is the study of the proverbial conceptualization of the world, which makes it possible to establish general and various features in the comprehension of the world by two peoples ... to compare the mentality of peoples manifested in proverbs” [9].

The national-cultural component is contained in the structure of the phraseological meaning of the proverb. Especially visibly, it is revealed when the lexico-semantic components are compared in the structure of English and Russian proverbs. The need for comparative and semantic analysis of proverbs indicates E.V.Ivanova, who believes that “with regard to the study of a language picture of the world, particularly in terms of the comparative analysis of the conceptualization of the world in different languages, very illustrative material are phraseological units and paremias in particular proverbial fund of languages” [9].

By their structure, proverbs are complete sentences, and by semantics — an integral semantic unity that contains generalized information, for example, “a foreign side will not add mind”, “the burden of your own choice is not felt”, “own smoke will not tear your eyes”, etc. Proverbs, like words and phraseology, are linguistic signs: they are systemic, that is, they are correlated in meaning, can have synonyms and antonyms, and have functional similarity. In their imagery, proverbs are close to folk-speaking and folk-poetic speech, folklore, especially this is characteristic of Russian proverbs: the presence of rhythmisation, consonance, rhyme. An important property of the proverb is imagery, expressiveness, evaluation, which arise from the metaphorical rethinking of its constituent components. This does not exclude in proverbs the semantic motivations of meaning, they possess both an internal form and a phraseological meaning. In the semantic structure of the proverb, it is possible to identify not only a denotation, but also a connotation (additional comprehension, expression, evaluation, emotivity).

We also should note that the proverbs were created during a long period of the historical life of a particular people. They show the language creativity of peoples. The well-known phraseologist V.N.Telia argues that “the typicality of the images underlying the meaning of phraseological units, as well as the inclusion of symbols or world standards in them, is the fruit of the collective representation of ... a linguistic and cultural community about some group experience” [25]. Proverbs include specific and familiar images, which in the process of use and rethinking acquire a deep generalization. In ethno-cultural metaphors there are ideas about a man, about his life, experiences, relationships — everything that determines the ethno-cultural existence of the people, his mentality.

The proverbs of many peoples reflect the national cultural information differently. These differences are revealed as a result of a comparison of the structure and semantics of these proverbs, revealing the similarities and differences in their conceptual proverbial fields.

RESULTS

It is known that national and ethnic proverbs are an integral part of the worldview of peoples, reflection of stereotypes, and the national and cultural identity. “Proverbs are succinct, memorable expressions that encapsulate the folk wisdom of a culture regarding ways of handling life’s predicaments” [20].

In the parameological picture of the world the constants of national consciousness and culture are fixed. According to Wolfgang Mieder, proverbs, as an any folk genre “have for a long time been part of a verbal folk art giving durability to our understanding of the world. As part of the larger field of folklore they have played a major role in maintaining a basic framework for generations of people who have used them as common philosophical guides from childhood to old age” [17].

Proverbs and sayings as precedent texts, form ethnic picture of the world, reveal its national perception and thinking. Moreover, in the proverbs national values — the core of culture — are clearly reflected. As the well-known Dutch scholar Geert Hofstede claims, ‘Values are feelings with an added arrow indicating a plus and a minus side’ [11].

People from different cultures have different values. Identifying cultural values through language of proverbs helps us to understand cultural differences, consequently, to understand each other. It is the language of proverbs through which the unconsciousness of values is revealed. ‘Proverbs are in fact everywhere, and it is their ubiquity which has led scholars from many disciplines to study them from classical times to the modern age (see: [20]). A comparative study of languages and culture is an urgent task for modern scholars. “A nation's language... reflects its culture, psyche, and modes of thought” [4]. In this regard structural-semantic comparison of proverbs plays an important role because the centuries-old wisdom of people is reflected in proverbs as in a mirror. As one of the scholars mentioned, “language expresses cultural reality” [13]. The issue of analysis of proverbs was studied by a number of other foreign researchers.

The academic novelty of the paper is determined by the importance of the issue of interrelation of language and culture, the role of paremiology as a new philological science which demands an interdisciplinary approach of linguists, historians, scholars in culture studies. The binary concept ‘happiness — unhappiness’ is one of the key concepts both in the Russian and English languages.

A comparative study of proverbs as the basic unit of paremiology can be done from the angles of traditional linguistics, socio-linguistics; linguistic and cultural studies, cognitive linguistics and others. Our theoretical approach to the subject under consideration has been substantially influenced to a large degree by the works and semiotics studies of G. L. Permiakov who is considered ‘one of the greatest theoretical paremiologists of the 20-th century’ [19].

In order to provide the more complex and deep exploration of the issues mentioned above in our study we attempted to use different methodological approaches, including primarily traditional one — linguistic approach. All the proverbs were selected by continuous sampling method on the basis of using both Russian and English dictionaries (see: [1; 3; 10; 13; 14; 22—25]). Besides, functional-semantic method in selection of proverbs with similar meaning and comparative method to define similarity and differences of structure and semantics were applied.

That allowed us to “establish common and different features imperception of the world by the two peoples and reflection of this world in proverbs, compare the mentality of the people which can be seen in proverbs” [9].

Such a multiaspect approach of studying proverbs gives us both a broader picture about peculiarities of the peoples' mentality of the compared languages, and gives the idea of richness, expressiveness and vivid imagination of the languages, helps to reveal differences in semantic and stylistic volumes of proverbs.

For our analysis we selected the binary concept 'happiness-unhappiness' as the concept 'happiness' is considered to be one of the most important universal cultural values (see: [12]).

As a result of continuous sampling method and using both general and specialized Russian and English dictionaries, the following meanings in the semantic space of proverbs were selected:

- 1) misfortune never comes alone;
- 2) leave things as they are, do nothing if it can aggravate the situation;
- 3) misfortunes teach life, add experience, force to act;
- 4) not having tasted sorrow, one will know no happiness;
- 5) true friendship is tested in misfortune, misfortune is less when you are surrounded by friends;
- 6) we ourselves attract unhappiness;
- 7) worries and anxiety are destructive to human beings;
- 8) you can resolve other's trouble, but you cannot resolve your own ("you worry because of someone else's misfortune, but when you are in trouble, nobody does);
- 9) tears of sorrow do not help;
- 10) the trouble should be treated with humility and patience, there is no salvation when in woe.

The concept of "happiness" in the Russian language is expressed in such words as: dobro (goodness), udacha (luck), radost' (joy), nadezhda (hope), prazdnik (holiday). This technique testifies that such abstract notions as 'happiness-unhappiness' turn into concrete, simple, understandable, vital for common people words. Comparative structural and semantic analysis of the proverbs in the English and Russian languages, related to the concept "happiness-unhappiness" allowed to reveal the multisided attitude of the peoples towards this concept.

It is natural that every person wants to be happy. The issues of happiness and unhappiness had been actively discussed in Ancient Greek philosophy (Plato, Seneca and others). Due to the influence of Orthodox Church, Russians perceive happiness in the connection with suffering and unhappiness. Mind the following proverbs: 'Ne bylo by schast'ja, da neschast'e pomoglo' (If it weren't for bad luck have no luck at all); 'Gorja bojat'sja — schast'ja ne vidat' (No cross, no crown); 'Kto nuzhdy ne vedal, tot i schast'ja ne znaet' (Who didn't know the need will not know the happiness) and others.

It should be mentioned that in the framework of Russian mentality the issue of moral right to be happy is very important. For example — 'Ne v den'gah schast'e' (Money doesn't bring/buy happiness).

Comparative analysis revealed that the concept 'happiness-unhappiness' is more expressed both in Russian and English proverbs through the meaning 'misfortune'. In Russian this meaning is transferred through the words beda, gore, liho, golod, greh, nuzhda, kruchina, gorest', pechal', hudo (misfortune, grief, hard times, hunger, sin, need,

sorrow, woe, sadness). Some of the words belonging to this group of proverbs have archaic folk character: *liho, hudo, gorest', kruchina*, which can be translated into English with one word 'misfortunate'.

A significant group of proverbs which is widely presented in both English and Russian, reflects in our view, the universality of human thinking'. This group of proverbs expresses the following meanings: "misfortunes never come singly": It never (seldom) rains but it pours; Misfortunes (hardships) never come singly); An evil chance seldom comes alone; Misfortunes come on horse back, and go away on foot; One woe doth tread upon another's heels. These proverbs correspond to Russian proverbs: *Prishla beda — otkryvaj vorota; Beda bedu naklikaet; Beda ne prihodit odna: sama idjot i druguju zovjot; Beda ne hodit odna; Odno gore idjot po pjatam drugogo; Beda edet, bedu vezjot, a tret'ja pogonjaet*. Similar meanings of these proverbs in the English and Russian languages are due to the similarity of logical and figurative-associative relationships in the minds of the representatives of various lingvo-cultural ethnic groups. This proverbial group refers to an earlier period of its origin, as evidenced by the old form "doth" (third person singular of the present tense of the verb to do). The most part of English proverbs of this group have national character, which is reflected in the system of their imagination, based on such methods as allegory (the use of natural phenomena for expressions of folk wisdom), personification which means attaching human features to such abstract concept as misfortune: Misfortunes "come on horse back", "go away on foot"; "tread upon another's heels", etc. English proverb uses expressive meaningful definition of "evil-chance", which enhances the meaning of inevitability, imminence of misfortune. Comparing English and Russian proverbs we can see similar methods of imagery and figures of speech in Russian proverbs: personification, allegory.

It should be mentioned that the oldest English proverb is completely identical to the Russian proverb Grief comes on the heels of another — *Oдно горе идет по пятам другого*. In this way both English and Russian proverbs have identical internal shape, figurative meaning and even the lexico-grammatical structure. In Russian proverbs the word "neschast'e" "unhappiness" is replaced by the synonymous words "beda" — "trouble", "gore" — "woe" with national-colloquial usage.

Consider the next group of proverbs expressing the meaning: "leave everything as it is, or it will be worse": "Don't trouble trouble till trouble troubles you"; Let sleeping dogs lie; Let well alone; It is easier to raise the devil than to lay him and their Russian equivalents: *Ne budi liho, poka liho spit (poka spit tiho); Ne drazni sobaku, ona i ne ukusit; Ne ishhi bedy, beda sama tebja syshhet; Hrani sebja ot bed, poka ih eshho net; Ne hleshhi kobyly, i ljagat' ne stanet; Ot greha podal'she*. Using comparative analysis to this group of proverbs, which have more ancient origin, we can notice their similarities in structural and grammatical formation, their lexical content and figurative (imagery) meaning. This happens due to the fact that these proverbs contain edification, instruction that influence syntactic structure of the sentences which use verbs in form of imperative mood. Their resemblance is visible in an allegorical form of edification: "misfortune" is associated with person's everyday life, for example, zoonym "dog", which can bite (in English and Russian); with "devil" (in English only), zoonym "mare", which you shouldn't lash because it can lash out (in Russian). Thus, we can see that Russian, lexis

is more linked with the realities of peasant's life and more archaic, for example — ‘liho’ (bad thing) in the meaning of ‘neschast'e’ (unhappiness, misfortune).

Let's look at the next group of proverbs, expressing the meaning: “misfortune, need teaches a lesson, add experience, mind, forces to act”: Adversity is a great schoolmaster; Needs a must when the devil drives; Need makes the old wife trot; Hunger breaks stone walls. Here are the Russian equivalents: Bedy muchat, umu uchat (Woes torture teach your mind); Naterpish'sja gorja, nauchish'sja zhit' (Bear grief, learn to live); Nuzhda ostrit um (Need sharpens mind); Chto muchit, to i uchit (What torment that teaches); Neschast'e — velikij uchitel' (Unhappiness is a great teacher); Nuzhda nauchit gorshki obzhigat' (Need will teach how to burn pots); Nuzhda vsemu nauchit (Need will teach everything); Gol' na vydumku hitra (Necessity is the mother of invention); Gore zastavit — byk solov'jom zapojot (Mount will force — Bull will sing like a nightingale); Nuzhda skachet, nuzhda pljashet, nuzhda pesenki pojot (Need jumps, dances, and sings songs). However, there are some unique Russian proverbs containing the opposite point of view: Schast'e uma pribavljaet, neschast'e — poslednij otymet (Happiness adds mind, unhappiness-takes last one); Inomu gore — uchen'e, inomu — muchen'e (Grief is a learning for one and a suffering for another) which testifies contradictory way of thinking of a Russian man.

Comparing English and Russian proverbs of this group, one may note that in the English proverbs in the meaning of “misfortune” may the words “adversity”, “needs”, “hunger” are used. And they make a person act. In the Russian language the proverbs with the words “misfortune” (“gore” — sorrow), “bedy” (destitutions), nuzhda (poverty), gol' (the beggars) teach, add mind, experience. Besides, they express the meaning “necessity to act”.

One should note that English proverbs are rather expressive due to unusual behavior attributed to the subject, which often sounds ironic (Need makes the old wife trot), due to the use of allegories and hyperbola (Hunger breaks stone walls). Russian proverbs have a great variety at the expense of their lexico-syntactic structure. They are close to folklore due to using such stylistic devices as repetitions, syntactical parallelism, use of conjunctionless sentences, ellipsis, opposition and juxtaposition, rhyming endings, diminutive suffixes, etc.

The next group of English proverbs includes proverbs with the meaning “care and anxiety are harmful to a person, they can ruin the most viable and cheerful person”: Care killed (will kill) a cat. In this proverb a person draws analogy between himself and an animal, it is allegorical in nature. Here are the Russian equivalents: Kruchina issushit v luchinu (Sorrow will dry up to splinter); Kruchina s nog sob'jot, nuzhda vovse zakljujot (Sorrow will knock off, need will peck to death); Bedy da pechali s nog skachali (Troubles and sadness knocked off); Gore chto bedy: borozdki prokladyvajut (Misfortunes like sorrows: lay furrows); Gore ne molodit (Sorrows don't make you younger); Gore odnogo tol'ko raka krasit (Mount makes red only a lobster; Morskikh topit more, a suhoputnyh — gore (the seamen drown in the sea and the ground — in sorrow). We discovered that this meaning is much wider and more dramatically presented in Russian proverbs, because the life of Russian peasants was more severe.

Russian proverbs use folklore techniques: repetitions, unusual comparison and contrast, have allegorical nature, associated with the phenomena of nature.

The proverbs about friendship can be divided in two subgroups. The first one expresses the meaning “misfortunes test true friendship”. This meaning is widely represented much wider in English proverbs, as the British highly appreciate friendship, friendly relations: A friend in need is a friend indeed; Prosperity makes friends and adversity tries them; Calamity/Misfortune is man's true/best touchstone; A friend is never known till needed. They correspond to Russian proverbs: Drug poznajotsja v bedе; Bez bedy druga ne uznaesh' (Without troubles will not know a friend); Neispytannyj drug nenadjozhen (Untested friend is unreliable).

The semantics of the other group of proverbs expresses the meaning “misfortune is less when you are surrounded by friends”: Company in distress makes trouble less. This proverb corresponds to the Russian one: Na miru i smert' krasna. (Among close your people death can be beautiful). This proverb most clearly reflects the mentality of Russian people and their living conditions in a peasant community, called “mir”. This proverb has one historicism “mir” which meant community and semantic archaism “krasna” in the old meaning “krasivyj” (beautiful). English proverbs about friendship in generic form pass code of honor. They are aphoristic, didactic, have neutral words, deprived of vivid imagery means, express mentality of representatives of more educated class. Comparing with the English proverbs, Russian proverbs are less expressive.

The patriotism of Englishmen, their attitude towards betrayal are brightly reflected in the proverb with the meaning “cowards or unworthy people leave their friends (common business or their country) in difficult times, in crisis or danger”: Rats desert (leave) a sinking ship. This expression first appeared in the play by William Shakespeare “Tempest” in 1611 year. It reflects the popular belief that the ship rat feel catastrophe in advance. In Russian, there is a similar: Run like rats off a sinking ship which is the calque (word for word translation, loan translation) from the English.

The proverb Na obedе — vse sosedi, prishla beda — oni proch' kak voda (At the dinner all are neighbors, in troubles they are away, like water) which has close meaning to the proverbs mentioned, is characterised by allegory, greater concretization of thought at the expense of more visible and meaningful juxtaposition and has a folklore nature.

There is a group of English proverbs which express the meaning “not having tasted sorrow will know no happiness”: Who has never tasted bitter knows not what is sweet; He knows best what good is that has endured evil; Misfortunes tell us what fortune is. They correspond to the similar Russian proverbs; Gorest' ne prinjat' — sladkogo ne vidat'. (Not having (tasting) bitter, won't know sweet). The English proverb “Who has never tasted bitter knows not what is sweet” is an almost complete equivalent of the Russian proverb: Ne vkusiv (otvedav) gor'kogo, ne uznaesh' i sladkogo (Not having (tasting) bitter, won't know sweet), perhaps, due to their common source of origin. These proverbs in allegoric form has the biblical admonition that path to happiness goes through suffering. Both English and Russian proverbs have structural-semantic similarity, using generalized personal sentences.

Consider the English proverbs with the meaning “we attract unhappiness to us ourselves”: The evils we bring on ourselves are the hardest to bear. This is a unique

meaning which has no equivalents: in the Russian language. In Russian there is a proverb which is a bit similar to the English proverb and has the meaning “a person faces difficulties due to the actions that a person undertakes willingly”: *Ne znala baba gorja, tak kupila porosja* (The woman’s life was easy, until she made it busy — she bought herself a pig). These proverbs demonstrate differences in the mentality of both peoples.

Proverbs with the meaning “It easier to help someone else's trouble, than one’s own are represented in Russian better, they have ironic tone and connected with the customs and beliefs of the Russians, in particular, divination on beans: *Chuzhuju bedu rukami razvedu, a k svoej uma ne prilozhu* (Other’s problem will put away by a hand but can’t make my mind about mine); *Chuzhuju bedu na bobah razvedu, a k svoej uma ne prilozhu* (Other’s problem will solve by reading beans but can’t make my mind about mine); *Chuzhaja pechal' s uma svela, a po svoej potuzhit' nekomu* (Other’s grief took my mind and there is nobody to sorrow about mine). In English the same meaning is shown in the proverb: He is a fool that forget himself. As we can see, in the English language self-irony is expressed stronger, it is almost on the verge of ridicule.

In the semantics of English proverbs, British pragmatism is often indicated: Better the devil you know than the devil you don't//Known trouble is better than expected suspense. The Russian language has a very similar proverb: *Iz dvuh zol vybiraj men'shee* (Of two evils choose the lesser), which has almost complete English equivalent: Of two evils choose the least, as they have the common origin, dating back to the Latin proverb: “*duobus malis minimum eligendum*”. Therefore, the common origin leads to the creation of full equivalents.

At the same time, there are unique meanings, which are an integral part of only Russian proverbs, they reflect the mentality of a man from peasant, folk environment. Such proverbs express submission to fate, patience, the inevitability of misfortune, for example: *Gde bede byt', tam ejo ne minovat'* (where trouble should be, there no one can avoid it); *Pokoris' bede, i beda pokorisja* (obey troubles and troubles will obey); *Nosi plat'e, ne skladyvaj, terpi gore, ne skazyvaj* (wear a dress, do not store, endure grief do not speak about it); *Ty ot gorja za reku, a ono uzh stoit na beregu* (you run from grief over the river and it already stands on the shore); *Ot sumy da ot tjur' my ne zarekajsja* (don’t count out a prison cell, a begging bowl may come as well); *Bol'she gorja — blizhe k Bogu* (More grief — closer to God). Such obedience to destiny, inevitability of disaster, piety is the result of the fact that the nature of Russian people was formed in difficult social and natural conditions, which differ from the European ones, so the Russian mentality is determined largely by its Orthodox dogma, the recognition of value of suffering.

In the ancient times Russian people believed in the folk omens, which is often was reflected in the number of proverbs, for example: *Kukushka kukuet — gore veshhuet* (Cuckoo calls — misfortune predicts or in whose yard the cuckoo calls, there will be misfortune). The cuckoo was considered as a bird that could foresee the future.

In the Russian proverbs which are more affected by psychology of representatives of folk environment the concept happiness-unhappiness is often associated with the word “food”, for example: *Pridjot beda — ne pojdjot na um i eda* (Trouble comes — will not mind food); *U gor'koj body net sladkoj edy* (Bitter grief has no sweet meals);

Gore ne zaedajut, a zapit' možno (Grief can't be eaten but can be drunk); Luchshe hleb s vodoj, chem piry s bedoj (Better bread with water than feasts with misfortune). Russian proverbs have folklore character, their expressiveness is created by rhymes, lexical and syntactic juxtaposition using folk-spoken vocabulary.

The meaning “failures and success go after each other, changes for the better come after failures” is expressed in the following number of English proverbs: “There are a lot of them in English, for example: It is always darkest before the dawn; If there were no clouds we should not enjoy the Sun; A misty morning doesn't sign if a cloudy day; Every cloud has a silver lining; Nothing is bad as not to be good for something; It is a till wind that blows nobody good; It is a long lane that has no turning; Every dog has his day.

We found their Russian equivalents: Ne byvat' by schast'ju, da neschast'e pomoglo (It would not be happiness but unhappiness helped); Net huda bez dobra (every cloud has a silver lining); Posle grozy — vjodro, posle gorja — radost' (After the storm — fine weather, after grief there will be joy); Chem noch' temnee, tem jarche zvjozdy (The night darker, the stars — brighter); Ne vsjo nenast'e, progljanet i krasnoe solnyshko (Bad weather is not forever, there will be Red Sun); Pridjot solnyshko i k nashim okoshechkam (The Sun will come to our little windows); Budet i na nashej ulice prazdnik (There will be a celebration on our street); Dovedjotsja i nam pesenku spet' (There will be a celebration on our street and we will sing a song); Vsemu na svete prihodit konec (Everything on Earth comes to end); Schast'e i ne schast'e na odnih sanjah ezdjat (Happiness and unhappiness ride the same sleigh). As you can see, in the Russian proverbs happiness is compared with the phenomena of nature: for example: ‘krasnoe solnyshko’ (red sun), ‘groza’ (thunderstorm), ‘vjodro’ (sunny day), ‘noch’ (night), ‘zvezdy’ (stars) etc.

Expressiveness in the Russian proverbs is created due to the diminutive suffixes, as languages with developed affixation allow to express subtle semantic differences and expressiveness, which cannot be said about languages with poor affixing resources. Expressiveness of some Russian proverbs is created because of rich Russian word-formation by using a lot of diminutive-hypocoristic suffixes (“solnyshko”, “okoshechko”, “pesenka” and so on). The English proverbs of this group are also imagery and expressive. We can see close relationship between a man and nature. Abstract meaning of these proverbs can be seen through concrete manifestation of such natural phenomena as ‘dawn’, ‘clouds’, ‘sun’, ‘wind’, ‘misty morning’, ‘cloudy day’. Such proverbs related to weather conditions, reflect the mentality of the British, living in a rainy, changeable climate, for whom sunny weather is associated with something good and cheerful.

English proverbs also reflect mentality of a man who is confident in the happy future. A large part of the English proverbs contains edification expressed by a simple two-part sentence. If we analyze the following selected group of English proverbs, expressing the meaning “one luck goes after another”: Nothing succeeds like success; Luck goes in cycles; He dances well to whom fortune pipes. Let's see Russian equivalents: Gde schast'e povedjotsja, tam i petuh snesjotsja (Where happiness will settle a cock will lay eggs); Odná udacha idjot, druguju vedjot (One luck goes, another

leads). We can notice that English proverbs are stylistically neutral and the imagery is created due to unusual lexical matching.

There is a group of English proverbs having the following meaning “a man must seek happiness, relying on his own forces”: God helps those who help themselves; Every man is the architect of his own fortune; Fortune is good to him who knows how to make good use of it.

Here are the Russian equivalents: *Vsjak svoemu schast'ju kuznec* (Everyone is a blacksmith of his luck); *Na Boga nadejsja, a sam ne ploshaj* (Trust in God but be good yourself); *Bog to Bog, da i sam bud' ne ploh* (God is God but don't be bad yourself); *Bogu molis', a k beregu grebis'* (Pray to God but oar to the shore); *Berezhjonogo i Bog berezhjot* (God cares those who cares himself); *Schast'e v vozduhe ne v'jotsja, a rukami dostajotsja* (Happiness is not in the air, but can be caught by hands). The form of expression of thought in the English and Russian proverbs is different, but they both express optimism and reliance on one's own forces, characterizing both English and Russian people. However, almost all Russian proverbs mention God, reflecting godliness of Russian people. Besides, Russian proverbs have rhythmic structure through the use of similar sounding endings such as “*molis'-grebis'*”, “*v'jotsja-dostajotsja*”, as well as the use of people's colloquial vocabulary.

The English proverbs “While there is life, there is hope; Never say die; If it were not for hope the heart would break” demonstrating the meaning “never leave hope and always hope for the best correspond to the Russian equivalents: *Schast'e skoro pokidaet, a dobraja nadezhda — nikogda* (Happiness soon leaves and good hope — never); *Poka dyshu — nadejus'* (As long as I breath I hope); *Vek zhivi, vek nadejsja* (Live your age and hope); *Kolotis', bejsja, a vsjo nadejsja* (Struggle and fight but hope); *Nadezhda umiraet poslednej* (Hope dies last). In spite of this there is a difference in the composition of English and Russian proverbs. English proverbs are didactic, have bookish character and structurally dissimilar. As far as Russian proverbs are concerned they are mostly compound sentences, they present structural juxtaposition and rhythmic organization.

The proverbs expressing the meaning that happiness is “easier to find than keep it”. Compare the English and Russian proverbs: *Fortune is easily found, but hard to be kept. Legko najti schast'e, a poterjat' i togo legche* (Easily to find happiness and to lose it easier). These proverbs are transparent in their inner form and are partial equivalents, which argues the universality of human thinking.

We found another common meaning of English and Russian proverbs “you are happy when your children are happy”. Compare: *Happy is he that is happy in his children and its Russian analogue: Na chto klad, esli deti idut v lad* (Why do you need a treasure, if your children go well). In spite of the fact that they have the similar meaning the English and Russian proverbs are different in their lexico-syntactic structure. English proverbs is a simple statement, its vocabulary is neutral. Russian proverb has a folklore character and an unusual juxtaposition and rhyming words.

Some Russian and English proverbs have no equivalents in the English and Russian languages: for example, the English proverb “He is happy that thinks himself so” in which the mentality of the British is vividly reflected has no equivalent in Russian, and vice versa: there are some Russian proverbs that have no equivalents in English.

We can see it especially clear in the Russian proverbs in which happiness is understood as freedom: Schast'e — vol'naja ptashka, gde zahotela, tam i sela (Happiness is a free bird, it sits where it wants); Schast'e v oglobli ne vprjazh'josh' (you won't put happiness in shafts); Schast'e — ne batrak: za vihor ne pritjanesh' (Happiness is not a cottar you won't bring it with a cowlick); Schast'e ne dvorjanstvo, ne rodom vedjotsja (Happiness is not nobility, can't be inherited); Schast'e — ne kon': homuta ne nadenesh' (Happiness is not a horse you won't put a clamp on it). This understanding of happiness is typical for a Russian man and has a social nature. These proverbs indicate the freedom-loving character of Russian people and their desire to achieve happiness.

The concept of 'happiness-unhappiness' is one of the most important part in life of every person and people. We analyzed and compared only a part of British and Russian proverbs associated with the idea "happiness-unhappiness", but this range of proverbs enables us to get closer to understanding what mentality of English and Russian peoples is. The English and Russian proverbs of the concept "happiness-unhappiness" helped us to unveil these vital notions which are common to all linguistic and cultural ethnic groups despite the different language means.

Comparative structural and semantic analysis of the proverbs in the English and Russian languages, related to the binary concept "happiness-unhappiness" allowed to reveal the multisided attitude of the peoples towards this concept. On the one hand, there are some English and Russian proverbs that are basically identical and express the same meaning, which can be explained by both universal human nature and the same sources of origin (Bible), influenced Germanic and Slavic languages as well. On the other hand, there are proverbs in which cultural and national specifics are expressed.

The English proverbs are characterized by a certain didactic character, a special kind of understanding of happiness as a moral category, a greater strictness in the selection of lexical means and monotony of syntactic structures. However, many English proverbs use unusual lexical means (zoonyms, names of natural phenomena, allegory, imagery epithets, the technique of personification, rhyme, irony, sense of humor) that add them vividness, expressiveness and thus softening the didactic character. This is the mentality of a fairly educated Englishman living in other historical conditions.

In Russian proverbs, we found a similar understanding of the concept of "happiness-unhappiness", particularly, in the understanding of the meaning "happiness" as a specific condition for a successful life. They contain both humor and vivid allegory and effer-vescent fun, joy in achieving happy life, however, the meaning of "bad luck", especially in Russian proverbs reveals the negative attitude to the bad living conditions (gore, beda, liho etc.). Russian proverbs also demonstrate the godliness of Russian people (reliance on God, the inevitability of fate), these are the personalities of the Russian mentality.

It should be mentioned that in Russian proverbs we meet extensive use of various folk means and in particular, sound (rhyme, rhythm, alliteration), semantic and stylistic techniques (epithets, similes, metaphors, impersonation, irony, metaphor), syntactic means (concurrency syntactic structures, repetitions, graduation) and lexical resources (historism, archaism, people's collocations, emotional and expressive colored vocabulary etc.). Using of folklore methods suggests that a Russian man is a man from peasant's environment, who has such characteristics as poetry, humor, observance and even

superstition. Thus, structural-semantic analysis of English and Russian proverbs revealed their figurative and linguistic specificity and national-cultural identity.

Russian proverbs are characterized by the use of partial rhyme, sound repetitions, which create melodiousness, both internal and external harmony, syntactic similar constructions (parallelism), comparisons, allegory, methods of folklore, poetry of Russian character, which is also a distinctive feature of nature of Russian mentality. The national identity of English and Russian proverbs is reflected due to special conditions of climatic, material, socio-economic and cultural life of the peoples. The materials and results of the research can be applied in teaching and translation activity as well as in intercultural communication.

CONCLUSIONS

Comparative structural and semantic analysis of English and Russian proverbs, showed that among them one can identify equivalent in meaning proverbs, as well as analogues, in which the features of a national character are vividly displayed. However, English proverbs are more distinctive in their didactic, edifying character, they are more specific, they often use correlative, adversative and motivational proposals. They use more neutral vocabulary. Emotivity and imagery is created through the inclusion of unusual lexical components (zonyms, antonyms, somatisms, etc.).

Russian proverbs, despite being also edifying, are more expressive. They include folk-spoken, often archaic vocabulary, use diminutive affectionate suffixes, more often use sound repetitions and rhymes that serve to actualize their meaning and contribute to their memorization. They also widely use comparative and adversarial constructions, as well as syntactic parallelism. In general, they are close to folklore. Most of the English proverbs, in their structure and didactic orientation, are aphoristic, they contain a more neutral vocabulary. This shows that in English proverbs the mentality of an educated person is represented, whereas in Russian proverbs the image of a man's thoughts from a people's, peasant environment that carries in him not a high culture, but rather humanity and kindness, not avoiding of some cunning, “acumen”.

To sum up: the analysis of English and Russian proverbs of the conceptual paradigm “happiness-misfortune” made it possible to reveal the basic life values of the Russian people — compassion, mercy, deep love of humanity, mutual aid, natural naivety and even some simplicity, in general, kindness, while English proverbs reflect quite different features — stiffness and at the same time some freethinking, combined with closeness and lack of dreaminess, an overly harsh view of life, in general, the ultimate pragmatism.

© T. Orlova, A. Kolosova, Y. Medvedev, S. Barov

Дата поступления: 24.02.2018

Дата приема в печать: 24.03.2018

REFERENCES

1. Ayto, J. (2010). *Oxford Dictionary of English Idioms (Oxford Quick Reference) 3rd Edition* Oxford University Press.
2. Cluski, J. (1971). *A comparative book of English, French, German, Italian, Spanish and Russian proverbs with a Latin appendix/ comp. and ed. by Jerzy Cluski — Amsterdam; London, New York: Elsevier, XXXVIII.*

3. Dal', V.I. (20042007). *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka. Sovremennoe napisanie.* 4 vol. M.: AST, Astrel'.
4. Deutscher, G. *Through the Language Glass: Why the World Looks Different in Other Languages,* 2011, p. 9, 320 p.
5. Doyle, Charles Clay *The dictionary of modern proverbs / Comp. by Charles Clay Doyle, Wolfgang Mieder, and Fred R. Shapiro — New Haven; London: Yale university press, cop. 2012 — XIV, 294 p.*
6. Dubrovskaya, O.G. *Russian and English proverbs as culturological units.* Tyumen, 2002, p. 148.
7. Flavell Linda and Roger *Dictionary of proverbs: and their origins / Linda and Roger Flavell.* London: Kyle Cathie, 2008, 280 p.
8. Honeck, R.P. *A proverb in mind: The cognitive science of proverbial wit and wisdom.* Mahwah, NJ: Erlbaum, 1997, 318 p.
9. Ivanova, E.V. *Mir v anglijskikh i russkikh poslovitsakh: Uchebnoe posobie [World in English and Russian proverbs: Textbook].* SPb.: ed. St. Petersburg State University, 2006, p. 3, 280 p.
10. Jackson, A.L. *The dynamics of proverbial sayings: discover the connections within / by Lorenzo A. Jackson.* Great Britain: Lorenzo A. Jackson, 2011, 360 p.
11. Hofstede, Geert H. *Cultures and Organizations: Software of the Mind: Inter cultural Cooperation and its importance for Survival (by Geert, Hofstede, Gert Jan Hofstede and Michael Minkov.* 3rd ed. N.Y: McGraw-Hill, 2010, p.61, 576 p.
12. Kotova, M. *Russko-slavianskii slovar' poslovits s angliiskimi sootvetstviiami [Russian-Slavic dictionary of proverbs with their English equivalents].* Saint Petersburg, University Publ., 2000, p. 22, 360 p.
13. Kramsch, C. *Language and Culture (Oxford Introductions to Language Study).* Oxford: Oxford University Press, 1998, p. 3, 134 p.
14. Manser, Martin H. *The Facts on File dictionary of proverbs / Manser: accociate editor, Rosalind Fegusson. Martin H. Manser NewYork; [Great Britain]: Favts on File, 2002, 440 p.*
15. Margulis, A., & Kholodnaya, A. *Russian-English Dictionary of Proverbs and Sayings North Carolina: McFarland, 2008, 495 p.*
16. Mieder, W. *Proverbs. Handbook.* Westport & Connecticut & London, Greenwood Publishing Group, 2004 (reprinted 2011), 304 p.
17. Mieder, W. *Tradition and Innovation in Folk Literature.* Routledge, 2015, p. 1, 304 p.
18. Friedman, M., Chen, H.-Ch., & Jyotsna Vaid, Jy. *Proverb preferences across cultures: Dialecticality or poeticality? *Psychonomic Bulletin & Review*, 2006, 13 (2), pp. 353—359.*
19. Permjakov, G.L. *Osnovy strukturnoj pareomiologii.* M.: Nauka, 1988, p. 16, 236 p.
20. “Proverbs Speak Louder Than Words”: *Folk Wisdom in Art, Culture, Folklore, History, Literature and Mass Media (2008).* N.Y.: Peter Lang Inc., International Academic Publishers, 2008, pp. 9—10, 357 p.
21. Sergeeva, A.V. *Russkie: stereotipy povedenija, tradicii, mental'nost'.* M.: Flinta: Nauka, 2010, 320 p.
22. Shatskaya, E.Y. *Tematicheskij slovar' russkikh i anglijskikh poslovits i pogovorok [Thematic Dictionary of Russian and English proverbs and sayings].* Publisher “Pero”, Moscow, 2013, 157 p.
23. *Slovar' upotrebiteľ'nykh poslovits [Glossary of commonly used proverbs] / M.V. Bukovskaya, S.I. Vyal'tseva, Z.I. DUBYANSKAYA i dr.* Moscow, Russian language, 1990, 234 p.
24. Speake, J. *The Oxford Dictionary of Proverbs.* Oxford University Press, 2015, 416 p.
25. Telia, V.N. *Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguistic-cultural aspects.* M., 1996, p. 249.
26. Zhukov, V.P. *Slovar' russkikh poslovits i pogovorok [Dictionary Russian proverbs and sayings].* M., 1990, 537 p.

УДК: [811.161.1:811.111]27:398.9

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-320-334

ВЫРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦАХ

Т.Г. Орлова, А.А. Колосова,
Ю.С. Медведев, С.А. Баров

Российский университета дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье проводится сопоставительный структурно-семантический анализ английских и русских пословиц, выражающих идею «счастье—несчастье» и отражающих национально-культурную самобытность и специфику мышления английского и русского народов. Цель статьи — описать и показать сходство и различия в менталитете и восприятии мира носителями английского и русского языков. Эта цель была достигнута благодаря изучению структурных и семантических особенностей и выразительно-оценочных компонентов пословиц. В результате исследования на материале указанных языков были выявлены общие и специфические свойства русских и английских пословиц. Объектом исследования являются английские и русские пословицы, связанные с бинарной концепцией «счастье—несчастье». Во время анализа был выявлен и систематизирован основной смысл пословиц. Анализ фразеологического значения, лексических компонентов, синтаксической структуры, выразительных и эмоциональных свойств, коннотаций, организации английских и русских пословиц позволили определить роль лингвистических средств в выражении особенностей менталитета носителей английского и русского языков.

Ключевые слова: национальная и культурная идентичность; менталитет; сравнительный структурный и семантический анализ; стилистические свойства пословиц; универсальность человеческого разума

For citation:

Orlova T., Kolosova A., Medvedev Y. & Barov S. (2018). Expressing of national and cultural identity in English and Russian proverbs. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (2), 320—334. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-320-334.

Сведения об авторах:

Орлова Татьяна Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук РУДН; *научные интересы:* сравнительное языкознание; *e-mail:* orlova_tg@mail.ru

Колосова Алевтина Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации филологического факультета РУДН; *научные интересы:* прикладная лингвистика, межкультурная коммуникация; *e-mail:* kolosova_aa@mail.ru

Медведев Юрий Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук РУДН; *научные интересы:* лингвокультурология; *e-mail:* medvedev_ys@mail.ru

Баров Сергей Андреевич, кандидат политических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук РУДН; *научные интересы:* контрастивная лингвистика, лингвокультурология; *e-mail:* barov_sa@pfur.ru

Bio Note:

Orlova Tatiana Gennadievna, Candidate of Philology, Associate Professor, the Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, PFUR; *scientific interests*: comparative linguistics; *e-mail*: orlova_tg@mail.ru

Kolosova Alevtina Aleksandrovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, the Department of Intercultural Communication, Faculty of Philology, PFUR; *scientific interests*: applied linguistics, intercultural communication; *e-mail*: kolosova_aa@mail.ru

Medvedev Yuri Sergeevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, the Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, PFUR; *scientific interests*: linguocultorology; *e-mail*: medvedev_ys@mail.ru

Barov Sergey Andreevich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, the Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, PFUR; *scientific interests*: contrastive linguistics, linguocultorology; *e-mail*: barov_sa@pfur.ru

УДК: 811.163.1'37

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-335-350

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ЛЕКСИКИ ПРАВОСЛАВНОГО ВЕРОУЧЕНИЯ В ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ*

С.В. Феликсов

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
ул. Новокузнецкая, 23 стр. 5а, Москва, Россия, 115184

В статье рассматривается одна из актуальных и недостаточно изученных проблем, связанных с вопросом семантической классификации лексики православного вероучения, функционирующей в текстах церковнославянского языка. Автор отмечает, что представленные в научной литературе опыты семантического деления лексики религиозной сферы в большей степени носят прикладной, нежели фундаментальный характер, что во многом объясняется отсутствием со стороны ученых, занимающихся данной проблемой, целостного подхода к рассмотрению изучаемого предмета. Преодолевая методологическую односторонность, лексика православного вероучения в работе получает семантическое описание как с учетом тех значений, которые зафиксированы у нее в лексикографических и текстовых источниках церковнославянского языка, так и с опорой на экстралингвистические факторы. Такой подход позволил выработать, по мнению автора, четкие основания для семантического деления религиозных языковых единиц и разработать универсальную классификационную схему, позволяющую на ее базе описать все то многообразие лексики православного вероучения, которое существует в церковнославянском языке. Определяя теоретико-практическую значимость полученных в ходе исследования результатов, в работе отмечается, что представленное решение лингвистической проблемы может быть использовано в методических целях при написании учебных пособий по церковнославянскому языку, а также окажется полезным при составлении семантического словаря религиозной лексики.

Ключевые слова: церковнославянский язык, семантическая классификация, лексика православного вероучения, онтологическая теория языка, лексико-эйдетическая группа

ВВЕДЕНИЕ

Семантическое изучение лексики православного вероучения¹, содержащейся в церковнославянском языке, является одной из важнейших научных задач, решение которой будет способствовать не только созданию академической грамматики данного языка, но и более глубокому пониманию того, как при помощи языковых средств осуществляется выражение духовного опыта русского народа.

Исследуя данный вопрос, необходимо констатировать, что общей особенностью имеющихся руководств по церковнославянскому языку является их сосредото-

---

* Работа поддержана грантом Фонда развития ПСТГУ «Церковь и школа в России в период 1900—1918 гг.» (01—0317/КИП 3).

¹ Под «лексикой православного вероучения» в работе понимается совокупность лексико-фразеологических единиц и непредикативных (назывных) сочетаний слов, именующих эйдос «Православная вера».

точность на описании грамматической и фонетической сторон, в то же время сведения по лексике излагаются крайне скупо. Так, например, в наиболее фундаментальном учебнике по церковнославянскому языку иеромонаха Алипия (Гамановича) отсутствует раздел, посвященный системному изложению лексической системы церковнославянского языка [1]. Тот же недостаток имеют и многие современные учебники по церковнославянскому языку, рекомендованные для студентов высших и средних учебных заведений. Среди них, например, учебник А.Г. Воробьевой [2], иеромонаха Андрея (Эрастова) [3] и др.

Более или менее полно из существующих к настоящему времени руководств сведения по лексике излагаются в учебниках церковнославянского языка А.А. Плетневой, А.Г. Кравецкого [4] и Т.Л. Мироновой [5], однако и в них в должной мере не содержится описания религиозной лексики церковнославянского языка в семантическом аспекте.

Таким образом, религиозная лексика церковнославянского языка как структурное образование не получила развернутого семантического описания своей системы в существующих руководствах по церковнославянскому языку. Такое положение дел обусловлено тем, что к настоящему времени мы не имеем научного академического описания церковнославянского языка [6] и, в частности, *«хоть сколько-нибудь полного описания церковнославянской лексической системы»*, а также *«перечня наиболее важных для лексикологии церковнославянского языка научных задач и подходов к их решению»* [7].

Одним из наиболее заметных отзывов на подобное положение дел за последнее время стала кандидатская диссертация О.А. Матвеевой «Церковнославянская лексика как терминосистема» [8]. В ней автор, анализируя в семантическом аспекте лексику церковнославянского языка, выделяет следующие основные тематические группы данного класса слов: 1) понятия догматического и нравственного богословия, 2) ментальные универсалии — «универсальные идеи христианства», 3) понятия церковной истории, 4) богослужebные понятия и нек. др. [8. С. 18—19]. Однако представленная О.А. Матвеевой тематическая классификация церковнославянской лексики, к сожалению, не разработана детально и имеет, с нашей точки зрения, логические противоречия в своих классификационных основаниях.

В то же время необходимо отметить, что проблема семантического описания религиозной лексики более глубоко разработана применительно к русскому языку в трудах таких ученых, как Г.Н. Складаревская [9], Р.И. Горюшина [10], И.А. Королева [11], М.Е. Петухова [12], С.В. Булавина [13], Ю.Н. Михайлова [14], И.К. Матей [15] и др., что делает возможным постановку вопроса относительно экстраполяции описанных в них семантических опытов применительно к лексике православного вероучения церковнославянского языка, поскольку в этимологическом отношении в данном случае мы имеем дело в большинстве случаев с одними и теми же языковыми единицами.

Обратившись к анализу работ указанных авторов в свете поставленной цели исследования, вслед за В.Р. Тимирхановым и А.Г. Михайловой, систематизировавшими основные семантические деления *«лексики религиозной сферы»*, необходимо признать, что среди современных лингвистов к настоящему времени *«нет общего подхода»* при рассмотрении данного класса слов [16. С. 486]. В работе

названных ученых также отмечается, что современные лингвисты описывают указанные «лексические множества в составе разных как по названиям, так и по количеству тематических групп, выделенные тематические группы имеют разнообразный набор языковых единиц» [16. С. 486]. Ср., например (см. табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

**Примеры тематических классификаций религиозной лексики русского языка /
Examples of thematic classifications of religious lexicon of Russian**

Г.Н. Складневская «Словарь православной церковной культуры»	Р.И. Горюшина «Лексика христианства в русском языке (системное отношение прямых конфессиональных и производных светских слов)»	И.К. Матей «Православная лексика в современном русском языке и языковом сознании его носителей»
1) основные понятия вероисповедания и богословские понятия	1) именованя Верховного Божества, Всевышнего Творца	1) словесные единицы, обозначающие основные понятия вероисповедания, таинства и богословские термины
2) лексика христианской морали	2) наименования понятий, обозначающих религиозные начала	2) словесные знаки, отражающие основные понятия христианской морали и церковной жизни
3) названия таинств	3) наименования понятий, противоречащих религиозным началам, канонам, истинам	3) словесные единицы, именующие формы и элементы богослужения
4) наименования небесной иерархии	4) наименования предметов культа, религиозных обрядов и таинств	4) словесные единицы, обозначающие предметы богослужения
5) элементы церковного календаря, церковные праздники, богослужебный круг, суточные богослужения	5) именованя священнослужителей христианской церковной иерархии	5) словесные единицы, описывающие церковную архитектуру, живопись, утварь, облачения духовенства
6) формы и элементы богослужения	6) именованя подвижников и противников христианства	6) слова и словосочетания, обозначающие наименования церковной иерархии и личные имена
7) храм и его части	7) наименования предметов церковной утвари и церковного назначения	7) словесные единицы, обозначающие имена собственные Бога и Богородицы
8) предметы богослужения	8) наименования религиозных праздников	8) словесные знаки, обозначающие наименования икон, иконографических типов Бога, Богородицы, библейских персонажей, Небесных сил и святых
9) священнические облачения и их части	9) наименования книг церковного содержания	9) слова и словосочетания, именующие священные книги, тексты молитв и способы их исполнения
10) наименования церковной иерархии	—	10) словесные знаки, обозначающие личные имена и дополнительные наименования библейских персонажей, святых, Небесной иерархии и знаменательных лиц
11) наименования библейских персонажей и знаменательных лиц	—	11) слова и словосочетания, обозначающие наименования праздников и элементов церковного календаря
—	—	12) слова и словосочетания, обозначающие географические названия святых мест, монастырей, церквей, часовен и т.д.

Кроме того, изучение трудов, описывающих религиозную лексику, свидетельствует, что представленные в них семантические классификации в большей степени носят прикладной, нежели фундаментальный характер, т.к. они лишены четких оснований деления описываемых языковых единиц и не охватывают в полноте своей состав религиозной лексики русского языка, выборочно и фрагментарно отражая лишь ту ее часть, которая является наиболее употребительной в речи современных носителей.

Подобное положение дел заставляет искать новые подходы в исследовании заявленной темы. В этой связи представляется важным отметить, что неразрешенность поставленного вопроса обусловлена не только сложностью «самого предмета научных исследований» [16. С. 486], но и отсутствием со стороны ученых целостного подхода к его рассмотрению, в соответствии с которым при создании семантических моделей учитывались бы как собственно языковые, так и экстралингвистические — онтологические факторы, что, с нашей точки зрения, является существенно необходимым, поскольку лексика религиозной семантики, аккумулируя в себе смыслы духовного содержания, в своей совокупности репрезентирует не плод человеческого разума, а Божественное, или сверхъестественное Откровение.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

В свете сказанного лингвистической методологической базой исследования стала онтологическая (реалистическая) теория языка, основывающаяся на идеях православного учения о бытии и слове. Данная теория разработана и описана в трудах таких мыслителей и ученых, как К.С. Аксаков [17], А.Ф. Лосев [18; 19], П.А. Флоренский [20], С.Н. Булгаков [21], А.М. Камчатнов [22; 23], В.И. Постолова [24] и др.

Опираясь на теоретические положения данной теории, считаем целесообразным в методологических целях введение термина «эйдососфера», под которым мы будем понимать объективно существующий «мир» эйдосов (идей или смыслов), который благодаря своим энергиям «узревается» человеческим сознанием в виде «резко очерченной, изваятельно-осязательной фигурности смысла бытия» [18. С. 711]².

Помимо этого, для обозначения совокупности лексико-фразеологических единиц и непредикативных (номинативных) сочетаний слов, «порожденных» тем или иным эйдосом в результате акта именования, в исследовании будет использоваться термин «лексико-эйдетическая группа» (далее — ЛЭГ)³.

² Вводя данный термин, мы исходим из христианской интуиции, согласно которой Бог «одновременно творит вещь и ее идею в их неслитности и нераздельности» [23. С. 37], вследствие этого в реальности «мы имеем дело не с голыми идеями, не с голой материей, но с тем их абсолютно-нерушимым тождеством, которое и есть реальная действительность» [19. С. 172].

³ Термин «лексико-эйдетическая группа» введен в научный оборот проф. А.М. Камчатновым, ученый использует его в своих работах вместо термина «лексико-тематическая группа». Подробно см.: [23. С. 71—73].

ОПИСАНИЕ ЭЙДОСОСФЕРЫ «ПРАВОСЛАВНАЯ ВЕРА»

Онтологический подход к языку предполагает прежде всего обращение к дедуктивному способу семантического анализа, т.е. путь от эйдоса к слову. В силу этого первым шагом на пути построения семантической классификации лексики православного вероучения должно стать описание «мира» эйдосов, составляющих содержание эйдосферы «Православная вера». Представим в общем виде данное описание, опираясь на православно-догматические труды, положив в его основу учение о Церкви (рис. 1).

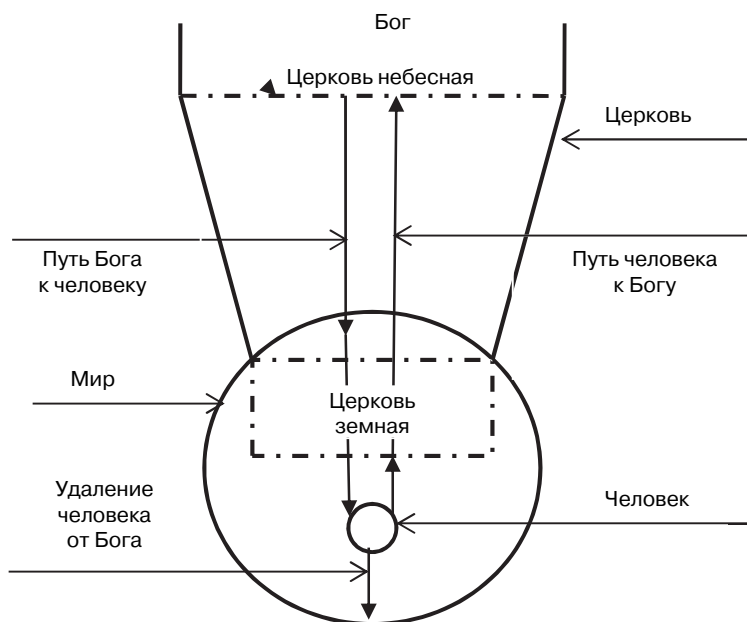

Рис. 1. Модель, отражающая устройство Православной Церкви

Fig. 1. The model reflecting the device Orthodox Church

Согласно православному вероучению, Церковь имеет иерархическую организацию. Основателем и Главой Церкви является Бог. Церковь в обширном смысле включает в себя небо и землю, то есть состоит из Церкви земной и Церкви небесной, неразсторжимо связанных друг с другом во Христе. Церковь небесная (торжествующая) является невидимой для человека. Она *«заключает в себе всех святых Ангелов, все Небесное воинство, славящее Бога, и тех христиан, которые совершили уже свое земное течение <...> и теперь торжествуют, участвуя в Славе Христа»* [Церковь небесная и земная 2008: 2].

Церковь земная (воинствующая) представляет собой общественный орган, существующий в земном и временном бытии, она ограничена в пространстве и времени, доступная земному опыту, развивающаяся и имеющая свою историю и свое начало. Она состоит из членов, живущих на земле — священнослужителей и мирян.

Церковь земная существует в мире, хотя она сама, как и Господь Иисус Христос *«не от мира»* (Ин. 17, 16). В связи с этим апостол заповедует христианам *«не любить мира, ни того, что в мире»*. *«Кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего»* (1 Ин. 2, 15—17). Толкуя данное библейское наставление, святитель Игнатий Брянчанинов поясняет, что под словом «мир» понимаются *«те человеки, которые проводят греховное, противное воле Божией, житительство, живут для времени, а не для вечности»* [26. С. 269], а преподобный Исаак Сирий отмечает, что мир здесь *«есть имя собирательное, обнимающее собою то, что называется страстями»* [Цит. по: 27. С. 206].

Таким образом, Церковь земная, существуя в мире, находится посреди царства греха, в котором, по слову Евангелия, «князем» является дьявол (Ин. 12, 31). Церковь земная называется воинствующей, потому что она борется с этим греховным миром. При этом *«Церковь земная не является замкнутой в себе структурой, для нее характерна предельная открытость миру, она предлагает свои духовные ценности всем и каждому»* [28. С. 243].

Церковь Христова представляет собой внутреннее и внешнее единство Церкви земной и Церкви небесной, то есть жизнь Церкви земной и Церкви небесной нерасторжимо связана друг с другом. В чем же проявляется это единство? Во-первых, в стремлении Бога к человеку (путь Бога к человеку). Бог постоянно призывает нас в общение с Собой. От начала мира он открывался людям через творение и закономерности в истории и жизни, через голос человеческой совести, а с приходом на землю Спасителя совершилась великая тайна благочестия — Искупление. В связи с этим *«человек в своих поисках Бога устремляется не в пустоту, ибо Бог Сам идет навстречу ему»* [29. С. 61]. Во-вторых, в обращении человека к Богу (путь человека к Богу). Согласно православному вероучению, *«основная цель жизни человека — услышать зов Божий, обращенный к нему, и ответить на него»* [30. С. 66], соединиться с Богом. В связи с этим человек должен проявить деятельное стремление к Богу, выражающееся в добродетельной жизни, основой для которой должна стать вера и любовь к Богу.

Таким образом, осмысляя в целом единство Церкви как Церкви земной и Церкви небесной, вслед за С.Н. Булгаковым заключаем, что *«Церковь не есть только община последователей»*, а есть *«некое Существо, живой богочеловеческий организм, Тело Христово»* [31. С. 346].

ЛЕКСИКО-ЭЙДЕТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ЛЕКСИКИ ПРАВОСЛАВНОГО ВЕРОУЧЕНИЯ

Представленное выше описание эйдососферы «Православная вера» позволяет выделить в ее составе четыре наиболее богатых по своему содержанию эйдоса — «Бог»⁴, «Церковь», «мир» и «человек», — которые, как нам представляется, и должны лечь в основу семантического деления при описании лексики православного вероучения.

⁴ Отметим при этом, что, с точки зрения православного богословия, *«Бог не есть ни вещь, ни идея, ибо сам превосходит и то и другое»* [23. С. 37].

В свете сказанного полагаем, что вся совокупность лексико-фразеологических единиц и непредикативных (номинативных) сочетаний слов, объективирующих эйдососферу «Православная вера» как на славяно-русской, так и другой языковой основе, может быть классифицирована и описана в соответствии со следующими основными ЛЭГ:

- I. «Бог»,
- II. «Церковь»,
- III. «Мир»,
- IV. «Человек»,
- V. «Бог — Церковь — Человек — Мир».

Учитывая, что «каждый язык по-разному понимает одно и то же понятие [19. С. 39], комплекс единиц, объективирующих эйдососферу «Православная вера», безусловно, будет иметь применительно к конкретному языку свои индивидуальные характеристики, отражая специфику национального миропонимания.

Опираясь на анализ словарных («Церковный словарь» протоиерея Петра Алексеева [32], «Полный церковно-славянский словарь» протоиерея Григория Дьяченко [33] и др.) и текстовых (церковнославянский текст Елизаветинской Библии, корпус церковнославянских текстов НКРЯ и др.) источников церковнославянского языка, содержащих лексику православного вероучения, представим ее описание в соответствии с указанными ЛЭГ, выделив в их структуре подгруппы и микрогруппы.

I. Лексико-эйдетическая группа «Бог»

Данная ЛЭГ включает лексику и непредикативные сочетания слов, именующие и характеризующие Бога в соответствии с Его пониманием в Православии, она включает в себя следующие подгруппы.

1. Наименования-характеристики Троицного Бога (когочначалѣ, свѣтла троица, трѣдннй богъ и др.), Его апофатических и катафатических свойств (вѣчннй, всемогѹщій, свѣтлой и др.) и общие наименования, служащие для выражения представлений о Божественной природе (лицо, сѣщностъ, вполтакъ и др.).

2. Наименования-характеристики Бога Отца (кожественный оумъ, отецъ нексннй, отецъ свѣтокъ и др.) и Его ипостасных свойств (нерожденный и др.).

3. Наименования-характеристики Бога Сына (аггелъ велика совѣта, послѣднй адамъ, сынъ давидовъ и др.) и Его ипостасных свойств (сдннородный и др.).

4. Наименования-характеристики Бога Святого Духа (дѹхъ кожій, дѹхъ истинны, оутѣшитель и др.) и Его ипостасных свойств (нехожденїе и др.).

II. Лексико-эйдетическая группа «Церковь»

Данная ЛЭГ является по своему составу самой многочисленной, включая в себя лексику и непредикативные сочетания слов, именующие и характеризующие Церковь небесную и Церковь земную.

1. Наименования-характеристики Церкви как богочеловеческого организма (градъ кожій, кинїа истиннаа, тѣло христово и др.) и ее свойств (сдннство, свѣтостъ, соборностъ и др.).

2. Лексика, именующая и характеризующая Церковь небесную.

2.1. Наименования-характеристики Церкви небесной (авраамово нѣдро, небесный їерѹсалїмъ, свѣтлой градъ и др.) **и ее свойств** (небесность, свѣтотѣ и др.).

2.2. Лексика, именующая и характеризующая состав Церкви небесной:

а) собирательно-обобщающие наименования-характеристики членов Церкви небесной (ангельскїй сокоръ, общество свѣтлыхъ, торжествѹющїй сокоръ и др.);

б) наименования-характеристики бесплотных духов, служащих Богу (ангелы кожїи, ангелы небесные, дѹхи бесплотные и др.), их чинов (начала, престолы, ерафимы и др.) и свойств ангельской природы (бесплотные, дѹховные и др.);

в) наименования-характеристики преставившихся Богу членов Церкви земной и ликов святости (взмездники, мѹченики, свѣтителї и др.);

г) собственные имена членов Церкви небесной (архангелъ мїхалъ, дѣва марїа, ноаннъ крестителъ и др.).

3. Лексика, именующая и характеризующая Церковь земную.

3.1. Наименования-характеристики Церкви земной (коннствѹющая церковь, странствѹющая церковь, церковь спалющихъ и др.).

3.2. Лексика, именующая и характеризующая состав Церкви земной:

а) собирательно-обобщающие наименования-характеристики членов Церкви земной (кожїе стадо, паства, царственное свѣщенство и др.);

б) наименования клириков и мирян (в соответствии с их степенями священной и правительственной иерархии, церковными должностями и церковным статусом) (архієпископъ, архїмандрїтъ, космопрїемникъ, дверница, діаконисса, дѹховникъ, ексзархъ, игѹменъ, нподїаконъ, канонархъ, ланкъ, монахъ, прихожанннъ, сакеларїї, чтецъ и др.) и характеризующих их качеств и свойств (благосердый, боголюбивый, православный, прозорливый и др.);

в) собственные имена членов Церкви земной (Григорїї Палама, Давидъ, Ноаннъ Златоустъ и др.).

3.3. Наименования-характеристики внутренних церковно-административных отношения между членами Церкви земной:

а) видов церковных наказаний по отношению к клирикам и мирянам (анафема, великое отлученїе, спитнїа и др.);

б) видов церковного поощрения клириков и мирян (патриаршая грамота, церковная медаль, церковный орденъ и др.);

в) этикетные речевые формулы церковного обращения к клирикам и мирянам (братїа и сестры, ваше преосвѣщенство, ваше преподакїе и др.).

3.4. Наименования-характеристики органов церковного управления:

а) высшего управления (вселенскїй сокоръ, поместный сокоръ, свѣщенный синодъ и др.);

б) епархиального управления (єпархіальное собранїе, єпархиальный советъ, єпархиальное управленїе и др.);

в) приходского управления (приходское собранїе, приходской советъ, ревнзїонная комїїа и др.).

3.5. Наименования-характеристики церковных административно-территориальных единиц (автокефальная церковь, благочинїе, єпархіа и др.).

3.6. Наименования-характеристики церковных учреждений, организаций и объединений (московская духовная академия, монастырская богадельня, православное братство и др.).

3.7. Наименования-характеристики церковных сооружений и их частей:

а) предназначенных для богослужебных целей (алтарь, козница, врата храма и др.);

б) вспомогательного назначения (архидьяконский дом, причтовый дом, трапезная и др.)

3.8. Наименования-характеристики понятий, связанных с богослужебным временем:

а) церковных праздников (антїпаста, благовѣщенїе, коговлєнїе и др.);

б) церковных календарных циклов и периодов, недель (недѣла крестопоклонная, неподвижный годової цикла, трїодный перїод и др.);

в) церковных однодневных и многодневных постов, сплошных периодов (великій постъ, крещенскїй чочельникъ, всѣдняя седмица и др.).

3.9. Наименования-характеристики видов церковных богослужений и их частей, а также сопровождающие богослужение церковные обряды и действия:

а) служб общественного богослужения и их частей (анафора, всенощное бдѣнїе, антїѳога и др.);

б) частных богослужений и их частей (когослуженїе чинства священства, молебное пенїе, чинъ окръченїа и др.);

в) церковных обрядов и священнодействий, сопровождающих богослужения (кажденїе, крестное знаменїе, окроплєнїе и др.).

3.10. Наименования-характеристики церковных таинств (бракъ, баня пакныбгїа, миропомазанїе и др.).

3.11. Наименования-характеристики церковно-богослужебных предметов:

а) церковно-богослужебных одежд (спитрахиль, кѣколь, фелонь и др.);

б) церковно-богослужебных священных сосудов и вещей (амвартъ, когослужебные книги, кадильница и др.);

в) церковно-богослужебных святынь (артога, дары свѣтые, свѣтые мощи и др.).

3.12. Наименования-характеристики богословских наук (догматическое богословїе, исторїа церкви, обличительное богословїе и др.) **и церковных искусств** (иконопись, церковное пенїе, церковное храмоздательство и др.).

3.13. Наименования-характеристики произведений жанров церковного творчества:

а) жанров соборного и индивидуального церковного творчества (поганїе, церковные догматы, церковные каноны и др.);

б) собственные названия произведений жанров церковного творчества (великій покаянный канонъ андреа критскаго, тронца андреа рѣвлева и др.).

3.14. Наименования-характеристики церковных географических объектов:

а) общие наименования-характеристики, связанные с обозначением церковных географических объектов (свѣтаа гора, свѣтой источникъ, свѣтые мѣста и др.);

б) собственные наименования-характеристики, связанные с обозначением церковных географических объектов (ГОЛГОДДА, ВИФЛЕЕМЪ, ДАВОРЪ, и др.).

3.15. Наименования-характеристики церковно-исторических событий (СФЕССКІЙ СОБОРЪ, КРЕЩЕНІЕ РЪСН, ПЕРВЫЙ ВЕЛЕНСКІЙ СОБОРЪ и др.).

III. Лексико-эйдетическая группа «Мир»

Данная ЛЭГ включает в себя лексику и непредикативные сочетания слов, именующие и характеризующие «мир», в соответствии с указанным выше толкованием данного слова в христианской литературе.

1. Наименования-характеристики мира (престоль сатаны, царство антихриста, царство міра и др.).

2. Лексика, именующая и характеризующая состав мира:

2.1. Сбирательно-обобщающие наименования-характеристики членов мира (силы зла, враги кожїи, ненавдациї сїонъ и др.).

2.2. Наименования-характеристики людей, отпавших от Бога и Его Церкви (дэчн діавола, рабы греха, сыны лўкаваго и др.).

2.3. Наименования-характеристики бесплотных духов, отпавших от Бога и Его Церкви (діаволъ, князь беговскїй, князь міра и др.).

2.4. Наименования-характеристики еретических, раскольнических и сектантских движений, объединений и их представителей (бегоповцы, иконокоретво, хлысты и др.).

2.5. Собственные имена членов мира (арїї, денница, нўда и др.).

IV. Лексико-эйдетическая группа «Человек»

Данная ЛЭГ содержит лексику и непредикативные сочетания слов, именующие и характеризующие человека в соответствии с его пониманием в Православии.

1. Общие наименования-характеристики человека как творения Божьего (кэнецъ творенїа, отпечатокъ первообраза, христовъ тварь и др.).

2. Наименования-характеристики духовного и телесного начала в человеке (дўхъ, образъ и подокїе кожїе, совэсть, телеснаа храмїна, тленность и др.).

V. Лексико-эйдетическая группа «Бог — Церковь — Человек — Мир»

Данная ЛЭГ, занимая второе место по своему составу в количественном отношении, включает в себя лексику и непредикативные сочетания слов, именующие и характеризующие Бога, Церковь, человека и мир в аспекте их взаимоотношений друг с другом.

1. Бог и его Церковь в аспекте взаимоотношений с человеком и миром:

1.1. Общие наименования-характеристики действий Промысла Божьего и способов его проявления (знаменїе, мірохраненїе, откровенїа и др.).

1.2. Лексика, именующая и характеризующая путь Бога к человеку в аспекте искупительного подвига Иисуса Христа (боговоплощенїе, великаа благодетїа тайна, воскресенїе христа, крестнаа смерть и др.) **и его плодов по отношению к Церкви, человеку и миру** (благодать, брашно дўховное, выновленїе и др.).

1.3. Лексика, именующая и характеризующая путь Бога к человеку в аспекте второго пришествия Иисуса Христа (страшное второе пришествие и др.) и его результатов по отношению к Церкви, человеку и миру (воскрешение мертвых, мздовоздаяние, мѣка вечная и др.).

1.4. Лексика, именующая и характеризующая путь Бога к человеку в аспекте деятельности Церкви земной по отношению к человеку и миру (катихизация, миссионерство, окормение и др.).

2. Человек в аспекте взаимоотношений с Богом, Его Церковью и миром:

2.1. Лексика, именующая и характеризующая путь человека к Богу и Его Церкви:

а) общие наименования-характеристики пути человека к Богу и Его Церкви (прямые пути господни, путь коий, путь праведности и др.);

б) наименования-характеристики действий и устремлений человека, направленных к Богу и Его Церкви (искитство, благожителствование, воцерковление и др.);

в) наименования-характеристики добродетелей, духовных качеств и состояний человека, приближающих его к Богу и Его Церкви (благовѣрие, докочта, иночество и др.).

2.2. Лексика, именующая и характеризующая путь человека к миру:

а) общие наименования-характеристики пути человека к миру (врата ада, путь грѣшных, путь каннов и др.);

б) наименования-характеристики грехопадения (грѣхопадение, космическая катастрофа и др.) и его последствий (первородный грѣх, смерть, тленіе и др.);

в) наименования-характеристики действий и устремлений человека, направленных против Бога и Его Церкви (кѣженіе, демоновоѣніе, когохѣтельство и др.);

г) наименования-характеристики греховных качеств, страстей и состояний человека, отдаляющих его от Бога и Его Церкви (гордыня, злоба, разпутство и др.).

3. Мир в аспекте взаимоотношений с Богом, его Церковью и человеком (дѣховная жизнь, искушение, погубление человека, сокращение и др.).

4. Церковь небесная и Церковь земная в аспекте взаимоотношений друг с другом и Богом (величание, канонизование, молитвенное ходатайство, почитание, проглавление и др.).

Как видно, лексика православного вероучения по своему объему занимает значительное место в словарном составе церковнославянского языка. Такое положение дел обусловлено тем, что сам церковнославянский язык является «инобытием только и исключительно Божественной сущности, поскольку Первоучители славянства намеренно создали этот язык как язык православно-христианского богослужения» [34. С. 71—74]. Характеризуясь развитой системой наименований и большим семантическим разнообразием, лексика православного вероучения включает в себя как структурное образование многочисленные группы⁵. В связи с этим представленная семантическая классификация с логической стороны имеет

⁵ В рамках названных ЛЭГ в зависимости от поставленной цели выделенные подгруппы и микрогруппы лексики православного вероучения могут быть описаны с большей степенью подробности.

иерархический и многоступенчатый характер. Языковые единицы распределены по ЛЭГ на основе их синонимической, родо-видовой и партитивной связи с ключевым словом ЛЭГ.

Обратим также внимание на то, что, поскольку «словарный состав языка не представляет собой механическую совокупность изолированных друг от друга отдельных слов» [35. С. 33] (напротив, как и язык в целом, является живым духовным организмом), между ЛЭГ нет замкнутых смысловых границ. Многозначность слова, онтологической основой которой, с точки зрения реалистической теории смысла, «является умозрительное тождество эйдосов» [22. С. 69], создает «шкалу переходности» [36]. Это проявляется в том, что одна и та же языковая единица может быть в зависимости от значения (лексико-семантического варианта), в котором она берется, разнесена по разным ЛЭГ. Так, например, слово «агницѣ» может быть распределено по двум ЛЭГ: 1) «Бог» («Наименования-характеристики Бога Сына...»), если оно берется в значении 'Иисус Христос'; 2) «Церковь» (микрогруппа «Наименования-характеристики церковно-богослужебных святынь», входящей в группу «Церковь»), если обозначает 'часть просфоры с печатью Ис. Хс. Ни Ка, вынимаемой на проскомидии и предназначенной к таинственному пресуществлению в Тело Господа Иисуса Христа'.

Таким образом, благодаря полисемантическим языковым единицам возникают связи, объединяющие по смыслу как отдельные компоненты разных ЛЭГ, так и ЛЭГ в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе лексика православного вероучения получила свое семантическое описание не только с учетом тех значений, которые зафиксированы у нее в словарях и наблюдаются в текстовых источниках, но и с опорой на экстралингвистические факторы. Благодаря этому, как представляется, удалось выработать четкие основания для семантического деления религиозных языковых единиц и разработать универсальную классификационную схему, позволяющую на ее базе описать все то многообразие лексики православного вероучения, которое существует в церковнославянском языке. В связи с этим думается, что представленная в работе классификация лексики православного вероучения может быть использована в методических целях при написании учебных пособий по церковнославянскому языку, а также окажется полезной в лексикографической практике при составлении семантического словаря религиозной лексики.

© Феликсов С.В.

Дата поступления: 20.01.2018

Дата приема в печать: 20.02.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алимпий (Гаманович) Грамматика церковно-славянского языка. Москва: Паломник, 1991.
2. Воробьева А.Г. Учебник церковнославянского языка. Москва: Изд-во ПСТГУ, 2014.
3. Андрей (Эрастов) Грамматика церковно-славянского языка: конспекты, упражнения, словарь. Санкт-Петербург: Библиополис, 2007.

4. *Плетнева А.А., Кравецкий А.Г.* Церковно-славянский язык. Москва: Аст-Пресс Книга, 2014.
5. *Миронова Т.Л.* Церковнославянский язык. Москва: Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2014.
6. *Камчатнов А.М.* Горе имеем сердца, или Еще раз к вопросу о языке богослужения. Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru>. Дата обращения: 10.12.2017.
7. *Мусорин А.Ю.* Специфические проблемы изучения лексики современного церковнославянского языка // Вестник Нижегородского университета. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 2. С. 115—118.
8. *Матвеева О.А.* Церковнославянская лексика как терминосистема: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2013.
9. *Скляревская Г.Н.* Словарь православной церковной культуры. Санкт-Петербург: Наука, 2007.
10. *Горюшина Р.И.* Лексика христианства в русском языке (системное отношение прямых конфессиональных и производных светских слов): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002.
11. *Королева И.А.* Православная сакрально-богослужебная лексика в художественном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003.
12. *Петухова М.Е.* Функциональные особенности церковной лексики с предметным значением в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2003.
13. *Булавина С.В.* Русские устойчивые словосочетания, содержащие церковно-религиозную лексику: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2003.
14. *Михайлова Ю.Н.* Религиозная православная лексика и ее судьба (по данным толковых словарей русского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004.
15. *Матей И.К.* Православная лексика в современном русском языке и языковом сознании его носителей: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2012.
16. *Тимирханов В.Р., Михайлова А.Г.* Особенности терминологизации лексики религиозной сферы в отечественной лингвистической традиции // Вестник Башкирского университета. 2017. Т. 22. № 2. С. 483—487.
17. *Аксаков К.С.* Опыт русской грамматики. Москва: URSS, 2011.
18. *Лосев А.Ф.* Бытие. Имя. Космос. Москва: Мысль, 1993.
19. *Лосев А.Ф.* Имя. Санкт-Петербург: Алетейя, 1997.
20. *Флоренский П.А.* У водоразделов мысли. Москва: Академический проект, 2013.
21. *Булгаков С.Н.* Философия имени. Санкт-Петербург: Наука, 2008.
22. *Камчатнов А.М.* История и герменевтика славянской Библии. Москва: Наука, 1998.
23. *Камчатнов А.М., Николина Н.А.* Введение в языкознание. Москва: Флинта, Наука, 2002.
24. *Постовалова В.И.* Наука о языке в свете идеала цельного знания: В поисках интегральных парадигм. Москва: Ленанд, 2016.
25. *Церковь небесная и земная.* Москва: Сибирская благовонница, 2008.
26. *Игнатий (Брянчанинов)* Полное собрание творений. Москва: Паломник, 2003. Т. 5.
27. *Феофан (Вышенский)* Святые Отцы о молитве и трезвении. Москва: Директ-Медиа, 2014.
28. *Иванов М.С.* Церковь и мир // О вере и нравственности по учению Православной Церкви. Москва: Московская патриархия, 1991.
29. *Ианнуарий (Ивлев)* Тайна и Откровение // Христианское чтение. 1991. № 3. С. 61—67.
30. *Давыденков О.* Догматическое богословие. Москва: ПСТБИ, 1997.
31. *Булгаков С.* Свет Невечерний. Сергиев Посад: Типография И. Иванова, 1917.
32. *Алексеев П.А.* Церковный словарь. Санкт-Петербург: Типография И. Глазунова, 1817—1819.
33. *Дьяченко Г.* Полный церковно-славянский словарь. Москва: Отчий дом, 2013.
34. *Камчатнов А.М.* Страница из истории борьбы за церковнославянский язык // Ежегодная богословская конференция православного Свято-Тихоновского богословского института. Москва: Изд-во ПСТБИ, 1997. С. 71—74.

35. Кузнецова А.И. Зоны синкретизма, создающие континуум лексической системы языка. Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/media/2397/kuznecovaa.pdf>. Дата обращения: 10.12.2017.
36. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов // Общая лексикология. Хрестоматия. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2009. С. 33—40.

УДК: 811.163.1'37

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-335-350

SEMANTIC ASPECT OF THE LINGUISTIC DESCRIPTION OF LEXICON OF ORTHODOX DOGMA IN CHURCH SLAVONIC LANGUAGE

Sergej V. Feliksov

Saint Tikhon's Orthodox University
Novokuzneckaja 23-5A, Moscow, Russia, 115184

Abstract. In article one of relevant and not enough studied problems connected with a question of semantic classification of lexicon of orthodox dogma functioning in texts of Church Slavonic language is considered. The author notes that the experiences of semantic division of lexicon of the religious sphere presented in scientific literature more carry applied, than fundamental character. It in many respects is explained by absence from the scientists dealing with this problem, complete approach to consideration of the studied subject. Overcoming methodological unilaterality, lexicon of orthodox dogma in work receives the semantic description as taking into account those values which are recorded at it in lexicographic and text sources of Church Slavonic language, and with a support on extralinguistic factors. Such approach allowed to develop, according to the author, the accurate bases for semantic division of religious language units and to develop the universal classification scheme allowing to describe all that variety of lexicon of orthodox dogma which exists in Church Slavonic language on its base. Defining the theoretico-practical importance of the results received during the research, in work it is noted that the submitted solution of a linguistic problem can be used in the methodical purposes when writing education guidances on Church Slavonic language and also it will be useful by drawing up the semantic dictionary of religious lexicon.

Key words: Church Slavonic language, semantic classification, lexicon of orthodox dogma, ontologic theory of language, leksiko-eydetichesky group

REFERENCES

1. Alipij (Gamanovich) (1991). Grammar of Church Slavonic language. Moscow: Palomnik. (In Russ.).
2. Vorobeva, A.G. (2014). Textbook of Church Slavonic language. Moscow: Izd-vo PSTGU. (In Russ.).
3. Andrej (Jerastov) (2007). Grammar of Church Slavonic language: abstracts, exercises, dictionary. Saint Petersburg: Bibliopolis. (In Russ.).
4. Pletneva, A.A., Kraveckij, A.G. Church Slavonic language. Moscow: Ast-Press Kniga. (In Russ.).
5. Mironova, T.L. (2014). Church Slavonic language. Moscow: Izd-vo Moskovskoj Patriarhii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. (In Russ.).
6. Kamchatnov, A.M. A grief we have hearts, or Once again to a question of church service language. URL: <http://www.bogoslov.ru>. (accessed:10.12.2017).
7. Musorin, A.Ju. (2010). Specific problems of studying of lexicon of modern Church Slavonic language. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University. Series: History, philology.* 10 (2), 115—118. (In Russ.).

8. Matveeva, O.A. (2013). Church Slavonic lexicon as terminosistema: [abstract of dissertation]. Moscow. (In Russ.).
9. Skljarevskaja, G.N. (2007). Dictionary of orthodox church culture. Saint Petersburg: Nauka. (In Russ.).
10. Gorjushina, R.I. Lexicon of Christianity in Russian (the system relation of direct confessional and derivative secular words): [abstract of dissertation]. Volgograd. (In Russ.).
11. Koroleva, I.A. (2003). Orthodox sacral and liturgical lexicon in the art text: [abstract of dissertation]. Volgograd. (In Russ.).
12. Petuhova, M.E. (2003). Functional features of church lexicon with subject value in Russian: [abstract of dissertation]. Kazan. (In Russ.).
13. Bulavina S.V. (2003). Russian fixed word-combination containing Church-religious vocabulary: [abstract of dissertation]. Moscow. (In Russ.).
14. Mihajlova, Ju.N. (2004). Religious orthodox lexicon and its destiny (according to explanatory dictionaries of Russian): [abstract of dissertation]. Yekaterinburg, 2004. (In Russ.).
15. Matej, I.K. (2012). Orthodox lexicon in modern Russian and language consciousness of its carriers: [abstract of dissertation]. Voronezh, 2012. (In Russ.).
16. Timirhanov, V.R., Mihajlova, A.G. (2017). Features of a terminologization of lexicon of the religious sphere in domestic linguistic tradition. *The Bulletin of the Bashkir university*, 22(2), 483—487. (In Russ.).
17. Aksakov, K.S. (2011). Experience of the Russian grammar. Moscow: URSS. (In Russ.).
18. Losev, A.F. (1993). Life. Name. Space. Moscow: Mysl. (In Russ.).
19. Losev, A.F. (1997). Name. Saint Petersburg: Aletejja. (In Russ.).
20. Florenskij, P.A. (2013). At thought watersheds. Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russ.).
21. Bulgakov, S.N. (2008). Name philosophy. Saint Petersburg: Nauka. (In Russ.).
22. Kamchatnov, A.M. (1998). History and hermeneutics of the Slavic Bible. Moscow: Nauka. (In Russ.).
23. Kamchatnov, A.M., Nikolina, N.A. (2002). Introduction to linguistics. Moscow: Flinta. Nauka. (In Russ.).
24. Postovalova, V.I. (2016). Science about language in the light of an ideal of integral knowledge: In search of integrated paradigms. Moscow: Lenand. (In Russ.).
25. Church heavenly and terrestrial. (2008). Moscow: Sibirskaia blagozvonnica. (In Russ.).
26. Ignatij (Brjanchaninov) (2003). Complete collection of creations. Vol. 5. Moscow: Pilgrim (In Russ.).
27. Feofan (Vyshenskij) (2014). Holy Fathers about a prayer and sobriety. Moscow: Direkt-Media (In Russ.).
28. Ivanov, M.S. (1991). Church and the world. In: *About belief and morality according to the doctrine of Orthodox Church*. Moscow: Moscow patriarchy. (In Russ.).
29. Iannary (Ivlev) (1990). Secret and Revelation. *Christian reading*, 3, 61—67. (In Russ.).
30. Davydenkov, O. (1997). Dogmatic divinity. Moscow: PSTBI. (In Russ.).
31. Bulgakov, S. (1917). Not evening light. Sergiyev Posad: Tipografija I. Ivanova. (In Russ.).
32. Alekseev, P.A. (1817—1819). Church dictionary. Saint Petersburg. (In Russ.).
33. Djachenko, G. (2013). Unabridged Church Slavonic dictionary. Moscow. (In Russ.).
34. Kamchatnov, A.M. (1997). The page from history of fight for Church Slavonic language. *Annual theological conference of Saint Tikhon's Orthodox Institute*. Moscow: Saint Tikhon's Orthodox Institute, 71—74. (In Russ.).
35. Kuznecova, A.I. The syncretism zones creating a continuum of lexical system of language. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2397/kuznecovaa.pdf>. (accessed: 10.12.2017).
36. Filin, F.P. (2009). About lexico-semantic groups of words. In: *The General lexicology. Anthology*. Voronezh: Voronezh State University. (In Russ.).

Для цитирования:

Феликсов С.В. Семантический аспект лингвистического описания лексики православного вероучения в церковнославянском языке // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, 2018. Т. 9. № 2. С. 335—350. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-335-350.

For citation:

Feliksov, S.V. (2018). Semantic aspect of the linguistic description of lexicon of orthodox dogma in Church Slavonic language. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (2), 335—350. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-335-350.

Sergej V. Feliksov, 2018. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (2), 335—350. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-335-350.

Сведения об авторе:

Феликсов Сергей Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики и методики начального образования ОЧУ «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет»; *научные интересы*: теолингвистика, церковная лексикография, церковнославянский язык; *e-mail*: svfeliksov@gmail.com

Bio Note:

Feliksov Sergej Vladimirovich, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Pedagogics and Methodology of Primary Education Saint Tikhon's Orthodox University; *Interests*: teolinguistics, church lexicographies, Church Slavonic language; *e-mail*: svfeliksov@gmail.com

УДК: 81'255.4:82-7

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-351-364

ПЕРЕВОД ОТРЫВКОВ ТЕКСТА С ЮМОРИСТИЧЕСКИМ ЭФФЕКТОМ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Е.С. Абаева

Московский городской педагогический университет
2-й Сельскохозяйственный проезд, 4, Москва, Россия, 129226

В данной статье представлена гипотеза о необходимости смены общей системы при проведении сопоставительного анализа отрывков текста с юмористическим эффектом оригинала и перевода. Хорошо зарекомендовавшая себя система переводческих методов и приемов, опирающаяся на уровневую модель системы языка, не всегда дает положительный результат при анализе межязыковой передачи юмористического эффекта.

В качестве опоры предлагается использовать общую теорию вербального юмора С. Аттардо, сконструированную на основе семантической теории юмора В. Раскина, основным компонентом которой являются сосуществующие в контексте и сталкивающиеся скрипты. Автор, рассматривая в качестве материала одно произведение на английском языке и два его перевода на русский, демонстрирует способы применения системы для выявления общего и различного как в плоскости «текст оригинала / текст перевода», так и в плоскости «текст перевода 1 / текст перевода 2».

Автор считает, что, видоизменив угол зрения, под которым проходит сопоставление, посредством внедрения новой системы можно более детально описать действия переводчика, а также обосновать его вероятную стратегию, объяснить вариативность использования лингвистических средств. Помимо этого, при использовании нового подхода есть возможность дать более объективную трактовку возможных переводческих неудач, а также, при необходимости, провести сопоставительную оценку переводов одного текста. Наблюдения и выводы, представленные в качестве результатов в работе, могут оказаться полезны как в целом для развития теории перевода юмора, так и для практической деятельности переводчиков художественной литературы в частности.

Ключевые слова: перевод, юмористический эффект, сопоставительный анализ, художественная литература, системность, Аттардо, общая теория вербального юмора, оценка перевода

Для теории перевода исследования сопоставительного характера с привлечением текста оригинала и текста перевода, в принципе, имеют большую ценность, как с теоретической, так и с практической стороны. «Любые теоретические концепции должны опираться на описание наблюдаемых фактов реального процесса перевода, обобщать и объяснять эти факты» [1; 112]. Подобные исследования позволяют глубже проникнуть в «механику» переводческой деятельности, проанализировать выбранную тем или иным переводчиком стратегию, оценить качество перевода и многое другое. Помимо этого, как отмечают Michael Hoyer и Diane Houghton [2; 49], отношения между сопоставительным анализом и переводом имеют двусторонний характер, поскольку как перевод отрывков текста

может предоставить информацию для анализа, так и анализ может объяснить ряд трудностей, возникающих в процессе перевода. Но, как мы понимаем, сопоставление априори опирается на системность. Так, еще Реформатский в третьем Тезисе, изложенном в главе «О сопоставительном методе» говорил, что «сопоставление не может опираться на единичные, разрозненные „различия“ диспаратных фактов, а должно исходить из системных противопоставлений категорий и рядов своего и чужого» [3; 43].

Интерес к переводу юмора возник не сегодня. Существует некоторое количество исследований, посвященных данной тематике [4—6 и др.], в том числе и в нашей стране (Гарамян А.В., 2004; Капкова С.Ю., 2005; Баландина М.Р., 2006; Столярова И.А., 2009, Мирошник Е.К., 2013 и др.). Следует указать, что подобного рода работы, естественным образом опираясь на метод сопоставительного анализа, делают упор на лингвистический аспект проблематики, анализируя методы и приемы создания комического и способы его передачи. При этом мы понимаем, что описания применяемых переводческих трансформаций не совсем достаточно для выстраивания целостной системы, поскольку «любая наука на достаточно высоком уровне развития не просто констатирует факты, а выявляет законы, имеющие универсальный характер» [7; 184].

Актуальность данного исследования исходит из необходимости рассматривать целостную систему параметров, которые затрагивают абсолютно разные уровни — от когнитивного и языкового до прагматического [8], — которые позволяли бы вывести подобные сопоставления на несколько иной уровень как по качеству и глубине проводимого анализа, так и по объективности получаемых в результате наблюдений и выводов. Тем более что как наука переводоведение активно и, что более значимо, эффективно использует «понятия, методы и данные многих лингвистических дисциплин» [1; 44], и более того, не ограничивается областью только лингвистического знания, так как в противном случае отсутствовала бы достаточная объяснительная сила [9; 31].

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ

В данном исследовании мы опираемся на Общую теорию вербального юмора (General Theory of Verbal Humour), изложенную Сальваторе Аттардо в том числе в труде под названием «Humorous texts: a Semantic and Pragmatic Analysis» [10—12], предпосылкой к созданию которой послужила семантическая теория Виктора Раскина [13]. Мы рассматриваем основные параметры данной теории в качестве своеобразного системного аппарата, который позволяет выявить и проанализировать сходства и различия как в системе «текст оригинала / текст перевода», так и в системе «текст перевода 1 / текст перевода 2».

Основным критерием для существования юмористического эффекта в тексте является наличие двух сосуществующих скриптов, которые в определенном месте сталкиваются: «The two scripts with which the text is compatible *are opposite* (...). The two scripts with which some text is compatible are said to overlap fully or in part in this text» [13; 99].

Термин «скрипт» его автор, В. Раскин, использует как неполный синоним термину «фрейм», введенный в лингвистический обиход еще Марвином Минским [14]. В результате столкновения скриптов создается по сути антонимическая пара, которая может быть описана в терминологии ‘real/ unreal’. Причем автор указывает, что существенными оказываются и оппозиции, которые имеют важное значение для человека: правда/ложь, добро/зло, жизнь/смерть и так далее [13; 113—114].

Помимо этого, значимыми компонентами общей теории являются: нарративная стратегия, которую можно описать как способ, форму или тип повествования; логический механизм — способ переключения двух скриптов в рамках отрывка; язык; ситуация и объект [11]. Юмор в данном случае используется как зонтичный термин, объединяя все то, что мы понимаем под смежными терминами, включая комическое и смешное, тем более, что в отсутствии терминологического единства «one man’s ‘humour’ may be another man’s ‘laughter’» [13; 8].

Как мы уже упоминали выше, в исследованиях сопоставительного характера в основном анализировалась сторона языковая. Авторы в попытке ответить на вопрос, какие средства языка позволяют реализовать юмористический эффект, приходят к логичному ответу: все или, по крайней мере, многие. Для практической деятельности переводчика такой ракурс не является рабочим, поскольку не решает вопрос методологии — как переводить. Более того, нельзя утверждать, что, пытаясь перевести метафору метафорой, переводчик передаст юмористический эффект. Практически любая языковая единица, любой стилистический прием может как быть средством реализации юмористического эффекта, так и нет. Так, например, олицетворение может провоцировать юмористический эффект, а может быть просто средством создания образности.

Получается, что выстроенная иерархическая системность на уровне языка (например, уровневая модель языка), как и существующие классификации стилистических средств или литературоведческих приемов, не позволяют решить главный вопрос, на который долгое время пытается ответить разные отрасли науки: почему может быть смешно. Соответственно, использование только данных систем не валидно и должно быть дополнено чем-то в соответствии с главной целью того же самого перевода (как процесса) — создать произведение на языке перевода, способное иметь такой же эффект на носителя языка перевода, как и оригинал на носителя языка оригинала, с главной целью перевода (как результата) — «служить полноправной коммуникативной заменой оригинала» [1; 58], выполнять ту же функцию [15].

Понятно, что эта задача довольно условна и поднимает целый ряд дополнительных вопросов. Но изменение самого ракурса, внесение дополнительных элементов в уже существующую систему, по которой строится и анализируется текст (но мы здесь говорим исключительно об отрывках текста с юмористическим эффектом) естественным образом будет влиять и на дальнейшую работу по проведению сопоставительного анализа.

ЦЕЛЬ, МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом послужил текст произведения Дугласа Адамса «Dirk Gently's Holistic Detective Agency»¹ и два перевода данного текста на русский язык, один из которых был выполнен в 1996 году (Т. Шинкаревой)², а второй — в 2014 году (О. Корчевской)³.

Цель исследования заключалась в попытке применения новой объяснительной парадигмы, основанной на общей теории вербального юмора, для проведения сопоставительного анализа в двух системах «текст оригинала / текст перевода» и «текст перевода 1 / текст перевода 2».

Новый подход — системный, и несмотря на то, что его разработка находится только в стадии становления, и единицы, входящие в каждый параметр, описаны пока недостаточно, на что указывает в своих работах и сам автор теории [11], на наш взгляд, его можно вполне полноценно использовать для решения ряда вопросов. На первый взгляд, в переводах, выполненных двумя разными переводчиками, будет выявлено большое количество различий, в том числе психолингвистической природы: «different people can translate the same text in different ways» [16; 104—105]. И мы не отрицаем тот факт, что два переводчика создадут два разных текста, более того, даже на этом настаиваем, поскольку «за каждой интерпретацией оригинала стоит индивидуальность переводчика, его талант, его вкус, его литературный опыт и интуиция, его критическое чутье и многое другое, из чего складывается индивидуальность любого Художника» [17; 28]. Но, сравнивая параметры создания юмористического эффекта, можно увидеть и общее, некое тождество, так как тексты двух переводов представлены все-таки в одной системе языка и культуры.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Рассмотрим каждый из представленных ранее параметров в контексте сопоставления отрывка оригинала и двух переводов, что соответствует плоскости «текст оригинала» — «текст перевода». Естественно, самым основным все равно будет оставаться уровень языковой. На это есть ряд объективных причин, одна из основных — это тот факт, что языковая сторона будет затрагиваться естественным образом при изменении любого другого параметра, поскольку никак иначе, кроме как через язык, мы подобное изменение зафиксировать не в состоянии: «Связь языковых значений и смыслов с концептуальной системой конкретного человека, автора языкового выражения, имеет несомненно причинный характер и определяет их содержание, поскольку языковое сознание не является отдельным, независимым модулем. Оно интегрировано в когнитивную систему человека и сопровождает разные виды его взаимодействия с миром, разные виды его деятельности» [18; 11].

¹ Adams, D. Dirk Gently's Holistic Detective Agency. NY.: Pocket Books (ebook), 2014. 290 p.

² Адамс, Д. Детективное агентство Дирка Джентли / Детективное агентство Дирка Джентли. Долгое чаепитие. М.: ТКО АСТ, 1996. С. 5—294.

³ Адамс, Д. Детективное агентство Дирка Джентли / Детективное агентство Дирка Джентли: [сборник]. М.: АСТ, 2014. С. 5—250.

Языковые изменения, как наиболее частотные, тоже укладываются в систему. Так, например, иногда изменения происходят исключительно из-за асимметрии языков (лексической, грамматической и т.д.). И тут вариативность у переводчиков будет наблюдаться примерно в одном ключе.

Приведем отрывок, в котором существо из иного мира убило человека, не осознавая, что тем самым нанесло непоправимый вред. Первый скрипт, который разворачивается, подкрепляясь общими знаниями о природе человека, можно условно обозначить, как [со смертью человека заканчивается его существование]. Информация, необходимая для декодирования этого смысла и распознавания юмористического эффекта, заложенного впоследствии, здесь скорее лежит за пределами текста, то есть необходимы данные экстралингвистической природы, которые как раз и хранятся в сознании носителя языка.

Второй скрипт, хотя и имплицитно, представлен уже в самом тексте оригинала в следующем предложении:

The Monk worried that he might have badly spoiled his evening.

Его можно представить, как [со смертью человека его существование продолжается], что в целом укладывается в представленную В. Раскиным оппозицию [реальная]/[нереальная]. Оба переводчика изменили только языковой параметр, подстраиваясь под нормы и правила языка перевода, что позволило в первом случае получить следующее:

Монах сокрушался, что наверняка испортил бедняге вечер.

А втором случае:

Монаха беспокоило, что он испортил человеку вечер.

Как мы видим, грамматическая конструкция претерпевает изменения, необходимые при асимметрии языков, переводчики используют глаголы «сокрушаться (сожалеть о чем-либо, огорчаться) / «беспокоиться» (волноваться, тревожиться), которые хотя и не являются синонимичными, в полной мере описывают душевное волнение персонажа, доставляющее неудобство, дискомфорт. Для выражения «spoil his evening», как мы видим, оба переводчика подбирают единый эквивалент «испортить вечер». В обоих переводах произведена лексическая замена местоимения «his»: в первом переводе на лексему «бедняга», а во втором на «человек». Это обусловлено, хотя, конечно, несколько утрировано, лингвистикой текста (связностью, цельностью), а также необходимыми, по мнению переводчиков, дополнительными оттенками смысла. Лексема «наверняка» в первом переводе необходима для внесения неуверенности («might» в оригинале), а во втором случае этот оттенок опускается. Но стоит заметить, что подобные трансформации и преобразования не связаны непосредственно с передачей юмористического эффекта, который в целом сохранен в обоих вариантах именно потому, что сохраняется оппозиция скриптов.

Совсем другое, когда наблюдаются различия в разворачивающихся скриптах. В таком случае простая лексическая или грамматическая замена не даст нужного

юмористического эффекта и приходится задействовать данные когнитивистики. Рассмотрим следующий, довольно интересный, на наш взгляд, пример.

*“Ah, is it,” murmured Reg, “is it?” and turned back to Richard. “It’s the Coleridge Dinner,” he said knowledgeably. “Coleridge was a member of the college, you know,” he added after a moment. “Coleridge. Samuel Taylor. Poet. I expect you’ve heard of him. **This is his Dinner.** Well, not literally, of course. **It would be cold by now.**” Silence. “Here, have some salt.”*

Суть юмористического эффекта заключается в том, что сталкиваются следующие фрагменты действительности [живой поэт]/[умерший поэт]. Происходит обед в честь Кольриджа, и герой, указывая на этот факт, считает нужным иронически подчеркнуть, что это обед не в честь живого поэта, а в честь уже умершего.

Фраза «This is his Dinner», которая означает «это его званый обед», может получить двойную трактовку: и как «обед, организованный самим человеком», и как «обед в честь человека». Объясняющая реплика «not literally, of course» поддерживает оба скрипта, в ней явно присутствует намек, что герой понимает, какой второй смысл заложен потенциально в первой реплике. А фраза «It would be cold by now» является триггером, запускающим столкновение скриптов: если бы обед был организован самим Кольриджем, то он (обед) бы успел остыть.

Как мы продемонстрируем примерами ниже, перед переводчиком встает очень непростой выбор, который не ограничивается поиском лексического варианта или грамматической замены. Вариативность в случае перевода отрывков текста с юмористическим эффектом чрезвычайно широка, здесь стоит вспомнить высказывание Моны Бейкер (Mona Beiker), о том, что в случае наличия юмористического эффекта, позволительно принимать странные лингвистические решения: «we are normally prepared to accept a great deal of unusual and even bizarre linguistic behaviour provided it can be justified, for instance on the basis of poetic creativity or humour» [19; 260]. К тому же порой сложно понять, как принял переводчик окончательное решение, учитывая, что трансформаций применялось бесчисленное множество. «Ощущение, что решение нравится настолько, что можно двигаться дальше, очень трудно подвергнуть логическому анализу» [20; 257—258].

Рассмотрим первый перевод анализируемого отрывка.

*— А, вот оно что, — пробормотал профессор. — Конечно, конечно! — Он повернулся к Ричарду. — Ежегодные Кольриджские чтения, — глубокомысленно закивал он головой. — Ведь он выпускник нашего колледжа, понимаете, — добавил он после недолгой паузы. — Сэмюэль Тейлор Кольридж. Надеюсь, вы слышали о нем. **Это обед в его честь.** Конечно, не в буквальном смысле. **Сейчас это несколько поздно.***

Как мы видим, в отсутствии полноценного эквивалента для первой фразы первый переводчик делает выбор в пользу следующей языковой реализации одного из скриптов: обед в его честь. Логически можно развернуть следующее:

♦ если обед дается в честь кого-то, то, как правило, это человек известный (здесь скрипт сосуществует со скриптом [Кольридж] в части «известный поэт»)

◆ и при этом он должен присутствовать на торжестве (здесь скрипт вступает в оппозицию со скриптом [Кольридж], поскольку он присутствовать не сможет).

Скрипт [Кольридж] поддерживается как экстралингвистическими знаниями, так и второй репликой «Сейчас это несколько поздногато».

Во втором переводе мы наблюдаем похожую ситуацию.

— Ах вот оно что, — пробормотал профессор и посмотрел на Ричарда. — Обед в честь Кольриджа, — сказал он со знающим видом и через мгновение добавил: — Кольридж. Сэмюель Тейлор. Поэт. Он здесь учился. Думаю, вы о нем слышали. И теперь мы гости за его столом. Ну, не в буквальном смысле, разумеется. Еда б давно уже остыла.

В данном случае переводчик несколько разворачивает ракурс: это его званый обед, значит он — хозяин, а мы гости за его столом. По понятным причинам (возможность двойной интерпретации) остается реплика «и теперь мы гости за его столом»: за его столом — значит, поэт жив / поэт мертв — еда б давно остыла.

Как мы видим, анализ переводческой механики в данном случае легче производить с учетом предложенных параметров (в данном случае разворачивания и сталкивания скриптов).

В данном случае необходимая система, или подсистема, принадлежит сфере когнитивистики, где «на первое место выходит образ, возникающий в системе знаний, а не в области семантических представлений, вследствие чего единицами когнитивного уровня становятся различные способы образного восприятия человеком окружающего мира, как зафиксированные, так и не зафиксированные в языке» [21; 142].

Рассматривая исключительно закономерности языкового плана, достаточно сложно формально описать, как из фразы «This is his Dinner» получился перевод «И теперь мы гости за его столом», а из фразы «It would be cold by now» — «Сейчас это несколько поздногато».

Выбор лингвистических средств становится очевидным, если учитывать необходимость столкновения скриптов, а также несколько иную от общепринятых точку зрения на единицу перевода, когда «наиболее приемлемым претендентом на единицу перевода при работе с юмористическим эффектом является отрывок с юмористическим эффектом, в котором есть в наличии необходимый контекст, включающий в себя сосуществующие и затем сталкивающиеся скрипты и непосредственно триггер» [22; 8].

Рассматривая иные параметры, отмечаем, что в художественном тексте переводчик практически ничего не может сделать, например, с таким параметром, как ситуация, так как не должен ни в коей мере изменять сюжетную линию. Данный параметр затрагивает скорее область предпереводческого анализа, для уяснения полноценного наполнения скриптов. Получается, этот параметр оказывается менее релевантным, в плане изменений, для описания действий переводчика художественной литературы. Зато для устного переводчика, в условиях, например, переговоров, может оказаться вполне значимым.

В рассматриваемых текстах мы наблюдали смену нарративной стратегии.

Так, например, в следующем отрывке автор описывает то, что специально созданные гуманоиды не должны были, по замыслу их создателей, походить на обычных людей, так как считались бытовыми электроприборами.

There must be no danger of their looking at all like real people. You wouldn't want your video recorder lounging around on the sofa all day while it was watching TV. You wouldn't want it picking its nose, drinking beer and sending out for pizzas.

В первом переводе мы наблюдаем сохранение нарративной стратегии. Хотя добавление «как его хозяин» вполне укладывается в картину почему, т.к. нужно поддерживать скрипт.

Вряд ли кому понравится, если видеомонитор поведет себя, как его хозяин: будет валяться на диване перед телевизором, ковырять в носу, пить пиво и посылать домашних за пиццей.

Во втором переводе мы как раз наблюдаем смену стратегии, обращение к читателю, что, на наш взгляд, позволило более ярко передать юмористический эффект.

Представьте: видеомонитор валяется на диване перед телевизором, ковыряет в носу, пьет пиво и посылает хозяев за пиццей. Только этого не хватало!

Предлагаемая система в состоянии послужить основой для оценки качества перевода. В случае, когда все соответствует нормам и правилам языка перевода, общий смысл сохранен, и, возможно, даже присутствует юмористический эффект. В случаях, когда на первый взгляд не совсем понятно, чем отличается один вариант от другого, кроме как выбором средств и, субъективно, наличием таланта, что соответствует плоскости «текст перевода 1» / «текст перевода 2».

В следующем отрывке автор описывает состояние лошади, используя при этом образы, характерные для человеческого существа (антропоморфизм).

Hence the immobility of the Monk and the boredom of the horse, which had had to put up with a lot of silly things in its time but was secretly of the opinion that this was one of the silliest.

И как мы видим, в первом варианте подобное противопоставление присутствует, и юмористический эффект в принципе реализуется.

Вот почему Монах застыл в раздумье на краю выступа, а у его лошади был такой унылый вид. Привыкнув ко многому, она, однако, сразу поняла, что из всех нелепых ситуаций, в которые они с Монахом до сих пор попадали, это была, пожалуй, самой нелепой.

Но во втором варианте переводчик, уловив суть оппозиции, не просто передал, а поддержал ее нужным выбором языковых средств.

Поэтому монах застыл на месте, а лошадь обуюла тоска: с какими только глупостями ей не приходилось мириться, но сегодняшня, по ее мнению, затмила все предыдущие.

В первом случае переводчик выбрал недостаточно яркие для поддержки оппозиции [одушевленное/неодушевленное] лексемы, поскольку выражение «иметь вид» может использоваться даже с неодушевленными объектами (ср. например: у сада ухоженный вид), а глаголы «привыкнуть» и «понять» используются в литературе с наименованиями животных довольно часто (ср. например: собака поняла, что ее оставили). Мы знаем, что очеловечивание животных — частотный прием в речи, и поэтому, чтобы сделать необходимое столкновение более очевидным, при выборе средств переводчик должен исходить из наименее часто используемых для животного характеристик человека [23]. Во втором случае, на наш взгляд, поддержка скрипта более очевидна: лошадь «обуяла тоска», ей «приходится мириться», и у нее есть «ее мнение».

Помимо этого, можно делать выводы о переводческих неудачах как о неотъемлемой стороне оценки качества перевода. Иногда то, что мы можем субъективно посчитать за ошибку, может быть целенаправленно выбранной стратегией переводчика в условиях данного текста, но предлагаемый подход позволяет, на наш взгляд, несколько отойти от субъективности. В следующем отрывке два героя обсуждают работу одного из них, связанную с компьютерными технологиями, что первый считает не вполне приличным, поскольку разговор идет за обедом в честь великого поэта и, видимо, предполагаются более возвышенные беседы.

“Well,” said Reg, in a loudly confidential whisper, as if introducing the subject of nipple-piercing in a nunnery, “I hear you’ve suddenly done very well for yourself, at last, hmmm?”

Как мы видим, сосуществование скриптов можно описать, как [в приличном месте неподобающие вещи, если и говорят, то шепотом], а столкновение реализуется в развитии идеи, что именно подразумевается под «неподобающими вещами»: [программирование]/[пирсинг у монашек].

Рассмотрим первый перевод.

— Что ж, — доверительно промолвил профессор громким шепотом, словно сообщал бестолковым монахиням, как следует прокалывать дырочку в детской резиновой соске, — я слышал, вы преуспеваете, гм?

В первом случае юмористический эффект не реализуется, поскольку не создается столкновения скриптов в сознании русскоговорящего человека. Остается не совсем ясным, во-первых, зачем монахиням нужно прокалывать детские соски, а во-вторых, почему об этом нужно сообщать шепотом. Возможно, переводчик посчитал, что монахини, прокалывающие детские соски, достаточно неподобающая вещь и, соответственно, реализуется юмористический эффект, возможно, сыграла своего рода самоцензура, или же цензура, а возможно, мы наблюдаем переводческую неудачу.

Теперь рассмотрим второй вариант перевода этого же отрывка, в котором, на наш взгляд, выстраивается необходимое для реализации юмористического эффекта столкновение скриптов.

— Итак, — заговорщицки произнес профессор, словно собирался объяснить монахиням, как прокалывают соски, — я слышал вы наконец добились больших успехов. Это правда?

Помимо этого, предложенная система позволяет обоснованно оценивать последствия допущенных недочетов.

В следующем примере два скрипта сосуществуют, как следующее знание — [если что-то беспокоит в жизни, это можно удалить], а сталкиваются в контексте, который провоцирует триггер «ампутация».

“Indeed, Bill, it is. You find me thriving. And Mrs Roberts? How is she? Foot still troubling her?”

“Not since she had it off, thanks for asking, sir. Between you and me, sir, I would’ve been just as happy to have had her amputated and kept the foot. I had a little spot reserved on the mantelpiece, but there we are, we have to take things as we find them.”

Во втором переводе переводчик блестяще справляется с задачей, и мы видим следующее:

— Да, Билл, как видишь, я жив, здоров и упитан. Как поживает миссис Робертс? Ее так и беспокоит нога?

— Нет, ногу уже ампутировали. Спасибо, что спросили, сэр. **Но между нами, по мне, так лучше, если б ампутировали миссис Робертс, а ногу оставили.** Стояла бы себе на камине. Но что уж тут поделаешь...

В первом переводе, к сожалению, переводчик упустил лексему «her», которая маркирует женский род, тем самым, на первый взгляд, лишая отрывок в тексте перевода юмористического эффекта.

— Да, Билл, все уже позади. Как видишь, я жив и здоров. А как миссис Робертс? Ее все еще беспокоит нога?

— Нет, с тех пор, как ее отняли. Спасибо, сэр, за внимание. Но между нами, я не возражал бы, если бы, ампутировав, ее все же оставили нам. Я даже приберег для нее местечко на каминной доске. Но что поделаешь, нельзя так нельзя.

Но рассмотрев получившийся перевод с когнитивной точки зрения, мы понимаем, что наблюдается замена скриптов, теперь они сосуществуют в контексте [следует хранить (на каминной полке) то, что дорого сердцу], а сталкиваются, как ([ампутированная нога]/[фотографии, милые безделушки]), что в целом, принимая во внимание склонность автора текста оригинала к юмору абсурдному, вписывается в общую картину произведения, поэтому юмористический эффект в отрывке присутствует, хотя, конечно, остается ряд вопросов лингвистического и эстетического характера.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Использование предложенной системы, во-первых, позволяет более разнопланово подойти к описанию переводческой механики (translation process studies), что является одной из первоочередных практических задач [24. С. 262]. Во-вторых, можно сделать определенные выводы о стратегии, так как существует большое их разнообразие: например, Т.А. Казакова высказывает мысль о том, что есть «a variety of strategies required for translation of different kinds of literary texts to provide the appropriate informational impact on the reader» [25. С. 2845]. Так, например, применительно к конкретному материалу можно, на наш взгляд, говорить

о том, что первый переводчик в отрывках текста с юмористическим эффектом стремился не отходить от текста оригинала, а для второго (в данных отрывках) характерна краткость изложения, что делает юмористический эффект более выраженным. Помимо этого, мы можем более полноценно описывать качественные характеристики отрывков с юмористическим эффектом, что позволяет вывести оценку перевода на несколько иной уровень, а также описать переводческие неудачи с более объективного ракурса.

© Абаева Е.С.

Дата поступления: 26.09.2017

Дата приема в печать: 26.12.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. М.: Р. Валент, 2017.
2. *Hoey M., Houghton D.* Contrastive analysis and translation // *Routledge Encyclopedia of Translation Studies* / ed. by Baker M., Taylor and Francis e-Library, 2005, P. 45—49.
3. *Реформатский А.А.* О сопоставительном методе / *Лингвистика и поэтика*. М., 1987. С. 40—52.
4. *Chiaro D.* Translation, Humour and Literature. Translation and Humour. Vol. 1. London: Bloomsbury Academic, 2012.
5. *De Rosa G.L., Bianchi F., Laurentiis A. de, Perego E.* (eds.) *Translating Humour in Audiovisual Texts*. Bern: Peter Lang, 2014.
6. *Vandaele J.* Humor in translation // *Handbook of translation studies*. 2010. Vol. 1. 147—152.
7. *Мельников Г.П.* Системный подход в лингвистике // *Системные исследования*. Ежегодник 1972. М.: Наука, 1973. С. 183—204.
8. *Brône G., Feyaerts K., Veale T.* (eds.) *Cognitive Linguistics and Humour*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2015.
9. *Злобин А.Н.* Перевод в когнитивном формате знания: монография. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2012.
10. *Attardo S.* Linguistic theories of humor. Berlin; New York; Walter de Gruyter, 1994.
11. *Attardo S.* Humorous texts: a Semantic and Pragmatic Analysis. New York; Mouton de Gruyter, 2001.
12. *Dynel M.* Developments in Linguistic Humour Theory. Amsterdam: John Benjamins, 2013.
13. *Raskin V.* Semantic mechanisms of humour. Dordrecht/Boston/Lancaster: D. Reidel Publishing Company, 1985.
14. *Minsky M.* A framework for representing knowledge // *Frame conception and text understanding*. Vol. 5. Berlin, New York: Gruyter, 1980.
15. *Nida E.A.* *Toward a Science of Translating*. Leiden, 1964.
16. *Seguinot C.* Accounting for variability in translation // *Cognitive processes in translation and interpreting* / editors, Joseph H. Danks...[et al.]. Sage Publications, 1997. P. 104—119.
17. *Модестов В.С.* Художественный перевод: история, теория, практика. М.: Издательство Литературного института им. А.М. Горького, 2006.
18. *Болдырев Н.Н.* Когнитивные схемы языковой интерпретации // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2016. № 4. С.10—20.
19. *Baker M.* In Other Words. A coursebook on translation. London & New York: Routledge, 2011.
20. *Робинсон Д.* Как стать переводчиком. Введение в теорию и практику перевода / пер. с англ. М.: Валент, 2014.
21. *Денисенко В.Н.* Моделирование системы языка // *Системный взгляд как основа филологической мысли*. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. С. 37—171.

22. Абаева Е.С. Единицы перевода при работе с юмористическим эффектом // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. Вып. 106. 2017. № 6 (402). С. 5—11.
23. Абаева Е.С. Особенности перевода отрывков с юмористическим эффектом, построенных на столкновении скриптов [одушевленное]/[неодушевленное] // Вестник МГПУ. Серия Теория языка. 2017. № 2. С. 72—80.
24. House J. Translation quality assessment: Past and Present // Translation: a multidisciplinary approach. Palgrave Macmillan, 2014.
25. Kazakova T.A. Strategies of Literary Translation // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 2015. № 12. Vol. 8. P. 2842—2847. DOI: 10.17516/1997-1370-2015-8-12-2842-2847.

УДК: 81'255.4:82-7

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-351-364

TRANSLATION OF THE EXTRACTS WITH HUMOROUS EFFECT: CONTRASTIVE ANALYSIS

Evgeniya S. Abaeva

Moscow City University

2-nd Sel'skhozjajstvennyj proezd, 4, Moscow, Russia, 129226

Abstract. The article deals with the idea of changing general system how to decompose the extracts with humorous effect when carrying out the contrastive analysis of the original text and its translation. The previously used system of translation techniques based on a language structure doesn't always have a positive effect on the results of the contrastive analysis of these texts.

The author suggests using General theory of verbal humour (GTVH), created by S. Attardo semantic theory of humour (V. Raskin). The essential parameter is script opposition. The paper having one source text and two target texts as the material shows the advantages of the theory to find out differences and similarities in the system «original text/ translation», as well as in the system «translation 1 / translation 2».

The author believes that changing the perspective for contrastive analysis with the help of the new system applied we can describe the translation procedure in more details, as well as demonstrate his/her strategy and explain the variability in linguistic means usage. Moreover, the new approach helps us explain some possible translation failures more objectively and carry out the contrastive analysis of two variants of translation of one source text, if necessary.

The observations and conclusions, presented as the results in the paper, could be important for the development of humour translation theory in general and for practice in the sphere of literary translation in particular.

Key words: translation, humorous effect, contrastive analysis, literary translation, Attardo, general theory of verbal humour, translation quality assessment

REFERENCES

1. Komissarov, V.N. (2017). *Modern Translation Studies*. M.: R. Valent. (In Russ.).
2. Hoey, M., Houghton, D. (2005). Contrastive analysis and translation. In: *Routledge Encyclopedia of Translation Studies*. Taylor and Francis e-Library, 45—49.
3. Reformatskij, A.A. (1987). Contrastive analysis. In: *Linguistics and poetics*. Moscow. (In Russ.).
4. Chiaro, D. (2012). Translation, Humour and Literature. Translation and Humour. Vol. 1. London: Bloomsbury Academic.

5. De Rosa, G.L., Bianchi, F., Laurentiis, A. de, Perego, E. (2014). *Translating Humour in Audio-visual Texts*. Bern: Peter Lang.
6. Vandaele, J. (2010). Humor in translation. In: *Handbook of translation studies*. Vol. 1, 147—152.
7. Mel'nikov, G.P. (1973). Systematic approach in linguistics. In: *System studies. Annual 1972*. Moscow: Nauka publ., 183—204. (In Russ.).
8. Brône, G., Feyaerts, K., Veale, T. (2015). *Cognitive Linguistics and Humour*. Berlin: Mouton de Gruyter.
9. Zlobin, A.N. (2012). *Translation in the frame of cognitive knowledge: monograph*. Saransk: Mordovia State University Publ.
10. Attardo, S. (1994). *Linguistic theories of humor*. Berlin; New York; Walter de Gruyter.
11. Attardo, S. (2001). *Humorous texts: a Semantic and Pragmatic Analysis*. New York; Mouton de Gruyter.
12. Dynel, M. (2013). *Developments in Linguistic Humour Theory*. Amsterdam: John Benjamins.
13. Raskin, V. (1985). *Semantic mechanisms of humour*. Dordrecht/Boston/Lancaster: D. Reidel Publishing Company.
14. Minsky, M. (1980). A framework for representing knowledge. In: *Frame conception and text understanding*. Vol. 5. Berlin, New York: Gruyter.
15. Nida, E.A. (1964). *Toward a Science of Translating*, Leiden.
16. Seguinot, C. (1997). Accounting for variability in translation. In: *Cognitive processes in translation and interpreting*. Sage Publications, 104—119.
17. Modestov V.S. (2006). *Literary translation: history, theory, practice*. M.: 'Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing' Publ. (In Russ.).
18. Boldyrev, N.N. (2016). Cognitive schemas of linguistic interpretation. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 4, 10—20. (In Russ.).
19. Baker, M. (2011). *In Other Words. A coursebook on translation*. London & New York: Routledge.
20. Robinson, D. (2014). *Becoming a translator. Theory and practice of translation*. M.: Valent. (In Russ.).
21. Denisenko, V.N. (2016). Language system modelling. In: *The Systematic Approach as the Basis of Philology*. M.: Publishing house YaSK. 37—171. (In Russ.)
22. Abaeva, E.S. (2017). Translation units when working with humorous effect. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 6(402). Philology Sciences. Iss. 106, 5—11. (In Russ.).
23. Abaeva, E.S. (2017). Translation the extracts with humorous effect created on the basis of script opposition [animate]/[inanimate]. *Vestnik MCU. Series: Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2, 72—80. (In Russ.).
24. House, J. (2014). Translation quality assessment: Past and Present. In: *Translation: a multi-disciplinary approach*. Palgrave Macmillan.
25. Kazakova, T.A. (2015). Strategies of Literary Translation. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 8(12), 2842—2847. DOI: 10.17516/1997-1370-2015-8-12-2842-2847.

Для цитирования:

Абаева Е.С. Перевод отрывков текста с юмористическим эффектом: сопоставительный аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 2. С. 351—364. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-351-364.

For citation:

Abaeva, E.S. (2018). Translation of the extracts with humorous effect: contrastive analysis. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (2), 351—364. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-351-364.

Evgeniya S. Abaeva, 2018. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (2), 351—364. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-351-364.

Сведения об авторе:

Абаева Евгения Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры англистики и межкультурной коммуникации Московского городского педагогического университета; *научные интересы*: перевод и переводоведение, когнитивистика, семантика; *e-mail*: abaevae@bk.ru
eLibrary SPIN-код 3872-0718

Bio Note:

Abaeva Evgeniya Sergeevna, Candidate of Philology, docent, associate professor at the English Studies and Cross-cultural Communication Department, at Moscow City University; *scientific interests*: translation studies, cognitive linguistics, semantics; *e-mail*: abaevae@bk.ru
eLibrary SPIN-код 3872-0718

УДК: [811.111:811.161.1]42:34
DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-365-378

SPECIAL ASPECTS OF WORKING WITH THE LEXICAL LEVEL OF LEGAL DISCOURSE TEXTS IN THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

N.V. Alontseva, Y.A. Ermoshin

RUDN University
11198 Moscow Miklukho-Maklaya st., 6, Russia

Abstract. This article considers the lexis of legal discourse. The material of the study is the results of a survey conducted among the students of the Law Faculty of the Peoples' Friendship University of Russia, who have the skills to compile and translate legal texts, in particular, international treaties. 58 Bachelor students of the third and fourth year of studies took part in the survey. The analysis of the survey results showed the presence of systematic errors and revealed some problem areas in the usage of lexical units while writing and editing texts of this type. The object of the study is legal discourse in Russian and English. The subject of the study is the lexis of international documents and its translation into Russian and English. The relevance of the analysis is supported by the institutional nature of legal discourse texts, i.e. by the necessity of observing certain rules and the mode of communication, as well as by the prescriptive function of legal discourse texts, which requires particular accuracy and absence of contextual synonymy when using lexical units.

The authors of the article classified the lexis of this type of texts, which is potentially capable of correlating in the source text and the text-translation, as equivalent contextual-semantic, partially equivalent contextual-semantic and nonequivalent contextual-semantic; they also suggested its description by types and gave examples. The conclusion was that a special set of exercises is needed aimed at developing the necessary skills of differentiating lexical units into types and their translation taking into account the units type in the created or edited text. The necessary recommendation for students will also be the creation of their own individual vocabulary of partially-equivalent and nonequivalent English lexis. Based on the results of the study, the authors introduced a textbook.

Key words: legal discourse, lexical level, equivalent contextual-semantic units, partially equivalent contextual-semantic units, nonequivalent contextual-semantic units, Russian, English

INTRODUCTION

The ability to use lexical units in a particular discourse is a necessary competence of an interpreter. Discursive practice is the link between texts and social practice. Text analysis, including consideration of lexical level units, is included in the discursive analysis along with the description of the social conditions that generate the text and that affect its perception [1]. As a rule, the text is not “self-sufficient for an adequate interpretation, therefore, the ascent to discourse, to knowledge that has remained beyond the limits stated in the text, is natural” [2. P. 100].

Michel Foucault defines discourse as a connected sequence of statements that are subject to the same formation system [3]. Thus, legal discourse is a related sequence of statements on legal issues defined by the context of the situation and the culture.

To the main functions of legal discourse we relate the following:

- 1) informative function, as almost any text carries information;
- 2) prescriptive function, as legal statements are direct or indirect orders to the recipient to perform certain actions or to refrain from committing them;
- 3) declarative function that we see in the proclamation of certain social and legal designations and ideas;
- 4) reasoning function that is inherent in the genres of legal discourse, among which the central types are various types of complaints, statements of claim, recalls of the statement of claim and, of course, legal decisions. Their communicative goal is to justify one or another position.

One of the dominant features of legal communication is its institutionality. The institutional nature of legal discourse manifests itself in the subordination of its subject to the rules established in the discursive community, which determine “what can and what should be said, they imperiously impose a certain appraisal and cognitive basis and establish modes of communication” [3]. According to O.F. Rusakova, institutional communication is inherent in “a stable system of status-role relationships that has developed in the communicative space of the vital activity of a particular social institution. Within the framework of this system the power functions of symbolic coercion are realized in the form of a normative prescription and the legitimation of certain methods of worldview, world-feeling, vectors of value orientations and behavior patterns” [4. P. 263].

Participants in legal communication interact in accordance with the system of role prescriptions and norms of behavior. According to I.V. Palashevskaya, in the actions of participants in legal discourse coming from different legal authorities, there is a certain coordination that allows us to consider them as part of a wider institutional system [5. P. 263].

In modern linguistics, the most significant works devoted to legal discourse are the works of A.K. Soboleva [6], M.V. Borovkova [7], V.Z. Demyankova [8], L.E. Popova [9], D. Stone [10], T. Fiveg [11], M.A. Shirinkina [12].

To determine the language tools for forming skills to compile and edit texts of legal discourse, in particular, international treaties, it is necessary to identify difficulties that arise in the process of creating authentic documents. Analysis of the linguistic features of official and business documents, as well as the results of the diagnostic survey conducted at the 3rd and 4th year of the Law Faculty of Peoples’ Friendship University of Russia made it possible to identify difficulties and mistakes that arise when creating and editing texts of international treaties. Students had certain difficulties in arranging linguistically the text content plan, as well as in understanding the meanings of the semantic parts that make up the inner and outer form. It should be noted that in one language values can be expressed by lexical means, in another language the same values are expressed by grammatical means. Under the semantic values it is necessary to understand the combination of different types of semantic correspondences — referential, pragmatic and also intra-linguistic.

Equivalence of texts, in this case — texts of international treaties, cannot be understood as the preservation of all values, because some of the above types are only

partially preserved. The referential values are fully transmitted, and this is due to the fact that the system of referential values of language units reflects the practical experience of the entire community speaking this language. And since the situations of reality in speech practice coincide more than they diverge, then the referential values reflecting the same type of situations in different languages, in most cases also coincide. To a lesser degree, pragmatic values are transmitted, since they are related to the category of relationship. The attitude to the same situations can differ not only for individuals, but for different language collectives, and therefore pragmatic values in different languages may differ. However, official-business style texts are characterized by the preservation of pragmatic values to the full extent. Intra-linguistic values are transmitted to the minimum degree or may not be preserved at all. This is due to the fact that each language is a kind of system, units and links of which are specific.

While editing bilingual documents, a specialist identifies errors in them. In the course of the work, thus, sometimes one has to resort to changing words, phrases and idiomatic expressions, i.e. we are talking about selecting the correct variant of contextual-semantic units.

Our analysis of the language of texts of international treaties gives ground to conclude that lexical units are potentially capable of manifesting themselves in various types of semantic correspondences, such as:

- 1) equivalent contextual-semantic units;
- 2) partially equivalent contextual-semantic units: (many-valued, undifferentiated and super-differentiated, with a difference in pragmatic meanings).

1. EQUIVALENT CONTEXTUAL-SEMANTIC UNITS

In texts relating to legal discourse, equivalent contextual-semantic units can be singled out — “words that are mono-semantic and have only one lexical meaning in both languages” [13. P. 75]. The examples of these may be:

— names of months, days of the week and numbers (January — январь, Monday — понедельник, one thousand — одна тысяча);

— international legal terms that can be characterized as legal terms that have been unified in international legal documents and that are interpreted by governments equally (*extradition* — *выдача преступников*);

— scientific and technical terms (*hexenal* — *гексенал*, *pyrrolidine* — *пирролидин*, *hydrogen* — *водород*). For example, in the English language:

“Polychlorinated dibenzo-p-dioxins and dibenzofurans, hexachlorobenzene and polychlorinated biphenyls are unintentionally formed and released from thermal processes involving organic matter and chlorine as a result of incomplete combustion or chemical reactions”.

In the Russian language:

“Непреднамеренное образование и выброс дибензо-п-диоксинов и дибензофуранов, гексахлорбензола и полихлорированных дифенилов происходят при осуществлении термических процессов в присутствии органического вещества и хлора в результате неполного сгорания или прохождения химических реакций”.

Sometimes the same term can refer to different scientific fields. In this case, specialists correlate the term with the corresponding area and establish the equivalence of units, for example:

bill:

*“The time of payment of a **bill** payable at a fixed period after sight is determined by the date of acceptance or, if the **bill** is dishonored by non-acceptance, by the date of protest or, if protest is dispensed with, by the date of dishonor”.* «Срок платежа по переводному векселю, подлежащему оплате в установленный промежуток времени от предъявления, определяется датой акцепта, а в случае отказа в акцепте — датой протеста или, если протест не требуется, датой отказа в акцепте» [14].

In this case, the two lexical-semantic variants differ in the context: a bill and an account.

These kinds of words do not cause difficulties when editing texts, as trainees, in essence, rely in the process of their comparison on “material that does not contain differentiating features that could be inappropriately transferred from one language to another” [15. P. 61].

The same group includes special lexis, which has a fixed variant in the language of diplomatic legal documents in English and Russian, in particular: *resolution* — *резолюция*; *invite* (in resolutions, conventions) — *предлагать*, *whereas* — *принимая во внимание*; *a party* — *сторона*; *done* — *совершено*.

“Done at Vienna, this eighteenth day of April one thousand nine hundred and sixty-one”.
“Совершено в Вене восемнадцатого апреля тысяча девятьсот шестьдесят первого года”.

“For the purposes of this Convention statements made by and other conduct of a party are to be interpreted according to his intent where the other party knew or could not have been unaware what that intent was” [16]. *“Для целей настоящей Конвенции заявления и иное поведение стороны толкуются в соответствии с ее намерением, если другая сторона знала или не могла не знать, каково было это намерение”.*

Business standards widely used in the compared documents are presented in the form of ready-made stamps and clichés. “Special business standards are subject to terminology. It leads to the stability of word combinations and the impossibility of replacing their components” [17. P. 92]. For example: *denunciation of a treaty* — *денонсирование договора*; *provisional agenda* — *предварительная повестка дня*; *Secretary General* — *Генеральный Секретарь*; *to affix a seal* — *приложить печать*; *to ratify a convention* — *ратифицировать конвенцию*.

These business standards (stamps and clichés) in the process of training the skill of compilation and editing official business documents should be memorized by heart. The same kind of work should be done with Latin and French borrowings, for example: *ad hoc committee* — *ad hoc комитет*; *ad valorem duties* — *адвалерные пошлины*, *de jure* — *де-юре, юридически*; *a posteriori* — *апостериори, эмпирически, из опыта, по опыту*; *contra racem* — *против мира*; *res communis* — *общая вещь*; *res judicata* — *принцип недопустимости*.

The components of such units are not perceived as being dismembered from the grammatical point of view, the whole “unit is used in documents as a cliché, as a single whole” [17. P. 94].

Naturally, a group of contextual-semantic units of this type is legitimate to refer to equivalent units that have a fixed variant of use in international treaties.

A certain part of the contextual-semantic units is represented by phrases. These contextual-semantic units are characterized by the fact that they “do not have any semantic shifts, the value is made up of the values of the words individually included in it, while they are not metaphorically reinterpreted and are not extensively applied, there is no limitation (in any case, may not be) on the compatibility of separate elements, the syntactic links are distinct and not obscured” [18. P. 36—37].

The stability of the contextual-semantic units-phrases is based on the regular frequency in this discourse, which conditioned their ability to be reproduced in the speech as “ready-made linguistic units”, in other words, the stability of the formal-grammatical structure. For example: *this agreement shall remain open for signature by the governments — настоящее соглашение открыто для подписания правительствами; instruments of ratification shall be deposited with the Director-General — документы о ратификации направляются Генеральному Директору; this agreement shall remain in force until denounced by one of the High Contracting Parties — настоящее соглашение сохраняется в силе до денонсации его одной из Высоких Договаривающихся Сторон; for the purpose of its obligations under the Convention — в целях (во исполнение) своих обязательств, вытекающих из конвенции.*

By themselves, contextual-semantic units related to the lexis of legal discourse are complex in the sense that they are new to students. Consequently, students must master distinctive Russian contextual and semantic units, as well as corresponding English ones, which can be used in the texts of international treaties.

In the course of the diagnostic survey, the task was to select from the given series of contextual-semantic units:

- 1) single-valued words having in both languages only one lexical meaning;
- 2) scientific and technical terms that are related to one area of activity;
- 3) special lexis, which has a fixed variant in the language of diplomatic legal documents in English and Russian;
- 4) stamps and clichés, which cannot be replaced due to the stability of the components included in these phrases.

The survey revealed that about 27% of students (16 out of 58 people) selected incorrectly contextual-semantic units and determined the wrong equivalent. For example, the initial words of the preamble, such as *deeply concerned* were given the equivalent of *озабоченный*, instead of *выражая озабоченность*; *having examined* — *рассмотренный* instead of *рассмотрев*; *The present Convention shall be open to accession by ...* — *Настоящая конвенция должна быть открыта для присоединения ...* instead of *Настоящая Конвенция открыта для присоединения ...* Inadequate replacement of words, word combinations and phrases in the texts is explained by the lack of solid knowledge among students of typical contextual-semantic units for linguistic arrangement of texts of international treaties.

2. PARTIALLY EQUIVALENT CONTEXTUAL-SEMANTIC UNITS

This group of lexical units includes many-valued contextual-semantic units.

The vast majority of words of any language is characterized by polysemy, and the system of meanings of a word in one language, as a rule, does not completely coincide with the system of meanings of words in another language. We have found out that sometimes the range of meanings of a word in the English language is wider than that of the corresponding word in Russian, i.e. the word in English has all the same meanings as the word in the Russian language, but, in addition, there are meanings that are transmitted in other words in Russian. This kind of polysemy is called *inclusion* [13. P. 77]. For example, according to the dictionary, *характер* in Russian, like the English word *character*, has the following meanings:

- 1) character (a set of mental properties of a person);
- 2) character (firmness, will);
- 3) character (property, quality, originality).

But the English noun *character* has more meanings:

- 4) reputation;
- 5) characteristic, written recommendation;
- 6) distinctive feature;
- 7) figure, personality;
- 8) literary image;
- 9) printed sign, letter, symbol — in the Russian language it is expressed in other words.

The Russian word *жертва* (*victim*) has the following correspondences in English:

- 1) sacrifice;
- 2) victim.

L.K. Latyshev in the book “Technology of Translation” [19] notes that the meaning of a multi-valued word is clearly defined by a minimal context, so the polysemy of lexical units does not create great difficulties with the choice of adequate correspondence for the trainee leaning on the context. But in order to give an adequate equivalent of the contextual-semantic unit of this subgroup, you must first determine the desired meaning, and then within this meaning find a suitable variant for the context. The most common were multi-valued words, in which the intersection of referential values in English and Russian was noted. The aggregate values of a unit of one language may not cover the entire volume of the unit value of the second language, i.e. part of the volume value of a unit of the second language may not be covered by the totality of its dictionary equivalents. This correspondence of values is fraught with an error in the choice of the equivalent offered by the dictionary, if none of the options in this context is suitable. For example: *State Parties shall take into account the particular problems faced by rural women and significant roles which rural women play in the economic survival of their families...; Государства-участники принимают во внимание особые проблемы, с которыми сталкиваются женщины, проживающие в сельской местности, и значительную роль, которую они играют в обеспечении экономического благосостояния своих семей...* [20]. None of the options offered by the dictionary for the

translation of the word *survival* can be used in this context, and on the basis of the first dictionary meaning of the word *survival*, one should find the necessary option: *survival* → *standard of living* → *adequate level of well-being*. In such cases, students should extract the basic meaning of the word from the dictionary and then logically output the contextual equivalent.

The complexity of editing bilingual texts of international documents was also represented by contextually meaningful units with a wide undifferentiated meaning. The meaning of this phenomenon is as follows: “One word of a language expressing a broader (undifferentiated) concept, that is, denoting a broader class of denotata, in another language may correspond to two or more words, each of which expresses a narrower, differentiated concept comparing with the first language, that is, refers to a more restricted class of denotata” [13. P. 78], for example: *дело* — *affair, business, work; occupation, pursuit; line; просить* — *ask, beg, request*.

In such cases, it is necessary to use a methodical comparison technique in teaching practice, which helps to replace contextual-semantic units in Russian texts, since English lexical units do not inherent in expressing the difference between certain concepts, while in Russian this takes place, and more specific private concepts are used. For example: *He goes by car* — *Он едет на машине*. *He goes on foot* — *Он идет пешком*.

In some cases, a specialist could resort to replacing a lexical unit expressing a narrow (differentiated) concept, with a broader meaning unit:

Each State Party shall ensure that its competent authorities proceed to a prompt and impartial investigation, wherever there is reasonable ground to believe that an act of torture has been committed in any territory under its jurisdiction. Каждое государство-участник обеспечивает, чтобы его компетентные органы проводили быстрое и беспристрастное расследование, когда имеются достаточные основания полагать, что пытка была применена на любой территории, находящейся под его юрисдикцией.

Equivalence of bilingual texts assumes the greatest possible affinity not only of the referential but also of the pragmatic value of correlated words, when the latter reflects the speaker's attitude to the information contained in the word. Thus, pairs of words were found which had the same object-logical value, but the pragmatic one differed and was embodied, as a rule, through a certain stylistic characteristic differed. For example: *to end* — *to terminate*, *to begin* — *to commence*.

As the results of the diagnostic survey showed, the task of which was:

- 1) to “include” a multi-valued (Russian and English) word in this context;
- 2) to choose for the given context (Russian and English) contextual-semantic unit with a wide undifferentiated value;
- 3) to choose a stylistically justified contextual-semantic unit for the given context, — equivalent units were particularly difficult for the students.

This is evidenced by the fact that 54% of students (32 out of 58 people) misused them in the texts. For example: *Все государства могут считаться имеющими правовой интерес в защите обязательств государства по отношению к международному сообществу в целом. Это обязательства erga omnes*. Instead of the noun *obligations*, the word *engagements* was used; *Когда жертва является гражданином данного государства...* . Instead of the noun *victim* the word *sacrifice* was used.

3. NONEQUIVALENT CONTEXTUAL-SEMANTIC UNITS

By nonequivalent contextual-semantic units we mean lexical units (words and stable word combinations) of one language that have neither complete nor partial equivalents among lexical units of another language [13. P. 94]. For example, realities are understood as “features of life, everyday routine, the government structure of each country, its traditions, customs and beliefs — all that makes up its distinctive, national appearance” [21. P. 8]. Lexis reflecting these realities belongs to the group of nonequivalent contextual-semantic units.

With reference to the texts of legal discourse, contextual-semantic units that designate only political institutions and social phenomena characteristic of a given country are legitimate to be enlisted in this group. For the Russian Federation, the following government institutions are characteristic: the Federal Assembly, the State Duma, the Federation Council; for Great Britain: the House of Commons, the House of Lords; for the USA: the Congress, The Senate, etc.

To the group of nonequivalent lexis, we also relate part of the national legal terms, i.e. words and word-combinations with the help of which the contents of regulatory and legal prescriptions are expressed and fixed. For example: *районный суд* (district court) is known to the legislation of the Russian Federation and the legislation of the Republic of Belarus, but unknown in the legislation of the United Kingdom and the United States. Conversely, the terms that are known to the laws of the United States and Great Britain, may be not specific to the laws of the Russian Federation and Belarus, and also may not be reflected in the Russian language, for example: “court of assize” (суд ассизов) — Division of the High Court hearing cases involving defendants accused of felonies. The prosecution was initiated by magistrates: *Courts of Assize are served by judges who travel around county towns or by so-called Courts of Quarter Sessions, which convene four times a year in a number of counties and boroughs.*

For example, L.S. Barkhudarov notes that designations and concepts are included in the Russian language: *палата общин — House of Commons, лорд-хранитель печати — Lord Privy Seal, спикер — Speaker* and many other words and phrases. They are of English origin and got their consolidation in dictionaries with the result that they cannot be nonequivalent contextual-semantic units with respect to the Russian language [13. P. 95]. This statement, in our view, is justified in order to translate, but to edit bilingual texts of international treaties such words and phrases need to be replaced both in the text of the contract and in the translation. This is due to the fact that an international treaty can be implemented in the legal system of the government; i.e. the implementation of international law norms in practical activities of governments and other entities is carried out [22. P. 116].

Further in the field of view there are lexical units, which can be described as random lacunae. These are the units of the dictionary of one language, which for some reason do not correspond to the lexical composition of another language. They stand for the concept to be translated into another language by a descriptive way, for example: the word *сутки* is transmitted either by specifying the number of hours, *twenty-four hours*, or if the-clock action is highlighted, by the word combination *day and night*.

In general, nonequivalent lexis can be transmitted to another language in such ways as: transliteration and transcription: *acceptance* — *акцент*, *offer* — *оферта*, *It is generally more difficult to conclude that there has been an acceptance than that there has been an offer.* — *Вообще гораздо труднее установить наличие акцента, чем оферты*; *endorsement* — *индоссамент*, *A restrictive endorsement cannot be changed.* — *Ограниченный индоссамент не может быть изменен*; *calquing*: *grand jury* — *большое жюри*; *backbencher* — *заднескамеечник*; *brain drain* — *утечка мозгов*; *descriptive translation*: *act of God* — *стихийное бедствие, действие непреодолимой силы, форс-мажор*; *landslide* — *победа на выборах с большим перевесом голосов*; *brinkmanship* *искусство держать мир на грани войны*; *close translation*: *solicitor* — *поверенный, стряпчий, адвокат*.

However, many students — 46% (26 of 58 people) — had difficulties in choosing the correct variant of the contextual-semantic unit of this group. This is understandable, because the goal of achieving the authenticity of the texts of international treaties is in equal understanding by the parties that conclude the treaty. For example, if the term “*magistrate court*” is used in the text of an international treaty in English, then in the translation of the text the use of the term *магистратский суд* or *мировой суд* would be wrong from a professional point of view, because Russian and Belarusian judicial systems are not familiar with such an institution. In case of difficulties, it is necessary to correct both texts, that is, to replace the term known to one law and unknown to another, with the term with a broader meaning: *magistrate court* and *мировой суд* can be replaced by *судебный орган, в юрисдикции которого находится данные дела* — *a judicial body which jurisdiction covers such cases* or *уполномоченный орган* — *authorized body*. Sometimes translation is possible, when a detailed description of the meaning of terms is given or “the term in brackets is given in a different language, this way conditionally putting the sign of equality between the meanings of both terms” [23. P. 48].

When fixing nonequivalent contextual-semantic units, one should take into account its connection with other units in the sentence. Often the replacement of one unit leads to the need to replace other units of the sentence, respectively, morphological and syntactic changes occur. It is known that in the sentence words are connected with each other through a syntactic link, word combinations can be stable or free. “In free word combinations words retain their meanings, so when translating such word combinations it is important to know the translation of their constituent components” [24. P. 58]. But the elements of the word combination are often in complex semantic relations with each other, and the choice of an adequate equivalent for translation should be determined by “the norms of semantic matching, which in linguistics is understood as the rule requiring that the components of the phrase contain general semes or at least not contradictory with each other” [25. P. 25]. When fixing a word combination, which for a number of reasons does not have a direct equivalent, one should first find the key word in the phrase. Further on, if the difficulty is caused by the definitive word, and not by the key word, it is necessary to use the rule of semantic matching. According to this rule, students need to establish the meaning of the definitive word, the seme in its semantic structure, which should be realized in the context of the translated word

combination, and then they should replace the inappropriate word combination with the one having a similar seme. For example: *подтверждать международный договор* — *to ratify a treaty*; *подтверждать обвинение в суде* — *to substantiate a charge*. In these examples, for different key words, the same defining word is used, and both word combinations have a common seme ‘to confirm the correctness of something’. At the same time, they also have differential semes: in the first case, this is ‘to seal by signatures’, and in the second case, the differential seme is ‘to provide facts to confirm something’. Obviously, the considered transformations were carried out at the level of component equivalence, i.e. trainees had to understand that in Russian and English the meaning may not be a word as such, but a semantic attribute, and when it is the only one, different words are used for its transmission.

During the comparison of texts, contextual and semantic units were distinguished at the level of word combinations with formal non-expressiveness of semantic components. In this case, you need to use the methodical addition method. In particular, in the documents of the official business style, there are often attributive word combinations, the first member of which can be expressed in Russian otherwise — not by a word but by a subordinate clause or a participial construction. For example: *oil countries* — *страны, производящие нефть*; *wage deadlock* — *тупик, в который зашли переговоры о повышении заработной платы*; *Peace Observation Commission* — *Комиссия, осуществляющая наблюдение за поддержанием мира*; *World Food Council* — *Всемирный Совет, занимающийся вопросами продовольствия*.

The opposite method — *опущение (omission)* — was used in the presence of semantic redundancy of contextual-semantic units, i.e. when a literal translation with their preservation would be contrary to the norms of the language. For example: *Встреча на высшем уровне* — *Summit*.

“The choice of the grammatical form in translation depends not only and not so much on the grammatical form of the original as on the nature and meaning of lexical units receiving a certain grammatical form in the statement” [26. P. 150]. Because of this, grammatical units of the Russian or English languages may have no single correspondences that are constantly or in most cases would be used in translation, when the given unit appears in the original.

When editing official-business style texts, a very common methodical technique involving the replacement of parts of speech can be used. It is convenient to consider this using the example of prepositional-attributive phrases. In two-termed word-combinations, the first term can be expressed in Russian by:

- an adjective: *emergency meeting* — *внеочередное/экстренное заседание*;
- a noun with preposition: *disarmament conference* — *конференция по разоружению*;
- a noun in the genitive case: *incomes policy* — *политика доходов, budget increase* — *увеличение бюджета*.

In the latter case, in addition to replacing the part of the speech, the elements were also rearranged in the word combination, i.e. the arrangement of elements in the text in one language in comparison with the text in the other language was changed.

CONCLUSIONS

The study of the special aspects of the legal discourse and lexis used in it shows that the lexical unit is a way of storing information and actualizes certain vision and knowledge of the situation. Our analysis of official and business documentation made it possible to determine the main language means of lexical level (equivalent contextual-semantic units, partially equivalent contextual-semantic units, nonequivalent contextual-semantic units) for creating authentic texts of international treaties.

The results of the diagnostic survey revealed a number of difficulties encountered by students in using contextual-semantic units in texts of legal discourse, which led to the development of a special set of exercises to develop the skills necessary to create authentic texts of international treaties. Particular attention is paid to working with partially equivalent units of the Russian and English languages.

A recommendation for students is to work at creating their own individual vocabulary of partially-equivalent and nonequivalent lexis of the English language.

© Алонцева Н.В., Ермошин Ю.А.

Дата поступления: 20.02.2018

Дата приема в печать: 26.02.2018

REFERENCES

1. Fairclough, N. (1989). *Language and Power*. L.; N.-Y.: Longman Group UK Limited.
2. Kaplunenko, A.M. (1992). *Historico-functional aspect of idiomatics: (on the material of the phraseology of the English language) [dissertation]*. Moscow. (In Russ.).
3. Foucault, M. (1996). *Archeology of knowledge*. Kiev: Nika-Center. (In Russ.).
4. Rusakova, O.F. (2008). *PR-Discourse: Theoretical and methodological analysis*. Ekaterinburg. (In Russ.).
5. Palashevskaya, I.V. (2010). Functions of legal discourse and actions of its participants. *Izvestiya Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 12 (5 (2)). 535—540. (In Russ.).
6. Soboleva, A.K. (2000). The canons of interpretation in law, *Russian Justice*, 10. (In Russ.).
7. Borovkova, M.V. (2001). *Linguostylistic status of texts of legal interpretation and legal interpretation [dissertation]*. Ekaterinburg. (In Russ.).
8. Demyankov, V.Z. (2012). Study of the text and discourse of the media by methods of contrasting political science linguistics. In *Language of the media and politics*, G.Ya. Solganik (Ed.). Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta; Faculty of Journalism, Moscow State University. M.V. Lomonosov. 77—120. (In Russ.).
9. Popova, L.E. (2005). *Legal Discourse as Object of Interpretations*. Krasnodar. (In Russ.).
10. Viehweg, Theodor (1993). *Topics and Law*. Bonn, 1993.
11. Soboleva, A.K. (1997). Theodor Fiveg and his book “Topeka and jurisprudence: to the question of the basic method of research in law”, *Rhetoric*, 1. Moscow. (In Russ.).
12. Shirinkina, M.A. On some parameters of interpretative discourse in the field of law. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/48997/1/iurg-2017-163-10.pdf> (accessed: 23.02.2018). (In Russ.).
13. Bilan, V.N. (1999). *Official and diplomatic correspondence*. Minsk. (In Russ.).
14. *Black's Law Dictionary*. St. Paul. 1983. P. 473.
15. Parshin, A. Theory and practice of translation Electronic resource. URL.: <http://www.teneta.ru/rus/pe/parshin-andteoria-i-praktika-perevoda.htm> (accessed: 23.02.2018). (In Russ.).
16. Pleshchenko, T.P., Fedotova, N.V. & Chechet, R.G. (1999). *Fundamentals of stylistics and speech culture*. Minsk: Tetra-Systems. (In Russ.).

17. Kornev, V.A. Comparative semantics and problems of interlingual interference. Electronic resource. URL.: <http://www.kcn.ru/tatru/science/news/lingv97/n42.htm> (accessed: 23.02.2018). (In Russ.).
18. Korobova, A.Yu. (1990). Investigation of the semantics of substantive lexicon with a parametric component in meaning (on the material of Russian and English languages) [dissertation]. Saratov. (In Russ.).
19. Lukashuk, I.I. (1966). Parties in international treaties. Moscow. (In Russ.).
20. Resolution 53/101 Principles and guidelines for international negotiations: Adopted by Gener. The Assembly, Dec. 8 1998. Electronic resource URL.: <http://www.memo.ru/prawo/int-law/int9812.htm> (accessed: 23.02.2018).
21. Lukashuk, I.I. (1997). International law. Moscow: Vek. (In Russ.).
22. Ufimtseva, A.A. (1986). Lexical meaning: The principle of semiholes. description of vocabulary. Moscow: Nauka. (In Russ.).
23. Functional styles of English (1981). Moscow.
24. Talalaev, A.N. (1989). The law of international treaties: Treaties with the participation of the international. org. Moscow: Intern. relations. (In Russ.).
25. Grekhneva, G.M. (1979). Features of logic as a quality of speech in the scientific style In *Term and word: Interuniversity*. B.N. Golovin (Ed.). Gorky. 165—174. (In Russ.).
26. Kubryakova, E.S. (1965). What is word formation? Maitinskaya Moscow: Nauka. (In Russ.).

УДК: [811.111:811.161.1]42:34

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-365-378

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ С ЛЕКСИЧЕСКИМ УРОВНЕМ ТЕКСТА ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА НА АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Н.В. Алонцева, Ю.А. Ермошин

Российский университет дружбы народов
11198 Москва ул. Миклухо-Маклая, 6, Россия

В настоящей статье рассматривается лексика юридического дискурса. Материалом исследования явились результаты опроса студентов юридического факультета Российского университета дружбы народов, имеющих навыки составления и перевода юридических текстов, в частности, международных договоров. В опросе приняли участие 58 студентов третьего и четвертого курсов бакалавриата. Анализ результатов опроса показал наличие системных ошибок и выявил некоторые проблемные области использования лексических единиц при написании и редактировании текстов данного типа. Объектом исследования стал юридический дискурс на русском и английском языках. Предметом исследования явилась лексика международных документов и ее перевод на русский и английский языки. Актуальность проведенного анализа поддерживается институциональным характером текстов юридического дискурса, т.е. необходимостью соблюдения определенных правил и режима коммуникации, а также прескриптивной функцией текстов юридического дискурса, которая требует при использовании лексических единиц особенной точности и отсутствия контекстной синонимии.

Авторы статьи классифицировали лексику данного типа текстов, потенциально способную коррелировать в тексте-источнике и тексте-переводе, как эквивалентную контекстуально-смысловую, частично эквивалентную контекстуально-смысловую и безэквивалентную контекстуально-смысловую

лексику, предложили ее описание по типам и привели примеры. Выводом явился тезис о том, что необходим специальный комплекс упражнений, направленный на выработку необходимого навыка дифференциации лексических единиц на типы и их перевод с учетом типовой принадлежности в создаваемом и редактируемом тексте. Необходимой рекомендацией для студентов будет также создание собственного индивидуального словаря частично-эквивалентной и безэквивалентной лексики английского языка. По результатам исследования было создано учебное пособие.

Ключевые слова: юридический дискурс, лексический уровень, эквивалентные контекстуально-смысловые единицы, частично эквивалентные контекстуально-смысловые единицы, безэквивалентные контекстуально-смысловые единицы, русский язык, английский язык

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Fairclough N.* Language and Power. L.; N.-Y.: Longman Group UK Limited, 1989.
2. *Каплуненко А.М.* Историко-функциональный аспект идиоматики: (на материале фразеологии английского языка). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филол. наук. М., 1992.
3. *Фуко М.* Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996.
4. *Русакова О.Ф.* PR-Дискурс: Теоретико-методологический анализ. Екатеринбург, 2008.
5. *Палашевская И.В.* Функции юридического дискурса и действия его участников // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук.* 2010. Т. 12. № 5 (2). С. 535—540.
6. *Соболева А.К.* Каноны толкования в праве // *Российская юстиция.* 2000. № 10. С. 44.
7. *Боровкова М.В.* Лингвостилистический статус текстов юридической интерпретации и юридического толкования: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филол. наук. Екатеринбург, 2001.
8. *Демьянков В.З.* Исследование текста и дискурса СМИ методами контрастивной политологической лингвистики // *Язык СМИ и политика.* М.: Изд-во Моск. ун-та; Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2012. С. 77—120.
9. *Попова Л.Е.* Юридический дискурс как объект интерпретаций. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филол. наук. Краснодар, 2005.
10. *Viehweg, Theodor.* Topics and Law. Bonn, 1993.
11. *Соболева А.К.* Теодор Фивег и его книга «Топика и юриспруденция: к вопросу об основном методе исследований в праве» // *Риторика.* № 1. М., 1997.
12. *Ширинкина М.А.* О некоторых параметрах интерпретационного дискурса в сфере права. <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/48997/1/iurg-2017-163-10.pdf>.
13. *Билан В.Н.* Официальная и дипломатическая переписка: Учеб.-метод. пособие / Белорус. гос. ун-т. Минск, 1999.
14. *Black's Law Dictionary.* St. Paul. 1983. P. 473.
15. *Паршин А.* Теория и практика перевода Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.teneta.ru/rus/pe/parshin-andteoria-i-praktika-perevoda.htm>.
16. *Плеценко Т.П., Федотова Н.В., Чечет Р.Г.* Основы стилистики и культуры речи. Минск: Тетра-Системс, 1999.
17. *Корнев В.А.* Сопоставительная семантика и проблемы межъязыковой интерференции Электронный ресурс. Режим доступа <http://www.kcn.ru/tatru/science/news/lingv97/n42.htm> (дата обращения 23.02.2018).
18. *Коробова А.Ю.* Исследование семантики субстанциональной лексики с параметрическим компонентом в значении (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19/ Саратов. гос. ун-т. Саратов, 1990.
19. *Лукашук И.И.* Стороны в международных договорах. М.: Юрид. лит., 1966.
20. Резолюция 53/101 Принципы и установки для ведения международных переговоров: Принята Генер. Ассамблеей, 8 дек. 1998 г. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.memo.ru/prawo/int-law/int9812.htm> (дата обращения 23.02.2018).

21. Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть: Учеб. М.: БЕК, 1997.
22. Уфимцева А.А. Лексическое значение: Принцип семиол. описания лексики. М.: Наука, 1986.
23. Функциональные стили английского языка. М., 1981.
24. Талалаев А.Н. Право международных договоров. М.: Междунар. отношения, 1989.
25. Грехнева Г.М. Особенности логичности как качества речи в научном стиле // Термин и слово: Межвуз. сб. Горьк. гос. ун-т; Отв. ред. Б.Н. Головин. Горький, 1979. С. 165—174.
26. Кубрякова Е.С. Что такое словообразование. М.: Наука, 1965.

For citation:

Alontseva, N.V. & Ermoshin Y.A. (2018). Special Aspects of Working with the Lexical Level of Legal Discourse Texts in the English and Russian Languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (2), 365—378. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-365-378.

Natalia V. Alontseva & Yuriy Ermoshin, 2018. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (2), 365—378. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-365-378.

Bio Note:

Natalia V. Alontseva, Associate professor of the department of foreign languages, RUDN University; *academic interests*: pragmatics, discourse analysis, methods of teaching foreign languages; *e-mail*: alontseva_nv@rudn.university

Yury A. Ermoshin, Associate professor of the department of foreign languages, PhD in Pedagogy, RUDN University; *academic interests*: pragmatics, discourse analysis, methods of teaching foreign languages; *e-mail*: ermoshin_yua@rudn.university

Сведения об авторах:

Алонцева Наталья Владимировна, доцент, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН; *научные интересы*: прагматика, дискурсивный анализ, методика преподавания иностранных языков; *e-mail*: alontseva_nv@rudn.university

Ермошин Юрий Анатольевич, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН; *научные интересы*: прагматика, дискурсивный анализ, методика преподавания иностранных языков; *e-mail*: ermoshin_yua@rudn.university

УДК: 81:82-1

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-379-387

КОНЦЕНТРАЦИЯ СРЕДСТВ ВЫДВИЖЕНИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ*

Статья 2

Н.М. Джусупов

Университет «Сырдария»

Казахстан, г. Жетысай, 160500, ул. М. Ауэзова, 11

В статье на материале отдельного фрагмента (строфы) из поэтического произведения Олжаса Сулейменова «Айттыс» анализируются средства выдвижения с целью выявления их семантико-стилистических и функциональных особенностей. В целом явление выдвижения свойственно текстам всех функциональных стилей, однако особое значение оно приобретает в художественном тексте, в рамках которого факторы формирования выдвижения разнообразны, что во многом обусловлено отсутствием функционально-стилевых, эмоционально-экспрессивных и образных ограничений. Средства выдвижения, представленные в поэтическом контексте Олжаса Сулейменова, и особенности их функционирования позволяют автору создать семантически насыщенный нестандартный поэтический микротекст, продиктованный билингвальным художественным мышлением. Выявляются и анализируются отдельные семантико-стилистические группы, в рамках которых выделяются различные стилистические средства, обеспечивающие максимальную степень выдвижения в тексте: повтор однородных синтаксических структур; повтор отдельных языковых единиц, семантический контраст, выход из ритма и размера стиха, персонификация, стилистический парадокс и др. Концентрация большого количества различных средств выдвижения в целом свидетельствует о больших внутренних возможностях художественного (поэтического) текста. Проанализированный поэтический контекст — это сплав казахского и русского восприятия окружающего мира, переданного средствами русского языка. В лингвокультурном и когнитивном отношении анализируемая строфа характеризуется доминированием в тексте казахских психообразов, сформированных в сознании поэта-транслинга, что в конечном итоге обеспечивает его смысловую насыщенность, семантико-стилистическое своеобразие, обусловленное индивидуально-авторскими выражениями и разнообразием средств выдвижения.

Ключевые слова: выдвижение, средство выдвижения, семантико-стилистическая группа, поэтический текст, строфа

ВВЕДЕНИЕ

Явление выдвижения характерно для текстов всех функциональных стилей, однако особое значение оно приобретает в художественном тексте [1—4; 15; 6—9], в рамках которого факторы формирования выдвижения разнообразны, что во многом обусловлено отсутствием функционально-стилевых, эмоционально-экспрессивных и образных ограничений.

---

* Статья подготовлена в рамках научного проекта «Когнитивно-стилистический подход к исследованию художественного текста (на материале английского, русского и тюркских языков)» Международной программы научных грантов Института перспективных исследований Московского педагогического государственного университета.

В поэтическом тексте, в отличие от прозаического, выдвигание может быть более насыщенным как в плане его семантико-стилистического разнообразия, так и в плане частотности функционирования. Объясняется это тем, что поэтический текст имеет определенные особенности (правила) формального характера (размер стиха, объем, рифма и т.д.). Фигура выдвигания должна вписаться в рамки этих правил, поэтому даже в одной строфе может наблюдаться высокая концентрация фигур выдвигания. Таким образом, форма поэтического произведения также является определяющим фактором формирования разнообразного характера явления выдвигания в художественном контексте.

КОНЦЕНТРАЦИЯ СРЕДСТВ ВЫДВИЖЕНИЯ В ПОЭТИЧЕСКОЙ СТРОФЕ

Средства выдвигания, представленные в поэтическом контексте Олжаса Сулейменова, и особенности их функционирования позволили создать нестандартный поэтический микротекст с полисмысловой насыщенностью, продиктованный билингвальным художественным мышлением.

Анализируемая строфа — фрагмент из стихотворения «*Айтыс*» (т.е. импровизированное поэтическое состязание) [10. С. 113—114], написанного в традициях казахских эпических произведений.

*Сын волка, хоть и тоц,
но похож на волка,
сын собаки, хоть и толст,
но похож на собаку!
С отрезанными ушами* [10. С. 114].

МАКСИМАЛЬНАЯ (СИЛЬНАЯ) И МИНИМАЛЬНАЯ (СЛАБАЯ) СТЕПЕНЬ ВЫДВИЖЕНИЯ

1. Максимальная (сильная) степень выдвигания определяется концентрированным использованием различных языковых девиаций (лексических, семантических, грамматических и др.) и параллелизмом (размер стиха, аллитерация, синтаксический параллелизм (модели, построенные на однородности и противоположности структур)) [3. С. 62—69]. «Сильная степень выдвигания параллелизма определяется набором определенных факторов: например, повтором однородных синтаксических структур, их контрастом, повтором отдельных слов, соответствием грамматических форм, фонологическим сходством между теми или иными словами» [цит. по 11; 4. С. 64—65].

«Слабая степень выдвигания представлена «тривиальным параллелизмом» в предложении, т. е. такой параллельной конструкцией, которая наиболее частотно представлена в языке, она не привлекает особого внимания адресата как прием, направленный на оказание какого-либо эстетического эффекта» [цит. по 11; 4. С. 64—65].

Анализ отрывка из текста произведения показал, что он насыщен различными средствами выдвигания, которые предварительно можно разделить на шесть семантико-стилистических составляющих (компонентов): 1) *сын волка*; 2) *хоть и тоц*; 3) *но похож на волка*; 4) *сын собаки*; 5) *хоть и толст*; 6) *но похож на собаку*.

Каждый из шести компонентов выдвижения имеет смысловую законченность («сын волка» или «сын собаки» и др.) и в определенной степени характеризуется нестандартностью художественного мышления, что является результатом билингвального сплава образов и соответствующих сочетаний языковых средств, используемых поэтом-транслингвом.

Эти шесть компонентов стилистического выдвижения можно объединить в три группы на основе близости и противопоставления семантических компонентов соответствующих словосочетаний. Таким образом, повторы однородных синтаксических структур внутри текста, как механизмы выдвижения, подразделяются на три семантико-стилистические группы:

- 1) *сын волка* — *сын собаки*;
- 2) *хоть и тощ* — *хоть и толст*;
- 3) *но похож на волка* — *но похож на собаку*.

Семантико-стилистическая группа: *сын волка* — *сын собаки*.

Она определяется одним общим значением — детеныш животного (волчонок и щенок). Разница в том, что в первом случае это детеныш («сын») дикого зверя, хищника (*волка*), а во втором случае — это детеныш и («сын») домашнего животного (*собаки*).

Оба выражения — *сын волка* и *сын собаки* как приемы персонификации оказывают особый эффект эстетического воздействия на адресата, надолго отпечатывающийся в его сознании. Неожиданная лексико-семантическая сочетаемость языковых единиц *сын волка*, *сын собаки*, не характерная для русского языкового мышления (хотя в этих сочетаниях лексических единиц нет нарушения грамматических правил русского языка), создает парадоксальность и семантико-стилистическую индивидуальность высказывания, что в целом является результатом выдвижения нестандартности сочетания слов и повтора однородных синтаксических структур.

Семантико-стилистическая группа: *хоть и тощ* — *хоть и толст*.

Данная группа характеризуется одним общим значением — «независимо от того, какой он: толстый или тонкий, тучный или худой, сильный или обессиленный, сытый или голодный и т.д.». Разница в том, что в первом случае речь идет о состоянии дикого зверя — волка (или детеныша волка, т.е. волчонка), который оказался в ситуации обездоленности, голода (*тощ*), а во втором случае речь идет о домашнем животном — собаке (или о детеныше собаки, т.е. щенке), который вскормлен человеком (*толст*), о котором человек заботится, оберегает его, поэтому он сытый (*толст*).

Оба выражения (*хоть и тощ*; *хоть и толст*) как составные части механизма выдвижения основаны на повторе однородных синтаксических структур. В данных выражениях дважды используется языковая единица *хоть*, характеризующаяся нейтральной стилистической принадлежностью, что указывает на универсальность использования языковой единицы во всех функциональных стилях [12; 13]. Языковая единица *хоть* в данном контексте усиливает значимость всей семантико-стилистической группы:

1. Указывает на безнадежность положения, бессмысленность усилий. В этом значении *хоть* выступает в качестве союза [14. С. 1452].

2. Употреблено для усиления слова, к которому относится (по крайней мере, пусть даже). В этом значении *хоть* выступает в качестве частицы [2. С. 1452].

Союз *хоть* выражает безнадежность положения, бессмысленность ситуации. Заключается это в том, что как бы там ни было, что бы ты ни делал, ты в безнадежной ситуации, твои усилия бессмысленны, потому что ты тощ (волк, волчонок), потому что ты толст (собака, щенок или кутенок) и это изменить невозможно. Именно поэтому ты «*хоть и тощ, но похож на волка*». Вместе с тем повтор *хоть* направлен на усиление слова, к которому оно относится.

«*Хоть и тощ*» и «*хоть и толст*». Языковая единица *хоть* в первом случае относится к слову *тощ* и усиливает его семантическую и стилистическую значимость, т.е. нет другого, нет обратного, все именно так: ты тощ, ты тощий, ты худой, ты физически ослабленный; ты «*хоть и тощ*», другого выхода нет, поэтому ты всегда похож на волка, который сильнее собаки.

Языковая единица *хоть* во втором случае («*хоть и толст*») относится к слову *толст* и так же, как и в первом случае, усиливает его смысловую и стилистическую насыщенность, т.е. опять же нет другого, нет обратного, все именно так: ты толст, ты толстый, ты упитанный, ты выкормленный, ты «физически не ослабленный»; ты «*хоть и толст*», другого выхода нет, поэтому в любом случае ты похож на собаку, которая не сильнее, а слабее волка — волка даже тощего, ослабленного, голодного.

Языковая единица *хоть* является важным составным элементом поэтической картины мира, созданной О. Сулейменовым. В итоге обогащается, становится насыщенной и смысловая, и стилистическая палитра как в целом отрывка стихотворения, так и данной семантико-стилистической группы и каждой синтаксической структуры (*хоть и тощ; хоть и толст*).

Все это в совокупности усиливает эффект эстетического воздействия на адресата, а это, в свою очередь, формирует в сознании читателя неоднозначный и неординарный, и вместе с тем яркий психообраз, вербализующийся в синтаксических конструкциях *хоть и тощ, хоть и толст*, в стилистическом содержании которых просматривается завуалированный эмоционально-экспрессивный оттенок сожаления, легкой горечи, легкого сочувствия, а может, даже легкого сарказма.

Дважды используется языковая единица *и*, но не в функции союза, а в функции частицы, которая усиливает значение слова, перед которым стоит, для выделения, подчеркивания его [14. С. 372].

В первом словосочетании языковая единица *и* относится к слову *тощ* (*хоть и тощ*), во втором словосочетании — к слову *толст* (*хоть и толст*). В обоих случаях *и* в функции частицы усиливает значения этих слов, т.е. выполняет эмфатическую функцию, подчеркивает их стилистическую значимость в контексте и во всем тексте произведения, т.е. «...*и тощ*» (не просто тощ, а очень тощ; очень тощий) и «...*и толст*» (не просто толст, а очень толст, очень толстый).

Языковая единица «*и*» так же, как и языковая единица «*хоть*» выполняет комплексную функцию выдвижения в художественном тексте, что в итоге обогащает поэтический текст как в плане семантики и стилистики, так и в плане выразительности чтения, что выражается в ритмическом, интонационном, тональном

выделении как языковых единиц «и», «хоть», так и обоих повторов однородных синтаксических структур, реализованных в рамках сильной (максимальной) степени выдвижения.

Итак, во второй семантико-стилистической группе (*хоть и тощ; хоть и толст*) в составе повторяющихся однородных синтаксических структур функционируют два приема для создания эмфазы («хоть», «и»), каждый из которых рекуррентно используется и в итоге наблюдается многократное усиление выдвижения, представленного повтором двух однородных словосочетаний.

Функции слов, к которым относятся эти два усилителя, существенно влияют как на их семантико-стилистическую область, так и на произносительную (интонационные, тональные, ритмические) выразительность речи.

Эти два лексических элемента, способствующие насыщенности выдвижения, гармонично сочетаются друг с другом, дополняют друг друга: отсутствие одного из них снижает степень силы выдвижения, делает его менее сильным, т.е. ослабленным.

Семантико-стилистическая группа: *но похож на волка — но похож на собаку*.

Данная группа характеризуется общим значением — схожести с кем-то, в данном случае с волком и собакой, какими бы они ни были по своему физическому состоянию (голодные, обездоленные, исхудавшие или сытые, вскормленные, толстые, упитанные), но обязательно похожие на волка («сын волка»), на собаку («сын собаки»).

Оба выражения «*но похож на волка*» и «*но похож на собаку*» демонстрируют сильную (максимальную) степень выдвижения, созданную на основе повтора однородных синтаксических структур. Их эстетическое воздействие на читателя сильное, подтверждающее существование такого явления в реальной жизни: «сын волка» всегда, как бы он ни выглядел, похож на волка; «сын собаки» всегда, как бы он ни выглядел, похож на собаку.

В смысловом и стилистическом плане эта группа так же, как и предыдущие, насыщенная, основанная на повторе однородных синтаксических структур.

В данной семантико-стилистической группе дважды употребляется союз «но»: «*но похож на волка*», «*но похож на собаку*».

Если эти две повторяющиеся однородные синтаксические конструкции рассматривать в сочетании с предыдущими двумя синтаксическими конструкциями — «*хоть и тощ, но похож на волка*», «*хоть и толст, но похож на собаку*», то в этом случае союз **но** также выполняет функцию противопоставления, но в большей степени выполняет усилительную функцию: тощий, худой, слабый, но похож на волка; толстый, упитанный, сытый, но похож на собаку.

Языковая единица **но** так же, как и языковые единицы «хоть» и «и», выполняет не одну функцию: противопоставление и усиление (эмфатическую). В данном случае большое значение имеет использование дважды повторяющегося **но** в эмфатической функции, которая имеет значение не только для усиления выдвижения, но и для создания выразительности устной речи при чтении произведения (пауза, интонационное и тональное выделение и т.д.). Языковая единица **но** в этом

случае способствует обогащению не только смысловой насыщенности данного отрывка произведения, но и обогащению его стилистической насыщенности (в плане его эмоционально-экспрессивной окрашенности).

Если бы в этих словосочетаниях автор не использовал союз *но*, то сила эстетического воздействия на читателя, степень выдвижения значительно ослабли бы.

Таким образом, примеры сильной степени выдвижения, созданные автором (О. Сулейменовым) за счет использования повтора однородных синтаксических структур и отдельных языковых единиц, способствовали созданию уникального микротекста в составе большого поэтического произведения.

ВЫХОД ИЗ РИТМА И РАЗМЕРА СТИХА

Завершающее отрывок поэтического произведения выражение «*с отрезанными ушами*» стоит особняком. Это средство выдвижения — неожиданное, оно основано на парадоксальности высказывания и выходе из ритма и размера стихотворения, что серьезно усиливает степень эффекта эстетического воздействия на читателя (эффект обманутого ожидания).

Выход из ритма, из размера стихотворения (*с отрезанными ушами*), влияние родных (казахских) эпических произведений, в которых поэзия чередуется с прозой, а в последней строке строфы выход за пределы системы стихосложения, расширяют смысловую, стилистическую нагруженность не только последней строки, но, прежде всего, и по смыслу, и по структуре завершеного всего отрывка (строфы) произведения.

Таким образом, семантико-стилистические единые две строки «*но похож на собаку; с отрезанными ушами*» являются сильным завершающим аккордом целой строфы, а внутри него синтаксическая конструкция «*с отрезанными ушами*» ставит «жирную» точку, указывающую на исторически обусловленную семантико-стилистическую «сниженность» собаки как домашнего животного в сравнении с хищником, волком, а глубже, с *Көкбөрі* (*Синей волчицей*), которая, согласно тюркской мифологии, является прародительницей всех тюрков на земле.

При чтении этого текста выражение «*с отрезанными ушами*» интонационно произносится после паузы или с повышением, или с понижением тона. Предпочтительнее произношение с интонационным повышением тона, что усиливает смысловую и стилистическую значимость высказывания, выразительность речи, придает речи значение неожиданной завершенности с иным, но с близким по смыслу содержанием, показывающим на зависимость собаки от человека (хозяина).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, явление выдвижения характерно для текстов всех функциональных стилей. Однако самое большое распространение выдвижение имеет в художественном тексте в целом, а в поэтическом тексте в силу его структурных особенностей функционирует разнообразно и высокочастотно: нередко одно средство выдвижения накладывается на другое, внутри одного предложения или контекста сконцентрированы несколько средств выдвижения.

Для проанализированного отрывка поэтического текста характерна сильная (максимальная) степень выдвигания во всех его разновидностях (повтор однородных синтаксических структур, их семантический контраст, персонификация, повтор отдельных слов, соответствие грамматических форм, фонологическое сходство, стилистический парадокс, эффект обманутого ожидания).

Выдвижение в строфе определяется выполнением двойных функций союзами (*и, но*), частицей (*хоть*) и их повторами, которые в данном контексте выступают, прежде всего, в своих эмфатических функциях, что и делает их непосредственно факторами, порождающими выдвигание. Неожиданная семантико-стилистическая сочетаемость для русского читателя в выражениях *сын волка, сын собаки* создает и многократно усиливает степень эстетического воздействия на читателя.

В стихе выделяются три семантико-стилистические группы, в каждом из которых функционируют средства выдвигания, тесно взаимосвязанные между собой, как по горизонтали, так и по вертикали. Это обстоятельство тем самым формирует внутреннее содержание строфы как единое целое, и в то же время как самостоятельные семантико-стилистические фрагменты стиха.

Средство выдвигания в конце строфы (5-я строка) создано выходом из ритма, из размера стиха, что ставит неожиданную интонационную, ритмическую точку, которая выражается паузой, повышением или понижением тона голоса при декламации стиха.

Проанализированный поэтический контекст — это сплав казахского и русского восприятия окружающего мира, переданного средствами русского языка. В лингвокультурном и когнитивном отношении строфа характеризуется доминированием в тексте казахских психообразов, явлений и предметов, сформированных в сознании поэта-транслинга, отсюда и его смысловая насыщенность, семантико-стилистическое своеобразие, обусловленное индивидуально-авторскими выражениями и разнообразием средств выдвигания.

© Джусупов Н.М.

Дата поступления: 20.16.2017

Дата приема в печать: 20.02.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Ариольд И.В.* Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта: Наука, 2002.
2. *Кухаренко В.А.* Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1988.
3. *Douthwaite J.* Towards a Linguistic Theory of Foregrounding. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2000.
4. *Leech G.* A Linguistic Guide to English Poetry. London and New York: Longman, 1969.
5. *Leech G.* Language in Literature. Style and Foregrounding. Harlow, England: Pearson Longman, 2008.
6. *Leech G., Short M.* Style in fiction: a linguistic introduction to English fictional prose. 2nd ed. London: Pearson Education. 2007.
7. *Mukarovsky J.* Standard Language and Poetic Language // A Prague School Reader on Esthetics, Literary Structure, and Style. Ed. and trans. Paul L. Garvin. Washington, D.C., Georgetown UP, 1964. pp. 17—30.

8. *van Peer W.* Stylistics and Psychology: investigations of foregrounding. London: Croom Helm, 1986.
9. *van Peer W., Hakemulder F., Zyngier S.* Lines on Feeling: foregrounding, aesthetics and meaning // *Language and Literature*. Vol. 16. N 2. 2007. pp. 197—213.
10. *Сулейменов О.* Определение берега. Избранные стихи и поэмы. Алматы: Жазушы, 1976.
11. *Джусупов Н.М.* Типология выдвижения в англоязычных и русскоязычных исследованиях по стилистике // *Стилистика сегодня и завтра. Материалы IV Международной научной конференции*. М.: Факультет журналистики МГУ, 2016. С. 183—186.
12. *Джусупов М., Маркунас А., Сапарова К.О.* Современный русский язык. Фоностилистика. Познань: Университет им. Адама Мицкевича, 2006.
13. *Сапарова К.О.* Фоностилистика русского и узбекского языков. Ташкент: Узбекистон, 2006.
14. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2002.

УДК: 81:82-1

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-379-387

CONCENTRATION OF FOREGROUNDING DEVICES IN A POETIC TEXT

Dzhusupov Nursultan Mahanbet uly

“Syrdariya” University

11, M. Auezov str., 160500, Zhetysay, Kazakhstan

Abstract. The article deals with the analysis of foregrounding devices represented in the poetic work “Aytys” by Olzhas Suleymenov. In general, foregrounding as a stylistic phenomenon is typical of all the functional styles. However, it acquires a special importance in the poetic texts which are characterised by a great variety of all-level foregrounding devices and the absence of functional stylistic, emotive, expressive and figurative limits. The foregrounding devices in a poetic context and their distinguishing functional features give the author the opportunity to create non-standard (linguistically deviant) poetic micro text determined by the bilingual artistic thinking. A special attention in the article is given to the analysis of semantic-stylistic groups which include different components providing maximal level of foregrounding in the text: repetition of homogenous syntactic constructions, repetition of lexical units, semantic contrast, violation of rhyme and rhythm, personification, stylistic paradox, etc. The concentration of a great variety of foregrounding devices in the context displays the internal stylistic potentiality of a poetic text in general. The poetic text under analysis is the integration of Kazakh and Russian perceptions of the world which is transmitted by means of the Russian language. The poetic text is characterised by the dominance of the Kazakh mental images, phenomena and objects formed in the mind of a translangual poet. This fact provides the semantic richness of the text and its stylistic potential which is characterised by the author’s individual expressions and the variety of foregrounding devices.

Key words: foregrounding, foregrounding device, semantic-stylistic group, poetic text, stanza

REFERENCES

1. Arnold, I.V. (2002). Stylistics. The Modern English Language. Moscow: Flinta: Nauka. (in Russ).
2. Kukhareno, V.A. (1988) Text Interpretation. Moscow: Prosveshcheniye. (in Russ).
3. Douthwaite, J. (2000). Towards a Linguistic Theory of Foregrounding. Alessandria: Edizioni dell’Orso.
4. Leech, G. (1969). A Linguistic Guide to English Poetry. London and New York: Longman.

5. Leech, G. (2008). *Language in Literature. Style and Foregrounding*. Harlow, England: Pearson Longman.
6. Leech, G. & Short, M. (2007). *Style in fiction: a linguistic introduction to English fictional prose*. London: Pearson Education.
7. Mukarovsky, J. (1964). *Standard Language and Poetic Language. A Prague School Reader on Esthetics, Literary Structure, and Style*. Ed. and trans. Paul L. Garvin. Washington, D.C., Georgetown UP, 17—30.
8. van Peer, W. (1986). *Stylistics and Psychology: investigations of foregrounding*. London: Croom Helm.
9. van Peer, W., Hakemulder, F. & Zyngier, S. (2007) Lines on Feeling: foregrounding, aesthetics and meaning. *Language and Literature*. Vol. 16(2), 197—213.
10. Suleymenov, O.O. (1976). *Feeling the Riverside. Selected verses and poems*. Almaty: Zhazushy. (in Russ).
11. Dzhusupov, N.M. (2016). Typology of Foregrounding in the English-language and Russian-language Research Papers on Stylistics. In *Stylistics Today and Tomorrow*. Papers of the 4th International Scientific Conference. Moscow: Faculty of Journalism, 183—186. (in Russ).
12. Dzhusupov, M., Markunas, A. & Saparova, K.O. (2006). *The Modern Russian Language. Phonostylistics*. Poznan: Adam Mickiewicz University. (in Russ).
13. Saparova, K.O. (2016). *Phonostylistics of the Russian and Uzbek Languages*. Tashkent: Uzbekiston. (in Russ).
14. Kuznetsov, S.A. (Ed.). (2002). *Big Dictionary of the Russian Language*. St. Petersburg: Norint. (in Russ).

Для цитирования:

Джусупов Н.М. Концентрация средств выдвигения в поэтическом тексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 2. С. 379—387. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-379-387.

For citation:

Dzhusupov, N.M. (2018) Concentration of Foregrounding Devices in a Poetic Text. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (2), 379—387. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-379-387.

Nursultan M. Dzhusupov, 2018. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (2), 379—387. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-379-387.

Сведения об авторе:

Джусупов Нурсултан Маханбет улы, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры языков университета «Сырдария»; *научные интересы*: когнитивная лингвистика, стилистика, когнитивная стилистика, сопоставительная лингвистика, теория перевода, сопоставительная стилистика, германистика; *e-mail*: nursultan79@mail.ru

Bio Note:

Dzhusupov Nursultan Mahanbet uly, PhD in Philology, Senior Lecturer of the Department of Languages, “Syrdariya” University; *Interests*: cognitive linguistics, stylistics, cognitive stylistics, comparative linguistics, translation theory, comparative stylistics, German studies; *e-mail*: nursultan79@mail.ru

УДК: 81.373
DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-388-402

ГЛАЗА КАК ЗЕРКАЛО ДУШИ: ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Е.И. Селиверстова

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская набережная, 7—9, Санкт-Петербург, Россия, 199034

В статье рассматриваются, с одной стороны, фразеологические обороты, содержащие компоненты *глаза* и *глазки*, способные характеризовать различные проявления психоэмоциональной стороны человеческой личности, манеру поведения и особенности отношений между людьми. В поле нашего внимания входит характер изменений, наблюдаемых в частоте привлечения отдельных оборотов в речи говорящих, а особенно пишущих, и объема всего массива фразеологизмов, основные векторы их осмысления. Современный дискурс — преимущественно это фрагменты художественных текстов — показывают разнообразие возможностей использования в речи характеристик глаз как парного органа, как важного атрибута «оформления» лица, как «зеркала», способного скрыть/раскрыть намерения и мысли человека, отразить ментальную деятельность и интеллектуальные способности либо их отсутствие и проч. При этом для отдельных писателей прием показа «жизни» глаз является весьма востребованным — и не только для создания запоминающихся портретов персонажей (с упоминанием цвета, формы и размера глаз), но и для показа своеобразной манеры поведения, черт характера, физического или психического состояния.

Ключевые слова: глаза, зеркало души, фразеологизм, определение, осмысление, современный дискурс

ВВЕДЕНИЕ

Выражение «*глаза — зеркало души*» бытует в русском языке и культуре достаточно давно. С легкой руки Л.Н. Толстого — который, в свою очередь, позже был назван «зеркалом русской революции»¹, — эта фраза прочно утвердилась в качестве афористичного обоснования каких-либо выводов относительно характера человека, его душевных качеств, ожидаемых от него поступков — выводов, в основание которых положена природная выразительность глаз, их способность передавать тончайшие движения души либо, наоборот, полное отсутствие таковых. Не случайно устойчивые фразы *глаза прятать*, *отводит глаза*, *опустить глаза* и др. могут характеризовать нежелание человека выдать себя, если он посмотрит в глаза собеседнику, наличие у него скрываемых намерений, желаний, ощущений.

¹ Заглавие статьи В.И. Ленина «Лев Толстой как зеркало русской революции» (1908 г.) По данной модели образованы заголовки иных публицистических материалов: «Андрей Платонов как зеркало русской геоморфологии» [Дм. Замятин. Экономическая география «Лолиты» // «Октябрь», 2003]; Сергей. Константинов «Ленин как зеркало русской интеллигенции» [портал «Rubiteka»; <http://www.rubiteka.ru/lenin-kak-zerkalo-russkoy-intelligentsii/>]; Е. Кашкарова. «Женская тема в прозе 60-х годов: Наталья Баранская как зеркало русского феминизма» [портал «Образ женщины в культуре»; <http://www.a-z.ru/women/texts/kashkarr.htm>]; Ю.И. Малецкий «Роман Улицкой как зеркало русской интеллигенции» [Образовательный портал «Слово». Филология; <http://www.portal-slovo.ru/philology/37290.php>] и т.д.

Авторство Л.Н. Толстого несколько спорно. В произведении «Модест и София» неизвестного автора 1810 г. находим следующее употребление слова *глаза*: «Она была провинциалка! Не имела ни тех поражающих, победоносных взоров, которые рождают вместе и надежду и отчаяние: ни того прелестного и вместе коварного лица, которое, кажется, говорит: будь счастлив и опасайся! Нет! Голубые *глаза* ее были зеркалом нежного сердца; ее лицо, милое и доброе, показывало кроткую, чувствительную душу. И наружность не обманывала». Далее автор рассказывает, в чем именно состояла нежность ее сердца. Нет нужды доказывать, что сердце и душа как метафорическое средоточие внутренней жизни человека суть синонимы; ср. фразеологизмы *камень упал с души/сердца*; *душа/сердце не на месте* и др.

С другой стороны, данная крылатая фраза — лишь одна из творческих реализаций метафорического значения лексемы *зеркало*². Ср. второе значение слова по словарю Д.Н. Ушакова: **2. перен.** ‘Отражение чего-нибудь, как выражение чего-нибудь внутреннего (книжн.)’. *Глаза — зеркало души. Литература — зеркало общественной жизни* [1]³. Способность зеркала отражать постепенно начинает восприниматься как способность не воспроизводить в точности, но вскрывать, обнаруживать нечто, что становится характерным проявлением определенных и все более очевидных процессов, тенденций, свойств, способностей. Таково семантическое содержание, реализуемое в примерах с синтаксической моделью **N₁ как зеркало N₂**. Ср.: *Зима как зеркало русской жизни* (НКРЯ⁴; «Русский репортер». № 28 (156). 22—29.07.2010); *Владимирский централ как зеркало российской жизни* («Совершенно секретно». 04.07.2003); *Пресса как зеркало власти* («Петербургский Час пик». 17.09.2003); *Волосы как зеркало нашей жизни* («Рыбак Приморья». 23.01.2003); «Библио-Глобус» *как зеркало* книжных предпочтений («Известия». 02.11.2003) и т.п. В иных случаях диагностическая способность некоторых вещей обнаруживать нечто не явное, но очень важное реализуется с привлечением глаголов: *Кожа как зеркало* отражает состояние здоровья человека («Наука и жизнь». 2008); Мастер воспринимает природу прежде всего *как зеркало* мироощущений художника и его переживаний («Наука и жизнь». 2009)⁵.

Способность зеркала «видеть» вытекает и из этимологической его истории — связи с семантикой глагола ‘смотреть’; ср.: *зреть, зоркий, зрачок*, чеш. *zrcadlo* (‘зеркало’), *zrak* ‘зрение’, диал. *зеркать* и *зыркать* [4].

² У разных народов возможность «проникновения» в душу человека передается по-разному. Нельзя, однако, не отметить и некоторое сходство в метафорическом осмыслении глаз даже в весьма различных по способу восприятия мира культурах. Так, в китайской культуре глаза представляются *окнами души (в душу)*.

³ Интересно, что Словарь русского языка под ред. А.П. Евгеньевой этого значения не выделяет [2.1: 313].

⁴ Здесь и далее примеры преимущественно из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) www.ruscorpora.ru. Примеры из иных интернет-ресурсов сопровождаются указанием адреса.

⁵ Интересно использование О.А. Леонтович метафоры зеркала как способного отражать национально-этническую принадлежность и трудности сохранения людьми своего языка в условиях «постнациональной идентичности» [3].

И уж, конечно, мы немало найдем примеров того, что глаза, по мнению говорящих, позволяют заглянуть в душу человека. О чем, как не об этом говорит Н. Заболоцкий в стихотворении «Портрет», посвященном портрету работы Ф.С. Рокотова: «души изменчивой приметы», переносимые на полотно, проявляются, по мнению поэта, именно в выражении *прекрасных мерцающих* глаз Струйской:

*Ее глаза — как два тумана,
Полуулыбка, полуплач,
Ее глаза — как два обмана,
Покрытых мглой неудач.*

Однако не только в афоризме «глаза — зеркало души», отмечающем особое восприятие души, раскрывающей себя в выражении глаз, во взгляде, мы находим подтверждение тому, что глаза — это особенный орган⁶. О выразительности глаз, намного большей, чем выразительность любой другой части человеческого тела, разнообразной, тонко нюансированной, свидетельствует уже то несметное количество определений, которые присоединяются к этому слову. Раскрывая сущность человека через глаза, писатель, наделенный способностью чувствовать — иногда по малейшим и, казалось бы, незначительным признакам, старается уловить изменения, происходящие в человеке, и передать лексически впечатление от своего собеседника или другого объекта стороннего наблюдения.

Согласно контекстам современного дискурса, глаза могут быть *тусклыми, погасшими, кислыми, сладкими, горькими, осенними, зимними, туманными, легкими, пыльными, грозowymi, горящими, огненными, звериными, мутными, оловянными* и т.д. Подобные сочетания обнаруживаются в художественных текстах, совокупность которых позволяет составить достоверные суждения об определенной лексической системе — авторской или общеязыковой [10]. Основную семантическую нагрузку в таких словосочетаниях несут, безусловно, определения, позволяющие выразительно и точно показать состояние человека, его отношение к собеседнику, степень проявляемого к содержанию разговора интереса и даже жизненные принципы; ср.: *бегающие/убегающие глаза*; у М. Булгакова: *девица со скошенными к носу от постоянного вранья глазами*. Поэтому сначала мы остановимся на семантических особенностях использования слова *глаз* и его форм вне разнообразных ярких и неожиданных словосочетаний с именами прилагательными.

---

⁶ Активность соматического (телесного) кода как наиболее древнего из всех существующих [5. С. 233] проявляется в высокой продуктивности образования фразеологизмов с компонентом *глаз(a)*, что отмечается многими исследователями (см., в частности, [6; 7] и др.). И.Е. Городецкая называет глаза в числе самых активных компонентов — наряду с компонентами голова, сердце, рука, нога, — образующих фразеологизмы-соматизмы в русском и французском языках [8]. М.Л. Ковшова на основании анализа частотных фразеологизмов с компонентом *глаза* делает вывод о наличии у глаз как единицы телесного кода шести основных значений, среди которых связанные с представлениями об искренности/неискренности слов и поступков, о мере полноты или избыточности чего-л. и т.д. [9. С. 160—161].

По статистике НКРЯ, среди форм *глаза*, *глазки*, *глазенки*, *глазищи* преобладает лексема *глаза*: 112 775 вхождений. Для форм *глазки* количество уменьшается примерно в 36 раз, *глазенки* — в 400 раз, *глазищи* — в 87 500 раз (см. ниже).

Глаза	112 775 вхождений
Глазки	3 114 вхождений
Глазенки	292 вхождения
Глазищи	146 вхождений

В отношении лексемы *глаз(а)* нельзя не заметить метаморфозы, произошедшей в характере ее употребления в художественном тексте в произведениях XIX века и XX—XXI веков. Такого разноцветья эпитетов, каковое поражает в современных текстах, ранее, похоже, не наблюдалось. Так, в 55 контекстах из произведений начала XIX в., представленных в Национальном корпусе русского языка, преобладают такие, в которых, за редким исключением, определения отсутствуют. Ср. словосочетания: *закрывать глаза* (в значениях ‘уснуть’ и ‘умереть’), *открыть глаза* (в том числе — ‘проснуться’), *смежить глаза*, *потупить <в землю>*, *удерживать*, *устремить*, *отвращать*, *перевести*, *поднять*.

С другой стороны, в качестве субъекта *глаза* осуществляют следующие действия: *блистали*, *помутились*, *померкли*, *засверкали*, *не осушались от слез*, *впечатлились* (в моем уме — ‘запомнились, отпечатались’), *наполнились огня*, *встречались со взорами* кого-л. и т.д.

А вот что мы находим у А.С. Пушкина в «Дубровском»: «Глаза его засверкали; ... и глаза его неподвижно *остановились* на портрете его матери; *открыть глаза* — ‘проснуться’. Упоминание глаз встречается в описании внешности: От роду 23 года, роста среднего, лицом чист, бороду бреет, *глаза имеет карие*, волосы русые. Устойчивые словосочетания представлены оборотами *искать глазами*, *нанять за глаза* в учителя, *вытаращить глаза*, *не смыкать глаза*, *попасться в глаза*. Единственное обнаруженное определение здесь — *карие*.

В целом Пушкину свойственно весьма активное привлечение устойчивых выражений⁷. В «Капитанской дочке» из 33 употреблений лексемы *глаз* (во всех ее формах) 13, т.е. более трети, приходится на фразеологизмы: *не попадаться на глаза*, *не сводить глаз*, *показаться на глаза*, *хоть глаз выколи*, *в чьих-либо глазах*, *вытаращить глаза* (2), *открыть глаза*, (остаться) *глаз на глаз*, (назвать) *в глаза кем-л.*, *в глазах кого-л.* (всего народа), *пойдем, куда глаза глядят*, (он тебя) *в глаза* обманывает. В других примерах глаза присутствуют как орган человеческого тела (*закрывать глаза*, *протирасть глаза*), реализующий свое прямое назначение — смотреть, глядеть, без акцента на особом характере взгляда: *устремить глаза*, *следовать глазами*, *обратить глаза*, *искать глазами*. *Глаза мои приняли то же направление*.

Показательно, что из 11 имеющихся определений 4 ничем не примечательны: *голубые* глаза Екатерины II; *единственный* и *одинокий* глаз — речь идет о кривом гарнизонном поручике Иване Игнатьевиче; *узенькие*, но сверкающие огнем глаза

⁷ На это указывают и данные «Словаря языка Пушкина», хотя некоторые из нижеприведенных оборотов в нем отсутствуют (в частности, *хоть глаз выколи*) [11].

одного из пугачевских бунтовщиков. А семь определений приходится на характеристику Пугачева и его сотоварищей: это характеристики *сверкающие* (3) и *сверкали огнем* (1), *огненные* (2), *блистающие* (1), дополняемые прилагательным *ястребиные* ('хищный, жесткий, зоркий, пронзительный'), — они формируют яркую семантическую доминанту, свидетельствуют о внутреннем горении, накале страсти у участников пугачевского восстания и их вождя.

О.В. Ломакина, исследуя огромный фразеологический фонд произведений Л.Н. Толстого, отмечает активность ФЕ с соматизмом *глаз* — около 60 единиц, участвующих в описании человека, его состояния и способности по-разному воспринимать действительность, из 120 имеющихся в русском языке [12. С. 833]⁸.

Современная картина «жизни» человеческих глаз, отражаемая в художественном тексте, несколько иная. С одной стороны, можно говорить именно о физическом (физиологическом) функционировании глаз — оно представлено в речи — здесь мы следуем за контекстами — преимущественно за счет разнообразных словосочетаний с глаголами: *разлеплять глаза, промывать глаза, глаза блестят, слезятся, глаза посажены/расположены* (близко), *слепить глаза, закрывать/открывать глаза*. Многие из сочетаний косвенно (метафорически) указывают на то или иное состояние, реализацию определенного намерения характеризуемым субъектом: *зажмурить глаза, сузить глаза, прятать глаза, закатывать глаза, скашивать глаза, показывать глаза, (не) отводить глаза; посмотреть/заглянуть/взглянуть в глаза, лезть в глаза; глаза проясняются, расширились, вылезают из орбит* и т.д.⁹

В метонимически сформировавшемся значении 'взгляд', 'способность/неспособность видеть' слово *глаза* выступает в таких сочетаниях, как *поднимать/С опускать глаза, глаза задерживаются/останавливаются* на чем-л., *глаз не сводить, глаза пялить* 'смотреть пристально, внимательно, (неприлично) долго'; *бросаться в глаза, попадать(ся) на глаза, впитаться глазами, пробегать глазами, проводить (следить) глазами, есть глазами* и др. Эти и другие примеры не только поддерживают идею концептуального разделения человека на отдельно живущие органы, но и «высвечивают идею автономности, независимости восприятия и мышления от самого человека». А.Н. Баранов считает возможным говорить в целом о персонификации глаз [15. С. 490—491].

Метафорическое значение 'позиция, мнение, точка зрения' представлено словом *глаза* в словосочетаниях *видеть/смотреть чужими (иными) глазами, глазами кого-л., колоть глаза кому-л.*

⁸ Это количество может, вероятно, существенно вырасти, если принять во внимание обороты-перевертыши, обороты — результаты контаминации и другие «антипословицы», отмеченные в словаре Х. Вальтера и В.М. Мокиенко, например: Когда под глазом ставят фонарь, многое становится виднее; Красивая женщина — это пир для глаза во время чумы для ушей и проч. [13. С. 100—101].

⁹ Как отмечает Т. Архангельская, страх как «вездесущая антропная субстанция» охватывает всего человека, проникает в разные части его тела и в том числе — в глаза. Связь страха и глаз прослеживается во многих славянских языках: *страх <таится> в глазах*, чеш. *strach někomu kouká z očí*, польск. *strach patrzy komuś z oczu* и др. [14. С. 218].

Многие из частотных словосочетаний, приобретая переносный смысл, становятся фразеологизмами, и весьма активными: на 155 примеров из литературы наших дней (использовался метод сплошной выборки из НКРЯ) приходится 54 (более трети) устойчивых словосочетания — такие, как *пускать пыль в глаза* — Разг. Неодобр. ‘Какими-либо поступками создавать ложное (обычно лучшее) впечатление о себе’, *пускать туман в глаза* — Прост. Ирон. ‘Создавать ложное мнение о ком-л. или о чем-л.; дурачить, обманывать’ [16. С. 107], *замазывать глаза* — ‘вводить в заблуждение, обманывать; взяткой, подношением лишать способности видеть, знать’, *открыть кому глаза* на что — ‘заставить увидеть, узнать’, *делать большие глаза* — ‘удивляться’ и др. Например:

Россия сегодня может открыто смотреть в глаза международному сообществу, поскольку наша страна является кислородным донором планеты! Протокол — это *пыль в глаза*! Он не поможет улучшению климата на земле! [Осторожно! Киотский протокол! (2003)].

Имеет мужество *смотреть правде в глаза* и обладает силой воли, без которой никакой талант бы не выжил. [Федор Чеханков: Ненависть меня разрушает // «Витрина читающей России», 2002.09.13].

И снова придется ему *прятать глаза*, а в это время его команда будет биться с «Дьяволами» без него. [Алексей Демин. Результативный «Пингвин». Алексей Ковалев штампует хет-трики // «Известия», 2001.11.16].

Чемпионом среди фразеологизмов — до некоторой степени это маркер ментально-языкового пространства российского общества — является оборот *закрывать глаза* на что-л. ‘стараться не видеть, не знать; игнорировать’, что можно рассматривать как некую культурную установку, характеризующую состояние общества. Ср.:

МИД Турции призвал *не закрывать глаза* на удары ВВС РФ и Сирии по Идлибу. [Мир — портал новостей LB.ua. URL: https://lb.ua/world/2017/10/03/378252_mid_turtsii_prizval_zakrivat_glaza.html; дата обращения: 17.03.2018]. Если *закрывать глаза* на пару глуповато-надуманных сцен, то авторам фильма, в общем, удалось слепить зажигательный образ комбинатора-романтика, чтящего Уголовный кодекс. [Татьяна Алексеева. «Олигарх» чтит Уголовный кодекс // «Финансовая Россия», 2002.09.19]

О чем позволяют говорить остальные 100 примеров нашей выборки и весь имеющийся в нашем распоряжении материал? Глаза — весьма своеобразный художественный концепт, анализ которого на большом текстовом материале позволяет увидеть (невольная игра слов!) его функции — в авторском показе героя, его внешности и характера, отношений с людьми и жизненных принципов, но и роль этого концепта¹⁰ и представление о нем в ментально-языковом национальном пространстве [21].

¹⁰ Ярким свидетельством его важности является внимание, уделяемое ему в рамках проекта «Семиотическая концептуализация тела» [17; 18] — см., например, о действиях, выполняемых глазами и свидетельствующих о состоянии смирения, стыдливости и проч. [19. С. 279], о различных проявлениях «лексикона глаз» [20] и т.д.

С одной стороны, нельзя не отметить активного и сегодня привлечения говорящими ФЕ со словом *глаза* (опускаем пока сравнительные конструкции):

Пьяный лейтенант, сидя на танковом крыле, пристально вглядывался в лица очумевших от боли жертв, весело рассказывая, как у тех *вылезают глаза из орбит* [Василь Быков. Болото].

Это было (почти) вдвоем, *глаза в глаза*, иногда — и вовсе вдвоем [Светлана Бабеева. Еще не друзья, уже не миссионеры. Российско-американский саммит прошел лучше, чем ожидалось // «Известия», 2001.06.18].

Имеет мужество *смотреть правде в глаза* и обладает силой воли, без которой никакой талант бы не выжил [Федор Чеханков: Ненависть меня разрушает // «Витрина читающей России», 2002.09.13].

С другой стороны, глаза могут, как некий «инструмент», быть характерологическим и даже сюжетообразующим средством, которым «пользуются» мастера слова или, наоборот, отказываются от него. Так, Дина Рубина в яркой, кипящей испанскими страстями повести «Последний кабан из лесов Понтеведра» («Испанской сюите») практически игнорирует глаза: там все построено на звуке, музыке, как и многое у этого автора¹¹. А у В. Токаревой мы находим массу примеров, где глаза — не средство портретизации, они передают состояние души персонажа: беспокойство, удивление или пустоту, равнодушие, бесчеловечность:

- (1) Ротик у нее был маленький и трогательный, как у кошки. *Глаза большие, круглые, тревожные.*
- (2) Кямал навел на Ирину свои *голубые глаза* и смотрел незамутненным взором.
- (3) — Ты женат, и у тебя ребенок, — сказала Ирина в его *голубые честные глаза* (В. Токарева. Своя правда).

Нельзя не отметить, что голубые глаза все чаще интерпретируются как взгляд человека, старающегося казаться невинным, честным.

Много внимания отводит глазам А. Геласимов в рассказах «Фокс Малдер похож на свинью» (10 единиц), «Чужая бабушка» и некоторых других — здесь, глаза позволяют акцентировать выражение ужаса, расстройств, удивления, стыда и т.д.: *круглые глаза; глаза растерянные; глаза большие, темные; глаза широко открыты; расширились глаза; глаза у нее сузились; блестят глаза; постарался не смотреть ей в глаза; отводит глаза; посмотрела прямо в глаза.*

Часто апеллирует к глазам и их выражению в своих интервью и рассказах искусствовед Сати Спивакова — вот несколько фрагментов:

Хотелось начать жизнь с нуля и без того, чтобы на каждом углу на тебя смотрели глаза, отмечающие, как ты начинаешь эту новую жизнь. У королевы и глаза серые, и вся она — мягко-пепельная. Накануне нашего решающего разговора с доном Аранго одна дама преподала мне урок: нельзя ходить на встречу в темных очках, поскольку человек, с которым ты общаешься, должен видеть твои глаза. Я, запуганная, увидела человека, глаза которого излучали юмор и т.д. [Сати Спивакова. Не всё].

¹¹ См. об этом подробнее [22.].

Попробуем кратко обобщить наши наблюдения.

1. Естественно, часть примеров отражает **функционирование глаз как парного органа** — в самом прямом их назначении:

Закрывать глаза, сосредоточиться и попытаться вспомнить себя в соответствующем возрасте. [Наши дети: Подростки].

Открыл глаза и увидел, что бледный свет в конце пещеры померк. [Александр Дорофеев. Эле-Фантик].

2. Лексема *глаза* весьма активно используется при создании как обычных, так и запоминающихся **портретов персонажей**:

2.1. внешние характеристики — **цвет, форма, размер**: *раскосые; круглые черные глаза; выпуклые; очень синие; агатовый глаз, векастые глаза*, однако и здесь цвет может быть значимым: голубые глаза нередко ассоциируются с чистой и невинностью, как, равным образом, и с наглостью, глупостью, обманом, а черные — с таинственностью, скрытностью, опасностью.

Необычен пример, обнаруженный у Л. Улицкой, где речь как будто идет о цвете, но связь глаз и души через метафору зеркала явно ощущается:

К хорошему это не приводило, Мур только поднимала еще выше свои от природы высоко нарисованные брови, <...> медленно двигала длинными веками и неодобрительно смотрела на Анну Федоровну *глазами цвета пустого зеркала* [Пиковая дама].

2.2. Автор подмечает и **детали «оформления»** глаз: *ненакрашенные глаза, подчеркнутые тенями и тушью глаза, лицо с маленькими и сильно подведенными глазами* и др.

2.3. Глаза часто сопровождаются определением (чаще одиночным), характеризующим **манеру смотреть** в целом или своеобразие взгляда в данный момент — непосредственного, открытого или, например, оценивающего: *прищуренные; распахнутые*. Ср.:

И опять хохотала, <...> и поводила *широко раскрытыми* выпцветшими глазами. [Андрей Волос. Недвижимость].

Я смотрел в ее *немигающие глаза* и слушал правильную речь с овальными, округлыми фразами, речь, которая струилась без выражения. [Владимир Березин. Свидетель].

Я посмотрел на хозяина дома: у него было белое лицо, *ясные, медлительные, пристальные глаза* с темными подглазьями. [Ю.О. Домбровский. Хранитель древностей].

У него *печальные ищущие глаза*, он бледен; на него смотреть стыдно! [Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия // «Русская Жизнь», 2008].

2.4. Указывать на физическое или психическое **состояние** человека, его **переживания и чувства**¹² и через них — на некоторые **черты характера** — вот

¹² Самое большое количество идиом русского языка приходится, по свидетельству А. Козеренко, на описание нарушений мимической функции лица, среди которых существенное место занимают мимические движения глаз. Это выражения, в которых акцент делается на определенном признаке ([делать] *квадратные глаза, глаза вылезают из орбит* и др.) [23. С. 318—319]. Достаточно подробный анализ фразеологизмов с компонентом *глаза*, отражающих с позиций наивной психологии эмоциональные, волевые и гностические психические состояния человека, представлен в [24].

основная и наиболее частая функция, выполняемая такой деталью, как определение глаз. Ср.:

— Вернулся, вернулся. Ну, прости меня. Он *поднял на нее дикие, больные глаза*. — Где ты была, Маша? — Это я тебя должна спрашивать, радость моя. Выдумал убежать от меня по ночам. [Дмитрий Быков. Орфография] ('измученные').

И мужчины не посматривали на нее *туманными глазами*. [М.М. Зощенко. Возвращенная молодость].

Сияющие глаза Татьяны как бы приглашали нас восхищаться вместе с ней «ее Володей». [Давид Карапетян. Владимир Высоцкий. Воспоминания].

— Ольга ловит *убегающие глаза* Докучаева: — Сколько дадите, Илья Петрович, если я лягу с вами в кровать? [Анатолий Мариенгоф. Циники] ('стыдится, уходит от ответа').

Лес, косягоры, Ока, заправки, чашка чаю в придорожной «заезжаловке», а потом желтое худое лицо Павла на серой подушке, *погасише глаза*, в которых не было ничего, что могло бы назваться жизнью. [Андрей Волос. Недвижимость].

Яркие румяна только подчеркивали землистый оттенок кожи, и ни тушь, ни карандаш не делали более выразительными *тусклые глаза*... [Гоар Маркосян-Каспер. Кариатиды].

Атамана Зеленого взяли под кучей прошлогоднего хвороста; <...> оказался — щуплый, корявый, плюнуть не на что, только *бегающие глазки* — бесцветные, ненавистные — выдавали его в о л ч ь ю п о р о д у . [А.Н. Толстой. Хождение по мукам]

Достаточно частотное сочетание *скучные глаза* (ср. *скупающий взгляд*) — о состоянии безразличия, равнодушия, холодности:

Он смотрел на них холодными и *скупными глазами*, как будто с того света, уныло, загадочно и вместе с тем насмешливо. [Владимир Тан-Богораз. Жертвы дракона; URL: <https://books.google.ru/books?id=4UdNDwAAQBAJ>]

2.5. Способность глаз отражать **ментальную деятельность и интеллектуальные способности** проявилась в таких примерах:

Я тогда как давай там смеяться, а он на меня смотрит своими глупыми глазами и ничего не понимает. [Андрей Геласимов. Чужая бабушка].

Он смотрит на себя и окружающих умными глазами и не отводит взгляда, что бы ни пришлось созерцать. [Анна Кузнецова. Функции ума].

Нина Михайловна смотрела мне в переносицу *затуманенными работой мысли глазами*, совершенно не схватывая того, что я говорил по делу. [Андрей Волос. Недвижимость].

Притяжение к *думающим глазам*, к остроте мысли, к морщинам на лбу привели меня к созданию многих картин на последние два года [Ионийская земля: античный дух ученых и живопись, которая думает! URL: <https://www.google.com/culturalinstitute/exhibit/...Земля.../> (дата обращения: 17.02.2018)].

Едва она успела пожалеть о своей неосмотрительности, перед ней оказался Парьев, сказал какую-то плоскую любезность, сощурил умные, плутовские, все *понимающие глаза*, взял ее руку, осторожно поцеловал. [Петр Проскурин. Черные птицы]

Таким образом, авторские характеристики глаз — определения и глаголы, их частотность, степень развернутости и «цветистости» зависят от авторских предпочтений и вкусов, а также отводимых им функций.

Отдельного внимания требует, на наш взгляд, использование слова *глазки*, поскольку в отношении этого деминутива складывается особая картина. Крайне редко эта форма может быть употреблена без особых на то оснований. Например, у Б. Окуджавы выбор этого слова объясняется сочувственным отношением автора к герою (1):

Ванванча, естественно, все эти проблемы не волновали, хотя нечто туманное и грустное оевало и его, и в его *глазках* нет-нет, да и вспыхивало недоумение. [Булат Окуджава. Упраздненный театр]

Без определений — в шутивно-ласкательной тональности — эта словоформа закрепилась в характеристике ребенка (2):

В его *глазках* не отражено еще ни одно человеческое чувство; он еще не различает сквозь утренний туман нашего человеческого мира. [Зоя Масленикова. Жизнь отца Александра Меня]

Глазками нередко именуют глаза нравящихся или кокетничающих женщин, говоря шутивно или насмешливо о заигрывании или языке глаз (3):

— Прочел в ваших *глазках*, — мельком улыбнулся Люсин, невольно прислушиваясь к голосам за обшарпанной дерматиновой обивкой. [Еремей Парнов. Александровская гемма]

Они успели переговорить обо всех цветочках, губках и *глазках*, вспомнить всех ее дружков и подружек. [Марина Дяченко, Сергей Дяченко. Привратник]

Язык консьюмеристского общества, ориентация на прагматическое воздействие на потенциального покупателя товаров и услуг, породила такое явление, как «сюсюканье» (4) со взрослыми людьми. Так, в сфере различных косметических процедур общение происходит с активным использованием таких форм слов: *пяточки, пальчики, ушки, масочка* и др.

Массаж «Чарующие глазки» проводится по биологически активным точкам, которые расположены вокруг глаз. [Массаж лица «Магия молодости». URL: <https://ok.ru/gua.sha/topic/62930783974784> (дата обращения: 17.02.2018)]

Выбор формы *глазки* является часто подтверждением неодобрительного показа персонажа — злобного, кровожадного (5), неумного (6), что почти всегда поддерживается семантическими опорами контекста.

И тут ему показалось, что в маленьких свирепых глазках герцога мелькнуло нечто, напоминающее заинтересованность. [Марина Дяченко, Сергей Дяченко. Привратник].

Он начинал злиться, и в маленьких глазках загорались и гасли злые огоньки, на скулах выступали темные пятна нервного румянца, как у больного чахоткой. [Эдуард Володарский. Дневник самоубийцы]

Аналогичное впечатление производят и близко посаженные или сведенные к носу глазки:

При этом представительница собеса была, по-видимому, совершенно *безжалостна*; в ее *г р а н е н ы х*, ровно *на расстоянии сантиметра поставленных глазках* читалась такая нетерпимость, что соседская бабка <...> предпочитала убраться. [Ольга Славникова. Бессмертный. Повесть о настоящем человеке]

Указание на несоответствие маленьких глазок большому телу и голове —

Костя укоризненно покачал раскормленной мордой, но в маленьких глазках зажглось дружеское понимание. [Геннадий Прашкевич, Александр Богдан. Человеческий век «Ч»] —

является частным проявлением достаточно стабильной в целом негативной оценки обладателя подобных характеристик как неумного, недалекого.

Наверху лестницы он увидел всего-навсего дорого одетого перекачанного долдона, а в совсем потерявшихся между скулами и надбровными дугами глазках — просто врожденную тупость в степени знакомого наркотического опупения. [Александр Гаррос, Алексей Евдокимов. Головоломка]

Можно привести немало примеров словосочетаний, образованных по модели «прилагательное + глазки», за которыми закрепилась устойчивая семантика: *бегающие глазки* у кого-л. — ‘хитрый, двуличный, вызывающий недоверие; лгун’; *холодные глаза/глазки* у кого-л. — ‘безжалостный, жесткий; высокомерный’; *круглые глазки* у кого-л. — ‘простоват, неумен’ и т.д.

Чуть скошенный пяточок, робкая улыбка, кокетливая челочка на лбу и восторженный идиотизм невинности в круглых *глазках*. [Вселенная деревни Растяпино // «Профессионал», 1998.07.01].

Жорж отталкивает от себя и не потому, что он некрасив, как-то даже уродлив — кожа желтая, прямые черные волосы, огромный нос, *маленькие бегающие глазки*, — но за всем этим есть какая-то *угодливость, хитрость, двуличие*. [Татьяна Окуневская. Татьянин день]

Итак, с одной стороны, используемые мастерами слова приемы и средства характеристики человека во многом поддерживают ассоциации, легшие в основу фразеологических оборотов и устойчивых сравнений (свиные/кабаньи глазки, волчьи глаза, глаза как плоски) — видение глаз и их способности не только смотреть и видеть, но и «говорить» о многом. С другой стороны, поиск автором наиболее адекватных средств изображения своих героев, их настроений, чувств и намерений обеспечивает огромное разнообразие необычных и точных деталей в показе *глаз как зеркала души* — деталей, способных заставить увидеть и почувствовать оттенки настроений и чувств, потаенные мысли и скрытые намерения, распахнутую легкость и угрожающую свинцовую тяжесть или стальную остроту. В этом смысле весьма показательна одна из цитат, заставляющая задуматься над основаниями для вербализации подобных ассоциаций:

При сей мысли <...> возник «тромб», не давешний, не блуждающий, а в костюме-тройке и в белой сорочке при ортодоксальном галстукке; на пиджаке — цветные планки, забранные в плексиглас и потому похожие на мундштуки-самоделки военного образца; борода а-ля марксист-аграрник, а *зеркалом души* — *мутные глаза снулой рыбины* [Юрий Давыдов. Синие тюльпаны].

© Селиверстова Е.И.

Дата поступления: 20.03.2018

Дата приема в печать: 26.03.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ушакова Д.Н. Толковый словарь русского языка. Москва: «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935—1940. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/779646>. Дата обращения: 17.02.2018.
2. Евгеньева А.П. Словарь русского языка. Москва: Русский язык, 1983.
3. Леонтович О.А. «Зеркало, в котором каждый показывает свой лик»: дискурсивное конструирование идентичностей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 2. С. 247—259.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Москва: Астрель: АСТ, 2007. Режим доступа: <http://www.onlinedics.ru/slovar/fasmer/z/zerkalo.html> Дата обращения: 17.02.2018.
5. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. Москва: Гнозис, 2002.
6. Хайруллина Р.Х. Картина мира в русской фразеологии. Москва: Прометей, 1996.
7. Воробьева Л.Б. Национально-культурная специфика фразеологизмов с компонентом глаз в русском и литовском языках // Социально-гуманитарные науки. Вып. 1. 2015. С. 145—148.
8. Городецкая И.Е. Фразеологизмы-соматизмы в русском и французском языках: дисс. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2007. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/frazeologizmu-somatizmu-v-russkom-i-frantsuzskom-yazykakh>. Дата обращения: 17.02.2018.
9. Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. Москва: Гнозис, 2007.
10. Ларин Б.А. Основные принципы «Словаря автобиографической трилогии М. Горького» // Современный русский язык: Лексикология. Фразеология. Лексикография: Хрестоматия и учебные задания. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2002. С. 443—450. Режим доступа: <http://msk-slovar16-17v.slovo-spb.ru/larin0009.htm>. Дата обращения: 17.02.2018.
11. Виноградов В.В. Словарь языка Пушкина. Москва: Азбуковник, 2000.
12. Ломакина О.В. Фразеологический потенциал соматизма «ГЛАЗ» (на материале текстологии Л.Н. Толстого) // Проблемы истории, филологии, культуры: науч. журнал РАН, Вып. 2(24). Москва—Магнитогорск—Новосибирск: Изд-во ООО «Аналитик», 2009. С. 832—836.
13. Антипословицы русского народа. Санкт-Петербург: Издательский Дом «Нева», 2005.
14. Архангельская Т. Фразеологический образ страха // Slavofraz 2016: Phraseologie und (naïve) Psychologie. Фразеология и (наивная) психология. Grazer Studien zur Slawistik. Band 9. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2018. С. 217—226.
15. Баранов А.Н. Дескрипторная теория метафоры. Москва: Языки славянской культуры, 2014.
16. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII—XX в. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. Т. 2.
17. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. Москва: Новое литературное обозрение, 2002.
18. Крейдлин Г.Е. Семиотическая концептуализация тела и проблема мультимодальности // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 100—200.
19. Крейдлин Г.Е., Переверзева С.И. Тело в диалоге: ориентация соматических объектов и выражение отношений между людьми // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Беласово, 4—8 июня 2014 г.). Вып. 13(20). Москва: Изд-во РГГУ, 2014. С. 272—283.
20. Крылова Т.В. Лексикон «отвода глаз» (*отвернуться, отвести глаза, опустить глаза, потупиться*) // Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах. Москва: «Индрик», 2010. С. 184—195.

21. Литвинова В.В. Индивидуально-авторские концепты в структуре художественного мира Рэя Брэдбери: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2009. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content> Дата обращения: 17.02.2018.
22. Селиверстова Е.И. Текст из музыки или музыка в тексте? (Роман Д. Рубиной «Последний кабан из лесов Понтеведра») // Филология и культура. *Philology and Culture*. 2016. № 2(44). С. 131—136.
23. Козеренко А. Сильные эмоции в зеркале фразеологии: нарушение функционирования систем организма как симптом // *Slavofraz 2016: Phraseologie und (naïve) Psychologie*. Фразеология и (наивная) психология. *Grazer Studien zur Slawistik*. Band 9. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2018. С. 315—328.
24. Селиверстова Е.И. Фразеологизмы с компонентом глаза как проявление наивной психологии // *Slavofraz 2016: Phraseologie und (naïve) Psychologie*. Фразеология и (наивная) психология. *Grazer Studien zur Slawistik*. Band 9. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2018. С. 287—296.

УДК: 81.373

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-388-402

YES AS A MIRROR OF THE SOUL: THE LEXICAL-PHRASEOLOGICAL ASPECT

Elena I. Seliverstova

Saint Petersburg State University

7—9, Universitetskaya emb., Saint-Petersburg, Russia, 199034

Abstract. The article considers, on the one hand, phraseological units with the eye-components, capable of characterizing various manifestations of the psychoemotional aspect of the human person, the manner of behavior and the peculiarities of relations between people. In the field of our attention is the nature of the changes observed in the frequency of idioms usage in the speech, and especially in the speech of writers, all range of the used phraseological units, the main vectors of their comprehension. Modern discourse — mostly fragments of the novels and stories — shows the variety of possibilities for using the characteristics of the eyes as a pair organ, as an important attribute of the “decoration” of the face, as a “mirror” capable of hiding / revealing the person’s intentions and thoughts, reflecting mental activity and intellectual abilities or their absence and so on. At the same time for some writers, the reception of the eyes “life” is very important — and not only for creating memorable portraits of characters (with a mention of color, shape and size of the eyes), but also to show a peculiar manner of behavior, character traits, physical or mental state.

Key words: eyes, mirror of the soul, phraseology, definition, comprehension, modern discourse

REFERENCES

1. Ushakov, D.N. (Ed.). (1935—1940). Dictionary of the Russian language. Moscow: “Sov. enycl.”; OGIZ; State publishing house of foreign and national dictionaries. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/779646> (accessed: 17.02.2018). (In Russ.).
2. Evgenieva, A.P. (Ed.) (1983). Dictionary of the Russian language Moscow: Russian language. (In Russ.).
3. Leontovich, O.A. (2017). “Mirror, in which each shows his face”: discursive construction of identities. *Russian Journal of Linguistics*, 21(2), 247—259. (In Russ.).

4. Fasmer, M. (2007). Etymological dictionary of the Russian language. Moscow: Astrel: AST. URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/fasmer/z/zerkalo.html> (accessed: 17.02.2018). (in Russ).
5. Krasnykh, V.V. (2002). Ethnopsycholinguistics and linguoculturology: a course of lectures. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
6. Khayrullina, R.Kh. (1996). A picture of the world in Russian phraseology. Moscow: Prometheus. (In Russ.).
7. Vorobyeva, L.B. (2015). National-cultural specificity of phraseological units with eye components in Russian and Lithuanian languages. *Socio-Humanitarian Sciences. Issue 1*, 145—148. (In Russ.).
8. Gorodetskaya, I.E. (2007). Phraseologisms-somatisms in Russian and French: [dissertation]. Pyatigorsk, 2007. URL: <http://www.dissercat.com/content/frazeologizmy-somatizmy-v-russkom-i-frantsuzskom-yazykakh> (accessed: 17.02.2018). (in Russ.).
9. Kovshova, M.L. (2007). The body code of Russian culture: materials for the dictionary. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
10. Larin, B.A. (2002). The basic principles of the “Dictionary of the autobiographical trilogy M. Gorky” Modern Russian language: Lexicology. Phraseology. Lexicography: Anthology and study assignments. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University. pp. 443—450. URL: <http://msk-slovar16-17v.slovo-spb.ru/larin0009.htm> (accessed: 17.02.2018). (In Russ.).
11. Vinogradov V.V. (Ed.) (2000). Dictionary of the language of Pushkin. Moscow: Azbukovnik. (In Russ.).
12. Lomakina, O.V. (2009). Phraseographic potential of somaticism “EYE” (on the material of L. Tolstoy’s textology). *Problems of history, philology, culture: scientific. Journal of the Russian Academy of Sciences. Issue, 2(24)*. Moscow—Magnitogorsk—Novosibirsk: Publishing house of “Analitik”. pp. 832—836. (In Russ.).
13. Anti-proverbs of the Russian people (2005). Saint-Petersburg: Publishing House “Neva”. (In Russ.).
14. Arkhangelskaya, T. (2018). Phraseological image of fear. *Slavofraz 2016: Phraseologie und (naïve) Psychologie. Phraseology and (naïve) psychology. Grazer Studien zur Slawistik. Band 9*. Hamburg: Verlag Dr. Kovač. pp. 217—226. (In Russ.).
15. Baranov, A.N. (2014). Descriptor theory of metaphor. Moscow: Languages of Slavic Culture. (In Russ.).
16. Fedorov A.I. (Ed.). (1991). Phraseological Dictionary of the Russian literary language of the late XVIII—XX century. Vol. 2. Novosibirsk: Science. (In Russ.).
17. Kreidlin, G.E. (2002). Nonverbal semiotics: Body language and natural language. Moscow: New literary review. (In Russ.).
18. Kreidlin, G.E. (2014). Semiotic conceptualization of the body and the problem of multimodality. *Ecology of language and communicative practice, 2*, 100—200. (In Russ.).
19. Kreidlin, G. & Pereverzeva, S. (2014). The body in the dialogue: the orientation of somatic objects and the expression of relations between people. *Computer linguistics and intellectual technologies: Based on the materials of the International Conference “Dialogue” (Bekasovo, June 4—8, 2014). Vol. 13(20)*. pp. 272—283. Moscow: RSUH Publ. (In Russ.).
20. Krylova, T.V. (2010). The lexicon of «hiding the eyes» (to turn away, to withdraw eyes, to look down, to drop eyes). In: *Logical analysis of the language. Mono-, dia-, polylogue in different languages and cultures*. Moscow: Indrik. pp. 184—195. (In Russ.).
21. Litvinova, V.V. (2009). Individual-author's concepts in the structure of the artistic world of Ray Bradbury: [dissertation]. Krasnodar. URL: <http://www.dissercat.com/content> (accessed: 17.02.2018). (In Russ.).
22. Seliverstova, E.I. (2016). Text from music or music in the text? (D. Rubina’s Novel “The Last Boar from the Forests of Pontevetra”). *Philology and Culture. Philology and Culture, 2(44)*, 131—136. (In Russ.).

23. Kozerenko, A. (2018). Strong emotions in the mirror of phraseology: disruption of the functioning of the body systems as a symptom. *Slavofraz 2016: Phraseologie und (naïve) Psychologie. Phraseology and (naïve) psychology. Grazer Studien zur Slawistik. Band 9.* Hamburg: Verlag Dr. Kovač. pp. 315—328. (In Russ.).
24. Seliverstova, E.I. (2018). Phraseological units with an eye component as a manifestation of naïve psychology. *Slavofraz 2016: Phraseologie und (naïve) Psychologie. Phraseology and (naïve) psychology. Grazer Studien zur Slawistik. Band 9.* Hamburg: Verlag Dr. Kovač. pp. 287—296. (In Russ.).

Для цитирования:

Селиверстова Е.И. Глаза как зеркало души: лексико-фразеологический аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 2. С. 388—402. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-388-402.

For citation:

Seliverstova, E.I. (2018). Eyes as a mirror of the soul: the lexical-phraseological aspect. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (2), 388—402. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-388-402.

Elena I. Seliverstova, 2018. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (2), 388—402. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-388-402.

Сведения об авторе:

Селиверстова Елена Ивановна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка для гуманитарных и естественных факультетов, и.о. зав. кафедрой русского языка для гуманитарных и естественных факультетов Санкт-Петербургского государственного университета; *научные интересы:* фразеология, паремиология, лексикология, лингвистика текста, славистика, лингводидактическое тестирование; *e-mail:* selena754@inbox.ru

Bio Note:

Seliverstova Elena Ivanovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor and Acting Head of Russian Language Department for Humanitarian and Natural Faculties, St. Petersburg State University; *Interests:* phraseology, paremiology, lexicology, text linguistics, Slavic studies, linguistic research; *e-mail:* selena754@inbox.ru

УДК: 81'37:519.767:510.27

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-403-415

CODE-SWITCHING: STATE-OF-THE ART

Elena A. Krasina, Jabballa Mahmoud Mustafa X.

Peoples' Friendship University (RUDN University)
Miklukho-Maklay str., 6, Moscow, Russia, 117198

Abstract. Code-switching is one of the aspects to study the immediate results of language contacts which supposes that intra-sentential analysis of morpho-syntactic structures could explain the causes and reasons of language borrowings in synchronic linguistics. It also involves psychological and social aspects of human behaviour, but confines itself to linguistic analysis. At present three main theories which are language rooted and the most developed ones govern code-switching research, namely, linear order constraint model of S. Poplack et al.; linear order non-constraint model of N. Chomsky and E. Woldorf and Matrix Language Frame model elaborated by C. Myers-Scotton. All the three proceed from the idea of a monolingual grammar regulating code-switching process, though in Chomskyan model such monolingual grammar is substituted with the Universal Grammar in combination with generative grammar rules. The C. Myers-Scotton Frame model seems more complicated as it is organized as a double-headed instrument: dominant Matrix Language doesn't eliminate the factor of Embedded Language which in course of their interaction creates a kind of collaboration. All the three models basically deal with a sentence structure and thus are in fact intra-sentential studies, though the conclusions are also made on the morphological and even phonological aspects of the utterance. Lexicon of languages in contact is practically neglected in the studies but N. Chomsky, and J. MacSwan and C. Myers-Scotton pay attention to lexical borrowings; they prove the importance of those by developing the notion of nonce borrowings specific representation of culture and tradition. In fact the present day state-of-the art in the domain of code-switching base itself upon observation and language samples accumulation in course of analysis of structural features of contacting languages. The shortcomings of the approach might be motivated by the fact that typological language features are not applied, so the analysis lacks a solid background bringing in random data without any classification possible. Thus one may assume that main results at a present level of research could be found in the sphere of methodology and methods. As to code-switching terminology it's in course of development: even the notion of 'code' in our opinion needs more precise definition as it originally refers not to language itself but to semiotic systems of various origins and nature.

The directions for future research do not confine themselves to bilingual or multilingual data, but mean to deepen the multidisciplinary studies of language contacts and verify the reasons for code-switching through the complex of humanities and natural sciences applied to linguistic items and codes.

Keywords: language contacts, code-mixing, code-switching, borrowing, linear order constraint/non-constraint model, Matrix Language Frame model, intra-sentential, insertion

Code-switching is the alteration of two languages within a single discourse, sentence or constituent (...). It is only by linking ethnographic observations with linguistic analysis that code-switching behavior may be most adequately explained.

Shana Poplack, 1978

1. INTRODUCTION

The present day situation in teaching and learning languages is determined by the fact of widely spread language contacts and as a consequence bilingualism-multilingualism studies as a interdisciplinary studies. One might assume that nearly 100% of global

population of both the Generation Y or Millenarials born in 1983—2000, and the Generation X or Centanarians born after 2000 are bilingual speakers which causes the appearance and spread of Franglais, Spanglish, RunGLISH and “other Englishes” in the domain of Globish. Famous SAE doesn’t seem to be the term sufficient enough to form the background to describe and study language interaction worldwide anymore. So, as the studies of language contacts involve national languages, their dialects and other variations, the core research areas in the field include: the representation and processing of languages in the bilingual mind, childhood and adult language acquisition, bilingual speech disorders, bilingualism and mixed linguistic systems, effects of bilingualism on individuals and societies, bilingualism and educational challenges, language endangerment, and extinction among others, etc., which involve psychological and social aspects. But linguistic approach provides the data to be analyzed and approved and is bearing its own characteristics belonging to language system. In this field the phenomena of code-switching is the one that focuses researchers attention to language mixing which used to be supported by monolingual formal grammar. Starting from 1970s, non-formal theories have emerged and focused on the so-called real life situations when a speaker knows and uses more than one language and mixes aspects of those languages to a certain — greater or lesser — extent. Such a bilingualism-multilingualism has brought to life a new set of terms functioning in a new linguistic research domain, firstly, the term of *code-switching*.

2. ANALYZING DEFINITION: WHAT IS CODE-SWITCHING?

The origins of code-switching seem to date back to mid-XX century as a multidisciplinary convergence in the field of science: R. Fano’s information theory [1], structural phonology developed by Ch. Fries and K. Pike [2] and bilingualism as introduced and described by U. Weinreich, E. Haugen, H. Vogt [3—5]. As was supposed the term “code-switching” reflected not uniquely a linguistic phenomenon but rather a psychological one, or their combination, so from the very start it was a multidisciplinary term [5: 368].

In his classical work on language contacts, U. Weinreich (1968) describes the ideal bilingual speaker as the one who can “switch from one language to the other according to appropriate changes in speech situations (interlocutors, topics, etc.), but not in an unchanged speech situation, and certainly not within a single sentence” [3: 73]. The terms actually presented with the verb *switch*.

Research on code-switching started in two aspects — structural and sociological, and just in linguistic structural studies terminological confusion came into being: in a way, the terms of *code-switching*, *code mixing*, *borrowing*, or *code-alternation* were competing. Still, the main pair of terms used is *code-switching* and *code-mixing*.

Firstly, *code* as a term needs some comment. It is understood as a neutral nomination of a linguistic variety — either a language or a dialect, but some researches extend the notion of the *code* and apply it to denote a style-shifting in monolingual speech thus mentioning the variety of ‘monolingual code-switching’ [6: 121]. Some researchers even omit *code* in their definitions: CS is “the alternative use by bilinguals two or more

languages in the same conversation [7: 7]. In fact they use CS as a cover term to denote different forms of bilingual behavior. The same approach is shared by J. MacSwan denotes code-switching as “a speech style in which fluent move in and out of two (or more) languages” [8: 55].

Similarly, C. Myers-Scotton uses CS as a cover term meaning under it “alterations of linguistic *varieties* [italics added] in the same conversation [9: 1] so it means that switching can take place not only between languages, but also between dialects of the same language.

Within the social approach to CS studies, J.J. Gumperz translates the term as “juxterposition within the same speech exchange of passages of speech belonging to two different grammatical systems or subsystems [10: 59]. S. Poplack treats the term in the same direction using as a key word *juxterposition* [11].

Some researchers use the term *code-alteration* (see: [12]) as a hyponym to replace CS and it’s really seems synonymic to *code-alteration*.

Another trend in the terminology of the field is to prefer *code-mixing* in the sense to specify *intra-sentential switches* only which requires the discourse integration of the rules of the two languages involved (e.g., [13; 14]).

As was already said, some researches avoid the term *code-switching* as a cover term as they believe switching occurs only between turns of sentences, but not insertions ipse se (see: [15]) They choose code-mixing as a cover term for both *code-switching* (intra-sentential switch only) and *borrowing* (e.g., [16]). Therefore, the question of distinction between *code-switching* and *borrowing* seems rather urgent (see: [11; 18]) which is more important than the distinction between *code-switching* and *code-mixing* within the structural aspect.

Classical definition of the term was elaborated by E. Haugen who denoted *code-switching* as a process of colloquial usage absolutely foreign word while speaking native or another language without any kind of its assimilation ([4: 40]). This is an example of language spread which causes both linguistic transfer and integration. Practically simultaneously R. Jakobson attributed the notion of code-switching to the change which monolingual or bilingual speaker should apply while decoding the speech of another person in course of communication (see: [19]) following R. Fano’s understanding any code as a mechanism of exact signal transmission between the two systems in communication.

3. THREE LINGUISTICALLY ROOTED CODE-SWITCHING MODELS

Due to the multidisciplinary approach the term code-switching is applied in several linguistic domains, e.g., a) the linear order constraints model by S. Poplack; 2) non-linear constraint models by N. Chomsky, E. Woldorf; 3) Matrix Language Frame model by C. Myers-Scotton.

A. S. Poplack **code-switching model** deals with intra-sentential switching or using of sentences or syntagmas as their parts side-by-side while they belong to different languages thus creating “equivalence constraint” at a syntax language level while “linear

coherence of sentence structure is ensured without omitting the duplicating lexical content” in fact, “establishing various syntactic boundaries” [20]. The main rule approves code-switching be possible under some word-order requirements for both languages. The following examples of bilingual’s grammar area demonstrate the overlapping of surface syntactic structures of two languages — L1 and L2, Puerto-Rican Spanish patterns including English segments:

1. *Leo un MAGAZINE — I read a MAGAZINE.*
2. *Me iban a LAY OFF — They were going to LAY me OFF¹.*

As is clearly seen the description of code switching is based on the monolingual approach due to the fact that bilingual syntax is view through general principles of formal grammar theories developed on the basis of monolingual studies. When the research deals with Spanish-English or English-Spanish code switching, it’s more regular approach to use English as a case of monolingual grammar to analyze the pattern itself both in intrasentential and morphemic levels. Still, in the opinion of S. Poplack, there exist different patterns of adapting monolingual resources in the code-switching strategies. Further on she also remarks that code-switching differs greatly from lexical borrowings another major manifestation of language contacts (ibid).

Shortcomings of the linear order constraints model by S. Poplack might occur due to the fact that there’s no attempt to explain code-switching as it proceeds from a kind of “third grammar” monolingual, by default, but although non-existent, at least, not explicit, e.g.:

- (1) The students *habían visto la película italiana*
The students had seen the Italian movie
- (2) *The students had visto *la película italiana*
The students had seen the Italian movie².

Even more, when it comes to Free Morpheme Constraint, e.g.:

- (5) *told *le*, *le* told, him *deji*, *dije* him [32: 176]
told *to-him*, to-him *I-told*., I-told *him*
'(I) told him'
- (6) *estoy eat-iendo [5: 368]
I-am eat-ing³.

If the Poplack’s model is descriptively adequate, it causes some doubts in theory especially in respect to the examples called borrowings by S. Poplack, and nonce borrowings by J. MacSwan meaning they are “borrowed items which appear for the first time” in this instances — they are not historically used in the target language, and is a borrowing indeed from the point of view of its grammatical (morphological) properties [21: 57].

¹ We don't discuss phonological differences here. — E.K., J.M.

² Citation in: MacSwan, 2000, p. 55.

³ Citation in: MacSwan, 2000, p. 56.

B. N. Chomsky, E. Woldorf's non-linear constraint models proceeds from the core statement that code-switching mechanisms are governed by general grammatical principles which emerges from Chomsky's generative grammar and his Government and Bounding syntactic theory. The principles to govern bilingual code-switching are assumed to be all and only those governing monolingual grammar. So in this code-switching field two models were elaborated: 1) **the Government Constraint Model** ([22; 23]) and 2) **Functional Head Constraint Model** (Belazi, Rubin, Toribio, 1994). The following the **Minimalist approach** seemed to sum up the models introduces stating that the only constraint in code-switching is determined by the requirements of mixed grammar [21]. In fact N. Chomsky (1991) [25] stated that parametric variations might be represented in lexicon and then be reflected in syntax: "If there were only one human language, the story would essentially end there. But we know that this is false, a rather surprising fact. The general principles of the initial state evidently allow a range of variation. Associated with many principles there are parameters with a few — perhaps just two values. Possibly, as proposed by Hagit Borer, the parameters are actually restricted to the lexicon, which would mean that the rest of the language is fixed and invariant, a far — reaching idea that has proven quite productive" [25: 23].

In Chomsky's system language grammar consists of two components: C_{HL} — a computational system for human language, which is possibly invariant across languages, and lexicon, which is variable and in fact unique in each language. Phrase structures are derived from the lexicon in the minimalist framework and phrase trees are built derivationally by applying three operations — *Select*, *Merge* and *Move*. One more rule governs structure derivation: in the process of derivation, lexically encoded elements should match the course of derivation.

The leading aim of Chomsky's Minimalist Program is to eliminate all unnecessary mechanisms and apply for linguistic data minimum of theoretical assumptions which would account for code-switching, including principles and requirements of Universal Grammar. Thus it would be possible to confine code-switching to two lexicons and escape ambiguity to explain the data itself. In this case, Universal Grammar is the "Third grammar" of code-switching and only some language specific features in lexicon of particular languages may cause minor constraints to describe and classify code-switching mechanisms. The Minimalist framework helps emerge a formal theory of borrowing considering properties of a single language matter in the account of the facts of code-switching (see: [21: 87]).

C. Matrix Language Frame model by C. Myers-Scotton. This syntactic model has got psycholinguistic theories of speech production and performance as a background. The researcher assumes that linguistic constrains of code-switching within a single sentence (or in general any intrasentential constraints) are governed by a Matrix Language Frame model, or MLF model ([26; 27]). Matrix Language (ML) dominates Embedded Language (EL) even if the elements of the Embedded Language are inserted into the morpho-syntactic Matrix Language frame.

There are few principles to make up the MLF model:

- ◆ Matrix Language used to be the first language of a speaker, so it tends to be the dominant over Embedded Language.

◆ asymmetry of ML and EL projects unequal role of those languages in morpho-syntactic structuring a frame of bilingual sentence: ML is more active than EL even if they work simultaneously;

◆ ML grammatical structure is not variable in the course of code-switching;

◆ Systemic morphemes emerge due to the ML function to form a bilingual utterance as a morpho-syntactic frame. Still, EL makes constraints on the ML as to different types of its morphemes — both lexical and grammatical, among those prepositions and conjunctions are more frequently used, and a few of other functional words less frequent.

Below see a few examples to illustrate code-switching⁴:

1. Hindi/English

Life ko face kijiye with himmat and faith in apne aap. (Code-switching)

Face life with courage and faith in self. (Translation)

2. Swahili/English

Hata wengine nasikia washawekwa cell. (Code-switching)

Even others I heard were put [in] cells. (Translation)

3. Swahili/English

**Sikuona your barau ambayo uliipoteza.* (Code-switching ungrammatical)

I didn't see your letter which you lost. (Translation)

4. Swahili/English

**Nikamwambia anipe ruhusa niende ni-ka-check for wewe.* (Code-switching, ungrammatical)

And I told him he should give me permission so that I go and check for you. (Translation)

5. Swahili/English

Ulikuwa ukiongea a lot of nonsense. (Code-switching)

You were talking a lot of nonsense." (Translation)

English variations show the following influence of EL:

1. Formulaic expressions and idioms (especially prepositions and other functional words: *with, in, for, and*; set phrases — sayings and proverbs: *Face life with courage and faith in self*)

2. Quantifier expressions (*a lot of*)

3. Non-quantifier, non-time noun phrases as verb phrase complements (*a lot of nonsense check for*).

The given examples demonstrate that C. Myers-Scotton qualifies these code-switching as ungrammatical and for understanding they are accompanied with translation into English. On the one hand, it seems convenient, but it doesn't concentrate on important typological differences of languages contacting — inflexional and analytical Indo-European English and agglutinative and inflexional Bantu language Swahili. In our opinion, it'd serve better do describe even the surface morpho-syntactical structure of code-switching between those languages. Still, due to translation, one more factor — ungram-

⁴ Swahili-English examples are taken from: C. Myers-Scotton, 1993b.

matical emerges and once again appeals to discuss the problem of code-switching and borrowings interaction. In fact, in practical grammar books and manuals Swahili-English Bantu-language structure was describe by means of the English monolingual grammar which brought a lot of misunderstanding both in teaching and learning Swahili by English-speaking communities and the same for English in Bantu-Swahili environment. Still, due to translation, one more factor — ungrammatical emerges and once again appeals to discuss the problem of code-switching and borrowings interaction.

As for C. Myer-Scotton, she views code-switching and borrowing as universally related processes because they belong to one and the same single continuum [26]. She proceeds from the idea expressed by E. Haugen [4: 373] that “borrowing always goes beyond the actual ‘needs’ of language” [4: 373], so any strict distinction between borrowing and code-switching is not of great demand. Studying African languages, she finally came to a conclusion about two types of borrowings — *cultural* and *core* borrowings, respectively, lexical items that are new to the recipient language culture, and those lexical items that have “viable” equivalents in the recipient language and they are actually some extra lexical means [26: 169]. The rest of the possible borrowings belong to the code-switching domain. Thus she doesn’t see code-switching and borrowing as two distinct processes, nor such a distinction be crucial.

Her opponent seems to be S. Poplack who insists that code-switching differs greatly from lexical borrowing — the other major manifestation of language contacts. Her main counter-arguments concern the fact that loanwords are not involved in morphology, syntax or phonology of the lexifier language and that they are recurrent in the speech of individuals [28]. As to nonce borrowings, S. Poplack abides to understand those as neither recurrent, nor widespread, and requiring a certain bilingual competence. It seems to be an arbitrary solution as to the disagreement on such topics: 1) should the distinction between code-switching and borrowing be formally recognized in the theory of code-switching; 2) should any manifestations of language contact be unambiguously identified in bilingual discourse; and 3) what criteria could tell the difference between switching or borrowing this or that language item.

4. QUASI-CONCLUSION: REASONS FOR CODE-SWITCHING

If one turns to the following graph⁵, he might think that code-switching has nothing to do with language or linguistics proper as it presents extra-linguistic reasons to approve the notion of code-switching and discourse strategies without any discussion of structural or systemic language features, namely: mood of a speaker, show identity, some functions — referential, directive, phatic, poetic, metalinguistic; strategies — to clarify (expression, or utterance), to explain a message, quote other people, use habitual expressions.

---

⁵ The graph is borrowed from: https://yandex.ru/images/search?text=REasona%20for%20code-switching%20-%20a%20diagram&img_url=https%3A%2F%2Fusercontent1.hubstatic.com%2F8884586_f520.jpg&pos=0&rpt=simage&lr=213 (accessed: 26.03.2018).

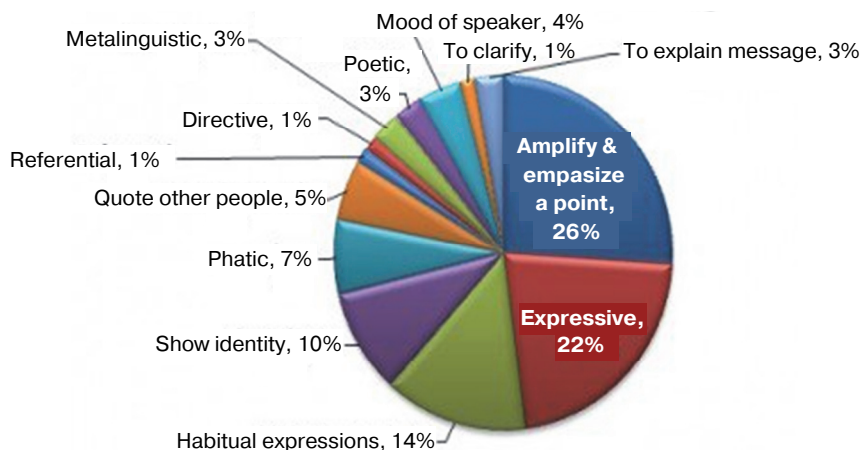

Fig. 1. Reasons for Code Switching

Certainly, the functions mentioned appeal to language but do not identify or specify its means and structures, so they are perceived as intentions in course of communication and indirectly combine extra- and intra-linguistic aspects. Still, in our opinion, the presentation helps realize the complexity of the code-switching phenomena and the necessity of its multidisciplinary studies.

Another set of reasons to develop code-switching studies could have some parallel linguistic illustrations and thus seems more linguistically proper. Still, those several reasons to switch codes mostly deal with a single conversation.

Here are important features of a successful single conversation with necessary elementary lexical and grammatical code-switching insertions⁶:

◆ **A particular topic of conversation:** people generally used to switch codes during discourse about a particular topic, since it requires specific language; varieties related to a particular topic may be better able to convey or communicate issues surrounding it, e.g., people are talking about their professional task or project, so they are likely to use terms or professional lexis which seems foreign to some random listeners and may alter the sentence structure: *This approach was **en vogue** / **in vogue** decades ago. **Multa cum laudae** is just the best evaluation // The best mark is **multa cum laudae**.*

◆ **Quoting someone:** people have to switch codes while quoting another person or text passage, e.g., ***Gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo** (Lat.), **Your performance is great! C'est magnifique!***

◆ **Solidarity and gratitude:** expressing gratitude or solidarity, people may speak in ways that express these feelings, e.g., (an Englishmen says in French) ***Bonne appetite! Help yourself!***

◆ **Clarification:** speakers may alter their speech when listeners have trouble understanding how they communicated a thought or idea before, e.g., ***His novel is roman a clef // His novel is a code// a cypher.***

⁶ URL: <https://yandex.ru/images/search?text=a%20scheme%20of%20reasons%20for%20code-switching&type=image&lr=213&source=wiz> (accessed 26.03.2018).

◆ **Group identity:** people may alter their language to express group identification. This can happen, for example, when introducing members of a particular group to others, e.g., *Mike is a computer geek//Mike is a real PC expert.*

◆ **To soften or strengthen command:** while asking someone to do something, code switching works to mark emphasis or provide inspiration, e.g., *My dear friend Olga, please, be on time! Mi querida Olga ...*

◆ **Lexical need:** people often use some technical terms or words written in another language. In that case, if people try to translate those words, that might distort the exact meaning and value of the word or term. In this case, code switching occurs to maintain the exact meaning of the word, compare: *distilled water — aqua distillata.*

5. CONCLUSION PROPER

Studies of language contacts have a long history and actually date back to ancient times when native speakers didn't understand newcomers or foreigners they even could have called them barbarians. In modern time people used to have some problems of overcommunication never mind what language, dialect, slang or code they use. Bilingualism makes a norm in melting pots of big cities, in touristic areas all over the world, in advertising where bilingualism is to create imagery. People are not yet polyglots but tend to master multilingualism as a lot of devices and gadgets actually provoke its appearance one of these days.

Human speech is no longer the main or even the only possible means of communication, and languages still tend to develop forming new varieties and combining linguistic items of all kinds, even phonetical resources are slightly but changing under the influence of different speech modes and patterns.

Code-switching is rather a novel field of research and in applied perspective it might help teaching and learning foreign languages and provide easier language interaction both in and out the classroom. Multilingual communication sets new ambitious goals and tasks to develop strategies of multi-disciplinary approach in mastering languages and at maximum — getting to know more about cognitive and social impact of theoretical and applied linguistic research. Because we are human, we learn lifelong, eager to get as much knowledge as possible and use it to our needs and benefits.

The three developed linguistic approaches in code-switching were reviewed in the article. All of them are combining theory and practice, they give much evidence of code-switching between the languages of different structure and lexicon, different morphology and syntax, etc., which concerns language and language contacts from synchronic point of view. Those are: a) the linear order constraints model by S. Poplack; 2) non-linear constraint models by N. Chomsky & E. Woldorf; 3) Matrix Language Frame model by C. Myers-Scotton. The scholars themselves acknowledge the fact that a vast language material, unique samples of code-switching between languages of different typologies and structures stimulate the research, but it's not enough. One has to take into consideration the factors of human behavior, national cultural tradition, individual occupations and skills, many social, economic and political factors which make the study multi-disciplinary.

The intralinguistic achievements in developing code-switching studies concentrate on the data accumulation: many examples are involved presenting pairs of languages

that were and still are actively contacting due to the areal spread, tradition and history; English—Spanish in Americas, Finnish or Norwegian and English in the US territory, Bantu languages and English in Africa, Hindi—English in Asia and so on. The main method already applied is structural or more precisely, morpho-syntactical intrasentential analysis which deals with foreign insertions and is explained by means of a monolingual grammar. Three paradigms of linear, non-linear constraints and Matrix Language Frame are dealing with surface syntactic structures describing types of insertions of meaningful and functional language components in sentence structure of typologically similar or different languages. Most promising although rather complicated seems the hypothesis of MLF as it introduces the double-headed principle of interaction of Matrix language and Embedded Language

Thus the problem of monolingual or Universal grammar as a tool to measure and define code-switching effect and consequences stays in the core of methodology applied. Still, at present the result seems rather poor as the performance of analysis is limited to observation and actually ‘visual’ surface comparison. Besides despite the fact that languages are structurally different this fact is hardly ever taken into consideration provoking a question whether code switching could be observed between Chinese and a Bantu language?

The MLF hypothesis seems most promising but at the same time rather complicated as it introduces the double-headed principle of interaction of Matrix language and Embedded Language.

Besides grammatical and random phonological data code-switching is dealing with borrowings while not every researcher accept those for analysis because loanwords make up another research domain. Still, the so called nonce borrowings treated by E. MacSwan are far from typical loanwords and if languages “assimilate” nonce borrowings they are real code-switching phenomena.

Finally, the notion of ‘code’ is not a synonymic naming for language or its structure: code belongs to semiotics as it doesn’t confine itself to language items despite the approved approach to understand language as a semiotic system. Although words serve to represent linguistic signs — iconic or symbolic, the intrasentential insertions are really different from both words or morphemes, they are rather syntagmas in the classical definition of the term.

As to the terminology it also survives the state-of-the art phase as their correlation is unstable and disputable. On the one hand, just the phrase itself ‘*code-mixing*’ implies the larger spectrum of phenomena and items than ‘*code-switching*’ in comparison with code-mixing suggesting the understanding of a limited number of items and methods under review, or rather a mechanism of variations and possible change. At the same time, terms under discussion — *alteration*, *borrowing*, etc., create the impression of different phenomena — ether phonological or lexical ones.

Nevertheless, code-switching is a multidisciplinary study putting forward a linguistically rooted theory and methodology localized in bilingual and multilingual research within the language contact domain.

© Elena A. Krasina, Jabballa Mahmoud Mustafa X.

Дата поступления: 26.10.2017

Дата приема к печати: 6.11.2017

REFERENCES

1. Fano, R.M. (1950). The information theory point of view in speech communication. In: *Journal of Acoustical Society of America*, 22, 691—696.
2. Fries, W. & Pike, K. Coexistent phonemic systems. *Language* 25: 29—50.
3. Weinreich, U. (1968). *Languages in contact*. The Hague: Mouton. 149 p.
4. Haugen, E. (1956). *Bilingualism in the Americas: A bibliography and research guide*. Alabama: University of Alabama Press: *Publication of the American Dialect Society*, 26. 159 p.
5. Vogt, H. (1954). Language contacts. In: *Word*, 10, 363—374.
6. Romaine, S. (1995). *Bilingualism*. Oxford: Blackwell. Xvi — 384 p.
7. Milroy, L. & Muysken, P. (1995). Introduction. In: L. Milroy & P. Muysken (Eds.) *One speaker two languages: Cross-disciplinary perspectives on code-switching*. New York: Cambridge University Press, 1—14.
8. Lohndal, T. (2013). Generative grammar and language mixing. In: *Theoretical Linguistics*, 39, 215—224.
9. Myer-Scotton, C. (1993b). *Duelling languages: Grammatical structure in code-switching*. Oxford: Clarendon. xiv — 263 p.
10. Gumperz, J.J. (1982—2002). *Discourse strategies* (Studies in Interactional Sociolinguistics, vol. 1). Cambridge: Cambridge University Press. 225 p.
11. Poplack, C. (1978). Dialect acquisition among Puerto Rican bilinguals. In: *Language in Society*, 7, 89—103.
12. Auer, P. (1995). The pragmatics of code-switching: a sequential approach. In: L. Milroy & P. Muysken (Eds.) *One speaker two languages: Cross-disciplinary perspectives on code-switching*. New York: Cambridge University Press, 115—135.
13. Singh, R. (1985). Grammatical constraints on code-switching: Evidence from Hindi — English. In: *Canadian Journal of Linguistics*, 30, 33—45.
14. Shridhar, S. & Shridhar, R. (1980). The syntax and psycholinguistics of bilingual code-mixing. In: *Canadian Journal of Psychology*, 34, 407—416.
15. Muysken, P. (2000). *Bilingual speech: A typology of code-mixing*. Cambridge: Cambridge University Press. xvi + 306 p.
16. Pfaff, C. (1979). Constraints on language-mixing: Intrasentential code-switching and borrowing in Spanish/French. In: *Language*, 55, 291—318.
17. Poplack, C., Wheeler, S. & Westwood, A. (1987). Distinguishing language contact phenomena: Evidence from Finnish — English bilingualism. In: P. Liliua & M. Saari (Eds.). *The Nordic languages and modern linguistics*, 6. Helsinki: University of Helsinki Press. 22—56.
18. Sankoff, D. & Poplack, C. (1981). A formal grammar for code-switching. In: *Papers in Linguistics*, 14, 3—45.
19. Jakobson, R. (1952). Linguistics and communication theory. In: *On the structure of language and its mathematical aspects: Proceedings of the XIIth Symposium of Applied Mathematics*. Providence, R.I.: Mathematical Society, 245—252.
20. Poplack, C., Meechan, M. (1995). Patterns in language mixture: Nominal structure on Wolof-French and Fongbe-French bilingual discourse. In: L. Milroy & P. Muysken (Eds.) *One speaker two languages: Cross-disciplinary perspectives on code-switching*. New York: Cambridge University Press, 199—232.
21. MacSwan, J. (2005). Précis of a Minimalist Approach to Intrasentential Code Switching. In: *Italian Journal of Linguistics*, 17, 55—92.
22. Wolford, E. (1983). Bilingual code-switching and syntactic theory. In: *Linguistic Inquiry*, 14, 520—523.
23. Halmay, E. (1997). *Government and code-switching: Explaining American Finnish*. Amsterdam: J. Benjamins. 276 p.
24. Belazi, Y.M., Rubin, E.J. & Toribio, A.J. (1994). Code-switching and X-Bar Theory: the functional head constraint. In: *Linguistic Inquiry*, 25, 221—237.
25. Chomsky, N. (1991). Linguistics and cognitive science: Problems and mysteries. In: Asa Kasher (ed.). *The Chomskyan turn*. Cambridge: Blackwell, 26—53.

26. Myers-Scotton, C. (1993a). *Social motivations for code-switching: Evidence from Africa*. Oxford: Oxford University Press. xii, 177 p.
27. Myers-Scotton, C. (2002). *Contact Linguistics: Bilingual encounters and grammatical outcomes*. Oxford: Oxford University Press. 360 p.
28. Poplack, S., Sankoff, D. & Miller, C. (1988). The social correlates and linguistic process of lexical borrowing and assimilation. In: *Linguistics*, 26 (1), 47—104.
29. Chomsky, N. (1995). *The Minimalist Program*. Cambridge, Mass.: MIT Press. 426 p.
30. Grinstead, M.D., Lohndal, T. & Åfarli, T.A. *Language mixing and exoskeletal theory: A case study of word-internal mixing in American Norwegian*. The Arctic University of Norway. URL: <http://septentrio.uit.no/index.php/nordlyd> (accessed 26.03.2018).
31. MacSwan, J. (1999). *Minimalist Approach to Intrasentential Code-Switching*. New York: Garland Press. 305 p.
32. Poplack, C. (1980). Sometimes I'll start a sentence in English y termino en español: Towards a typology of code-switching. In: *Linguistics*, 18, 581—618.
33. Sankoff, D., Poplack, C. & Vanniarajan, S. (1990). The case of the nonce loan in Tamil. In: *Language variation and change*, 2, 71—101.

УДК: 81'37:519.767:510.27

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-403-415

ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КОДОВ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Елена А. Красина, Жаббалла Махмуд Мустафа Х.

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва Россия, 117198

Переключение кодов — это один из аспектов изучения непосредственных результатов в рамках теории языковых контактов, что предполагает проведение анализа внутренней структуры предложения на уровне его морфологических и синтаксических структур с целью установления и объяснения природы языковых заимствований в синхронном плане. Одновременно переключение кодов использует и развивает психологический и социальный подходы в исследовании поведения человека, но, в первую очередь, ограничивается лингвистическим анализом. В настоящее время наиболее разработаны три ведущие лингвистические теории переключения кодов, основанные на языковых данных, а именно: линейная ограниченная словопорядковая модель S. Poplack и др.; линейная неограниченная словопорядковая модель of N. Chomsky и E. Woldorf and матричная лингвистическая фреймовая модель (Matrix Language Frame model), предложенная С. Myers-Scotton. Все три модели исходят из того, что процессом переключения кодов управляет грамматика одного из языков, участвующих в их переключении, хотя хомскианская модель заменяет такую монолингвальную грамматику на грамматику универсальную в сочетании с принципами генеративной грамматики. Модель С. Myers-Scotton оказывается наиболее сложной, поскольку она организована как двунаправленный инструмент: доминантный ML — Matrix Language не устраняет фактора языка подчиненного, или EL — Embedded Language, который в процессе их взаимодействия активен и создает впечатление своеобразного сотрудничества. Все три модели применимы в основном к описанию структуры предложения, и таким образом формируется исследование его внутренней структуры, хотя также делаются выводы и относительно морфологических и даже фонологических аспектов высказывания-предложения. Лексикон контактирующих языков практически исключается из анализа, но N. Chomsky, J. MacSwan и С. Myers-Scotton обращают внимание на лексические заимствования; они доказывают важность их учета, вводя понятие окказионализма, или nonce borrowing для особого представления в языке культуры и традиций. В действительности современное положение дел в исследовательской сфере переключения кодов базируется исключительно на наблюдении и накоплении языковых фактов и материалов в целях дальнейшего структурного анализа контактирующих языков. Недостатки такого подхода могут объясняться тем, что в процедуре анализа не используются типологические языковые характеристики, поэтому собственно анализ не опира-

ется на твердую основу, а использует случайные данные, не приводящие к какой-либо возможной их классификации. Поэтому возможно предположить, что к настоящему моменту основные результаты исследования переключения кодов стоит искать в области методологии и методов. Терминологии в области переключения кодов находится в стадии становления: даже исходный термин «код», по нашему мнению, требует более однозначного определения, поскольку исходно он не характеризует язык как таковой, а относится к семиотическим системам различной природы и устройства.

Направления дальнейших исследований не ограничиваются исключительно билингвальными или мультILINGВАЛЬНЫМИ данными, но требуют углубленного междисциплинарного — мультидисциплинарного изучения языковых контактов и верификации причин переключения кодов с использованием комплекса ресурсов гуманитарного и естественно-научного знания применительно к лингвистическим единицам и кодам.

Ключевые слова: языковые контакты, переключение кодов, смешение кодов, заимствование, линейная ограниченная словопорядковая модель/линейная неограниченная словопорядковая модель, матричная лингвистическая фреймовая модель, внутренняя структура предложения, вкрапление

Для цитирования:

Красина Е.А., Жаббалла Махмуд Мустафа Х. Переключение кодов: современное состояние // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 2. С. 403—415. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-403-415.

For citation:

Krasina E.A., Jabballa Mahmoud Mustafa X. (2018). Code-Switching: State-of-the Art. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (2), 403—415. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-403-415.

Elena A. Krasina, Jabballa Mahmoud Mustafa X., 2018. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (2), 403—415. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-403-415.

Сведения об авторе:

Красина Елена Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов, работает на кафедре с 1980 года. Она ведет теоретические курсы и на русском, и на английском языках: Теория и история языкознания, Общее языкознание, Филология в системе гуманитарного знания, прикладной курс Методы лингвистического анализа. *Сфера научных интересов:* теоретическое и прикладное языкознание, анализ текста и дискурса, теоретический синтаксис, лингвистическая семиотика, семантика и прагматика. Опубликовала более 100 работ: это научные статьи, учебники и учебные пособия, две монографии; *e-mail:* elena_krassina@mail.ru

Жаббалла Махмуд Мустафа Х (Ливия), аспирант третьего года обучения на кафедре общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов, пишет диссертацию в рамках контрастивного и типологического анализа структурно различных языков — английского и арабского.

Bio Note:

Krasina Elena Aleksandrovna. Dr. habilis, Professor of the General and Russian Linguistic Department, Philological Faculty, the RUDN University, is working in the department from 1980. She's teaching theoretical linguistic courses both in Russian and English: Theory and History of Linguistics, General Linguistics, Philology in the System of Humanities, including the applied course of Methods of Linguistic Analysis. *Sphere of scientific research:* theoretical and applied linguistics, text and discourse studies, text analysis, theoretical syntax, linguistic semiotics, semantics and pragmatics. She's got over 100 publications — articles, manuals, monographs; *e-mail:* elena_krassina@mail.ru

Jabballa Mahmoud Mustafa X. (Libya). A third year PhD student of the General and Russian Linguistic Department, Philological Faculty, the RUDN University, the making research in the field of contrastive and typological studies of structurally different language — English and Arabic.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

УДК: 81'374

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-416-438

СРАВНИТЕЛЬНАЯ АВТОРСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ. ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Е.А. Осокина

ФАНО ФГБУН Институт русского языка им. В.В. Виноградова
Российской академии наук (ИРЯ РАН, Москва)
ул. Волхонка, 18/2, Москва, Россия, 119019

В статье впервые представлен уникальный материал сопоставления описания слова ВРЕМЯ в разных авторских словарях, созданных по одной модели, — это идиоглоссарий Достоевского и этноидиоглоссарий Ч. Айтматова. Не существует еще текстовой базы данных всех произведений Ч. Айтматова, не существует этноидиоглоссарий, но прекрасно разработанная структура словарной статьи в идиоглоссарии Достоевского дает возможность, во-первых, создать подобную словарную статью по отдельному произведению другого автора; во-вторых, дает возможность увидеть особенности авторской интенции и его творческой мастерской, даже если творчество разных писателей принадлежит разному времени; в-третьих, дает возможность увидеть широкий лингвокультурный и исторический контекст писательского кругозора. Для сравнения языка двух писателей в данной статье выбраны наиболее содержательные, интересные и пригодные для сопоставления на неполном материале параметры: это частотность слова — существенный показатель для идиоглоссы; это система контекстных значений — дефиниции, — дающая представление о полноте значения слова; это фразеологизмы, имеющие устойчивую форму; это афоризмы — важные показатели типа авторского мышления; это ассоциативные поля, выявленные из словарного контекста идиоглоссы; это фигуры речи, показывающие уровень владения языком и широту прецедентных текстов. Не представлены словники идиоглоссы, так как не имеет смысла сравнивать словник одного произведения и максимально полный словник всех произведений двух авторов. Для сравнения выбраны два автора — русскоязычный и билингв, пишущий на русском и киргизском языках, и это беспрецедентная возможность увидеть творческие и лингвистические особенности каждого на основе русского языка. Такое сопоставление содержит в себе неограниченные перспективы. При словарном описании языка писателя выявляемая «картина мира» каждого из них не зависит от субъективной оценки исследователя, но открывает истину.

Ключевые слова: Чингиз Айтматов; Достоевский; глоссарий; этноидиоглоссарий; целесообразность сравнения; истинная «картина мира»; диалог с читателем

ВСТУПЛЕНИЕ

Заявленная тема нацелена на будущее. Еще нет другого словаря, схожего по структуре словарной статьи и по способу описания языка автора, но уже возможно сопоставить некоторый материал существующего идиоглоссария с предполагаемым этноидиоглоссарием, чтобы понять основополагающие действия и возможные ошибки при описании идиолекта, если неверно заложена текстовая база словаря.

Представление об истории и теории авторской лексикографии дают несколько монографий [1—3], но то, чему посвящена данная статья, не представлено пока нигде. Причина в том, что до сих пор отсутствует платформа для адекватного сопоставления, потому что не существует словаря, подобного «Словарю языка Достоевского. Идиоглоссарию». Идиоглоссарий — дифференциально-распределительный базовый словарь, описывающий идиоглоссы — лексические маркеры индивидуальной манеры процесса созидания в тексте картины мира. Свойство идиоглоссы быть аттрактором — центром притяжения для других слов текста, образующих с ним контекстно-ассоциативное поле [2; 4 «А-В»].

Под руководством доктора филологических наук Нины Леонидовны Чулкиной Кайркул Эсенгуловна Касымалиева создает новый словарь для описания языка Чингиза Айтматова — писателя-билингва, пишущего в определенную эпоху на русском и киргизском языках [5—9]. Модель нового словаря — «Этноидиоглоссария» — разработана на базе «Словаря языка Достоевского. Идиоглоссария», созданного в ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН под руководством чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулова [4 «А-В»].

Феномен проекта «Словарь языка Чингиза Айтматова: Этноидиоглоссарий» представляет собой новую форму лексикографии писателя-билингва и новую форму общекультурного взаимодействия на основе русского языка. Сверхсмысл, заложенный в этом явлении, — в лексической и грамматической семантике, в словнике — и соотносимый с произведением в целом, с его идейным содержанием, темой, сюжетом, а также выходящий в «затекстовое пространство» (подтекст, гипертекст, эпоха, автор и время, культурно-исторический контекст), не укладывается в рамки лексикографии, а претендует на невольно возникающий таким образом диалог культур и цивилизаций.

Основная часть. Для лучшего понимания базовых понятий в сравнительной авторской лексикографии возможны другие определения: ИДИОГЛОССАРИЙ — такой тип словаря языка писателя, который объединяет представление о писателе и представление писателя о мире; единицей описания авторского идиолекта в таком словаре является ИДИОГЛОССА — слово писателя, являющееся ключевым для его понимания, делает автора узнаваемым и открывает «картину мира» автора. Словарь языка писателя соответствует определению Л.В. Щербой словаря писателя как *тезауруса*, то есть *полного* словаря, располагающего всей полнотой цитации, на основании чего и можно строить выводы, соответствующие истинной картине языка писателя [10]. Этот принцип верен для многопараметрового описания слова в словарной статье, выявляющего разнообразные связи слова.

Без сравнения таких параметров разных авторских лексиконов, как статистика, система значений, ассоциативные поля, сочетаемость, фразеология, афоризмы, фигуры речи, прецедентность (апелляция к чужому тексту, скрытая или явная цитация — *Е.О.*) и др., трудно, а часто и невозможно, полноценно описать идиолект автора, который определяется в двух проекциях: личностные природные и приобретенные особенности мировосприятия автора, его знание о мире, и знание мира о нем, то есть то, что делает автора узнаваемым.

I. ЧАСТОТНОСТЬ

Частотный словарь [11], здесь представленный небольшим фрагментом, выполнен по одному произведению писателя Ч. Айтматова [12].

Таблица 1 / Table 1

**Неполный частотный словарь «И дольше века длится день...» /
Incomplete frequency dictionary “And the day lasts more than...”**

1 350	и	33	место	22	Когда	17	рядом
955	в	33	один	21	Все	17	орбитальной
787	на	32	железной	21	может	17	всегда
668	не	32	лишь	21	сколько	17	равно
499	быть	31	нет	21	свете	17	перед
460	с	31	лет	21	среди	17	вместе
398	что	31	голову	21	сын	17	должен
315	как	31	Они	21	очень	17	земли
245	он	31	над	21	дороге	17	совсем
216	все	31	жизни	21	нам	16	которые
193	Едигей	29	всего	21	всю	16	пошел
185	а	29	мог	20	стало	16	разъезд
168	они	29	знал	20	своих	16	детей
145	бы	28	Каранар	20	впереди	16	нем
125	еще	28	после	20	отца	16	других
119	это	28	степи	20	сказал	15	могли
113	свой	28	день	20	времени	15	возможно
111	же	28	тоже	20	чего	15	воды
107	мы	27	снова	20	пути	15	вокруг
105	только	27	Эдильбай	20	вроде	15	эти
99	Но	26	путь	20	вы	15	самое
94	Казангап	26	ведь	20	сарозеки	15	ночью
90	уже	26	пусть	20	два	15	запада
71	я	26	другой	20	той	15	откуда
60	теперь	25	сарозеках	19	Каранара	15	чему
58	Едигей	25	этот	19	Боранлы-	15	таких
54	себя	25	делать		Буранный	15	друг
54	тогда	25	сказать	19	оно	15	дела
53	Вот	24	человека	19	можно	15	пространства
52	потом	24	тому	19	какой	15	дети
48	дело	24	краях	19	поезда	15	всем
47	здесь	24	тебя	19	запад	15	стороны
46	Буранный	23	сразу	19	людей	15	глаза
45	тут	23	тех	19	шли	15	сторону
44	время	23	куда	19	нашей	15	связи
42	Он	23	вдруг	18	планеты	15	востока
42	вот	23	такое	18	прежде	14	жена
42	Мы	22	этой	18	Ана-Бейит	14	верблюда
42	сам	22	уж	18	сарозеков	14	земле
40	станции	22	такого	18	временем	14	стали
40	есть	22	Укубала	18	ноги	14	космос
37	жизнь	22	такие	18	сами	14	что-то
37	человек	22	между	18	ничего	14	разъезда
35	надо	22	сейчас	18	Абуталип	14	годы
35	люди	22	несколько	18	никто	14	края
34	больше	22	мол	18	стал	14	войны
33	Сабитжан	22	потому	18	конечно	13	бог

Источник / Source: [12].

Кроме служебных частей речи и имен собственных самыми частотными являются слова ВРЕМЯ, ЧЕЛОВЕК, ЖИЗНЬ, ПУТЬ, СТАНЦИЯ, ОДИН, ЛЮДИ, ПОЕЗДА, СТЕПЬ, ДЕНЬ, ПЛАНЕТА, ЗЕМЛЯ... Большая частотность — один из показателей для идиоглоссы, но без сравнения с другими произведениями Ч. Айтматова картина будет неполной, а значит и неверной, как и при сравнении с такой же идиоглоссой у Достоевского, где для словаря берутся все контексты словоупотребления и частотность показывает истинную картину произвольного авторского выбора слова.

Таблица 2 / Table 2

**Самые частотные леммы Словаря языка Достоевского [26] в сопоставлении /
The frequency of the Lemma of the Dictionary of the Dostoevsky's language [26] in comparison**

У ДОСТОЕВСКОГО		У ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА	
11 750	ОДИН	128	ЗНАТЬ
10 603	ЗНАТЬ	121	МОЧЬ
10 465	МОЧЬ	103	ОДИН
9 503	ТЕПЕРЬ	95	ВРЕМЯ
9 157	ГОВОРИТЬ	80	ЧЕЛОВЕК
6 890	ДЕЛО	68	ДЕЛО
5 991	ДРУГ	63	ТЕПЕРЬ
5 610	ЧЕЛОВЕК	55	ДЕНЬ
4 821	СЛОВО	49	ГОВОРИТЬ
4 607	ВРЕМЯ	48	РУКА
4 592	НИЧТО	40	СЛОВО
4 214	ДЕНЬ	20	ДРУГ
4 071	РУКА	12	ПОЧТИ
3 427	ЛЮБИТЬ	10	НАРОД
3 379	ПОЧТИ	5	ЛЮБИТЬ
1 798	НАРОД	5	НИЧТО

Источник / Source: [11].

Статистика всегда дает точное представление об авторских приоритетах, часто не явных для читателя. Для лексикографов сегодня интерес к авторской технике связан даже не с тем, что называют «психологией искусства», а с такими лексическими параметрами, которые объективно выявляют технику творения и обнаруживаются при описании слова. Казалось бы, формальный подход, алгебра, поверяющая гармонию... На самом деле — рассудок, идущий вслед за чувством восприятия текста в целом и наоборот — восприятие, подтвержденное рассудком.

Затронутый аспект такого видения относится к «авторской несвободе», или к тому, что не зависит напрямую от намерения автора, то есть к тайне создания произведения, к проблеме творчества. Уже давно при изучении художественного текста самым насущным является вопрос «как сделано произведение».

Вопрос «как это делается?» едва ли не основное, что интересует исследователей, и при этом они занимаются в основном изучением авторских приемов и сопоставлением содержания с культурным контекстом. Есть же вещи, не связанные с авторским приемом и не столь очевидные, но составляющие ту внутреннюю сущность произведения, которая и формирует читательское восприятие.

Мастерство автора-творца отлично тем, что при внимательном чтении и изучении обнаруживается всеохватная структурированность на всех уровнях текста: лексическом, синтаксическом, композиционном, смысловом, — и это отражено

в структуре словарной статьи с Комментарием, где слово — идиоглосса — выступает в самых разнообразных связях, смысловых, контекстных и грамматических. Эта структурированность может быть очевидна — статистика, дефиниции, сочетаемость, риторические фигуры, прецедентные тексты, а может быть неочевидна — скрытые смыслы, вольно или невольно заданные. Именно это лучше выявляется в сравнительной авторской лексикографии.

Но одного частотного словаря недостаточно для выявления любой авторской интенции, то есть того, что можно было бы назвать «приемом», если бы это было осознанно, и чему нет названия, как и сокровенному, но чему может соответствовать термин «техника творения». Наше участие тоже приравнивается к «творению», и мы становимся свидетелями тайны творчества, а значит и со-участниками. Неочевидный, глубинный смысл состоит в том, что если даже в одном частном случае выявляется структура и закономерность, то это проявление общей структурированности и закономерности, системы, в которой раскрывается творческая интенция автора. При этом необходима базовая полнота текстов одного автора.

II. ДЕФИНИЦИИ

II-1. ВРЕМЯ («И дольше века длится день» — 106)

1. Суточный цикл исчисления

Время к полуночи подошло. Едигей вдыхал полной грудью остудившийся воздух ночных сарозеков. Обсуждался вопрос, где следует извлекать иксианскую энергию: на орбитальных станциях в космосе, чтобы затем передавать ее на Землю по геосинхронным орбитам, или же непосредственно на самой Земле. **Время** еще терпело. (0) Они вдруг перестали отвечать на какие бы то ни было сигналы ни в установленное **время** сеансов связи, ни в прочее **время**. (0) Некоторое время тому назад мы стали улавливать среди бесчисленного множества радиоимпульсов, исходящих из космического окружения и в значительной степени от самой земной ионосферы, насыщенной нескончаемыми шумами и помехами, один направленный радиосигнал в узкочастотной полосе, который, будучи самым узким и потому легко выделяемым, заявлял о себе регулярно, всегда в одно и то же **время** и всегда с одинаковыми интервалами. (0) Ровно в назначенный срок, в одиннадцать часов по дальневосточному **времени**, на палубу авианосца «Конвенция» один за другим приземлились два реактивных самолета с особо уполномоченными комиссиями на борту от американской и советской сторон. (0) Перед вылетом к Солнечной системе мы известим о **времени** нашего прибытия на «Паритет». (0) В этой радиограмме в том же категорически-предупредительном тоне предлагалось не вступать с паритет-космонавтами 12 и 21, пребывающими вне Солнечной Галактики, в радиосвязь с целью обсуждения **времени** и возможности их возвращения на орбитальную станцию, впредь ждать указаний Обценупра.

2. Эпоха; пора

Даже по фотографиям можно судить счастливое, отрадное было **время**. Невзгоды послевоенных лет оставались позади, дети еще не вышли из детскости, взрослые все живы-здоровы, и старость еще крылась за горами. (0) А когда пришло

время что-то делать с Каранаром или кастрировать, или держать его в оковах, потому что стал он буяннить страшно, не допуская к себе людей, убегал, пропадал где-то по несколько суток, Казангап прямо сказал Едигею, когда тот стал советовать с ним: Это дело твое. (0) Как понял потом Едигей, этим они жили, этим защищались, взаимно заслоня друг друга и детей от свирепых ветров **времени**. (0) **Времена** наступают такие, что знания потребуются сызмальства. Теперешний вот такой человек с ноготок должен знать столько, сколько прежде здоровенный парень. (0) Рассказывая ученикам восьмого класса о европейской части света, Абуталип Куттыбаев упомянул о том, как однажды вывезли их из концлагеря в Южно-Баварские Альпы на каменоломни и как оттуда им удалось, разоружив охрану, бежать к югославским партизанам, рассказал, что он прошел пол-Европы во **время** войны, бывал на берегах Адриатического и Средиземного морей, хорошо знаком с той природой, с жизнью местного населения и что все это в учебнике невозможно описать. (0) В добрые **времена** быть бы ему красивым, представительным мужчиной. (0) Никто в мире не знал, что на его борту в это **время** решалась глобальная судьба планеты... (0) Коренные сарозекцы казахские номады и в те **времена** не покинули свой край, держались в тех местах, где удавалось добыть воду в заново прорытых колодцах. Но самое оживленное для сарозеков **время** совпало с послевоенными годами. (0) В старые **времена** хоронить сюда привозили порой из таких дальних уголков, что приходилось людям ночевать в степи. Но зато потомки погребенных на Ана-Бейите законно гордились тем, что оказали памяти предков особую почесть. (0) История эта относилась к тем **временам**, когда, вытесненные из южных пределов кочевой Азии, жуаньжуаны хлынули на север и, надолго завладев сарозеками, вели непрерывные войны с целью расширения владений и захвата рабов.

3. Протяженность; полнота событий

Через некоторое **время** мы снова вызовем вас. Будьте готовы. (0) «Уважаемые коллеги, поскольку мы покидаем орбитальную станцию «Паритет» при весьма необычных обстоятельствах, на неопределенное **время**, возможно, на бесконечно долгое, все будет зависеть от целого ряда факторов, связанных с нашим беспрецедентным предприятием, мы считаем своим неременным долгом объяснить мотивы нашего поступка. (0) Но не так скоро свыклись мы с этой мыслью. Сомнения не покидали нас всё это **время**. (0) За такое же **время** лесногрудцы обязуются доставить нас назад, как только мы того пожелаем. (0) Но, находясь продолжительное **время** многие дни и недели в дальнем космосе, откуда земной шар кажется не больше автомобильного колеса, с болью и бессильной досадой мы думаем, что нынешний энергетический кризис, доводящий общество до неистовства, до отчаяния, приближающего иные страны к желанию схватиться за атомную бомбу, это всего лишь крупная техническая проблема, если бы эти страны в состоянии были договориться, что важнее... (0) Крепко привязался к нему Едигей. Возился с ним все свободное **время**. К зиме маленький Каранар заметно подрос, и тогда с наступлением холодов сшили ему теплую попонку, застегивающуюся на подбрюшье. (0) Некоторое **время** слышался еще громкий плач то голосили вслед Айзада и Укубала... (0) Экскаватором углубитесь сколько надо, а под конец

опять вручную возьметесь, отделку, так сказать, завершите. И **время** сэкономите, и соблюдете все правила... (0) Гнать его назад было уже поздно, да и не стоило терять **время** из-за собаки. Пусть себе бежит. (0) Между тем разные мысли навещали Едигея по пути на Ана-Бейит. Поглядывая, как солнце поднималось над горизонтом, отмеряя **времени** течение, вспоминал он все о том же, о житье-бытье былом. (0) Между тем разные мысли навещали Едигея по пути на Ана-Бейит. Поглядывая, как солнце поднималось над горизонтом, отмеряя **времени** течение, вспоминал он все о том же, о житье-бытье былом. (0) Обматерили сарозекскую жизнь на чем свет стоит. Мы, говорят, не арестанты, в тюрьмах и то дают **время** выпасться. И с тем подались, а наутро, когда пошли поезда, свистнули на прощание:

Эй, дуrolомы, хрен вам в зубы! (0) Винтовой летательный аппарат отчалил, и со скоростью света, которая фактически никак не ощущалась внутри корабля, мы двинулись, преодолевая поток **времени**, во Вселенную. (0) Теперь на Абуталипа Кутгыбаева смотрели не только как на бывшего военнопленного, но и как на сомнительную личность, долгое **время** пребывавшую за границей. (0) И что он ничего общего не имеет со мной и тем более с такой личностью, пребывавшей долгое **время** за границей, как Абуталип Кутгыбаев. (0) Когда-то в этих местах обитали недоброй памяти жуаньжуаны, пришельцы, захватившие на долгое **время** почти всю сарозекскую округу. Жили в этих местах и другие кочевые народы, и между ними происходили постоянные войны за выпасы и колодцы. (0)

4. Форма бытия

То была революция в наших представлениях о космической биологии, в наших познаниях строения **времени**, пространства, расстояний... (0) Возможно, они достигли той степени научного развития, когда гуманизация **времени** и пространства становится главным смыслом жизнедеятельности разумных существ и тем самым продолжением эволюции мира в ее новой, высшей, бесконечной фазе. (0) Еще раз повторяю на кого обижаться? На **время** — оно неуловимо. На власть — не имеешь права. (0) Возможно, они достигли той степени научного развития, когда гуманизация **времени** и пространства становится главным смыслом жизнедеятельности разумных существ и тем самым продолжением эволюции мира в ее новой, высшей, бесконечной фазе.

5. Наречие

А сам весь в поту, то холодным, то горячим потом обливается. И язык **временами** не подчиняется слово выговорить тоже большая работа. (0) **Со временем**, с достройкой блоков, на «Паритете» могли бы разместиться более ста человек в весьма комфортабельных условиях, включая постоянный прием телевизионных передач с Земли. (0) По-всякому могло, конечно, обернуться и в городе, возможно, и приспособились бы **со временем** и стали бы они горожанами, как многие другие, но судьбе угодно было распорядиться иначе. (0) Кто мог бы подумать это и был будущий Буранный Каранар. Тот самый неутомимый и могучий, который станет **со временем** знаменитостью округи. (0) ... следует заблаговременно найти во Все-

ленной новую планету, отвечающую их жизненным потребностям, и начать **со временем** массовое переселение на новое местообитание с целью перенесения и возрождения лесногрудской цивилизации. (0) **Со временем** и на нашей Земле люди придут к столь великому прогрессу, и нам есть чем гордиться уже сейчас, (0) ... всякая энергия неминуемо деградирует и любая планета **со временем** обречена на гибель... (0) Сомнения мучили мать, хотя соплеменники начали постепенно забывать об этом, ибо все утраты **со временем** притушаются и подлежат забвению... И только она, мать, не могла успокоиться и забыть.

II-2. СЯД: ВРЕМЯ <4788: худож. — 2558, публиц. — 1016,
письма — 1198, офиц.письма — 16>

1. Имеющая начало и конец длительность, вмещающая в себя какие-л. события, факты или их осознание; жизнь.

§§ К тому же разбитые члены господина Голядкина, чадная голова, изломанная поясница и злокачественный насморк сильно свидетельствовали и отстаивали всю вероятность вчерашней ночной прогулки, а частью и всего прочего, приключившегося **во время** этой прогулки. (Дв 144) Кофею вас не прошу-с, не место; но минуток пять **времени** почему не посидеть с приятелем, для развлечения, — не умолкая сыпал Порфирий, — и знаете-с, все эти служебные обязанности... (ПН 258) [И. Карамазов] У нас с тобой еще бог знает сколько **времени** до отъезда. Целая вечность **времени**, бессмертие! (БрК 212)

2. Определенный момент, запечатленное мгновение в прошлом, настоящем или будущем; точка смены событий.

§§ [Доброселова] В это **время** отворилась дверь, и Покровский вошел к нам в комнату. (БЛ 37) В это **время** свечка совершенно потухла. (Дв 178) Девушки [Епанчины] хоть и негодовали отчасти про себя на слишком уже сильный испуг и такое явное бегство мамыши, но в первое **время** сумятицы беспокоить ее вопросами не решались. (Ид 292) [Старец Зосима] И нечего смущать себя **временами** и сроками, ибо тайна времен и сроков в мудрости Божией, в предвидении его и в любви его. (БрК 61)

3. Неограниченная длительность бытия в человеческом восприятии и ощущении прошлого, настоящего и будущего.

§§ [Лебедев] **Время** тут ничего не значит... даже и для возмездия физического... но я нравственную... нравственную пощечину получил, а не физическую! (Ид 438) [Кириллов] **Время** не предмет, а идея. Погаснет в уме. (Бс 188) [Кириллов] Я часы остановил, было было тридцать семь минут третьего. — [Ставрогин] В эмблему того, что **время** должно остановиться? (Бс 189) Этим способом сапоги носятся, в среднем выводе, на треть **времени** дольше. (Пд 69) [Д. Карамазов] Эк у вас **времени**-то много записывать! (БрК 422) Брат, — прервал Алеша, замирая от страха, но все еще как бы надеясь образумить Ивана, — как же мог он говорить тебе про смерть Смердякова до моего прихода, когда еще никто и не знал о ней, да и **времени** не было никому узнать? (БКа 88) [Смешной человек] Я не помню, сколько **времени** мы неслись, и не могу представить: совершалось все так, как всегда во сне, когда перескакиваешь через пространство и **время** и через

законы бытия и рассудка и останавливаешься лишь на точках, о которых грезит сердце. (СЧ 110)

4. Эпоха, период в истории государства, общества и народов (то же что во мн. ч. **времена**).

§§ [Девушкин] Событие прямо **из времен** Ивана Грозного, как вы видите. (БЛ 52) [Голядкин] А нежностей, сударыня, нынче не любят, в наш промышленный век; дескать, прошли **времена** Жан-Жака Руссо. (Дв 222) [Горянчиков] Он наслаждался им и, как истаскавшийся в наслаждениях, полинявший патриций **времен** Римской империи, изобретал себе разные утонченности, разные противуестественности, чтоб сколько-нибудь расшевелить и приятно пощекотать свою заплывшую жиром душу. (ЗМ 148) [Илья Петрович] Нынче, впрочем, очень много нигилистов распространилось; ну да ведь оно и понятно; **времена-то** какие, я вас спрошу? (ПН 408) [С.Т. Верховенский] Я, разумеется, не про Игорево **время** говорю. (Бс 32) [Хроникер] Ему [Гаганову] понравились замки, средневековая жизнь, вся оперная часть ее, рыцарство; он чуть не плакал уже тогда от стыда, что русского боярина **времен** Московского царства царь мог наказывать телесно, и краснел от сравнений. (Бс 224)

5. Постоянно повторяющаяся часть суток или года, пора; погода.

§§ [Девушкин] Вам, может быть, такая материя не нравится, да и мне вспоминать не так-то легко, особливо теперь: **время** сумерки. (БЛ 21) Несмотря на то, что **время** было сырое и пасмурное, он [Голядкин] опустил оба окна кареты и заботливо начал высматривать направо и налево прохожих, тотчас принимая приличный и степенный вид, как только замечал, что на него кто-нибудь смотрит. (Дв 112)

6. Момент, показывающий соотношенность, начало или конец событий, поступков, состояния, их последовательность или одновременность, как правило в составе союзного сочетания.

§§ Этот скверный анекдот случился именно в то самое **время**, когда началось с такою неудержимую силою и с таким трогательно-наивным порывом возрождение нашего любезного отечества и стремление всех доблестных сынов его к новым судьбам и надеждам. (СА 5) [Парадоксалист] По крайней мере мне было стыдно, все **время** как я писал эту *повесть*: стало быть, это уж не литература, а исправительное наказание. (ЗП 178) За ним можно было бы, однако, послать куда-нибудь, а впрочем, наверно, он сам сейчас явится и, кажется, именно в то самое **время**, которое как раз отвечает некоторым его ожиданиям и, сколько я по крайней мере могу судить, его некоторым расчетам. (Бс 144)

7. В составе наречного сочетания.

§§ Записал Алексей Федорович Карамазов некоторое **время** спустя по смерти старца на память (БрК 260).

При указании на время Достоевский нередко пользуется стилистическим приемом *амплификации* (нагнетанием внутри высказывания синонимических тропов или повторяющихся однородных членов предложения и конструкций) и внутрифразовым членением — *характеризмом*, — усиливая речевую, смысло-

вую и образную напряженность. Часто бывает довольно трудно классифицировать фигуры речи, так как текст — одно предложение, иногда два — представляет собой усложненную конструкцию, включая несколько фигур, что представляет собой *параллелизм* при соотнесенности слов или конструкций. ::ровно год тому назад, ровно в это же **время**, в этот же час, по этому же тротуару бродил так же одиноко БН 119 когда была настоящая пора, настоящее **время**, лет назад тому... НН 266 всё **время** мое в остроге, все эти несколько лет <...> с боязливостью надевал халат ЗМ 136 устал за всё это **время**, за весь этот месяц ПН 355 [оставить Лизу] сначала только на **время**, на срок ВМ 39 именно за последнее **время**, за последние дни <...> восклицал про себя Пд 219 все **время**, все восемь лет, не могла забыть обиды БрК 13)

III. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ

Это устойчивые идиоматические (в широком смысле) словосочетания или предложные сочетания. Картина сопоставления фразеологизмов идиолекта двух писателей весьма интересна, часто совпадает, несмотря на почти столетнюю эпохальную разницу русского языка и не только, но при полноте текстовой базы словаря Достоевского — исключая письма и публицистику, чтобы уравнивать авторов хотя бы по жанру, — и неполноте базы словаря Ч. Айтматова, истинного представления не получается.

III-1. Этноидиоглоссарий: «И дольше века длится день...»

(1) **Тем временем :: Тем временем** на дистанционном щите загудел, заморгал красным светом сигнализатор к разъезду Боранлы-Буранный приближался новый состав. (0) **Тем временем** сто семнадцатый встал на запасную линию. С другого конца подошел нефтеналивной состав одни цистерны. (0) Укубала то и дело порывалась принять на себя большую часть работы, чтобы он отдохнул немного, посидел в стороне, а **тем временем** сама нагружала тачку и катила ее на верх бурта. (0)

(2) **В последнее время ::** Сказать, конечно, было что, мало ли дел перед похоронами, всего сразу не сообразишь, но оглядывался он не поэтому, просто именно сейчас он обратил внимание с огорчением, как состарилась, ссутулилась жена **в последнее время**, и это очень заметно было в желтой дымке тусклого путевого освещения.

(3) **В настоящее время ::** В настоящее **время** в научных кругах Лесногрудии ведется общепланетная дискуссия следует ли наращивать усилия в попытках разгадать тайну внутреннего иссыхания и искать способы приостановки этой потенциальной катастрофы или же следует заблаговременно найти во Вселенной новую планету, отвечающую их жизненным потребностям, и начать со временем массовое переселение на новое местообитание с целью перенесения и возрождения лесногрудской цивилизации. (0)

(4) **На (какое-то) время ::** Поезда разминулись, один ушел на восток, другой на запад. Опустели **на какое-то время** разъездные пути Боранлы-Буранного.

(5) К тому времени :: Машинист охотно согласился выполнить эту просьбу из уважения к памяти Казангапа, тем более на Кумбеле пересмена поездных бригад, и обещал даже на обратном пути подвезти Айзаду с семьей, если она **к тому времени** успеет. (0) **К тому времени** попутным товарняком прибыла на похороны отца и Айзада со своим мужем. (0) Громыхая в темноте на крыльце то ли порожнее ведро, то ли еще что-то путалось под ногами, он с ходу надел свои кирзачи, похолодевшие **к тому времени** на открытом воздухе, и пошел домой огорченный и обозленный. (0) **К тому времени** Айзада уже народилась. (0)

(6) В то (же) время :: Восхищаясь увиденным, он **в то же время** понимал, что для него это постороннее дело, вызывающее и удивление, и страх. (0) Объединенный центр управления Обценупр **в то время** напряженно следил за выходом обоих кораблей на орбиту «Трамплин».

(7) В те времена :: Иные есть грамотеи, историей признают только то, что написано на бумаге. А если **в те времена** книги еще не писались, тогда как быть?.. (0) И в тот же день двинулись они вместе с Казангапом в сарозеки, на разъезд Боранлы-Буранный, благо сборы у Едигея и Укубалы даже **по тем временам** были недолги. Собрали вещички и в путь-дорогу.

(8) В добрые времена :: В добрые времена быть бы ему красивым, представительным мужчиной.

(9) Некоторое время спустя/назад :: Тем более не знал он и не мог предполагать, что **некоторое время спустя** вслед за кораблем, стартовавшим с Сары-Озека, на другом конце планеты, в Неваде, поднялся с космодрома американский корабль с той же задачей, на ту же станцию «Паритет», на ту же орбиту «Трамплин», только с обратным ходом обращения. **Некоторое время тому назад** мы стали улавливать среди бесчисленного множества радиоимпульсов, исходящих из космического окружения и в значительной степени от самой земной ионосферы, насыщенной нескончаемыми шумами и помехами, один направленный радиосигнал в узкочастотной полосе, который, будучи самым узким и потому легко выделяемым, заявлял о себе регулярно, всегда в одно и то же время и всегда с одинаковыми интервалами.

(10) Всё время :: Если же не рисковать, чтобы не заплутаться, случаем, в степи, то лучше ехать обычной колеей, что **все время** сопутствует железной дороге, но тогда расстояние до кладбища еще больше увеличится. (0) Я «Маяк» **всё время** на волне держал, ни слова не сказали даже... (0) Они обследовали станцию шаг за шагом, при этом **всё время** докладывая о своих наблюдениях. (0) ехать **всё время** на глазок, спрямляя путь по сарозекам. (0) Только к полудню того дня добрался в Жангельди, **всё время** идя берегом моря. (0) ...мол, у ребенка краснуха, штука эта коварная, надо дите потеплее завернуть в одеяла, стеганные из верблюжьей шерсти, да держать в полной темноте, да поить **всё время** водицей остуженной, а там, как бог даст, если выдержит жар, то выживет. А она, невезучая бейбак, не послушалась аульных старушек. (0) ... не помнит, бедняга, не знает имени своего, ни отца, ни матери, ни того, что с ним сделали жуаньжуаны, откуда сам родом, тоже не знает. О чем ни спросишь, молчит, ответит только «да», «нет» и **всё время** за шапку держится, плотно надетую на голову. Хотя и грешно, но и над увечьем люди смеются. (0)

(11) Свободное время :: Вспомнилось, что Сабитжан вырос у него на глазах, мальчонкой был, любимцем отца был, возили его учиться в кумбельскую школу-интернат для детей железнодорожников, как выпадало **свободное время**, наезжали проведать то попутным составом, то верхами на верблюдах.

(12) Времени в обрез :: Рассуждал он подобным образом, а сам вроде бы оправдывался, что дела у него срочные да важные ждут на работе и **времени в обрез**, известное дело, начальству какая забота, далеко ли, близко ли здесь кладбище, велено явиться на службу в такой-то день, в такой-то час, и все тут.

(13) Время от времени :: От рук отбился, злодей, и вот теперь выражал свое недовольство свирепо разевая зубастую пасть, вопил **время от времени**: старая история снова неволя, а к ней надо привыкать. (0) Лишь **время от времени** они давали знать о себе резкими одинокими выкриками и надолго умолкали затем в горячем, зыблящемся мареве.

(14) Время покажет :: Вдвоем-то, говорит, вы вполне заработаете на жизнь. А там здоровье вернется, **время покажет**, заскучаете, подадитесь куда получше...

(15) До поры до времени :: Качественно новое осмысление структуры мироздания, открытие нового обитаемого пространства, существование еще одного мощного очага умственной энергии подвели нас к выводу, что **до поры до времени** нам необходимо воздержаться оповещать землян о нашем открытии, исходя из новых понятий заботы о Земле.

III-2. СЯД

(1) Время дорого :: Второе, если хотите мне что-нибудь объявить, — потому что мне всё это **время** казалось, что вы как будто хотите мне что-то сказать, — то объявляйте скорее, потому что **время дорого** и, может быть, очень скоро будет уже поздно. (ПН 358) См. также Бс 195

(2) Время терпит/не терпит(ждет) :: Здравствуй; пойдём; на реке будет буря, а **время не ждёт**. (Хз 300) И вдруг у вас настала минута, когда **время уже не терпело**. (УО 315)

Да об чем вас спрашивать, — закудахтал вдруг Порфирий Петрович, тотчас же изменяя и тон, и вид и мигом перестав смеяться, — да не беспокойтесь, пожалуйста, — хлопотал он, то опять бросаясь во все стороны, то вдруг принимаясь усаживать Раскольникова, — **время терпит, время терпит-с**, и все это одни пустяки-с! (ПН 257) Но все было впереди, **время терпело, время все терпело**, и все должно было прийти со временем и своим чередом. (Ид 15) **Время терпит**. (Ид 23)

(3) Время от времени / от времени до времени :: Все-таки приятно **от времени до времени** себе справедливость воздать. (БЛ 48) Особое отделение тоже осталось при остроге, и в него всё еще **от времени до времени** присылались тяжкие преступники военного ведомства, впредь до открытия в Сибири самых тяжелых каторжных работ. (ЗМ 219)

(4) Во время оно :: Да, маточка, и на нас **в оно время** блажь находила. (БЛ 60) [Голядкин-младший] Для тебя, Яков Петрович, я готов переулочком (как справедливо **в оно время** вы, Яков Петрович, заметить изволили) (Дв 201)

Повторю тебе: я достаточно **в оно время** вскакивал в совесть других — самый неудобный маневр! (Пд 241) Сколько, например, надо было погубить душ и опозорить честных репутаций, чтобы получить одного только праведного Иова, на котором меня так зло поддели **во время оно!** (БКа 82)

(5) **За известное время** :: И, во-первых, по моему мнению, младенец слишком мал, то есть не крупен, так что **за известное время** светских младенцев потребовалось бы втрое, впятеро большая цифра, нежели духовных, так что и грех, если и уменьшался с одной стороны, то в конце концов увеличивался с другой, не качеством, так количеством. (Ид 314)

(6) **Во всякое время** :: И вперед ко мне, всегда ко мне, когда нужно; так-таки прямо ко мне и иди **во всякое время**. (СС 34) ... являлась в зеленом шелковом платье со шлейфом, а шиньон расчесывала в локоны и букли, тогда как **во всякое** другое **время** доходила до самоуслаждения в своем неряшестве. (Бс 301)

(7) **(Во) все время** :: Одно только меня поразило: что он вовсе как будто не про то говорил, **во все время**, и потому именно поразило, что и прежде, сколько я ни встречался с неверующими и сколько ни читал таких книг, все мне казалось, что и говорят они и в книгах пишут совсем будто не про то, хотя с виду и кажется, что про то. (Ид 182) Шатов, разговаривая, **все время** по обычаю своему упорно смотрел в землю, даже когда и горячился. (Бс 112)

(8) **В мое (его) время** :: Я придирался к словам, читал между строчками, старался находить таинственный смысл, намеки на прежнее; отыскивал следы того, что прежде, **в мое время**, волновало людей, и как грустно мне было теперь на деле сознать, до какой степени я был чужой в новой жизни, стал ломтем отрезанным. (ЗМ 229) Господи, да у меня даже не было таких волос **в мое время!** (Ид 271) Он не был бы сам собою, если бы обошелся без дешевенького, каламбурного вольнодумства, так процветавшего **в его время**, по крайней мере теперь утешил себя каламбурчиком, но ненадолго. (Бс 100)

(9) **В настоящее время** :: Зато **в настоящее время** эта подкладка была пропитана всеми возможными неприятными соками, примочками, пролившеюся водою из прорезанных мушек и проч. (ЗМ 135) Да вы что думаете, что я с насмешкой пишу, виню кого-нибудь, что вот-де «**в настоящее время**, когда и т.д., а вы за границей крестьянский вопрос идет, а вы за границей!» и т.д. и т.д. (ЗЗ 63)

(10) **В незапамятное время/времена** :: Неизвестно для чего и когда, **в незапамятное время**, устроен был тут из диких нетесаных камней какой-то довольно смешной грот. (Бс 456)

(11) **В одно и то же время** :: Я узнаю в этих словах моего прежнего, умного, старого, восторженного и вместе с тем цинического друга; одни русские могут в себе совмещать, **в одно (и то же) время**, столько противоположностей. (Иг 313) ... **в одно и то же время** и выходивший из себя, и ощущавший непомерное наслаждение. (Ид 310) Ваше предположение о том, что все это произошло **в одно и то же время**, почти верно; ну, и что же из всего этого? (Бс 197)

(12) **В последнее время** :: Старикашка Ежевикин еще жив и **в последнее время** все чаще и чаще стал посещать свою дочь. (СС 166) **В последнее время** она часто выставляла свечу... (УО 226) В последний год, и особенно **в самое последнее время**, эта грустная мысль стала все более и более в ней укрепляться. (Ид 271)

(13) Временем/временами :: Он был бледен и тяжело переводил дух; руки его тряслись, и нервическая дрожь пробегала, **временем**, по всему его телу. (СС 81)

Вот почему ему и могло казаться **временами**, что вся мука Грушеньки и вся ее нерешимость происходит тоже лишь оттого, что она не знает, кого из них выбрать и кто из них будет ей выгоднее. (БрК 329)

(14) В самое короткое время / В самом непродолжительном времени :: Пусть это будет, говорит, за вами долг, и как только получите место, то **в самое короткое время** можете со мной поквитаться. (Пд 145)

Выйдя из университета, я жил некоторое время в Петербурге, покамест ничем не занятый и, как часто бывает с молокососами, убежденный, что **в самом непродолжительном времени** наделаю чрезвычайно много чего-нибудь очень замечательного и даже великого. (СС 18)

(15) В свое время :: <...> господин Голядкин кончил тем, что обещал завтра же зайти непременно или даже сегодня прислать за сторгованным, взял номер лавки и, выслушав купца, хлопотавшего о задаточке, обещал **в свое время** и задаточек. (Дв 122) Женишки же, сударыня, **в свое время** найдутся, — вот оно как! (Дв 221) Так же и я процветал **в свое время**, так же и я соблазнял. (ЧЖ 73) Обвинения нелепые, которые и пали **в свое время** сами собой и у нас, и повсеместно. (БрК 82) Объяснять нечего, **в свое время** узнаешь. (БрК 144)

(16) В те времена :: Замечу кстати, что прежде, в довольно недавнее прошлое, всего лишь поколение назад, этих интересных юношей можно было и не столь жалеть, ибо **в те времена** они почти всегда кончали тем, что с успехом примыкали впоследствии к нашему высшему культурному слою и сливались с ним в одно целое. (Пд 453)

(17) В то же (самое) время (=одновременно) :: Как будто изумление отразилось на лице Катерины; но как будто **в то же время** злость и презрение впервые с такой силой отразились в глазах ее. (Хз 310) То есть я и верю, пожалуй, но **в то же самое время**, неизвестно почему, чувствую и подозреваю, что я вру как сапожник. (ЗП 121) В кухне, которая **в то же время** была и переднею, послышался легкий шум, как будто кто-то вошел. (УО 244) В самом деле, нет ничего досаднее, как быть, например, богатым, порядочной фамилии, приличной наружности, недурно образованным, неглупым, даже добрым, и **в то же время** не иметь никакого таланта, никакой особенности, никакого даже чудачества, ни одной своей собственной идеи, быть решительно «как и все». (Ид 384)

(18) До поры до времени/до времени :: Вы не знаете, нет, вы не знаете вполне этих людей, по крайней мере, **до времени!**.. (ДС 318) Я слышал тоже от Алеши, что отец его сам, может быть, женится, хоть и отвергает эти слухи, чтоб не раздражить **до времени** графини. (УО 218) Но довольно: **до времени** ничего об этом! (Пд 307) Многое смущало его, многое казалось подозрительным, но давая свои показания судебному следователю, Иван Федорович **до времени** умолчал о том разговоре. (БКа 43)

(19) До предела времен :: [Лебедев] Дьявол одинаково властвует человечеством **до предела времен**, еще нам неизвестного. (Ид 311)

(20) Найти (находить) время :: [Ростанев] Точно ты, брат Григорий, не мог уж и **времени** другого найти для своих жалоб? (СС 102) [Ростанев] Нашел **время** хохотать! (СС 134)

(21) Наст(уп)ало/пришло время/времена :: Господин Голядкин понял, что **время** гривенников **наступило**. (Дв 189) [Нелли] Все, бывало, целует меня, а сама [мать Нелли] говорит: все узнаешь; **придет время**, узнаешь, бедная, несчастная! (УО 298) Он [Раскольников] спешил к Свидригайлову. Чего он мог надеяться от этого человека — он сам не знал. Но в этом человеке таилась какая-то власть над ним. Сознав это раз он [Раскольников] уже не мог успокоиться, а теперь к тому же и **пришло время**. (ПН 353) [Версилов] Я уехал скорее в гордости, чем в раскаянии, и, поверь тому, весьма далекий от мысли, что **настало** мне **время** кончить жизнь скромным сапожником. (Пд 374)

(22) Наше время/в наше время :: [Евгений Павлович] По моему личному мнению, защитник, заявляя такую странную мысль, был в полнейшем убеждении, что он говорит самую либеральную, самую гуманную и прогрессивную вещь, какую только можно сказать **в наше время**. (Ид 279) [С.Т. Верховенский] **Наше время** настанет опять и опять направит на твердый путь все шатающееся, теперешнее. (Бс 24) [Версилов] Ты, Аркадий, как юноша **нашего времени**, наверно, немножко социалист; ну, так поверишь ли, друг мой, что наиболее любящих праздность — это из трудящегося вечно народа! (Пд 87) [И. Карамазов] И множество, множество самых оригинальных русских мальчиков только и делают, что о вековечных вопросах говорят у нас **в наше время**. (Брк 213)

(23) Одно время :: [Маслобоев] Прикидывался я перед ним **одно время** ужаснейшим простофилей, а наружу показывал, что хитрю. (УО 439) Матушка, — сказал Рогожин, поцеловав у нее руку, — вот мой большой друг, князь Лев Николаевич Мышкин; мы с ним крестами поменялись; он мне за родного брата в Москве **одно время** был, много для меня сделал. (Ид 185)

(24) Отжить (свое) время :: [Князь Мышкин] Мне надо было видеть самому и лично убедиться: действительно ли весь этот верхний слой русских людей уж никуда не годится, **отжил свое время**, иссяк исконною жизнью и только способен умереть, но все еще в мелкой, завистливой борьбе с людьми... будущими, мешая им, не замечая, что сам умирает? (Ид 457)

(25) Первое время :: [Ростанев — Сереже] Ты только теперь, **первое время**, спрячься куда-нибудь... побудь где-нибудь — и ничего, все пройдет. (СС 59) [Иван Петрович] Дворник на **первое время** обещался приходить хоть по разу в день, прислужить мне в каком-нибудь крайнем случае. (УО 177)

(26) По временам/временами :: [Доброселова] **По временам** меня клонил сон, в глазах зеленело, голова шла кругом, и я каждую минуту готова была упасть от утомления, но слабые стоны матери пробуждали меня, я вздрагивала, просыпалась на мгновение, а потом дремота опять одолевала меня. (БЛ 37) Незнакомец курил и, не вынимая сигары изо рта, значительно кивал головою, взглядывая **по временам** на господина Голядкина. (Дв 216) **По временам** ему [Раскольни-

кову] хотелось кинуться и тут же на месте задушить Порфирия. (ПН 262) От этой болезни, со страшными истерическими припадками, большая [С.И. Карамазова] **временами** даже теряла рассудок. (БрК 13)

(27) **Последнее время :: Последнее время** почти каждую ночь сряду сходились. (СС 113) Все неестественное напряжение его в этот день, и без того уже при сильном расстройстве здоровья за **последнее время**, как-то вдруг порвалось, и он обессилел, как ребенок. (ВМ 95)

(28) **По тогдашнему времени ::** [Лебедев] Спрашивается, какие муки ожидали его [преступника] **по тогдашнему времени**, какие колеса, костры и огни? (Ид 315)

(29) **В прежнее время ::** [Васин:] ...все это могло случиться точно так же и **в прежнее время**, и нисколько, по-моему, не характеризует особенно собственно теперешнюю молодежь. (Пд 149)

(30) **Проводить(ся) время ::** Цепеня и леденя от ужаса, просыпался герой наш и, цепеня и леденя от ужаса, чувствовал, что и наяву едва ли веселее **проводится время...** (Дв 187) [Ростанев] И, признаюсь, никогда еще так весело не **проводил время**. (СС 73) [Ипполит] Знаете что, Лизавета Прокофьевна, вы хотели, кажется, князя к себе вести чай пить; останьтесь-ка здесь, **проведемте время** вместе, а князь наверно нам всем чаю даст. (Ид 240)

(31) **С незапамятных времен ::** [Девушкин] И ведь это всё с **незапамятных времен** каждый божий день повторяется. (БЛ 47) Способствовало эффекту и то, что господин Прохарчин вдруг, ни с того ни с сего, быв с **незапамятных времен** почти все в одном и том же лице, переменял физиономию... (ГП 245) Это был очень маленький и очень плотненький французик, лет сорока пяти и действительно парижского происхождения, разумеется из сапожников, но уже с **незапамятных времен** служивший в Москве на штатном месте, преподавателем французского языка, имевший даже чины, которыми чрезвычайно гордился, — человек глубоко необразованный. (Пд 97)

(32) **Со временем ::** [Свидригайлов] Большою шельмой может быть **со временем**, когда вздор повыскачет, а теперь *слишком* уж жить ему хочется! (ПН 390)

(33) **Старое доброе время ::** [Хроникер] По хлебосольству его [Ивана Осиповича] и гостеприимству ему бы следовало быть предводителем дворянства **старого доброго времени**, а не губернатором в такое хлопотливое время, как наше. (Бс 38) [Хроникер] Но все-таки с тех пор прошло много лет, и нервная, измученная и раздвоившаяся природа людей нашего времени даже и вовсе не допускает теперь потребности тех непосредственных и цельных ощущений, которых так искали тогда иные, беспокойные в своей деятельности, господа **доброе старого времени**. (Бс 165)

(34) **Тем временем ::** [Ежевикин] А мы уж с Настей **тем временем** и в поход-с... (СС 142) **Тем временем** ссора шла все дальше и дальше. (УО 185) **Тем временем** [Ф.П. Карамазов] встал с места и озабоченно посмотрел в зеркало (может быть, в сороковой раз с утра) на свой нос. (БрК 157)

(35) **Терять время** :: [Мизинчиков] Впрочем, я, кажется, уж все рассказал вам [Сережа] об этих делах и, признаюсь, ужасно не люблю сплетен, тем более что мы только **теряем** драгоценное **время**. (СС 95) «Я только хотел заявить, — заволновался гимназист ужасно, — что предрассудки хотя, конечно, старая вещь и надо истреблять, но насчет именин все уже знают, что глупости, и очень старо, чтобы **терять** драгоценное **время**, и без того уже всем светом потерянное, так что можно бы употребить свое остроумие на предмет более нуждающийся...» (Бс 305) [Аркадий] Мне тоже нечего было **время терять**: во что бы ни стало надо было бежать искать квартиру, — теперь нужнее чем когда-нибудь! (Пд 150)

(36) **Убить время** :: [Горянчиков] Смотришь на него целый час и стараешься угадать, о чем он думает, чтобы тоже как-нибудь **убить время**. (ЗМ 165) [Свидригайлов] Можно рассказывать? Да и **время убьем**. (ПН 363)

IV. АФОРИЗМЫ

Афоризмы отличаются выразительностью и неожиданностью суждения и содержат глубокую, скрытую, авторскую мысль, скорректированную персонажем. Поэтому по количеству и качеству афоризмов можно судить об отношении автора к определенному феномену. Одно произведение ни в коей мере не дает представления о афористичности/неафористичности мышления автора, тогда как только полный объем произведений представит верную картину.

IV-1. «И дольше века длится день...» [Сомнения мучили мать, хотя соплеменники начали постепенно забывать об этом, ибо] все утраты **со временем** притупляются и подлежат забвению...

IV-2. СЯД: [Фома] Хорошее **время** не с неба падает, а мы его делаем; оно заключается в сердце нашем... (СС 89) [Иван Петрович] **Время** — самый лучший разрешитель! (УО 292) [Парадоксалист] Всякий порядочный человек нашего **времени** есть и должен быть трус и раб... И не в настоящее время, от каких-нибудь там случайных обстоятельств, а вообще **во все времена** порядочный человек должен быть трус и раб. (ЗП 125) [Настасья Филипповна] **Времени** верь — все пройдет! (Ид 144) [Макар Иванович] Старец же должен быть доволен во всякое **время**, а умирать должен в полном цвете ума своего, блаженно и благолепно, насытившись днями, воздыхая на последний час свой и радуясь, отходя, как колос к снопу, и восполнивши тайну свою. (Пд 287) [Аркадий] В наше **время** — наплевать на все общие принципы; в наше **время** не общие принципы, а одни только частные случаи. (Пд 360) [Старец Зосима] Не ненавидьте атеистов, злоучителей, материалистов, даже злых из них, не токмо добрых, ибо и из них много добрых, наипаче в наше **время**. (БрК 149) [Отец Паисий]...рассудку всегда придет **время** у человека неглупого... (БрК 307)

V. АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ (ЭТНО)ИДИОГЛОССЫ «ВРЕМЯ»

Ассоциативные поля весьма иллюстративны в перекрестном сравнении. Создаются они в словарной статье на материале самой статьи, то есть уже отобранном тексте. Процентная составляющая иллюстраций в каждой статье разная,

более или менее полная, но, несмотря на многоуровневый семантический и грамматический фильтр при отборе иллюстративного материала для словарной статьи из полного конкорданса, поле ассоциаций получается адекватным, достаточным и характерологичным. Ассоциативные поля выявляют семантические оттенки авторского слова.

V-1. «И дольше века длится день...» Бесконечно, вода, Вселенная, горизонт, железная дорога, жить, забвение, забывать, знания, интервал, к полуночи, кладбище, колесо, космос, море, мысль, надолго, ночные сарозеки, подрасти, прибытие, природа, пространство, радиоимпульсы, регулярно, сборы недолги, связь, сеанс, скорость, Солнечная система, старость, судьба, фаза, фотография, хоронить, цивилизация, эволюция, энергия.

V-2. СЯД: апокалипсис, бессмертие, будущее, век, вероятность, весна, вечернее богослужение, вечная идея, вечность, воображать, вспоминать, вчерашний день, вчерашний, год, Гомер, девятилетнее супружество, Древняя Русь, жизнь земная, жить, завтра, завтрак, зажить, законы бытия и рассудка, заниматься, знание, Игорево время, идея, идти, история, каждый раз, крепостное право, лето, материя, мгновение, минута, момент, монастырские службы, Московское царство, надежда, настоящее, начать, начинает светать, ночь, нынче, обедать, ожидание, ожидать, осень, отживший, панихида, перерыв, помнить, последние времена, праздник, представлять, предчувствие, прежнее, препровождение, приближение к разлуке, припоминать, пространство, прошлое, Римская империя, сегодня, сезон, смерть, событие, средневековая жизнь, сроки, судьба, сумерки, сутки, тайна времен, терять, тотчас, точка, Троя, ужинать, университет, целые шесть лет, часы, чувствовать.

VI. ФИГУРЫ РЕЧИ

Это особым образом выстроенные высказывания, синтаксические конструкции, которые придают речи стилистическую значимость, образность и выразительность, изменяют ее эмоциональную окраску. К ним относятся амплификация, гипербола, градация, инверсия, ирония, параллелизм, парцелляция, риторические высказывания, тропы, хиазм и др. [13—15; 18]. Как правило, это особенность монологической речи и чаще встречается в монологах автора в художественном тексте и публицистике.

VI-1. ГРАДАЦИЯ — *расширительное описание, при котором знаки препинания внутри предложения синтаксически оправданны, но наблюдается семантическое усиление словосочетаний, которые не обязательно являются однородными членами предложения* [12; 9].

ХАРАКТЕРИЗМ — *фигура, сходная с ГРАДАЦИЕЙ, но отличающаяся тем, что отдельные слова или словосочетания дают зрительное и эмоциональное представление, складываясь в «картину», образ внутри предложения, соединяясь последовательно, а знаки препинания при этом выглядят произвольным, синтаксически не оправданными* [12].

«**И дольше века длится день...**» :: «Уважаемые коллеги, поскольку мы покидаем орбитальную станцию „Паритет“ при весьма необычных обстоятельствах, на неопределенное **время**, возможно, на бесконечно долгое, все будет зависеть от целого ряда факторов, связанных с нашим беспрецедентным предприятием, мы считаем своим неперменным долгом объяснить мотивы нашего поступка. (0) «Уважаемые коллеги, поскольку мы покидаем орбитальную станцию „Паритет“ при весьма необычных обстоятельствах, на неопределенное **время**, возможно, на бесконечно долгое, все будет зависеть от целого ряда факторов, связанных с нашим беспрецедентным предприятием, мы считаем своим неперменным долгом объяснить мотивы нашего поступка. (0)

СЯД :: Он [Раскольников] стоял, смотрел и не верил глазам своим: дверь, наружная дверь, из прихожей на лестницу, та самая, в которую он давеча звонил и вошел, стояла отпертая, даже на целую ладонь приотворенная: ни замка, ни запора, все **время**, во все это **время!** (ПН 66) [Разумихин Раскольникову] Так как мы уже теперь заговорили ясно (а это отлично, что заговорили наконец ясно, я рад!) — то уж я тебе прямо теперь признаюсь, что давно это в них замечал, эту мысль, во все это **время**, разумеется, в чуть-чуть-чутошном только виде, в ползучем, но зачем же хоть и в ползучем! (ПН 206) Он [князь Мышкин] стоял и всматривался минуту или две; оба [князь Мышкин и Рогожин], во все **время**, у кровати [убитой Настасьи Филипповны] ничего не выговорили; у князя билось сердце так, что, казалось, слышно было в комнате, при мертвом молчании комнаты. (Ид 503) Было ему [отцу Ферапонту] лет семьдесят пять, если не более, а приживал он за скитскую пасекой, в углу стены, в старой, почти развалившейся деревянной келье, поставленной тут еще в древнейшие **времена**, еще в прошлом столетии, для одного тоже величайшего постника и молчальника, отца Ионы, прожившего до ста пяти лет и о подвигах которого даже до сих пор ходили в монастыре и в окрестностях его многие любопытнейшие рассказы. (БрК 151)

VI-2. ПАРАЛЛЕЛИЗМ — *однородное синтаксическое построение двух и более предложений или частей их* <...> [16; 15] в энциклопедии «Русский язык» [17; 15].

«**И дольше века длится день...**» :: Некоторое **время** тому назад мы стали улавливать среди бесчисленного множества радиоимпульсов, исходящих из космического окружения и в значительной степени от самой земной ионосферы, насыщенной нескончаемыми шумами и помехами, один направленный радиосигнал в узкочастотной полосе, который, будучи самым узким и потому легко выделяемым, заявлял о себе регулярно, всегда в одно и то же **время** и всегда с одинаковыми интервалами. Поначалу мы не обращали на него особого внимания. (0) Еще раз повторяю на кого обижаться? На **время** — оно неуловимо. На власть — не имеешь права. (0)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

(1) Сделанные наблюдения при сопоставлении параметров описания идиоглоссы ВРЕМЯ в словаре языка двух писателей показывают и доказывают обязательную необходимость в максимально полной текстовой базе данных писателя.

По определению Л.В. Щербы, только на базе словаря писателя как *тезауруса*, то есть *полного* словаря, располагающего всей полнотой цитации, можно строить выводы, соответствующие истинной картине языка писателя [2]. На базе одного или нескольких произвольно выбранных произведений возможно расписать идиоглоссу — ключевое слово авторского менталитета — по характерологическим параметрам, показать особенность авторского слова во всех его когнитивных, прецедентных, риторических, стилистических, грамматических параметрах, но невозможно представить истинную «картину мира» автора.

(2) Сопоставление двух и более авторских идиоглоссариев — русскоязычного писателя и писателя-билингва особенно — позволяет точнее и правдоподобнее сделать выводы по особенностям авторского идиолекта.

(3) Без сравнения языка писателей, представленного в идиоглоссариях по единой схеме, закреплённой в структуре словарной статьи, невозможно максимально точно сформулировать особенности языка писателя в определённую историческую эпоху, при этом словари языка писателей XIX—XX—XXI вв. могут быть сопоставлены друг с другом.

© Осокина Е.А.

Дата поступления: 20.02.2018

Дата приема в печать: 26.02.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Отечественные лексикографы XVIII—XX вв. / Под ред. Г.А. Богатовой. М.: Наука, 2000.
2. Русская авторская лексикография XIX—XX веков. М.: Азбуковник, 2003. С. 42.
3. *Шестакова Л.Л.* Русская авторская лексикография: теория, история, современность. М.: Языки славянской культуры, 2011.
4. Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; главный редактор чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулов. А—В. М.: АЗБУКОВНИК, 2008. С. 870—909. Г—З. М.: АЗБУКОВНИК, 2010. И—М. М.: АЗБУКОВНИК, 2012.
5. *Касымалиев Б.Ж., Касымалиева К.Э.* Лексикографическое представление авторской картины мира // Языки. Народы. Культуры. Материалы научно-практической конференции. Москва, 27—28 октября 2016 г. М.: РУДН, 2016. С. 57—67.
6. *Касымалиева К.Э.* Ассоциативное текстовое поле этнокультурной идиоглоссы «конь-иноходец» в повести «Прощай, Гульсары!» Ч. Айтматова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка, Семиотика. Семантика. 2016. № 3. С. 36—43.
7. *Касымалиева К.Э.* Этнокультурная идиоглосса ГОРЫ в авторской языковой картине мира Чингиза Айтматова // Вопросы психолингвистики. 2017. № 2 (32). С. 150—158.
8. *Чулкина Н.Л., Касымалиева К.Э.* Текстовое ассоциативное поле этнокультурной идиоглоссы «Игра» (на материале повести Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!») // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. М., 2016. № 3(15). С. 55—67.
9. *Чулкина Н.Л., Касымалиева К.Э.* Идиоглоссарий как тип словаря писателя // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 3. С. 141—145.
10. *Баранов А.Н.* Основы фразеологии. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. С. 4.

11. Шайкевич А.Я., Андрющенко В.М., Ребецкая Н.А. Статистический словарь языка Достоевского. М., 2003. С. 515.
12. [Электронный ресурс] Чингиз Айтматов. «И дольше века длится день...» // www.litmir.me/br/?b=50366&p=1 (дата обращения: 07.03.2018).
13. Словарь литературоведческих терминов. Редакторы-составители Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. М.: Просвещение, 1974.
14. [Электронный ресурс] Словарь литературных терминов // Словари и энциклопедии на Академике: http://literary_terms.academic.ru (дата обращения: 15.02.2018).
15. [Электронный ресурс] Википедия. Фигура речи // Словари и энциклопедии на Академике: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1164892> (дата обращения: 23.03.2018).
16. Осокина Е.А. Фигуры речи в комментарии словарной статьи идиоглоссария Достоевского // Материалы Всероссийской научной конференции «Слово. Словарь. Словесность: Литературный язык вчера и сегодня (к 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова)». Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена. 16—17 ноября 2011 г. СПб.: САГА, 2012. С. 95—101.
17. Русский язык. Энциклопедия. Изд-е 2-е, переработанное и дополненное. Глав. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Большая Российская энциклопедия, 1997.
18. Осокина Е.А. Параллелизм: риторика или поэтика, проза или стих, особый прием или система? // «Слово Достоевского 2014. Идиостиль и картина мира». Коллективная монография / Российская академия наук. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова; под общей редакцией Е.А. Осокиной. М.: ЛЕКСПУС, 2014.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ПСС — Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 т. — Л.: Наука, 1972—1986.
СЯД — Словарь языка Достоевского
АССЦ — ассоциативное поле
АФРЗ — афоризмы
Бб — Бобок (1873 г.)
Бл — Бедные люди (1845 г.)
БКа — Братья Карамазовы (Кн. 11—12)
БрК — Братья Карамазовы (Кн. 1—10)
БН — Белые ночи (1848 г.)
Бс — Бесы (1871 г.)
Дв — Двойник (1846 г.)
ДП — Статьи из «Дневника писателя» (1873—1881 гг.)
ЗЗ — Зимние заметки о летних впечатлениях (1863 г.)
ЗМ — Записки из Мертвого дома (1862 г.)
Кт — Кроткая (1876 г.)
НН — Неточка Незванова (1849 г.)
ПН — Преступление и наказание (1866 г.)
Пб — Публицистика
Пс — Письма
СС — Село Степанчиково и его обитатели (1859 г.)
ТРП — тропическое, образное, слово
УО — Униженные и оскорбленные (1861 г.)
Хз — Хозяйка (1847 г.)

УДК: 81'374

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-416-438

THE AUTHOR'S COMPARATIVE LEXICOGRAPHY: PROBLEM STATEMENT. OPPORTUNITIES AND PROSPECTS

Elena A. Osokina

The V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
18/2, Volkhonka, Moscow, Russia, 119019

Abstract. The paper first presents the unique material matching the description of the word TIME in different author's dictionaries, created one model — in is the idioglossarium of Dostoevsky and etnoidioglossarium of Ch. Aitmatov. There are no textual database of all works of Chingiz Aitmatov, there is no etnoidioglossarium, but perfectly designed structure of a dictionary entry in the idioglossarium of Dostoevsky gives the possibility, firstly, to create a similar entry on a separate piece of another author; secondly, it gives an opportunity to see the peculiarities of the author's intention and his creative workshop, even if the work of different writers belongs to the different epochs; thirdly, it gives an opportunity to see the broad linguocultural and historical context of the writer's Outlook. To compare the language of two writers in this article the most informative, interesting and suitable parameters for comparison on incomplete material are chosen: this word frequency is a significant indicator for idioglossa; this is a system of contextual values — definitions — giving an idea of the completeness of the meaning of the word; this is the phraseology that has a stable form; it is the aphorisms — are important indicators of the author's thinking; this is an associative field, identified vocabulary from the context of the idioglossa; there are figures of speech showing the level of language proficiency and the breadth of precedent texts. Not represented vocabulary of idioglosses, as it does not make sense to compare the wordlist of a single work and the most complete Glossarium of all the works of the two authors. For comparison, two authors were chosen — Russian-speaking and bilingual, writing in Russian and Kyrgyz languages, and this is a unique opportunity to see the creative and linguistic features of each on the basis of Russian. This comparison contains unlimited perspectives. The dictionary description of the writer's language reveals the worldview (“picture of the world”) of each of them does not depend on the subjective assessment of the researcher, but reveals the truth.

Keywords: Chingiz Aitmatov; Dostoevsky; idioglossarium; etnoidioglossarium; the appropriateness of the comparison; a true worldview; a dialogue with the reader

REFERENCES

1. Bogatova, G.A. (Ed.) (2000). Russian lexicographers of the XVIII—XX centuries. Moscow: Nauka. (in Russ).
2. Russian author lexicography of the XIX—XX centuries (2003). Moscow: Azbukovnik, 42. (in Russ).
3. Shestakova, L.L. (2011). Russian author lexicography: theory, history, modernity. Moscow: Languages of Slavic Culture. (in Russ).
4. Dictionary of Dostoevsky's language. Idioglossary. (2008—2012). Russian Academy of Sciences. Institute of the Rus. yaz. them. V.V. Vinogradova; Yu.N. Karaulov (Ed.). Moscow: AZBUKOVNIK. (in Russ).
5. Kasymaliev, B.Zh. & Kasymalieva, K.E. (2016). Lexicographic representation of the author's picture of the world In Languages. Peoples. Cultures. Materials of the scientific-practical conference. Moscow, October 27—28, 2016. Moscow: RUDN Universty, 57—67. (in Russ).
6. Kasymalieva, K.E. (2016). Associative text field of ethnocultural idiogloss “horse-pioneer” in the story “Farewell, Gulsary!” By Ch. Aitmatov. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 7(3), 36—43. (in Russ).

7. Kasymaliev, K.E. (2017). Ethno-cultural idioglossa of the MOUNTAIN in the author's language picture of the world of Chingiz Aitmatov, *Questions of psycholinguistics*, 2(32), 150—158. (in Russ).
8. Chulkina, N.L. & Kasymaliev, K.E. (2016). Textual associative field of the ethnocultural idio-gloss “Game” (based on the story by Ch. Aitmatov “Farewell, Gulsary!” In *Scientific notes of the National Society of Applied Linguistics*, 3(15), 55—67. (in Russ).
9. Chulkina, N.L. & Kasymaliev, K.E. (2015). Idioglossary as a type of writer's dictionary. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 6(3), 141—145. (in Russ).
10. Baranov, A.N. (2014). Fundamentals of phraseology. Moscow: Flinta: Nauka, 4. (in Russ).
11. Shaikevich, A. Ya., Andryushchenko, V.M. & Rebetskaya, N.A. (2003). Statistical dictionary of Dostoevsky's language. Moscow, 515. (in Russ).
12. Chingiz Aitmatov. And more than a century lasts a day... URL.: www.litmir.me/br/?b=50366&p=1 (accessed: 07.03.2018). (in Russ).
13. Dictionary of literary terms. (1974). L.I. Timofeev & S.V. Turaev (Ed.). Moscow: Prosveshhenie. (in Russ).
14. Dictionary of literary terms In *Dictionaries and encyclopedias on Academica*. URL.: http://literary_terms.academic.ru (accessed: 15.02.2018). (in Russ).
15. Wikipedia. Figure of speech In *Dictionaries and encyclopedias on Academica*. URL.: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1164892> (accessed: 23.03.2018). (in Russ).
16. Osokina, E.A. (2012). Figures of speech in the commentary of the dictionary article of the idioglossary of Dostoevsky. In Materials of the All-Russian scientific conference “Word. Dictionary. Literature language yesterday and today (on the occasion of the 300th anniversary of MV Lomonosov)”. St. Petersburg, RSPU named by A.I. Herzen. November, 16—17, 2011. SPb.: SAGA, 95—101. (in Russ).
17. Russian language. Encyclopedia (1997). Yu.N. Karaulov (Ed.). Moscow. (in Russ).
18. Osokina, E.A. (2014). Parallelism: rhetoric or poetics, prose or verse, special reception or system? In “The Word of Dostoevsky 2014. The idiostyle and the picture of the world”. Collective monograph. Russian Academy of Sciences. Institute of Russian language. V.V. Vinogradova, E.A. Osokina (Ed.). Moscow: LEXRUS. (in Russ).

Для цитирования:

Осокина Е.А. Сравнительная авторская лексикография: постановка проблемы. Возможности и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 2. С. 416—438. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-416-438.

For citation:

Osokina, E.A. (2018). The author's comparative lexicography: problem statement. Opportunities and prospects. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (2), 416—438. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-416-438.

Elena A. Osokina, 2018. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (2), 416—438. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-416-438.

Сведения об авторе:

Осокина Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник ФАНО ФГБУН Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук; научные интересы: лексикография, e-mail: ruslang@ruslang.ru

Bio Note:

Elena A. Osokina, Candidate of Philology, Senior Researcher at the V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences; *Scientific Interests*: lexicography, e-mail: ruslang@ruslang.ru

УДК: 81'374

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-439-450

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СЛОВАРЯ В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И УЧЕБНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Н.М. Несова¹, Л.Я. Бобрицких²

¹Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

²Воронежский государственный университет
ул. Университетская площадь, 1, Воронеж, Россия, 394018

Статья посвящена основным вопросам изучения современной лексикографической науки, ее теоретическому и учебному направлению. Рассматриваются понятие лексикографии, основные типы словарей русского и английского языка. Анализируются лингвоцентрический и антропоцентрический подходы к изучению науки.

Отличительными особенностями учебной лексикографии являются учет методических требований, специфика подхода к отбору материала в словари. В лексикографической практике воплощаются теоретические поиски в области изучения способов выявления и семантизации культурной информации.

Изучаются практический и теоретический подходы в рассмотрении макроструктуры двуязычных словарей. Приводится описание основ лексикографического конструирования, планирования и организации словарной работы. Соотношение в словаре лингвистической и внелингвистической информации является значимым вопросом для современной лексикографии. Двуязычные словари рассматриваются как хранилище культуры с одной стороны, а с другой — как мосты между разными культурами, представляя не только языковые формы, но и культурные факты. Включение культуроведческого компонента в состав словарной статьи соответствует антропоцентрической направленности современной лексикографической науки.

В статье рассматриваются основные типы и специфика двуязычных словарей, их типологические функции, основанные на классификации навыков пользователя.

Ключевые слова: теоретическая и учебная лексикография, макроструктура словаря, двуязычный словарь, лексические единицы, эквиваленты, критерий активности/пассивности, экстралингвистические параметры

ВВЕДЕНИЕ

Словари играют важную роль в различных сферах деятельности человека, способствуют повышению правильности и выразительности речи носителей языка, отражают знания, накопленные лингвокультурным обществом на протяжении всей истории его развития. Особую функцию словари выполняют в сфере образования, выступают посредниками между обществом и пользователем словаря, они необходимы для устранения расхождений между индивидуальным и коллективным сознанием.

Обращение к анализу словарных параметров позволяет извлечь лексикографическую информацию о слове, способах ее отражения в словарной статье, а также установить общность и специфичность лексикографической традиции в целом.

По мнению Ю.Д. Апресяна, «отличительной чертой современной лексикографии является синтез филологии и культуры в широком смысле слова», чем во многом и объясняется лексикографическая деятельность в современной лингвистике.

Для современной лексикографии характерен повышенный интерес к историко-культурной информации, который отражается в появлении новых типов словарей — этнолингвистических, лингвострановедческих, лингвокультурологических, культурологических. Кроме того, культурная информация начинает включаться в традиционные типы словарей, в том числе и двуязычные словари [1].

К настоящему моменту обширная лексикографическая практика предоставляет разнообразный и богатый материал, касающийся принципов представления языковых явлений в словарях различных типов. Тем не менее, многие вопросы, имеющие как теоретическое, так и практическое значение, еще не могут считаться однозначно решенными.

Одним из таких вопросов является вопрос о принципах отбора, классификации и лексикографической интерпретации языкового материала в двуязычном словаре. Двуязычные словари дают возможность изучать чужие языки, познавать иные культуры. Постоянно развивающееся межкультурное взаимодействие, укрепляющиеся контакты между представителями различных лингвокультур, обуславливают актуальность дальнейшего изучения специфики двуязычного словаря.

В Оксфордском словаре английского языка «*словарь*» определяется как «книга, работающая с отдельными словами языка (или определенными их группами), предоставляя сведения об их описании, произношении, значении и функционировании, синонимах, этимологии или, как минимум, часть этих сведений; для удобства пользования слова расположены в определенном порядке, сейчас в большинстве языков алфавитном, в словарях большего объема информация иллюстрируется цитатами из художественных произведений».

Лексикография занимается целым спектром вопросов, касающихся написания словарей и их структуры. Несмотря на то, что термин «лексикография» вошел в научный обиход сравнительно недавно, искусство создания словарей является достаточно древним. Еще в Шумерской культуре (XXVII—XXV вв. до н.э.) люди пытались дать объяснение малопонятым словам, составляя словники (глоссарии, вокабулярии).

Начало так называемого «раннего словарного периода» относится к XVI веку. Именно в это время появляются словари такого типа, к которым мы привыкли. С середины XX века накопленный практической лексикографией опыт начинает обобщаться и систематизироваться, что приводит к появлению теоретической лексикографии. Неслучайно Р. Хартмаан определяет лексикографию как «развивающееся научное направление с практическим (создание словарей) и теоретическим (исследование словарей) разделами» [2].

Практическая лексикография выполняет социально значимые функции, обеспечивает обучение языку как родному, так и неродному; описание и нормализацию родного языка; межъязыковое общение; научное изучение лексики языка.

Теоретическая лексикография предполагает определение основ лексикографического конструирования, описание планирования и организации словарной работы, выработку и формирование правил лексикографирования; разработку макроструктуры словаря (отбор лексики, принципы расположения слов в словарных статьях, включение в корпус словаря несобственно лексикографических материалов, например, иллюстраций и т.п.); разработку микроструктуры словаря (отдельных словарных статей).

Герберт Виганд, говоря о теоретической лексикографии (*meta-lexicography*), определяет ее предмет как совокупность трех видов лексикографической деятельности:

- 1) планирование словаря (*the dictionary plan*);
- 2) разработка основы (*the lexicographic file*);
- 3) написание текста словаря (*dictionary*) [3].

Одним из центральных вопросов теоретической лексикографии является вопрос об основных типах словарей и об их специфике.

Для выделения типов словарей используются следующие критерии:

- 1) охват лексического материала: является ли словарь общим или ограниченным определенными условиями, включены ли в словарь региональные и социальные диалекты, жаргоны, сленг, архаизмы;
- 2) количество представленных языков: одноязычные, двуязычные, многоязычные словари;
- 3) характер словарных статей: являются ли они только лексическими или энциклопедическими;
- 4) временной критерий: диахронические (динамические) или синхронические (статичные) словари;
- 5) расположение словарных статей: алфавитное, семантическое;
- 6) цель словаря;
- 7) специфика пользователя.

Как известно, двумя основными типами словарей являются энциклопедические и лингвистические словари. В энциклопедических словарях содержится информация о предметах, понятиях, явлениях, а в лингвистических — информация о словах, называющих предметы, понятия, явления. Лингвистические словари подразделяются на одно-, дву-, и многозначные. В одноязычных словарях слова объясняются посредством слов того же языка. В многозначных и двузначных словарях значения слов одного языка объясняются посредством сопоставления со словами другого языка.

Двуязычная переводная лексикография долгое время носила исключительно практический характер. Проблемы, связанные с написанием многоязычных словарей, рассматривались, как правило, в статьях в сборниках по проблемам лексикографии или во вступительных статьях к словарям. Однако современная теоретическая лексикография характеризуется возрастающим интересом к проблемам составления двуязычных словарей.

Традиционно двуязычный словарь называли переводным, и действительно, на протяжении длительного времени перевод текстов был основной целью созда-

ния таких словарей. Двухязычные словари возникли в связи с развитием политических, экономических, культурных связей между народами. Такой словарь предоставляет пользователю сведения о лексике и грамматике другого языка, а также понятия об иной культуре, ином видении мира.

Р. Хартманн и Г. Джеймс понимают под двухязычным словарем «тип словаря, который соотносит лексический состав двух языков посредством переводных эквивалентов, в противоположность одноязычному словарю, в котором толкования даются на одном языке... Предоставляя лексические эквиваленты, двухязычный словарь помогает изучающим язык и переводчикам читать или создавать тексты на иностранном языке. Однако поиск подходящих лексических эквивалентов является достаточно сложной задачей, особенно в плане языков, связанных с отличающимися культурами» [4].

Традиционным стало определение двухязычного словаря, данное Л. Згуста: «Основной целью двухязычного словаря является соотнести лексические единицы одного языка с теми лексическими единицами другого языка, которые эквивалентны им в лексическом значении» [5].

Приведенные определения дают возможность сделать следующие выводы:

- 1) двухязычный словарь соотносит лексические системы двух языков;
- 2) значение лексической единицы исходного языка передается посредством эквивалента в языке перевода;
- 3) установление эквивалентности между лексическими единицами двух разных языков является сложной задачей, особенно если эти языки представляют очень далекие друг от друга культуры.

В настоящее время существует большое разнообразие двухязычных словарей. Традиционно их разделяют на две большие группы: общие словари, переводящие общую лексику с одного языка на другой; и научные, научно-технические и технические словари, включающие в основном термины по различным отраслям науки и техники или узкоспециальную терминологию.

Б.Т. Аткинс, М. Раделл разделяют двухязычные словари на однонаправленные (*unidirectional*) и двунаправленные (*bidirectional*) [6]. Данное разграничение связано со структурой словаря и, как следствие, влияет на функции и значение этих словарей для пользователей. Например, в однонаправленном англо-французском словаре есть один текст, при этом исходным языком (*source language*) является английский, а языком перевода (*target language*) — французский.

Иначе дело обстоит с двунаправленными словарями, в которых есть два текста: в одном языке-источнике выступает английский, а языком перевода — французский, во втором — наоборот.

Далее, как утверждают авторы, различаются и функции однонаправленных и двунаправленных словарей. В случае однонаправленного словаря для носителя исходного языка словарь является «*кодирующим*» (активным) словарем, а для носителя языка перевода — «*декодирующим*» (пассивным) [6]. Из двух текстов двунаправленного словаря каждый выполняет одновременно две функции — кодирующую и декодирующую.

Сходные идеи высказывались и в русской теоретической лексикографии. Так, например, В.Г. Гак утверждал, что задачей пассивного словаря является раскрытие значения слова, а в активном словаре пользователь не ищет разъяснения значений, а скорее, рекомендации, позволяющие ему найти наиболее точный эквивалент в родном языке [7]. Поэтому в словаре активного типа должны быть представлены семантические и грамматические изменения слов при переходе из языковой системы в речь. Различия же между эквивалентами зачастую связаны не только с этими изменениями, но и с историко-культурным фоном, функционированием языка в определенной культурной общности. Об этом же говорит и Ю.Д. Апресян, указывая, что в словаре должны присутствовать такие характеристики слова, которые будут способствовать не только пониманию слова, но и правильному употреблению.

Разграничение активных и пассивных словарей также связано с различными навыками, выработке которых у пользователей они способствуют. По мнению Т. Пиотровски, основные навыки пользователя двуязычного словаря могут быть разделены на пассивные (декодирующие) и активные (кодирующие); пассивными являются навыки понимания текста на языке перевода и перевод текста с языка перевода на исходный язык, активными — перевод текста с исходного языка на язык перевода и создание текста на языке перевода [8].

На классификации навыков основана типология функций двуязычного словаря, представленная в работе Дж. Магдана, который выделяет:

- 1) понимание текста на иностранном языке без перевода на родной язык (понимание текста на языке перевода);
- 2) перевод текста с родного языка на иностранный (понимание текста на исходном языке, создание текста на языке перевода);
- 3) создание текста на иностранном языке без опоры на текст на родном языке (производство текста на языке перевода);
- 4) перевод текста с иностранного языка на родной язык (понимание текста на языке перевода, создание текста на исходном языке) [9].

В зависимости от своего размера двуязычные словари содержат две части, два раздела, которые либо соединены в одной, либо разделены на две книги.

Один раздел приводит лексемы исходного языка и их эквиваленты в языке перевода, другой, напротив, представляет лексемы языка перевода и их эквиваленты в исходном языке. Такая комбинация материалов, касающихся двух языков, предполагает возможность успешного использования данных словарей носителями обоих языков. Однако, как справедливо отмечает К. Марелло, «то, что двуязычный словарь состоит из двух частей, ... не гарантирует того, что он действительно является двунаправленным в том смысле, что соответствует требованиям пользователей-представителей двух языковых сообществ» [10].

Двунаправленный словарь должен содержать объяснения как на исходном, так и на языке перевода. Грамматическая информация также относится к числу постоянных компонентов. То же самое касается фонетической транскрипции.

Помимо критерия активности/пассивности существуют другие критерии выделения групп двуязычных словарей. Так, А. Ал-Казими формулирует семь

бинарных оппозиций, три из которых можно отнести к двуязычной лексикографии, а именно: словари разговорного и литературного языка, словари для «живого» и машинного перевода, и, наконец, общие и специализированные словари [11].

В настоящее время языкознание претерпевает «лексикографический бум», который отражает как наметившееся осознание ценности культуры, так и чисто прагматические запросы. Сверхзадачей же современной лексикографии является отражение воплощенной в данном языке «наивной» картины мира [12], а главной тенденцией современной лексикографии является стремление к включению экстралингвистической информации в толковые словари. По мнению исследователей, «отражение в толковом словаре необходимой экстралингвистической информации только увеличивает информационный потенциал словарной статьи, позволяет более полно показать разные аспекты бытования слова» [13]. Эта позиция соответствует современным представлениям о постоянном взаимодействии языковых и энциклопедических знаний в значении слова.

Таким образом, сложилась теория общей лексикографии, практической лексикографией накоплен богатый опыт описания языка, а в ее недрах заявило о себе новое направление — учебная лексикография.

Под учебной лексикографией понимается комплексная лингвометодическая дисциплина, содержанием которой являются теоретические и практические аспекты описания языковых единиц в словарях и других произведениях словарного типа в учебных целях [13]. Фундаментальным свойством учебной лексикографии является ее антропоцентрический характер, т.е. осознанная направленность на удовлетворение потребностей учащихся.

В качестве основных разделов учебной лексикографии обычно выделяются:

- 1) теория и практика создания учебных словарей;
- 2) теория и практика создания лексических минимумов;
- 3) теория и практика создания учебной лексикостатистики;
- 4) теория и практика создания учебных пособий по лексике лексикографического типа;
- 5) теория и практика презентации и семантизации лексики в словаре учебника и в поурочных словарях.

Традиционно выделяют два типа учебных словарей:

- 1) учебные словари, ориентированные на язык;
- 2) учебные словари, ориентированные на того, кто будет ими пользоваться.

Задача словарей первого типа состоит «в детальной и всесторонней лексикографической разработке определенного лексического массива с учетом того только факта, что читателями являются иностранцы» [13]. Задача же учебных словарей второго типа состоит в «лексикографическом представлении данных, которые зафиксированы в словарях первого типа, препарированных с учетом конкретных особенностей нерусского читателя (возраст, языковая подготовка, профессиональные интересы, родной язык и т.п.)» [13]. Таким образом, создание словарей, ориентированных на язык, должно предшествовать созданию словарей, ориентированных на конкретного читателя.

П.Н. Денисов дает следующее определение учебному словарю — это «книга, содержащая упорядоченный по тому или иному принципу перечень слов, отвечающая методическим требованиям, оформляемая, как правило, в виде одно небольшого по формату тома и обеспечивающая быстроту и легкость наведения справок» [14]. Кроме того, автор рассматривает параметры учебного словаря, выделяет критерии отбора лексики для учебных словарей, предлагает типологию учебных словарей. Исследователь также определяет параметры, согласно которым можно оценить любой учебный словарь:

1) назначение словаря;

2) внутрilingвистические параметры словаря — единица (уровень) описания, аспект (сторона) описания, охват материала (характер «выреза» из лексической системы языка). Внутрilingвистические параметры являются главными и определяющими для любого учебного словаря;

3) экстралингвистические параметры словаря сближают учебный словарь с энциклопедией. Именно в силу экстралингвистических параметров в учебных словарях появляются такие единицы описания, как предметы материальной культуры, концепции духовной культуры, страноведческий и культурный компоненты, а также аспекты описания, как характер отражения логических категорий в данном языке, отражение средствами языка различных концептуальных картин мира [15].

Исходя из трех вышеперечисленных параметров, П.Н. Денисов предлагает следующую классификацию учебных словарей:

1) **по назначению:**

— *общие* (для всех, изучающих русский язык);

— *специализированные* (для детей, юношества, школьников, студентов, туристов, ученых и т.д.);

2) **по внутриязыковым параметрам:**

— словари, организованные по единицам (уровням) языка (словари морфем, слов, словосочетаний);

— словари, организованные по аспектам (сторонам) языка, а также по функционально-семантическим категориям (лексические, словообразовательные, грамматические, функционально-семантические);

— словари ономаσιологические и семасиологические (синтезирующие и анализирующие модели языка);

— словари элементарной, основной, активной, пассивной, всей лексики языка;

— словари общераспространенной и специальной лексики;

— словари нейтральной и стилистической маркированной лексики;

— одноязычные;

— двуязычные;

3) **по экстралингвистическим параметрам:**

— учебные энциклопедии (словари собственных имен, поговорок, пословиц, крылатых выражений, сентенций и т.п.) [15].

Необходимо отметить, что в учебный словарь должны входить «различного рода сведения, связанные не столько со словом как таковым, сколько с его усвоением учащимися: частность или иные показатели важности слова, связи данного

слова с другими словами (парадигматические — системные, синтагматические — текстовые, ассоциативные — связанные с хранением в памяти), орфография, морфемный состав, иногда этимология, соотношение с соответствующими по семантике словами родного языка и др. [16].

Современная лексикография представляет собой словарную индустрию, которая удовлетворяет потребность в самых разнообразных типах информации о слове. Эта наука развивается по двум основным направлениям. Одно — создание специализированных словарей, в которых содержалась бы информация только одного типа (например, только о происхождении слова либо о его написании). Другое — создание «комплексных» словарей, которые включали бы по возможности все сведения о слове: не только давали бы толкование его значения, грамматические характеристики, правила произношения и написания, но и описывали смысловые связи его с другими словами (синонимами, антонимами), особенности его употребления в разных стилях речи. Иногда для полноты в такие комплексные словари включают и энциклопедические сведения о вещи, которую называет слово.

Разрабатываются различные типы словарей и в зависимости от того, кому они адресуются (академические, учебные, для широкого пользования, словари-справочники для профессионалов в разных сферах деятельности, словари для различных технических, прикладных целей).

ВЫВОДЫ

Словари играют важную роль в решении проблемы «язык и культура». С одной стороны, словарь — это «моментальный снимок вечно обновляющегося и находящегося в движении языка» [17], с другой — это феномен культуры, который «не только отражает современную культуру, но и фиксирует ее предшествующие состояния» [18].

В целом, типы учебных словарей соответствуют основным типам филологических словарей. Главное их отличие заключается в том, что учебные словари обладают обучающей направленностью и используются как одно из средств обучения. Учебные словари антропоцентричны. Их главная задача — помочь человеку в формировании языка как принадлежности сознания и в эффективном использовании этого языка [19].

Двуязычные словари представляют собой особые лексикографические издания, представляющие единицы одного языка и их эквиваленты в другом языке. Различные типы двуязычных словарей направлены на формирование различных навыков у пользователей-носителей исходного языка и языка перевода. Традиционным является разделение двуязычных словарей на активные (двунаправленные) и пассивные (однаправленные).

Двуязычный словарь устанавливает связи между двумя языками, соответственно, он также выявляет соотношение между двумя культурами: «левосторонняя часть двуязычного словаря, как правило, представляет список культурных фактов, закодированных лексемами исходного языка, а правосторонняя часть содержит параллельный список эквивалентных культурных фактов из другого языка». Скон-

центрированная в виде помет лексикографическая информация позволяет представить сложную и многогранную картину слова-лексемы не только в словаре, но и в языке и речи.

Для современной лексикографии значимым является вопрос о соотношении в словаре лингвистической и внелингвистической (энциклопедической, страноведческой и т.п.) информации. Двухязычные словари рассматриваются как хранилище культуры, с одной стороны, а с другой — как мосты между разными культурами.

Связь между культурой и словарями (как одноязычными, так и многоязычными) была ясно сформулирована Р. Робертсом, который указывает, что «словари представляют не только язык, но и культуру. Словари представляют культуру, потому что слова связаны с культурой. Таким образом, словари, которые представляют собой архив слов языка, на самом деле представляют культуру, заключенную в языке» [1].

© Несова Н.М., Бобрицких Л.Я.

Дата поступления: 20.09.2017

Дата приема в печать: 20.01.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Несова Н.М.* Представление словарной статьи в двухязычных словарях // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. № 3. С. 202—208.
2. *Hartmann R.R.K.* Teaching and Researching Lexicography (Applied Linguistics in Action Series). Harlow: Pearson Education Limited, 2001.
3. *Wiegand H.E.* On the Structure and Content of a General Theory of Lexicography // Proceedings Papers from the International Conference on Lexicography. Exeter 9—12 September, 1983. P. 13—20.
4. *Hartmann R.K., G. James.* Dictionary of lexicography. New York: Routledge, 1998. P. 49—54.
5. *Zgusta L.* Manual of lexicography. Prague: Academia, 1971.
6. *Atkins B.T., Rundell M.* Oxford Guide of Practical Lexicography. New York: Oxford University Press, 2008. P. 540.
7. *Гак В.Г.* Социокультурный аспект двухязычных словарей // Словарь и культура. М., 1995. С. 53.
8. *Piotrowski T.* Problems in bilingual lexicography. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1994. P. 235—267.
9. *Mugdan J.* “On the typology of bilingual dictionaries”, in: Symposium on lexicography V. Proceedings of the Fifth International. Symposium on Lexicography May 3—5, 1990 at the University of Copenhagen. Tübingen: Max Niemeyer Verlag. K. Hyldgaard-Jensen—A. Zettersten (eds.), 1992. P. 17—24.
10. *Marello C.* The Bilingual Dictionary: Definition, History, bidirectionality, in *Lexicography: Critical Concepts*. Vol. 2: Reference works across time, space and languages. London: Routledge. Reinhard Rudolf Karl Hartmann (ed.), 1999. P. 325—342.
11. *Al-Kasimi A.* Linguistics and bilingual dictionaries. Leiden: E.J. Brill, 1997. P. 246—273.
12. *Landau S.I.* Dictionaries: The Art and Craft of Lexicography. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 86.
13. *Морковкин В.В.* Основы теории учебной лексикографии: дис. ... докт. филол. наук. М., 1990.

14. *Денисов П.Н.* Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974.
15. *Денисов П.Н.* Типология учебных словарей // Проблемы учебной лексикографии / Под ред. П.Н. Денисова и В.В. Морковкина. М., 1977. С. 23—42.
16. *Супрун А.Е.* Некоторые свойства учебного словаря и словарь для обучающего // Научно-методические основы составления учебных словарей русского языка для нерусских и проблемы обучения лексике. М., 1976. С. 94—111.
17. *Апресян Ю.Д.* Избранные труды: В 2-х т. М.: Языки русской культуры, 1993.
18. *Дубчинский В.В.* Искусство создания словарей: Конспекты по лексикографии. Харьков: Харьковское лексикографическое общество, 1994.
19. *Морковкин В.В.* Антропоцентрический versus лингвоцентрический подход к лексикографированию // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М., 1988. С. 133—141.
20. *Герд А.С.* К определению понятия словарь // Проблемы лексикографии. СПб., 1977. С. 58—63.
21. *Минаева Л.В.* Лексикология и лексикография английского языка. М.: АСТ, Астрель, 2007.
22. *Hartmann R.K.* On Theory and Practice // *Lexicography: Principle and Practice.* London; New York: Academic Press, 1983. P. 3—11.
23. *Lehman C.* *Lexicography.* [Электронный ресурс] http://www.christianlehmann.eu/ling/ling_meth/ling_description/index.html (Дата обращения 20.11.2015).
24. *McArthur T.* *Living Words. Language, Lexicography and the Knowledge Revolution.* Exeter: University of Exeter Press, 1998.
25. *Muggleston L.* *Dictionaries: A Very Short Introduction.* N.Y.: Oxford University Press, 2011.
26. *Roberts R.* *Dictionaries and Culture // 2007 Dictionary vision, research and practice: Selected papers from the 12th International Symposium on Lexicography, Copenhagen 2004.* Amsterdam: John Benjamins, H. Gottlieb, J.E. Mogensen. P. 277—297.

УДК: 81'374

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-439-450

REPRESENTATION OF THE DICTIONARY IN THEORETICAL AND EDUCATIONAL LEXICOGRAPHY

Natalya M. Nesova¹, Lyudmila Y. Bobritskikh²

¹RUDN University

6 Mikluho-Maklay Str., Moscow, Russia, 117198

²Voronezh State University

1 University Square Str., Voronezh, Russia, 394018

Abstract. The article is devoted to the main issues of studying modern lexicographic science, its theoretical and educational direction. The concept of lexicography, the main types of dictionaries of Russian and English are considered. The linguocentric and anthropocentric approaches to the study of science are analyzed. Distinctive features of educational lexicography are the consideration of methodological requirements, the specificity of the approach to the selection of material in dictionaries. In lexicographic practice, theoretical research is carried out in the study of ways to identify and semantize cultural information.

The article is devoted to the main issues of studying contemporary lexicographic science; practical and theoretical approaches in considering the macrostructure of bilingual dictionaries. The basis of

lexicographical design, planning and organization of vocabulary work is described. The relationship in the dictionary of linguistic and extralinguistic information is a significant issue for modern lexicography. Bilingual dictionaries are considered as a repository of culture on the one hand, and on the other — as bridges between different cultures, representing not only linguistic forms, but also cultural facts. The inclusion of the cultural component in the composition of the dictionary entry corresponds to the anthropocentric orientation of modern lexicographic science. The article considers the main types and specifics of bilingual dictionaries, their typological functions based on the classification of user skills.

Key words: theoretical and educational lexicography, macrostructure of the dictionary, bilingual dictionary, criterion of activity / passivity, lexical units, equivalents, extralinguistic parameters

REFERENCES

1. Nesova, N.M. (2016). Representation of the entry in bilingual dictionaries. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 7(3), 202—208.
2. Hartmann, R.R.K. (2001). *Teaching and Researching Lexicography (Applied Linguistics in Action Series)*. Harlow: Pearson Education Limited.
3. Wiegand, H.E. (1983). On the Structure and Content of a General Theory of Lexicography In *Proceedings Papers from the International Conference on Lexicography. Exeter 9—12 September*, 13—20.
4. Hartmann, R.K. & James, G. (1998). *Dictionary of lexicography*. New York: Routledge, 49—54.
5. Zgusta, L. (1971). *Manual of lexicography*. Prague: Academia.
6. Atkins, B.T. & Rundell, M. (2008). *Oxford Guide of Practical Lexicography*. New York: Oxford University Press.
7. Gak, V.G. (1995). Sociocultural aspect of bilingual dictionaries. *Dictionary and Culture*. Moscow.
8. Piotrowski, T. (1994). Problems in bilingual lexicography. *Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego*, 235—267.
9. Mugdan, J. (1992). On the typology of bilingual dictionaries. In: *Symposium on lexicography V. Proceedings of the Fifth International. Symposium on Lexicography May 3—5, 1990 at the University of Copenhagen*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag. K. Hyldgaard-Jensen—A. Zettersten (Eds.), 17—24.
10. Marengo, C. (1999). The Bilingual Dictionary: Definition, History, bidirectionality, in *Lexicography: Critical Concepts*. Vol. 2: Reference works across time, space and languages. London: Routledge. Reinhard Rudolf Karl Hartmann (Ed.), 325—342.
11. Al-Kasimi, A. (1997). Linguistics and bilingual dictionaries. Leiden: E.J. Brill, 246—273.
12. Landau, S.I. (2001). *Dictionaries: The Art and Craft of Lexicography*. Cambridge: Cambridge University Press, 86.
13. Morkovkin, V.V. (1990) *Fundamentals of the theory of educational lexicography [dissertation]*. Moscow.
14. Denisov, P.N. (1977). Typology of educational dictionaries. *Problems of educational lexicography*. P.N. Denisov & V.V. Morkovkin (Ed.). Moscow, 23—42.
15. Denisov, P.N. (1974). *Essays on Russian lexicology and educational lexicography*. Moscow: Mos. University publ.
16. Suprun, A.E. (1976). Some properties of a vocabulary and a vocabulary for a teacher. *Scientific and methodological foundations of the compilation of educational dictionaries of the Russian language for non-Russian and the problems of teaching vocabulary*. Moscow. 94—111.
17. Apresyan, Yu.D. (1993). *Selected Works: In 2 volumes*. M.: Languages of Russian Culture. Moscow.
18. Dubchinsky, V.V. (1994). *The art of creating dictionaries: Summaries in lexicography*. Khar'kov: Kharkov lexicographical society.

19. Morkovkin, V.V. (1988). Anthropocentric versus linguocentric approach to lexicography. National specificity of language and its reflection in the normative vocabulary. Moscow, 133—141.
20. Gerd, A.S. (1977). To the definition of the concept of the dictionary. Problems of lexicography. St. Petersburg, 58—63.
21. Minayeva, L.V. (2007). Lexicology and lexicography of the English language. Moscow: AST, Astrel publ.
22. Hartmann, R.K. (1983). On Theory and Practice. *Lexicography: Principle and Practice*. London; New York: Academic Press, 3—11.
23. Lehman, C. Lexicography. URL: http://www.christianlehmann.eu/ling/ling_meth/ling_description/index.html (accessed 11.10.2015).
24. McArthur, T. (1998). Living Words. Language, Lexicography and the Knowledge Revolution. Exeter: University of Exeter Press.
25. Mugglestone, L. (2011). Dictionaries: A Very Short Introduction. N.Y.: Oxford University Press.
26. Roberts, R. (2004). Dictionaries and Culture. In: 2007 Dictionary vision, research and practice: Selected papers from the 12th International Symposium on Lexicography, Copenhagen. Amsterdam: John Benjamins, H.Gottlieb, J.E. Mogensen, 277—297.

Для цитирования:

Несова Н.М., Бобрицких Л.Я. Представление словаря в теоретической и учебной лексикографии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 2. С. 439—450. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-439-450.

For citation:

Nesova N.M., Bobrytskikh L.Ya. (2018). Representation of the dictionary in theoretical and educational lexicography. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (2), 439—450. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-439-450.

Natalya M. Nesova, Lyudmila Ya. Bobrytskikh, 2018. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (2), 439—450. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-439-450.

Сведения об авторах:

Несова Наталья Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: теоретическая грамматика, лингвистика, межкультурная коммуникация; *e-mail*: natalya_nesova@list.ru

Бобрицких Людмила Яковлевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы Воронежского государственного университета; *научные интересы*: теория и история литературы, теоретическая грамматика, межкультурная коммуникация; *e-mail*: kafruslit@gmail.com

Bio Note:

Nesova Natalya Mikhailovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, RUDN University; *scientific interests*: theoretical grammar, linguistics, intercultural communication; *e-mail*: natalya_nesova@list.ru

Bobrytskikh Lyudmila Yakovlevna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of History and Typology of Russian and Foreign Literature, Voronezh State University; *scientific interests*: theory and history of literature, theoretical grammar, intercultural communication; *e-mail*: kafruslit@gmail.com

НАУКА 21.0

УДК: 81'38:81'27

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-451-462

ИЛЛОКУТИВНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ И РЕФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

Н.Ю. Тимофеева

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
проспект Академика Вернадского, 4, г. Симферополь, Россия, 295007

Вопрос о сущности феномена языковой игры остается актуальным с момента введения термина в научный оборот в работах Е.А. Земской, трактующей языковую игру как актуализацию эстетической стороны языковой деятельности. Современный подход к проблематике языковой игры, как правило, осуществляется с опорой на комическую природу явления. При этом наблюдается доминирование текстового материала в исследованиях этого феномена, хотя речевой вариант явления также требует проработки. В статье предлагается применение прагматических параметров к материалу живой спонтанной речи с целью разграничения собственно игровых единиц и креативных номинаций. Материалом выступают записи живой устной речи крымских жителей из картотеки кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврической Академии Крымского федерального университета. Материал подвергается дискурсивному, словообразовательному и семантическому анализу. Исходным положением исследования выступает противопоставление фатической и референтивной (когнитивной) функций языка. Иллокутивная направленность высказывания в речевом потоке обуславливается конституацией и отношениями между коммуникантами. При этом наблюдается неравномерное распределение иллокутивной нагрузки на каждый из компонентов речевого акта. Игровой характер некоторых речевых единиц снижает информативность высказывания, конфигурируя дискурс вокруг контакта, а не сообщения, как то подразумевает эстетический критерий в определении языковой игры. В ходе речевого взаимодействия фатического типа его участники вербальными средствами реализуют невербальные цели: эмпатически разделить состояние оппонента, подчеркнуть близость отношений, установить контакт с незнакомым человеком, расположить его к коммуникации. Этот тип организации дискурса свидетельствует об особой специфике референтивной составляющей высказываний, содержащих нестандартные речевые единицы. Соотнесение этих единиц с действительностью не сводится к прямой референтивной сумме отдельных знаков, а устанавливается опосредованно — через дискурсивные дескрипторы, указывающие на цель речевого действия и способы его осуществления. Анализ референтивной специфики речевых единиц игрового характера продемонстрировал различную степень соотношения интра- и экстралингвистических факторов организации дискурса, что позволило сделать вывод об ограниченности сферы применения термина «языковая игра» фактами фатической направленности.

Ключевые слова: речевой акт, языковая игра, фатическая и метаязыковая функции, иллокуция, референт, номинация

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы объема термина «языковая игра» возникают вместе с его появлением в отечественной лингвистике в работах Е.А. Земской [1. С. 175]. Автор трактует содержание термина как намеренные отклонения от языковых норм, «которые имеют место, когда говорящий „играет“ с формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное. Это может быть и незатейливая шутка, и более или менее удачная острота, и каламбур, и разные виды тропов (сравнения, метафоры, перифразы и т.д.)» [1. Там же]. Дальнейшая практика применения термина в научной литературе уточняет его содержание как разновидность комического [2; 3]. Следующий этап изучения феномена связан с обращением внимания на его воздейственную силу [4], особенно в сфере СМИ [5]. Интенсивность использования термина, однако, не повлияла на проработку его объема. В последних исследованиях, посвященных явлениям языковой игры, отмечается «размытость» понятия [6. С. 51; 7. С. 45]. При этом невозможно игнорировать тот факт, что материалом изучения ЯИ в большинстве работ выступают тексты художественного и публицистического стилей [4; 5; 8] в то время как речевая сторона ЯИ нуждается в равноценном изучении. Определенная систематизация речевого материала проведена в монографии О.Ю. Коноваловой «Языковая игра в разговорной русской речи», автор которой впервые рассматривает ЯИ с позиций прагмалингвистики, учитывая параметры говорящих и ситуативного контекста [9]. Однако само понятие ЯИ при этом остается непроясненным, поскольку в работе ставятся иные методологические задачи. Такое положение определяет **актуальность** рассмотрения ЯИ в аспекте его сущностного содержания с привлечением новых данных наблюдений устной речи. Предпринятое нами исследование, являясь логическим продолжением прагмалингвистического подхода к изучению ЯИ, имеет своей **целью** уточнение объема содержания понятия ЯИ путем сопоставления функций нестандартных языковых единиц в речевых актах.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом исследования послужили записи фактов креативного характера из картотеки живой звучащей речи, создаваемой на кафедре русского, славянского и общего языкознания Таврической Академии Крымского федерального университета.

Материал подвергается дискурсивному, словообразовательному и семантическому анализу.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Современная практика употребления термина ЯИ базируется на его дифференцирующих характеристиках, приводимых в определении Е.А. Земской: «свободное» отношение к форме языковой единицы и наличие эстетического задания. При этом в дефиниции Е.А. Земской фиксируется открытость видового ряда ЯИ: «...метафоры, перифразы и т.д.» [1. С. 175]. Таким образом, понятие ЯИ на сегодняшний день объединяет под собой любые формы нестандартного употребления

языка на разных его уровнях. Наличие эстетического задания соотносит высказывания, содержащие единицы ЯИ, с поэтической функцией языка [10. С. 47] и обуславливает возникновение данных форм в речевых актах с преобладанием такого структурного компонента речевого акта как сообщение [11. С. 202]. Эта соотносительность ЯИ с самим сообщением предполагает ее функциональную ограниченность, что противоречит фактам, изложенным в упомянутых выше работах Т.А. Гридиной, С.В. Ильясовой и О.Ю. Коноваловой.

Обобщая приведенные в этих работах данные, следует признать, что индивидуализированные, окказиональные единицы речи обладают различной интенциональной направленностью, или, в терминологии Дж. Сёрля, различной иллюкцией [12. С. 62] и используются для реализации, по меньшей мере, трех функций языка — эстетической, апеллятивной и фатической. Кроме этого, факты нестандартного употребления языка используются как средство «деавтоматизации» [13. С. 76] общения с нарушением традиционной логики соотношения означаемого и означающего или сдвигом референции [14. С. 234], когда в процессе реализации иллюкутивного намерения высказывания ослабевает референциальная однозначность отдельно взятой единицы [14. С. 231]. Иными словами, нестандартные единицы отличаются от стандартных в референциальном аспекте. Если согласиться с соображением, высказанным Т.Г. Винокур, о противопоставлении информационной и фатической функции языка [15] и присутствию в любом акте речи воздействующей функции [16], то его закономерным следствием становится разграничение нестандартных речевых единиц по конкретности их денотата и/или референта [17. С. 13—14]. Таким образом, при наблюдении живого процесса общения можно выявить случаи разной функциональной направленности высказываний, содержащих окказиональные формы, которые используются для усиления вербального воздействия при установлении или поддержании контакта или для особого оформления высказывания. Номинативная функция слова или выражения во всех случаях оказывается второстепенна или вообще игнорируется [18. С. 109].

Таким образом, собственно прагматическая, коммуникационная ценность нестандартных единиц речи оказывается различной, как и степень включения «игрового режима» в конкретном речевом акте. Отсутствие «у игр... правил пропозиционального содержания» [12. С. 74] в силу их «конститутивной» природы [Там же. С. 59] подчеркивает иллюкутивное различие речевых актов («общение — сообщение» [18. С. 136]) и становится основанием для выделения из массы окказионализмов собственно игровых форм.

По своему происхождению все инновации, образованные в потоке речи, однородны: они представляют собой результат нарушения словообразовательной или сочетаемостной модели, деструкцию соотношения означаемое — означающее [19. С. 75] или аномальную вербализацию плана содержания [20. С. 26]. Как правило, «сырьем» для подобных инноваций становятся нейтральные сочетания прилагательного и существительного, лексем одной лексико-тематической группы или одного лексико-семантического поля (метонимический тип ЯИ), члены одного

синонимического ряда или таксоны одной гипонимической горизонтали, омонимы и антонимы, в том числе и омонимичные и антонимичные морфемы, а также паронимические ассоциаты, в том числе и иноязычные. То есть стимулом образования новой формы выступает актуализированная в момент высказывания языковая парадигматика разных уровней. Но при внешней структурной однородности (аномальности структуры) факты нестандартного осмысления парадигматики имеют функциональные отличия, обусловленные прагматикой ситуации. В этой связи совершенно закономерными представляются исследования, соотносящие изучение грамматики с социальными фактами, например, в рамках теории лингвистической вариативности [21].

Особую группу индивидуальных инноваций в нашем материале представляют контаминированные русско-крымскотатарские формы речевого этикета: *алейкум-привет, селямствуйте, саламирую* ('здравствуйте') и тематически примыкающие к ним обращения в кругу семьи: *анашка* (ана — кр.татарск. 'мама'), *бабашка* (баба — кр.татарск. 'папа'), *баларики, баласенок* (балалар — кр.татарск. 'дети'), а также подобные им контаминации онимов: *Колотун-баба* — 'Дед Мороз'. Явления этого ряда, на наш взгляд, возникают на основе межкультурной интерференции и как продукт полилингвальной [22. С. 24, 26—27] реальности многонационального Крыма. Функциональная специфика таких этикетных и реноминативных контаминантов, возникающих вне взаимной звуковой или структурной аттракции, заключается в обозначении национального добрососедства, манифестации межкультурного взаимодействия. Эти единицы исключительно фатической направленности дополняются разнообразными формами ЯИ в кругу близких. Такого рода высказывания как удивленно-восторженное *Ого, как ты побородел!* или сокрушенное *Вот, бедасечка!* или трансформированное имя собственное *Маринадик* (от *Марина*) не имеют никакого иного иллюкутивного содержания как выражение добрых, приятельских отношений и выступают психологическими скрепами коммуникации.

Второй пример *Вот, бедасечка!* демонстрирует, что психологическое содержание некоторых речевых актов конкретизируется выражением эмпатии говорящего к респонденту: форма *бедасечка* реферирует не столько к нюансам самой ситуации, сколько к состоянию говорящих. Эмпатия в этом случае проявлена соотносительностью окказиональной и нормативной форм *бедасечка* и *будняжечка*, значения которых имеют общий апперцепционный фон [23] как на уровне фреймовой схемы (*попасть в беду* — *будняжка*), так и в системе лексико-семантического поля 'неприятность'. Аналогичный эмпатический заряд заложен в единице *будняжка*, возникающей в речи сокурсниц, одна из которых жалуется на усталость от будничной рутины. Смысловое ударение смещается на ласкательность аффикса, который, выступая показателем иллюкуции [12. С. 62], обеспечивает большую контактность участников. Оба окказионализма *бедасечка* и *будняжка* по своей референтной диффузности близки к этикетным оборотам.

Несколько иначе фатическая функция реализуется в примерах *Что ты так переживаешь, моя ойойойка?* и в ласкательном обращении *вампиреныш*. Здесь

эмпатическая иллюкуция высказывания совмещена с намерением подчеркнуть особую интимность межгендерного общения, отсутствие дистанции между участниками, так как в обоих примерах инновации использованы в речи двадцатилетних молодых людей по отношению к их возлюбленным. Кроме обозначения иллюкуции, и *ойойойка*, и *вампиреный* содержат определенную характеристику адресата. Однако конкретность референции этих форм ослаблена [17. С. 81—82] их подчеркнутой эмотивностью: интенция говорящего, как и в примерах выше, актуализируется грамматически — категорией притяжательности местоимения в первом случае и уменьшительным аффиксом, апеллирующим к лексеме *малыш*, — во втором. Местоимение *моя* выполняет роль дискурсивного дескриптора, предопределяющего возникновение нестандартной единицы *ойойойка* как средства интимизации общения. Сочетание местоимения и нестандартного существительного позволяет лишней раз продемонстрировать и так понятное, открытое для реципиента состояние: ‘я с тобой’, ‘мы вместе’. Аналогичным образом форма *вампиреный* в контексте речевой ситуации реализует семантику словосочетания *вредный малыш*, которое имплицитно соотносимо с тем же притяжательным местоимением *моя* (ср.: *вампиреный* — ‘мой вредный малыш’). Функциональной доминантой данных речевых актов выступает контакт, а не номинация или сообщение. Следовательно, здесь мы имеем дело с фатической коммуникацией, в рамках которой возникают игровые единицы.

Подобный тип речевого взаимодействия представлен и во фразе молодой девушки *У меня по отношению к нему нет самолюбия, есть только еголюбие*, в которой направленность высказывания в целом и завершающий его окказионализм подчеркивают особый род контакта с не участвующим в диалоге, но иллюкутивно доминирующим в нем третьим лицом. Неслучайно семантика окказионализма избыточна: предикативный вариант фразы *У меня по отношению к нему нет самолюбия — я люблю его* не снижает информативности описания отношений, однако говорящий избирает параллелизм форм *само- его- любие*, отказываясь от глагольной структуры в пользу дескрипции местоимения. Таким образом, иллюкуция высказывания сводится к подчеркиванию особой фатики между говорящим и третьим лицом — объектом речи. В отличие от предыдущих примеров контакт как цель речевого акта здесь представлен опосредованно.

Нестандартные формы речевых действий оказываются более чем уместны при романтических отношениях, ибо флирт и ухаживания — это ситуация игры, эксперимента и экспромта. Игровая динамика этого типа коммуникации зафиксирована в пассаже *Для влюбленных по вечерам катамараны превращаются в катароманы, после которых у этих молодых людей рождаются катаРоманчики*. В этом примере дискурс организуется шагами словообразования: *катаМан* — *катаP[a]Ман* — *катаРоманЧИКи*, причем в последнем отрезке происходит не только аффиксальное приращение значения, но и обыгрывание омонимии уменьшительной формы нарицательного существительного и имени собственного (*романчик* — *Романчик*). Весь фон апперцепции составляет воображаемое путешествие на катамаране — необычная отправная точка для любовного романа, а динамика ситуации обеспечивается структурной соотносительностью лексем.

Если исходное слово — *катамаран* — неразложимое целое, то первое его производное — *катароман* — представляет собой окказиональный контаминант с нулевым (с точки зрения языковой системы) денотатом левой части. Нестандартность данной номинации предваряется глаголом *превращаются*, сигнализирующим о несоотнесенности всего высказывания с внеязыковой действительностью. Второе производное — *катаРоманчики* — еще активнее сдвигает высказывание в зону доминирования такого компонента речевого акта, как сообщение. Если для первого производного допустимо толкование ‘романы на катамаранах’, то для второго подобная попытка — ‘мальчики Романчики, рожденные на катамаранах’ — оказывается логическим и прагматическим нонсенсом. Таким образом, данное выражение реализует поэтическую функцию речи, отвлекаясь от диалоговой динамики в вербальное моделирование, по своему характеру родственное художественному творчеству. Безусловно, такими формами речевых действий не решаются задачи коммуникации, даже фатической направленности. Сообщение в роли доминанты речевого акта «оттесняет» говорящего и слушающего на позиции наблюдателей за возможностями речевой комбинаторики, которая в данном случае является и самой иллюкуцией, и средством ее реализации.

В приведенных примерах очевидна иллюкутивная разнонаправленность речевых актов: одни единицы речи используются как контактоустанавливающие [24. С. 318], другие — как средства интимизации общения, сокращения дистанции между собеседниками, третьи — как орудие вторичного моделирования, создания художественной реальности. Все эти виды иллюкуции в речевой практике чаще комбинируются, чем дифференцируются. Однако так или иначе доминирует только один. На наш взгляд, при квалификации окказионального явления как единицы ЯИ следует опираться на противопоставление номинативного (когнитивного) и фатического вектора дискурса, дополняя эту процедуру анализом референциальной «наполненности» возникающих нестандартных единиц. Если обозначить условным центром коммуникации сообщение как внутренний «продукт» речевого взаимодействия, то действие иллюкутивной силы окажется центробежным — направленным на участников и внеязыковую действительность или центростремительным — направленным на код, контакт или само сообщение. Чем дальше интенция речи от личности говорящих и параметров конситуации, тем больше в такой речи игрового «простора».

ЯИ подчас возникает как средство установления контакта в речи незнакомых друг другу людей. Так, окказионализм *замечательно*, возникающий в спонтанном диалоге попутчиков в общественном транспорте, возбуждает заинтересованность слушающего, обеспечивая реализацию конативной функции языка [11. С. 200], а именно — вовлечение попутчика в общение. *Вы знаете, что иногда замечательно, может оказаться замечательно?! Вы знаете такое слово, да? А знаете ли Вы, что сам Владимир Даль — мой родственник. Мой отец тоже Владимир Иванович, и тоже из Дании. Потомок Даля — представляете?!* Существенно, что в процессе речи значение окказионализма, возникающего на основе паронимической аттракции (*замечательно — замечТательно*, как и в паре *катамараны — катароманы*), остается непроявленным. Вместо обозначения гипотетического

референта говорящий стремительно наращивает иллокутивную силу вовлечения реципиента в круг своих интересов метаязыкового характера. Дескриптором приведенного пассажи оказывается лексема *слово*, которое ассоциативно актуализировано в имени собственном В.И. Даля как важнейшая сфера его жизнедеятельности. Первоначальная иллокуция установления контакта и метакодовой проверки (*что значит слово*) сменяется референтивной, когнитивной иллокуцией при введении прецедентного имени, референт которого однозначен и «мысленное досье» [25. С. 46] которого активизируется говорящим в сознании реципиента. В следующей части высказывания направление иллокуции корректируется в сторону личности самого говорящего: сведения о его происхождении позитивно воспринимаются заинтригованным сознанием слушающего. ЯИ в этом случае одновременно выполняет фатическую задачу вступления в контакт и участвует в конфигурировании дискурса.

Под воздействием закона языковой экономии [26. С. 126] окказиональные единицы используются и в целях номинации. Прагматика таких ситуаций более определена, иллокуция направлена на осуществление коммуникации в ее первоначальной, когнитивно-номинативной функции. Сравним ранее приведенные примеры с окказиональными формами *духовейчик*, *красавчик*, *таксист*, *журфакер*. В первом случае речь идет о вентиляторном обогревателе, имеющим номенклатурное наименование *термовентилятор*, которое, тем не менее, может оставаться неизвестным автору окказионализма — женщине восьмидесяти лет.

Фраза, в структуре которой возникает окказиональный синоним, представляет собой комментарий физических действий: *Сейчас включим духовейчик — душок сразу пойдет*. В структуре высказывания окказионализм имеет определенный референт — вид бытового прибора, на который направлена деятельность говорящего, что отличает это средство интимизации общения от предыдущих. Определенность референции характерна и для лексемы *красавчик* — эквиваленту словосочетания *красивый селезень*, в котором второй компонент замещен смежным звукоподражанием *кря* и вложен в семантику первого. Такая структурная «упаковка» [27. С. 21; 28. С. 272] смыслов позволяет экономить речевые усилия и при этом способствует реализации дополнительных задач говорящего. Обращенная от лица девушки к подруге фраза *Посмотри, какой красавчик!* попутно обращает внимание на самого говорящего, его стиль выражения мысли.

Референтивная функция характерна и для выражений с окказионализмами *таксист* — ‘кобель породы такса’ и *журфакер* — ‘студент факультета журналистики’. Однако условия их функционирования имеют отличия, связанные с приемами образования этих форм. Речевая единица *таксист* при описании собаки в общении подруг возникает как омоним существующего названия лица по роду занятий: *У твоей сестры такой милый рыжий таксист*. Игровой момент здесь обусловлен, с одной стороны, поддержанием дружеского контакта, стремлением пошутить, а с другой — лексема заполняет лакуну номинации, поскольку в языке нет словоформы мужского рода для существительного *такса*. Речевая единица *журфакер* образована как результат стяжения трехчленного словосочетания *студент факультета журналистики* по иноязычной модели с форман-

том *-er*- от сокращения *журфак* — факультет журналистики. Кроме номинативного аспекта в окказионализме актуализирован иронично-обценный дискурс, поскольку наблюдается структурное пересечение с англоязычным ругательством *fuck-er*, что ограничивает использование русского окказионализма определенной возрастной группой.

Подобные факты нестандартной номинации в силу их референциальной определенности, на наш взгляд, отличаются от фактов контактоустанавливающего характера большей прагматической обусловленностью и иной структурообразующей доминантой — контекстом внеязыковой действительности («положением дел», по Дж. Сёрлю [12. С. 74]), а не самим сообщением. В живой речи действие закона коммуникативной кооперации [29. С. 122] предопределяет ведущее положение контакта в иерархии компонентов речевого акта и ограничивает функциональный диапазон ЯИ фатической иллюкуцией.

ВЫВОДЫ

Рассмотренные примеры нестандартного использования языка в спонтанном общении могут быть объединены в две группы по характеру референтов и в три — по своей иллюкутивной направленности: единицы диффузной референции и единицы конкретной референции — с одной стороны, и контактоустанавливающие единицы, единицы, моделирующие художественную реальность, и нестандартные единицы однословной номинации — с другой стороны. При этом факты поэтического моделирования в спонтанной речи должны быть рассмотрены отдельно, как отвечающие параметрам эстетического обращения с языком или, словами А.Р. Будагова — «воздействия на язык» [30. С. 56]. Феномен ЯИ в свете изложенных результатов анализа речевых актов спонтанной коммуникации проявляет функциональную ограниченность, которая проявляется по мере усиления номинативного аспекта речи. Применение иллюкутивного параметра может послужить основой для идентификации единиц ЯИ в массе окказионализмов и уточнения содержания термина.

© Тимофеева Н.Ю.

Дата поступления: 14.10.2017

Дата приема в печать: 10.03.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковая игра // Русская разговорная речь. М., 1983. С. 172—214.
2. Нухов С.Ж. Языковая игра в словообразовании. На материале лексики английского языка: дис. ... докт. филол. наук. М., 1997.
3. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999.
4. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: Наука, 1996.
5. Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ. М.: Наука, Флинта, 2015.
6. Лебедева Е.Б. Уточнение понятия «языковая игра» в лингвистике // Язык и культура. 2014. № 4. С. 48—63.

7. *Каргаполова И.А.* «Языковая игра» в лексикографическом и научном освещении: концептуально-методологический анализ // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Серия филологические и исторические науки, культурология. 2007. № 9 (47). С. 44—53.
9. Лингвистика креатива-2. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2012.
9. *Коновалова Ю.О.* Языковая игра в современной русской разговорной речи. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2008.
10. *Петров А.В.* Реализация творческого потенциала в речи крымчан // Современная картина мира: крымский контекст. Симферополь, 2017. С. 45—68.
11. *Якобсон Р.О.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: за и против. М.: Прогресс, 1975. С. 193—231.
12. *Сёрл Дж.* Что такое речевой акт? // Философия языка. М.: Едиториал УРСС, 2010. С. 56—75.
13. *Норман Б. Ю.* Грамматика говорящего: от замысла к высказыванию. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011.
14. *Клюев Е. В.* Речевая коммуникация. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002.
15. *Винокур Т.Г.* Информативная и фатическая речь как выражение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 5—29.
16. *Аллен Дж., Перро Р.* Выявление коммуникативного намерения, содержащегося в высказывании // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. Теория речевых актов. С. 322—362.
17. *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью. М.: Наука, 1985.
18. *Винокур Т.Г.* Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993.
19. *Винокур Т.Г.* Закономерности стилистического использования языковых единиц. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
20. *Радбиль Т.Б.* Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие. М.: Флинта, 2012.
21. *Fassold Ralf W. & Preston.Dennis R.* The Psychological Unity of Inherent Variability: Old Occam Whips out His Razor. *Sociolinguistic variation: Theories, Methods and Applications*. New York: Cambridge University Press. 2007, 45—69.
22. *Богданович Г.Ю.* Еще раз о тексте, дискурсе, языковой картине мира в полилингвокультурной ситуации // Современная картина мира: крымский контекст. Симферополь, 2017. С. 12—31.
23. *Якубинский Л.П.* О диалогической речи // Якубинский Л.П. Избранные работы: Язык и его функционирование. М., 1986. С. 17—58.
24. *Бенвенист Э.* Формальный аппарат высказывания // Э. Бенвенист. Общая лингвистика / под ред. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс, 1974. С. 311—319.
25. *Шмелев А.Д.* Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002.
26. *Мартине А.* Механизмы фонетических изменений: Проблемы диахронической фонологии. М.: URSS, 2006.
27. *Johnson M.* The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. Chicago: Chicago University Press, 1987.
28. *Lakoff G.* Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago — London: University of Chicago Press, 1987.
29. *Грайс Г.П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217—237.
30. *Будагов А.Р.* Человек и его язык. М.: МГУ, 1976.

УДК: : 81'38:81'27

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-451-462

ILLOCUTIONARY DIRECTION AND REFERENTIAL SPECIFICS OF LANGUAGE GAME

Natalia Y. Timofeeva

V.I. Vernadsky Crimean Federal University

pr. Vernadskogo 4, Simferopol, Republic of Crimea, Russia, 295007

Abstract. The definition of the term “language game” stays an actual problem of linguistics, as the term essence was not clearly revealed under the first usage at E.A. Zemskaya’s researches, where the phenomenon had got an aesthetic interpretation appealed to the poetic function of language. Contemporary science treat facts of language game as comic ones. Simultaneously language game researches are based on texts material, whereas speech aspect need a careful examining. In this case, there is a dining material texts in the study of this phenomenon, although the roar of the variant of the phenomenon also requires study. The article proposes the use of pragmatic options for a living material spontaneous speech with the aim of delineating the actual game pieces and the creative category. Records of a live speech of inhabitants of St. crimes from cards of chair of the Russian, Slavic and General linguistics Trick of Academy of the Crimean Federal University act as a material. The material is subjected to discourse, word-formation and semantic analysis. Shot polonium research opposes the fate and referent (cognitive) functions of the language. Highlight the statements about the provence in the flow is subject to consultation and actions between messages. At the same time, there is a nerve distribution of the load distribution on each of the components of the act. The playful nature of some of the units reduces informative statements, customize discuss around the contact rather than the message, as that implies a static criterion in determining the language game. During interaction about the type of the participants orally by means of neural realist objectives: empathy is to share state of the opponent, to emphasize the closeness of the relationship, to establish contact with a stranger, to make him communication. This type of organization discuss attests to the special specificity of the preferential component statements containing the standard receive units. Calms these units with a daily does not sort to the direct preferential individual character sum, but is set indirectly — through discourse descriptors indicating the purpose of the action and the ways of its implementation. Analysis of preferential specific rev units grow character to demonstrate a relic of the degree of correlation of intra-factors discuss organization extras and that allowed to draw a conclusion about the Orient of the scope of the terminal “language game” facts fate of Provence.

Key words: speech act, language game, the phatic and the metalingual functions, illocution, referent, nomination

REFERENCES

1. Zemskaya, E.A., Kitaigorodskaya, M.V., Rozanova, N.N. (1983). Language game. In *Russian Colloquial Speech*. Moscow, 172—214. (In Russ.).
2. Nuhov, S.Zh. (1997). Language game in derivation: jn the base of English language [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
3. Sannikov, V.Z. (1999). Russian in the mirror of language game. Moscow: Shkola “Yazyki russkoj kul'tury” publ. (In Russ.).
4. Gridina, T.A. (1996). Language game: stereotype and creation. Ekaterinburg: Nauka publ. (In Russ.).
5. Il'yasova, S.V., Amiri, L.P. (2015). Language game in communicative area of mass-media. M.: Nauka, Flinta. publ. (In Russ.).

6. Lebedeva, E.B. (2014). Clarification to the term “language game” in linguistics. *Yazyk i Kul'tura*, 4, 48—63. (In Russ.).
7. Kargapolova, I.A. (2007). “Language game” in lexicographic and scientific aspects: conceptual-methodological analysis. *IZVESTIA: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*, 9 (47), 44—53. (In Russ.).
8. Linguistics of creation-2. (2012). Ekaterinburg: Ural State Pedagogical Institute Publ. (In Russ.).
9. Konovalova, Yu. O. (2008). Language game in modern Russian colloquial speech. Vladivostok: VGUES publ. (In Russ.).
10. Petrov, A.V. (2017). Realization of Creative Potential in Colloquial Speech of Creamian inhabitants. In *Modern World-View: Vol. 1. Simferopol'*, 45—68. (In Russ.).
11. Jakobson, R.O. (1975). Linguistics and Poetics. In *Strukturalizm: pro and contra*. Moscow: Progress publ., 193—231. (In Russ.).
12. Searle, J.R. (2010). What is a Speech Act? In *The Philosophy of Language: edited by J.R. Searle*. Moscow: Editorial URSS publ., 56—75. (In Russ.).
13. Norman, B.Yu. (2011). Speaker's grammatics: from idea to utterance. Moscow: “LIBROKOM” publ. (In Russ.).
14. Klujev, E.V. (2002). Speech Communication. Moscow: RIPOL CLASSIC publ. (In Russ.).
15. Vinokur, T.G. (1993). Information and fatic speech as the expression of communicative intentions of speaker. In *Russian Language in its Function: Communicative-Pragmatic Aspect*. Moscow: Nauka publ., 5—29. (In Russ.).
16. Allen, J.F. and Perrault C.R. (1986). Analyzing Intention in Utterances. In *News of West Linguistics. Vol. 17. Teoriya Rechevykh Aktov*. Moscow: Progress publ., 322—362. (In Russ.).
17. Paducheva, E.V. (1985). *Utterance and its Reference*. Moscow: Nauka publ. (In Russ.).
18. Vinokur, T.G. (1993). *Speaker and Hearer: Variants of Speech Behavior*. Moscow: Nauka publ. (In Russ.).
19. Vinokur, T.G. (2009). *Regularities of Stylistic Usage of Language Units*. Moscow: “LIBROKOM” publ. (In Russ.).
20. Radbil', T.B. Language anomaly in art text: Anrej Platonov and others. Moscow: Flinta publ. (In Russ.).
21. Fassold, Ralf W. & Preston Dennis R. (2007). The Psychological Unity of Inherent Variability: Old Occam Whips out His Razor. In *Sociolinguistic variation: Theories, Methods and Applications*. New York: Cambridge University Press., 45—69.
22. Bogdanovich, G.Yu. (2017). Once more about text, discourse and world-view in polylingual situation. In *Modern World-View: Vol. 1. Simferopol'*, 12—31. (In Russ.).
23. Jakubinskij, L.P. (1986). About dialogic speech. In: *Selected Works. Language and its Function*. Moscow, 17—58. (In Russ.).
24. Benveniste Emile. (1974). The Formal Apparatus of Enunciation. In: *General Linguistics*. Moscow: Progress publ. 311—319. (In Russ.).
25. Shmel'jov, A.D. (2002). *Russian Language and Extralinguistic Reality*. Moscow: Jazyki Slavjanskoj Kul'tury publ. (In Russ.).
26. Martinet, A. (2006). Mechanism of Phonetic Changes: Problems of Diachronic Phonology. Moscow: URSS publ.
27. Johnson, M. (1987). *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason*. Chicago: Chicago University Press. publ.
28. Lakoff G. (1987). *Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago—London: University of Chicago Press.
29. Grice, H. Paul (1985). Logic and Conversation. In *News of West Linguistics. Vol. 17. Linguistic Pragmatics*. Moscow: Progress publ., 217—237. (In Russ.).
30. Budagov, A.R. (1976). *Men and his Language*. Moscow: Moscow State University publ.

Для цитирования:

Тимофеева Н.Ю. Иллокутивная направленность и референциальная специфика языковой игры // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 2. С. 451—462. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-451-462.

For citation:

Timofeeva N.Y. (2018). Illocutionary direction and referential specifics of language game. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (2), 451—462. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-451-462.

Natalia Y. Timofeeva, 2018. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (2), 451—462. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-451-462.

Сведения об авторе:

Тимофеева Наталья Юрьевна, аспирант кафедры русского, славянского и общего языкознания Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского; *научные интересы*: социолингвистика, речевая коммуникация, прагмалингвистика; *e-mail*: natashanorge@mail.ru

Bio Note:

Timofeeva Natalia Yurievna, post-graduated student of the Department of Russian, Slavic and General Linguistics at V.I. Vernadsky Crimean Federal University; *scientific interests*: sociolinguistics, speech communication, pragmalinguistics; *e-mail*: natashanorge@mail.ru

УДК: 81.42:821.161.1-3

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-463-479

СТРУКТУРНЫЕ СХЕМЫ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИЕ СИНТАКСИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ «МЫСЛИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» ВО ВТОРОЙ ГЛАВЕ («НЯНЮШКА АЛЕКСАНДРА») РОМАНА А. БЕЛОГО «КОТИК ЛЕТАЕВ»

Ю.Д. Родина

Государственный социально-гуманитарный университет
140410, Россия, г. Коломна, МО, ул. Зеленая, д. 30

Статья посвящена анализу способов синтаксической реализации концепта «мыслительная деятельность» в одной из глав автобиографического романа писателя-символиста Андрея Белого «Котик Летаев». Мыслительная деятельность является главным способом характеристики центрального героя произведения — маленького Котика Летаева.

Цель статьи состоит в выявлении основных синтаксических схем, репрезентирующих мыслительный дискурс героя произведения, основой построения которых являются глаголы мышления, понимания, познания, воображения, памяти.

Исследование основывается на комплексном, системном подходе, сочетающем элементы когнитивного, сравнительно-типологического и конкретно-текстового анализа.

Предпринята попытка показать на конкретном языковом материале авторское своеобразие в создании концепта «мыслительная деятельность», его функционирование в организации текста.

Автор акцентирует внимание на конкретной текстовой реализации выделенных 5-ти структурных схем в аспекте воспроизведения писателем внутренней жизни индивида, начиная с подсознательных рефлексов и первых пульсаций сознания у младенца, открывающего мир, и заканчивая периодом взросления.

Особое внимание уделено номинациям, фиксирующим объекты мыслительной деятельности маленького Котика с учетом его взросления и расширения кругозора.

Теоретическая значимость статьи заключается в том, что она является определенным вкладом в процесс изучения способов языковой репрезентации синтаксического концепта «мыслительная деятельность».

Практическая значимость статьи состоит в том, что ее основные выводы и положения могут найти применение в практике вузовского преподавания, в общих и специальных курсах по когнитивной лингвистике. Материалы могут использовать в своих практических целях когнитологи и филологи при составлении учебников и пособий для вузов по исследованию идиостиля А. Белого.

Ключевые слова: концепт «мыслительная деятельность»; синтаксическая реализация; структурная схема; глагольные лексемы; сознание; память; мышление; бессознательное

ВВЕДЕНИЕ

В современной лингвистической науке язык как объект исследования все чаще стал рассматриваться в антропоцентрической парадигме с позиций его участия в познавательной деятельности человека. В последние годы в работах многих лингвистов языковые явления осмысливаются в диаде «язык и человек» [1. С. 213].

Антропоцентрическая сущность языка реализуется сквозь призму специально выделяемой интерпретирующей функции, объединяющей в себе все дополнительные функции, помимо когнитивной и коммуникативной [2. С. 5]. Описывая языковые свойства больших корпусов текстов, лингвисты имеют дело со следами «трансфера знания». Такой подход характеризует антропологически ориентированную когнитивную лингвистику [3. С. 5]. Исследование предметов человеческой культуры под антропоцентрическим углом зрения является проявлением научной эмпатии к человеку [4. С. 43].

Актуализация вопросов об упорядочивании знаний, представлений человека о мире в процессе речевой коммуникации стала неотъемлемой частью когнитивной лингвистики, одним из центральных понятий которой является *концепт*.

Обнаружение концептов в художественном тексте проливает свет на понимание литературного творчества [5. С. 12]. Концептуальный анализ художественных произведений позволяет выявить особенности индивидуальной языковой картины мира писателя и представить лингвистические параметры его идиостиля. Концептуальный анализ представляет собой аналог семантического в связи с использованием в обоих случаях метода толкования значения слов, но цель концептуального анализа состоит в выявлении авторской картины мира, ведущей читателя к познанию действительности через категории, характеризующие познавательную деятельность человека [6. С. 4].

В последние десятилетия жизнетворчество А. Белого привлекает пристальное внимание исследователей, и это не случайно. На рубеже XIX—XX вв. стало явным, что унаследованные формы художественного текста перестали удовлетворять его новому содержанию. Конец XIX века — время зарождения нового литературного направления, принципиально отличного от предыдущего, — время модернизма.

В стремлении создать нечто необычное и оригинальное модернизм порождает новое, как в сфере художественной формы, так и в сфере художественного синтаксиса и семантики. Меняется не только предмет художественного изображения, но и само представление о действительности. Писатели-модернисты не ограничиваются сведением понятия «действительность» только к предметному миру, миру вещей. Первостепенной в литературе становится сфера сознания персонажей, что дает возможность писателю построить особую художественную действительность, существующую по своим законам. Модернистский тип художественного мышления, в отличие от традиционного, опирается на абсолютно иную художественную модель мира. На смену персонажу классической литературы с неповторимым, только ему свойственным внутренним миром, приходит художественный образ, эквивалентный мысли, сознанию.

В творчестве А. Белого важное место занимает мемуарно-автобиографическая тема. В ее развитии немалую роль сыграла личность немецкого философа Рудольфа Штейнера и его антропософское учение. Став во время долгого пребывания за границей (1912—1913 гг.) убежденным приверженцем религиозно-философского учения Р. Штейнера, уделявшего особо пристальное внимание проблеме человеческого самопознания, духовного становления и самоопределения личности,

Белый ощутил потребность по-новому, под антропософским углом зрения, осмыслить прожитую жизнь, характер своей внутренней эволюции и постичь ее потаенный телеологический смысл. В связи с этим у писателя возникла идея создания целого цикла автобиографических произведений под общим названием «Моя жизнь», состоящего из семи частей: «Котик Летаев» (годы отрочества), «Николай Летаев» (юность), «Леонид Ледяной» (мужество), «Свет с востока» (восток), «Сфинкс» (запад), «У преддверия Храма» (мировая война). Грандиозная задумка А. Белого осталась не реализованной в полном объеме.

Наш исследовательский интерес связан с романом А. Белого «Котик Летаев», в основе которого лежат воспоминания писателя о своем детстве. Однако «от воспоминаний в обычном смысле слова „Котика Летаева“ отличает не столько тщательная, сугубо эстетическая организация автобиографического материала, сколько объект описания: не внешние обстоятельства, быт, личные судьбы, историческая реальность, а внутренняя жизнь индивида, начиная с подсознательных рефлексов и первых пульсаций сознания у младенца, открывающего мир. Воплощая полуфантастические картины, открывающиеся сознанию ребенка, Белый черпает материал исключительно из собственных первичных детских ощущений и впечатлений» [7. С. 15].

Уникальность этого романа также состоит в том, что начало записи воспоминаний приходится на рубеж 3-го года жизни персонажа, в то время как литературные предшественники А. Белого обращались к более позднему периоду детства. Данное хронологическое обстоятельство оказало влияние как на содержательную сторону произведения, так и на формирование самобытного стиля романа.

В возрасте от двух до пяти лет происходит процесс становления, дифференциации, уточнения мысли, активизация речевой деятельности, ее динамичное развитие и дальнейшее становление. По этому поводу Л.Н. Толстой писал: «От пятилетнего ребенка до меня только шаг, а от новорожденного до пятилетнего — страшное расстояние» [8].

Композиционно роман «Котик Летаев» состоит из предисловия, шести глав и эпилога, в контексте тематического содержания и общего развития сюжета романа все они логично и последовательно служат раскрытию авторского замысла — показать внутреннюю жизнь индивида, его постепенное становление и развитие. Каждая глава фиксирует ступень роста главного героя, которую автор именуется «лестницей моих расширений».

Цель данной статьи состоит в выявлении и последующем анализе средств синтаксической реализации концепта «мыслительная деятельность» в романе А. Белого «Котик Летаев».

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КОНЦЕПТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Концепт является одним из ключевых понятий когнитивной лингвистики, в связи с этим изучение его природы становится первостепенной задачей лингвистов. Концепт — один из наиболее популярных и наименее однозначно дефи-

нируемых терминов современной лингвистики, что обусловлено, во-первых, отождествлением концепта с близкими по значению или языковой форме терминами, во-вторых, наличием внелингвистических интерпретаций.

Концепты рассматриваются в лингвистическом, когнитивном, культурологическом, лингвокультурологическом, психолингвистическом, философском и других аспектах, на сегодняшний день существует большое количество их интерпретаций, классификаций и методов исследования.

Приведем перечень основных направлений современной когнитивной лингвистики, сложившихся в отечественном языкознании [9. С. 464].

1. Культурологическое — исследование концептов и концептосфер как элементов культуры в опоре на данные разных наук (Ю.С. Степанов, В.И. Карасик, Н.Ф. Алефиренко и др.).

2. Лингвокультурологическое — изучение в направлении «от языка к культуре» (В.И. Карасик, С.Г. Воркачѳв, Г.Г. Слышкин, Г.В. Токарев, В.В. Воробьев, В.Н. Телия, В.А. Маслова, В.Г. Костомаров, Е.М. Верещагин, А.Т. Хроленко и др.).

3. Логическое — анализ концептов логическими методами вне прямой зависимости от их языковой формы (Н.Д. Арутюнова, Р.И. Павилѳнис, Т.В. Бульгина, А.Д. Шмелѳв, Г.В. Макович и др.).

4. Философско-семиотическое исследование когнитивных основ знаковости (А.В. Кравченко, В.В. Колесов, Н.Ф. Алефиренко и др.).

5. Индивидуально-речевое, семантическое (Д.С. Лихачев, Н.Ф. Алефиренко, А. Вержбицкая, В.В. Колесов, И.П. Михальчук, В.П. Нерознак и др.).

6. Семантико-когнитивное исследование лексической и грамматической семантики как средства доступа к содержанию концептов, как средства их моделирования от семантики языка к концептосфере (Е.С. Кубрякова, Н.Н. Болдырев, Е.В. Рахилина, Е.В. Лукашевич, А.П. Бабушкин, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Г.Г. Слышкин, А.В. Кравченко, Е.Ю. Балашова, М.В. Пименова, В.З. Демьянков, С.Х. Ляпин, Г.В. Быкова) [12—17].

В нашем исследовании мы вслед за представителями семантико-когнитивного направления под термином «концепт» понимаем глобальную мыслительную единицу, оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике [10. С. 92].

Таким образом, при всем разнообразии подходов к определению термина «концепт» представители различных направлений единодушны в признании того факта, что данные подходы не являются взаимоисключающими, но носят взаимодополняющий характер. Различия связаны с принципом отбора единиц исследования и методикой их описания, векторами по отношению к индивиду: лингвокогнитивный концепт — это направление от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурный концепт — это направление от культуры к индивидуальному сознанию [11. С. 139].

Взаимосвязь данных подходов при исследовании способствует более глубокому изучению такого феномена, как концепт, пониманию его природы и особенностей функционирования в когнитивной лингвистике.

Концепты достаточно полно изучены в лексическом и фразеологическом аспектах, меньше — в синтаксическом [19—23; 25]. Вопрос о синтаксическом концепте является дискуссионным, он был поставлен еще в 60—70-е гг. XX в., но не получил тогда широкого отклика [26. С. 92; 27. С. 731] Изучение данной проблемы активизировалось в 80—90-е гг. XX века [28. С. 5—7; 29. С. 104; 30. С. 421; 31. С. 547; 32. С. 69]. Исследователи рассматривают лексемы и фразеосочетания как образы вещей, понятий, явлений, фактов, то есть сущностей, а знаки операций с ними (граммемы) — как отношения между сущностями в виде структурных схем. Виды отношений между сущностями, оформленные структурными схемами, рассматриваются как синтаксические концепты. Знание видов отношений между сущностями необходимо для изучения семантического пространства языка [33. С. 10].

Синтаксические концепты русского языка в виде структурных схем впервые были системно описаны в работе Г.А. Волохиной и З.Д. Поповой «Синтаксический концепт русского языка простого предложения» [34]. Н.А. Бородина в диссертационном исследовании «Синтаксическая реализация концепта „мыслительная деятельность“ в русском языке» одной из первых предпринимает попытку анализа синтаксических средств репрезентации концепта «мыслительная деятельность» в русском языке. Материалы для анализа представлены художественными произведениями М.Н. Алексеева, Л. Андреева, М.А. Булгакова, И.А. Бунина, Б.Л. Васильева, В. М. Гаршина, А.М. Горького, Е.И. Замятина, В.Г. Короленко, А.С. Пушкина, А.И. Приставкина, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.Н. Толстого, Л.Н. Толстого и др., книгами из серии научно-художественных биографий общественных деятелей, военных, ученых, деятелей искусства и литературы «Жизнь замечательных людей» [34].

Н.А. Бородиной определена специфика речевой реализации структурных схем, основанная на широком лексическом разнообразии структурообразующего компонента схем; выявлены когнитивные признаки концепта «мыслительная деятельность», оказывающие влияние на компонентный состав специализированных и неспециализированных структурных схем, их формальную и смысловую организацию.

2. СТРУКТУРНЫЕ СХЕМЫ, РЕАЛИЗУЮЩИЕ КОНЦЕПТ «МЫСЛИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

Под термином «синтаксический концепт» мы понимаем типовую пропозицию с набором словоформ, входящих в структурную схему простого предложения [33. С. 10]; под структурной схемой простого предложения — синтаксический знак, означаемым которого выступает типовая пропозиция, условно названная синтаксическим концептом, а означающими являются субъектив и предикатив со своими синтаксическими местами [34. С. 137].

В романе А. Белого «Котик Летаев» представляется возможным выделить следующие структурные схемы предложений, реализующие концепт «мыслительная деятельность», основой построения которых служат мыслительные глаголы:

- 1) *становится кто/что/чем/кем (при участии глагола **становиться**)*;
- 2) *кажется кому что, представляется кем/чем (при участии глаголов **казаться, показаться, представляться**)*;

- 3) кому думалось что (при участии глагола *думаться*);
- 4) кто знает что (при участии глаголов *знать, понимать*);
- 5) кто (не) помнит кого/что (при участии глагола (*не*) *помнить*).

С целью описания компонентов структурных схем используются местоименные маркеры (*становится кто/что/чем/кем; кажется кому что; представляется кем/чем; кому думалось что; кто знает что; кто (не) помнит кого/что*). Глагольные единицы мышления, понимания, познания, воображения, памяти, в отдельных случаях уость лексического состава, репрезентирующего концепт «мыслительная деятельность», оказали влияние на наименование схемы, в основу которой положена конкретная лексика. Лексическое разнообразие структурообразующего компонента схем свидетельствует о значимости данного концепта в языковой картине мира персонажа повести. Мыслительная деятельность выступает важным звеном в характеристике его языковой личности.

Выделенные структурные схемы трехкомпонентны: они представлены субъективом, предикативом и объективом.

3. ТЕКСТОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ СТРУКТУРНЫХ СХЕМ В АСПЕКТЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ ПИСАТЕЛЕМ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ ИНДИВИДА

В первой главе с символичным названием «Бредовый лабиринт» автор воссоздал хаотичный процесс зарождения сознания, напоминающий по своей силе стремительный, неконтролируемый поток. Обобщенный смысл названия главы раскрывается в романе постепенно, семантика слова «лабиринт» расширяется и обогащается, а его первичное значение «запутанная сеть дорожек, ходов, сообщающихся друг с другом помещений» [35. С. 317] заменяется вторичным, переносным значением — «сложный, запутанный поток мыслей, хаотичный поток сознания» [35. С. 317]. Не случайно и появление в тексте подглав, названия которых неразрывно связаны как с мыслительной деятельностью: «Ты — еси», «Образование сознания», «Мы возникли в морях...», «И думаю...», «Образование действительности», так и с психофизическим состоянием младенца: «Горит, как в огне», «Из сумятицы жизни».

Мысли Котика «пучинны», будто «рой», «самая данность стояла тяжелым вопросом» для него, герою кажется, что действительность утечет от него: *вне действительности разовью миры бреда* (Белый 2011: 1091). Чувственную основу мыслительной деятельности составляют ощущения, восприятия и представления, на базе которых происходит ее формирование.

Во второй главе «Нянюшка Александра» происходит постепенное становление особой среды профессорской квартиры и ее обитателей, обращают на себя внимание первые строки второй главы:

Я стал жить в пребывании, в ставшем (как я ранее жил в становлении); в нем держу нить событий; не все еще стало мне; многое установится на мгновение; и потом — утечет (Белый 2011: 1092).

Под «становлением» здесь подразумевается процесс образования сознания, воссозданный в первой главе повести «Бредовый лабиринт». Автор акцентирует

внимание на единой линии развития сознания героя, на «пребывании» (т.е. нахождении) ребенка в «ставшем» (т.е. в настоящей действительности) и дальнейшем ее познании. Восприятие квартиры трехлетним ребенком амбивалентно: с одной стороны, он находится в детской, предстающей в его воображении внутренним миром, где он может осмыслить увиденное и услышанное; с другой стороны, посещает гостиную — внешний мир, который населяют взрослые.

Формы и способы мыслительной деятельности маленького Котика претерпевают изменения, содержание мыслей углубляется, познавательные интересы активизируются.

Схема 1 **становится кто/что/кем/чем** представлена в тексте второй главы романа следующими примерами:

- 1) *Становится папа; установится; и уже — протечет: **станет паром*** (Белый 2011: 1092);
- 2) *Сроённое стало мне строем: колеся, в роях выколесил я дыру, с ее границей, — трубою, — по которой я бегал. Трубы, печи, отдушины, то есть дыры, есть мир* (Белый 2011: 1093);
- 3) *Правилом пережитий мне **встала тут — нянюшка Александра непосредственно у дыры, у трубы; и — строй наших комнат*** (Белый 2011: 1093);
- 4) *Тетя Дотя **становится** — тоже, появляясь сперва в зеркалах дальней комнаты; и в величавом спокойствии медленно оплотневает; оплотневшая ходит среди нас: с выбивалкой в руке. Оплотневшая **тетя Дотя становится Евдокией Егоровной; она — как бы Вечность*** (Белый 2011: 1094);
- 5) *Мама **становится дамой; и — ходит за папой*** (Белый 2011: 1097).
- 6) *Становится все очень странно, а тетя Дотя садится к огромному, черному ящику; открывает в нем крышку; и одним пальцем стучит мелодично по белому, звонкому ряду холодноватеньких палочек* (Белый 2011: 1094).

В лексическом наполнении субъектного компонента данной структурной схемы участвуют имена существительные в именительном падеже (*тетя Дотя, нянюшка Александра, папа, мама*) и страдательное причастие в именительном падеже (*сроённое*).

Структурообразующим компонентом схемы **становится кто/что/кем/чем** является предикатив, маркированный глаголами *становится, стало, встала, станет*. В качестве доминанты выступает глагол *становится*, репрезентирующий процесс мыслительной деятельности и обладающий значением «обретать состояние, делаться каким-либо постепенно» [35. С. 765].

Третьим компонентом структурной схемы 1 является объектив, лексическое наполнение которого составляют собственные и нарицательные (отвлеченные и конкретные) имена существительные (*паром, строем, правилом пережитий, Евдокией Егоровной, дамой*). Объектами мыслей маленького Котика Летаева становятся папа, мама, тетя Дотя (Евдокия Егоровна), нить событий, которую герой пытается удержать в своем сознании.

Мышление Котика связано с построением причудливых образов, зачастую архетипических, отсылающих читателя к древнегреческой мифологии. Так, становление образа отца связано со стихией огня.

«Огненные» ассоциации, ярко представленные в первой главе романа, где отец именуется *Вулканом, посыпанным лишь для вида черной золой стуртука, огнедышащим папой*, находят свое продолжение и во второй главе, в которой он назван *огнеротым, Гефестом*:

- 1) *Папа водится редко; он в отсутствии представляется мне огнеротым каким-то — краснокудрые пламена, огнерод, вылетают из уст; бородатый, крылатый летает на ясных размахах; иногда приколотится он красным миром своим к Косяковскому дому, в котором мы жили; и смотрит с Арбата в оконные стекла багровым закатом; разразится огромным звонком к нам во входную дверь* (Белый 2011: 1092);
- 2) *Я впоследствии познакомился с греческой мифологией; и свое понимание папы определил: он — Гефест; в кабинете своем, надев на нос очки, он кует там огни — среброструйные молнии из стали* (Белый 2011: 1092).

Мифологические аллюзии Котика позволяют ему сохранять связь с Вечностью, отсылающей к времени образования сознания младенца. Введение подобных образов в текст романа связано с авторской установкой — расширить временные границы повествования. Показателен в этом отношении финал второй главы:

В эту давнюю пору разыграна и разучена мною: вся история греческой философии до Сократа; и я ее отвергаю. Перечитывая «Историю греческой философии»: «Нечего ее изучать: надо вспомнить — в себе» (Белый 2011: 1103).

Напомним, что первым словом Котика было *огонь*, первым же образом, всплывающим в сознании, отсылающим к детству, — образ отца, что является автобиографичной деталью. Сам А. Белый в первой книге воспоминаний «На рубеже двух столетий» заметил:

Когда поворачиваюсь на далекое прошлое, то неким веяньем, как бы из подсознания, сквозь образы, мне заслоняющие первые образы воспоминаний, их все упразднив, — поднимается тьма; силюсь в ней что-то высмотреть, силюсь довосполнить начальные пропорции самосознания: сил не хватает. Тогда из бездн темноты мне выкидывается лишь образ отца. Его влияние огромно (Белый 1989: 122).

Обратимся к примерам реализации структурной схемы 2: **кажется кому что, представляется кому кем/чем (при участии глаголов казаться, показаться, представляться)**:

- 1) *Афросинья, замахиваясь рукой над огнем, описывает кочергой дугу, вся в отсветах кудрявого пламени, вылезавшего на нее из печи легкой гривой; в печке — красная ярая морда оскалилась углями: — И мне кажется: — Афросинья там борется с гадом, приползающим к черному отверстию печки; будет — будет нам гибель...* (Белый 2011: 1095);
- 2) *По утрам из кровати, бывало, смотрю: на узоры стоящего шкапчика; я умею скашивать глазки (смотреть себе в носик); узоры, бывало, снимаются с мест: прилипают мне к носику линии деревянных волокон двумя темнородными пятнами переплетенных суков; и мне кажется: две фигуры склонились своими неясными ликами, как два Мавра, — из разлетевшихся складок* (Белый 2011: 1098);

- 3) Среди дня я на них посмотрю — тысячелетием древнего мира мне немо склонились фигурки; и мне кажется, что у меня за спиной — не стены, а такие же точно миры, как на маленьком лакированном шкапчике: волокнисто-темнеющие, золото-карие, где все плавают сумерки меж бесствольными кущами (Белый 2011: 1098);
- 4) Мне казалось, что они грохотали у нас по ночам; в лабиринте из комнат с толпами — вот таких же точно, как и они, безобразников; это были дикие пламена, населявшие миры дальних комнат (Белый 2011: 1101);
- 5) И казалось мне, что стоял перед нами: Золотой Треугольник; две руки, как лучи, протянулись направо-налево от белого лика: белый лик, точно око, глядел в золотом треугольнике (Белый 2011: 1099);
- 6) И — **трубочист представляется мне** змееногим: извивается в комнатах; тихо пестует мальчиков (Белый 2011: 1094);
- 7) В более позднем младенчестве этот мир строгих строев (строевая служба моя) **представляется мне миром зданий, гамм, рулад, крамеровских этюдов и Черни** (экзерсисы Черни вы помните?) (Белый 2011: 1100);
- 8) все богаделенки — няни; вдовы же, то есть старые девы (что то же), **представляются мне до сих пор... интересами Веры Сергеевны Лавровой**: — Вера Сергеевна Лаврова — знакомая тети Доти, пахла прелыми яблоками; и загадывала на ... Бабаикина; выходило всегда, что Бабаикину предстоят интересы; исполнение интересов — четыре десятки — ложились не редко... (Белый 2011: 1100).

Наличие возвратной формы глагола и дательного субъекта в данной структурной схеме способствует восприятию мыслительной деятельности как процесса, не связанного с волевыми усилиями субъекта, имеющего произвольный характер.

В основе чувственной составляющей мыслительной деятельности лежат ощущения, восприятия и представления.

Структурообразующим компонентом схемы 2 является предикатив, маркированный глаголами *кажется, представляется*, синонимичными по отношению друг к другу и имеющими значение «являться в мыслях, в воображении» [36. С. 457], тождественными в лексическом отношении глаголам *чудиться, мерещиться*. Объект в анализируемой схеме маркирован творительным падежом (*змееногим, миром зданий, гамм, рулад, интересами*). Котик начинает активно создавать образы, что напоминает своеобразную киноленту, непрерывность которой возможна благодаря связи одного кадра с другим. Окружающие предметы быта профессорской квартиры представляются герою враждебными, так, например, печка становится разрушительной силой, являясь прибежищем *гадов* и *змееногого трубочиста*, деревянные фигурки на шкапчике представляются «дикими племенами». Возникновение различных образов приводит героя к размышлениям. Отсюда закономерно появление номинаций, представляющих собой мыслительные действия персонажа в виде глагольных языковых единиц (*думалось*), в которых выражаются мысли героя относительно воображаемых картин.

Считаем целесообразным обратиться к рассмотрению структурной схемы 3 «кому думалось что (при участии глагола думаться)»:

- 1) *Мне думалось: может быть, это он, перегибаясь по трубам, меня выхватил из дыры; и — пронес над огнем...* (Белый 2011: 1093);

- 2) *Мне все думалось после: Фундаменталиков-Чемодаников — ай, ай, ай! — поступил, то есть позволил себе своевольно тяжелую поступь: нарочно гремел по паркету; мне открылось тогда: кто нарочно гремит по паркету, тот совершает поступок* (Белый 2011: 1101).

Дательный субъекта в указанной схеме актуализирует мыслительную деятельность Котика Летаева как не связанный с волей субъекта, произвольный процесс.

В качестве структурообразующего компонента структурной схемы 3 используется предикатив, маркированный глаголом *думалось* в значении «представлялось».

Многие фразы, которые Котик слышит от окружающих его домочадцев, воспринимаются и понимаются им буквально, т.е. только в прямом значении, что приводит к искажению смысла тех или иных высказываний. Включение в дискурс маленького героя подобных лексических единиц, являющихся нарушениями нормативного словоупотребления, используется автором как прием языковой игры, создания комического эффекта. Так, тяжелая поступь Фундаменталикова-Чемоданикова отождествляется с близким по звучанию, но далеким в смысловом отношении словом «поступок».

Рассмотренный нами пример не является единичным в романе, таких нестандартных употреблений в тексте немало. На наш взгляд, это соответствует авторскому замыслу: показать читателю процесс становления мыслительной деятельности ребенка. Котик не овладел еще в полной мере процессом метафоризации. По этому поводу К.И. Чуковский в своей книге «От двух до пяти» писал: «...взрослые мыслят словесными формулами, а дети — вещами, предметами предметного мира. Их мысль на первых порах связана только с конкретными образами. Потому-то они так горячо возражают против наших аллегорий и метафор... слово часто в сознании ребенка носит такой же конкретный характер, как та вещь, которую он обозначает» [37]. Мысли героя связаны с конкретными образами, переносные значения слов он отвергает. «Свежесть реакций ребенка на взрослую речь сказывается именно в том, что каждую нашу идиому дети воспринимают буквально» [37].

Мыслительная деятельность юного героя направлена на получение какого-либо результата, во второй главе повести Котик анализирует предметы, сравнивает их, абстрагирует отдельные их свойства с тем, чтобы выявить общее в них, раскрыть закономерности, управляющие их развитием, с целью дальнейшего овладения ими.

В этом смысле закономерно появление структурной схемы 4 «кто (знал) знает что (при участии глаголов *знать, ведать, понимать*):

- 1) *Знаю я — скверновато: даже совсем скверновато* (Белый 2011: 1080);
- 2) *И я знаю объятия* (Белый 2011: 1085);
- 3) *Анаксимандр, Фалес, Гераклит, Эмпедокл пробегают по нашей квартире на чувственных знаках: Говорю: — «Рой, рои — все роится». Фалес меня учит: — «Все полно богов, демонов, душ...» Передо мною — огни: в страшный мир колесящих карбункулов распадается мне темнота; метаморфозы охваты-*

- ают; а — Гераклит мне твердит: — «Все — течет». С Анаксимандром **мы ведаем** беспредельности; Эмпедокл бросается в Этну; я — падаю в обморок (Белый 2011: 1102);
- 4) *Старый Гераклитианец — я видывал метаморфозы Вселенной в пламенных ураганах текущего; и я **знал** очень твердо; что сегодня — нянина голова, то когда-нибудь — отверстие лампы* (Белый 2011: 1102);
  - 5) *Я не помню, когда это было; но **знаю** — **прогнозили** мою молчаливую нянюшку* (Белый 2011: 1095);
  - 6) *Метафоры **понимаю я** точно* (Белый 2011: 1096);
  - 7) *И уже значительно позже: — видя черные рожи индейцев с продетыми в носу кольцами, **понимал я** отчетливо: **все они** — **безобразники**: с тяжелою поступью: Фундаменталиковы-Чемоданиковы* (Белый 2011: 1101).

В лексическом наполнении субъектного компонента данной структурной схемы используется личное местоимение в именительном падеже.

Структурообразующим компонентом схемы является предикатив, маркированный глаголами **знать**, **понимать**, которые объединены общим значением: «обладать какими-нибудь познаниями, иметь о ком-чём-нибудь понятие» [22. С. 457].

Процесс приобретения знаний, овладения понятиями и представлениями, связанными с бытом профессорской квартиры и ближайшим окружением Котика Летаева, происходит успешно, что выражается на языковом уровне при помощи соответствующих глагольных номинаций с утвердительным значением.

В тексте романа появляются глагольные единицы с отрицательным значением в том случае, когда мысль героя обращается к другой реальности (ирреальности), *связь с которой у него по-прежнему сохраняется. Например:*

*И, чернея оттуда, зовет он (**а кто** — **я не знаю**); и — одиноко подымет гор-
танный свой голос — повертываюсь: — вместо золото-карего мира — стена:
этажерочка (та же!) стоит себе; и на ней — строй солдат, оловянные гренадеры
мои серебрятся мне лицами... (Белый 2011: 1098).*

Автор повествует об играх Котика в символы, о становлении темы символизма в нем, относящейся к периоду раннего детства, что, в свою очередь, автобиографично. А. Белый писал:

*«Я ощущаю в себе **становление темы символизма** так, как она пела в душе моей с **раннего детства**. На вопросы о том, **как я стал символистом и когда стал**, по совести отвечаю: никак не стал, никогда **не становился**, но всегда **был символистом** (до встречи со словами «символ», «символист»); в играх четырёх-летнего ребёнка позднейше **осознанный символизм восприятий был данностью детского сознания**... Четырёх лет я играл в символы. Но в эти игры не мог посвятить я ни взрослых, ни детей; те и другие меня бы не поняли — я в этом убежден» (Белый 2012: 422);*

*С четырех до семнадцати лет я рос эсотериком; мой символизм — **утаиваемое от других**; долгое время сфера утаиваемого была сферой утаиваемого поневоле; игры мои кое в чем приоткрыл я кормилице (Белый 2012: 425).*

Роман А. Белого «Котик Летаев» представляется читателю субъективным воссозданием пройденного героем отрезка жизненного пути, состоящим в фиксации, сохранении, интерпретации и актуализации автобиографически значимых событий и состояний, определяющих самоидентификацию личности как единичного, тождественного самому себе психологического субъекта. Данное явление получило название «автобиографической памяти». Проблема памяти — способности сохранения и воспроизведения в сознании прежних впечатлений, опыта, — является одной из центральных в тексте. В предисловии к несостоявшемуся переизданию «Котика Летаева» А. Белый признавался:

«Природа наделила меня необыкновенно длинной памятью: я себя помню (в мигах), боюсь сказать, а — приходится: на рубеже 3-его года (двух лет!); и помню совсем особый мир, в котором я жил» (Белый 1989: 13).

Мы рассматриваем память как нечто изменчивое и постоянно формирующееся, активно участвующее в мыслительной деятельности, вследствие чего память одновременно является результатом и инструментом интерпретации в познавательной и мыслительной деятельности [15. С. 192]. Процессы памяти и мышления находятся в тесной взаимосвязи: информация, полученная в результате мыслительной деятельности, поступает в память.

С целью изображения процессов высших психических функций по накоплению, сохранению и воспроизведению знаний и навыков привлекается структурная схема «кто (не) помнит кого/что», представленная глаголом *помнить*. Автор прибегает к активному использованию глагольных номинаций, ибо те в силу своей семантики и грамматических свойств призваны отразить постепенное становление самосознающего «я» героя романа, начиная с момента образования его сознания. Данные глагольные номинации дают движение мысли, захватившей Котика. Например:

- 1) *Помню я этот сон: — выбегаю в столовую я, а за мной моя нянюшка с криками: «Обморок». И этот обморок вижу я: он- дыра в лакированном нашем паркете; и я вижу в дыре: там — гостиная; она — в красных креслах, как наша; на стенах из огромных гирлянд багренеют, грозясь: кисти красные роз зарывыми роями; я туда падаю; шепоты, шумы, шипы, огни, пары, гари влетают в открытую дверь; и появляется сам доктор Пфедфер в короне; и чернобровая девка Ардаша становится дамою* (Белый 2011: 1096);
- 2) *мне, младенцу (старикау нашего мира), они объясняют игрушки; и объяснение их игрушек перетягивает внимание от во мне живущего мира — к играм, затеянным вне меня; и — создается порог. — Я его помню открытым* (Белый 2011: 1097);
- 3) *Все было в нянюшке правильно нам: и внедырно, и комнатно (она дозировала за дырами; трубочист — ее кум); я, бывало, ее тербил; я просил ее: мне позвать трубочиста; нянюшка мне молчала: ни слова. И голоса я не помню ее; да и права не помню, но — дозирующий облик из теней, углов и простенков, в тускловатой мгле серых стен передо мною встает, как реликвия древности* (Белый 2011: 1095);
- 4) *Няни нет уже — утекла: я не помню, когда это было* (Белый 2011: 1102).

В лексическом наполнении субъектного компонента данной структурной схемы используется личное местоимение в именительном падеже. Мыслительная

деятельность Котика Летаева носит антропоцентрический характер, так как именно он является производителем ментального действия.

Предикатив маркирован глаголом *(не) помнить* и имеет значение «(не) сохраняться, удерживаться в памяти, (не) забываться» [35. С. 560].

Тема становления символизма, игры в символизацию продолжается: герой не помнит голоса, нрава няни, времени ее ухода из профессорской квартиры, но удерживает в памяти воспоминания об играх, «затяжных вне его мира», о «реликвиях древности», о «древних опытах». Автор сознательно актуализирует стержневые моменты повествования, определяемые проблемой памяти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во второй главе «Нянюшка Александра» романа А. Белого «Котик Летаев» способы синтаксической реализации концепта «мыслительная деятельность» главного героя позволяют наблюдать особенности проявления индивидуального сознания личности ребенка. Именно с их помощью репрезентируется внутренняя жизнь индивида, начиная с подсознательных рефлексов и первых пульсаций сознания у младенца, открывающего мир, и заканчивая периодом взросления.

© Родина Ю.Д., 2018

Дата поступления: 14.10.2017

Дата приема в печать: 10.03.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // *Язык и наука конца 20 века: сборник научных статей*. Москва: Институт языкознания РАН, 1995. С. 144—238.
2. Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2015. № 1. С. 5—12.
3. Демьянков В.З. О когнитии, культуре и цивилизации в трансфере знаний // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2016. № 4. С. 5—9.
4. Демьянков В.З. Об антропоцентрическом направлении в когнитивной лингвистике // *Когнитивные исследования языка. Вып. XXVII: Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике: сборник научных трудов / отв. ред. вып. В.З. Демьянков. Тамбов, 2016. С. 36—45.*
5. Рудакова А.В. *Когнитология и когнитивная лингвистика*. Воронеж: Истоки, 2004.
6. Чернова Л.А. Концептуальное содержание рассказа А.П. Чехова «На подводе» // Чернова Л.А., Дубова М.А. *Когнитивная лингвистика: мироощущение персонажа в русской прозе рубежа XIX—XX вв.: сб. статей*. Коломна: МГОСГИ, 2015. С. 4—9.
7. Лавров А.В. Вступительная статья // Андрей Белый на рубеже двух столетий. Воспоминания в 3-х книгах. М.: Художественная литература, 1989.
8. Толстой Л.Н. *Собрание художественных произведений*. [Электронный ресурс] URL: <http://tolstoy.ru/creativity/90-volume-collection-of-the-works/> (дата обращения: 15.01.2018).
9. Комарова З.И. *Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике*. М.: Флинта: Наука, 2013.
10. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. *Краткий словарь когнитивных терминов*. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997.
11. Карасик В.И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград: Перемена, 2002.
12. Болдырев Н.Н. *Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики*. 2016. № 4. С. 10—20.

13. *Болдырев Н.Н.* Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллективная монография. Москва: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. С. 25—77.
14. *Воркачев С.Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт // Филологические науки. 2001. № 1.
15. *Фурс Л.А.* Метапамять и ее роль в когнитивных процессах // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 3. С. 5—9.
16. *Беляевская Е.Г.* Когнитивные основания изучения семантики слова // Структуры представления знаний в языке. Москва: РАН ИНИОН, 1994. С. 87—110.
17. *Маслова В.А.* Когнитивная лингвистика. Минск: ТетраСистемс, 2004.
18. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001.
19. *Демьянков В.З.* Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке // Вопросы филологии. 2001. № 1. С. 35—47.
20. *Ляпин С.Х.* Концептология: к становлению подхода. Архангельск: Изд-во Поморск. пед. ун-та, 1997.
21. *Попова З.Д., Стернин И.А., Карасик В.И. и др.* Полевая модель концепта // Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: КемГУ, 2009. С. 12.
22. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж, 2006.
23. *Попова З.Д.* Структурная схема простого предложения и позиционная схема высказывания как разные уровни синтаксического анализа // Словарь. Грамматика. Текст: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Ю.Н. Караулов, М.В. Ляпон. Москва, 1996. С. 255—268.
24. *Прохоров Ю.Е.* В поисках концепта. Москва: Флинта; Наука, 2008.
25. *Золотова Г.А.* О структуре простого предложения в русском языке // Вопросы языкознания. 1967. № 6.
26. *Москальская О.И.* Проблемы семантического моделирования в синтаксисе // Вопросы языкознания. 1973. № 6.
27. *Бабайцева В.В.* Система структурно-семантических типов простого предложения в современном русском языке // Предложение как многоаспектная единица: Межвузовский сборник научных трудов МГПИ им. Ленина. М., 1984.
28. *Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
29. *Леценко М.И.* Семантика предложения // Проблемы семантического описания единиц языка и речи: Материалы докладов Международной научной конференции. Ч. 1. Минск, 1998.
30. *Никитин М.В.* Курс лингвистической семантики. СПб., 1997.
31. *Петрова О.Н.* Типовая семантика простого предложения // Семантика языковых единиц: Доклады V Международной конференции. Т. 2. М., 1996.
32. *Чернова Л.А.* Синтаксический концепт «бытие признака объекта» с авторизованными глагола (по рассказу А.П. Чехова «Невеста») // Чернова Л.А., Дубова М.А. Когнитивная лингвистика: мироощущение персонажа в русской прозе рубежа XIX—XX вв.: сб. статей. Коломна: МГОСГИ, 2015. С. 10—16.
33. *Волохина Г.А., Попова З.Д.* Синтаксические концепты русского простого предложения. Воронеж, 2003.
34. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. Москва: А ТЕМП, 2010.
35. *Ефремова Т.Ф.* Современный толковый словарь русского язык. Москва: Русский язык, 2000.
36. *Чуковский К.И.* От двух до пяти [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=72192&p=1> (дата обращения: 12.11.2017).

37. *Ли Сяошуй* Мыслительная деятельность через призму концепта ВРЕМЯ в романе Дж. Барнса «A History of the World in 10 Chapters» Когнитивные исследования языка. Вып. XXVII: Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике: сборник научных трудов / отв. ред. вып. В.З. Демьянков. Тамбов, 2016. С. 192—198.
38. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта, Наука, 2003.

Источники

1. *Белый А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания. В 3-х кн. Кн. 1. Москва: Художественная литература, 1989.
2. *Белый А.* Полное собрание сочинений в двух томах. Москва: АЛЬФА-КНИГА, 2011.
3. *Белый А.* Собрание сочинений. Арабески. Книга статей. Луг зеленый. Москва: Арабески, 2012.

УДК: 81.42:821.161.1-3

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-463-479

STRUCTURAL SCHEMES THAT REPRESENT THE SYNTACTIC CONCEPT “THINKING ACTIVITY” IN THE SECOND CHAPTER (“NAYANUSHKA ALEXANDER”) OF A ROMAN A. BELY “KOTIK LETAEV”

Julia D. Rodina

State University of Social Studies and Humanities
Zelyonaya str., 30, Kolomna Moscow Region, 140410

Abstract. The article is devoted to the analysis of ways of syntactical realization of the concept “thinking activity” in one of the chapters of the autobiographical novel by the writer-symbolist Andrei Bely “Kotik Letaev”. Thinking activity is the main way of characterizing the central character of the work — the little Kotik Letaev.

The purpose of the article is to identify the main syntactic schemes that represent the thought discourse of the hero of the work, the basis of which are the verbs of thinking, understanding, cognition, imagination, memory.

The study is based on an integrated, systemic approach, combining elements of cognitive, comparative-typological and concrete-text analysis.

An attempt was made to show on the specific linguistic material the author's originality in the creation of the concept “thinking activity”, its functioning in the organization of the text.

The author focuses on the specific textual implementation of the selected 5 structural schemes in terms of the writer's reproduction of the individual's inner life, beginning with subconscious reflexes and the first pulsations of consciousness in the infant opening the world, and ending with the period of growing up.

Particular attention is paid to the nominations that fix the objects of the intellectual activity of the little Kitty, taking into account his growing up and broadening his horizons.

The theoretical significance of the article is that it is a definite contribution to the process of studying the ways of linguistic representation of the syntactic concept “thinking activity”.

The practical importance of the article is that its main conclusions and provisions can be applied in the practice of university teaching, in general and special courses on cognitive linguistics. Materials can be used for their practical purposes by cognitologists and philologists in the compilation of textbooks and manuals for universities on the study of idiosyncrasy A. Bely.

Key words: concept “intellectual activity”, the syntactic implementation, block diagram, verbal lexemes, consciousness, memory, thinking, unconscious

REFERENCES

1. Kubryakova, E.S. (1995). Evolution of linguistic ideas in the second half of the XX century (experience of paradigm analysis). In *Language and science of the late 20th century: a collection of scientific articles*. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. pp. 144—238.
2. Boldyrev, N.N. (2015). Anthropocentric essence of language in its functions, units and category. *Questions of cognitive linguistics, 1*, 5—12.
3. Demyankov, V.Z. (2016). On cognition, culture and civilization in the transfer of knowledge. *Questions of cognitive linguistics, 4*, 5—9.
4. Demyankov, V.Z. (2016). On anthropocentric direction in cognitive linguistics. *Cognitive studies of language. Issue XXVII: Anthropocentric approach in cognitive linguistics: a collection of scientific papers*. Ed. V.Z. Demyankov. Tambov. pp. 36—45.
5. Rudakova, A.V. (2004). Cognitive and cognitive linguistics. Voronezh: Origins.
6. Chernova, L.A. & Dubova, M.A. (2015). The conceptual content of the story of A.P. Chekhov “On a cart”. *Cognitive linguistics: the worldview of a character in Russian prose of the turn of the XIX—XX centuries: Sat. articles*. Kolomna: MGOSGI. pp. 4—9.
7. Lavrov, A.V. (1989). Introductory article. *Andrei Bely at the turn of two centuries. Memories in 3 books*. Moscow: Fiction.
8. Tolstoy, L.N. Collection of works of art. [Electronic resource] URL: <http://tolstoy.ru/creativity/90-volume-collection-of-the-works/> (available at: 15.01.2018).
9. Komarova, Z.I. (2013). Methodology, method, methodology and technology of scientific research in linguistics. Moscow: Flint: Science.
10. Kubryakova, E.S., Demyankov, V.Z., Pankrats, Yu.G. & Luzina, L.G. (1997). Short dictionary of cognitive terms. Moscow: Moscow State University named after M.V. Lomonosov.
11. Karasik, V.I. (2002). Language Circle: Personality, Concepts, Discourse. Volgograd: Shans.
12. Boldyrev, N.N. (2016). Cognitive schemes of language interpretation. *Questions of cognitive linguistics, 4*, 10—20.
13. Boldyrev, N.N. (2009). Conceptual basis of the language. *Cognitive studies of the language. Issue IV. Conceptualization of the world in language: a collective monograph*. Moscow: Institute of Linguistics RAS; Tambov: Publishing House of TSU named after G.R. Derzhavin. pp. 25—77.
14. Vorkachev, S.G. (2001). Lingvoculturology, language personality, the concept. *Philological Sciences, 1*. pp. 64—72.
15. Fours, L.A. (2017). Meta-memory and its role in cognitive processes. *Questions of cognitive linguistics, 3*, 5—9.
16. Belyaevskaya, Ye.G. (1994). Cognitive foundations of the study of word semantics. *Structures of representation of knowledge in language*. Moscow: RAS INION. pp. 87—110.
17. Maslova, V.A. (2004). Cognitive linguistics. Minsk: TetraSystems.
18. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2001). Essays on cognitive linguistics. Voronezh: Istoki.
19. Demyankov, V.Z. (2001). Concept and concept in fiction and scientific language. *Topics in the study of language, 1*, 35—47.
20. Lyapin, S.Kh. (1997). Conceptology: to the development of the approach. Arkhangelsk: Publishing house of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov.
21. Popova, Z.D., Sternin, I.A., Karasik, V.I. & all. (2009). The field model of the concept. *Introduction to Cognitive Linguistics*. M.V. Pimenova (ed.). Kemerovo: KemSU.
22. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2006). Semantico-cognitive analysis of the language. Voronezh.
23. Popova, Z.D. (1996). Structural diagram of a simple sentence and a positional diagram of a statement as different levels of parsing. In *Dictionary Grammar. Text*. Yu.N. Karaulov, M.V. Lyapon (ed.). Moscow. pp. 255—268.
24. Prokhorov, Yu.E. (2008). In search of the concept. Moscow: Flint; Science.

25. Zolotova, G.A. (1967). On the structure of a simple sentence in the Russian language. *Topics in the study of language*, 6.
26. Moskalskaya, O.I. (1973). Problems of Semantic Model in Syntax. *Topics in the study of language*, 6.
27. Babaytseva, V.V. (1984). The system of structural-semantic types of a simple sentence in modern Russian. In *Proposal as a multidimensional unit: Intercollegiate collection of scientific papers MGPI*. Moscow.
28. Zolotova, G.A., Onipenko, N.K. & Sidorov, M.Yu. (1998). Communicative grammar of the Russian language. Moscow.
29. Leschenko, M.I. (1998). Semantics of the Proposal. In *Problems of the Semantic Description of the Units of Language and Speech: Proceedings of the International Scientific Conference. Part I*. Minsk.
30. Nikitin, M.V. (1997). Course of linguistic semantics. SPb.
31. Petrova, O.N. (1996). Typical semantics of a simple sentence. In *Semantics of language units: Reports of the V International Conference*. Vol. 2. Moscow.
32. Chernova, L.A. (2015). Syntactic concept “the existence of a feature of an object” with an authorized verb (according to Anton Chekhov’s story “The Bride”) In Chernova L.A., Dubova M.A. *Cognitive linguistics: the worldview of a character in Russian prose the turn of the XIX—XX centuries*. Kolomna: MGOKGI. pp. 10—16.
33. Volokhina, G.A. & Popova, Z.D. (2003). Syntactic concepts of the Russian simple sentence. Voronezh.
34. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (2010). Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow: Temp.
35. Efremova, T.F. (2000). The modern explanatory dictionary of the Russian language. Moscow: Russian language.
36. Chukovsky, K.I. Two to five [Electronic resource]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=72192&p=1> (available at: 12.11.2017).
37. Li Xiaoshuai. (2016). Thinking activity through the prism of the concept TIME in the novel by J. Barnes “A History of the World in 10 Chapters”. In *Cognitive studies of the language. Issue XXVII: Anthropocentric approach in cognitive linguistics: a collection of scientific papers*, V.Z. Demyankov (ed.). Tambov. pp. 192—198.
38. Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language. (2003). M.N. Kozhina (ed.). Moscow: Flint, Science.

Для цитирования:

Родина Ю.Д. Структурные схемы, репрезентирующие синтаксический концепт «Мыслительная деятельность» во второй главе («Нянюшка Александра») романа А. Белого «Котик Летаев» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 2. С. 463—479. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-463-479.

For citation:

Rodina, J.D. (2018). Structural schemes that represent the syntactic concept “thinking activity” in the second chapter (“Nayanushka Alexander”) of a roman A. Bely “Kotik Letaev”. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (2), 463—479. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-463-479.

Rodina J.D., 2018. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (2), 463—479. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-463-479.

Сведения об авторе:

Родина Юлия Демьяновна, аспирант кафедры русского языка Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области «Государственный социально-гуманитарный университет»; *научные интересы:* когнитивная лингвистика, лексикология, концепт; *e-mail:* yulya_rodina_92@mail.ru

Bio Note:

Julia D. Rodina, graduate student of the Moscow Region “State social-humanitarian University”; *Scientific Interests:* cognitive linguistics, lexicology, concept; *e-mail:* yulya_rodina_92@mail.ru

УДК: 81.42:651.75

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-480-496

АЛГОРИТМ АНАЛИЗА ДЕЛОВЫХ ПИСЕМ

Г.Н. Пудикова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье представлен алгоритм анализа деловых писем в русском, английском и португальском языках на основе следующих аспектов: стиль и жанр, структурно-семантические и прагматические особенности, прагматическая информация, жанровые разновидности.

Деловое письмо определено как грамматически оформленный и семантически завершенный тип текста, который имеет особую коммуникативную структуру и наделен документальной силой.

Показано, что прагматическая информация в текстах делового письма реализуется через грамматическую категорию модальности и прагматическую категорию деловой вежливости, что эксплицируется в гиперболах, формулах вежливости и непрямом речевом акте просьбы.

Рассматривается гарантийное письмо как одна из форм деловой переписки. Гарантийное письмо представлено как документ, в котором отправитель обещает или гарантирует осуществить выполнение каких-либо действий в отношении адресата, которые связаны с его интересами.

Цель статьи: исследовать специфику анализа деловых писем в русском, английском и португальском языках.

Ключевые слова: гарантийное письмо, деловое письмо, информация, жанр, речевой акт, стиль, структура, языковые особенности

ВВЕДЕНИЕ

Деловое письмо — это грамматически оформленный и семантически завершенный тип текста, который имеет особую коммуникативную структуру и наделен документальной силой. К коммуникативным задачам, которые решаются с помощью делового письма, принадлежат следующие:

- установление партнерских отношений,
- создание атмосферы доверия и сотрудничества между партнерами с целью решения сложных и противоречивых проблем, которые возникают в процессе делового общения.

Таким образом, составление делового письма нуждается в определенной компетенции, которая должна базироваться, прежде всего, на глубоком понимании стилистических и прагматических особенностей этого речевого жанра в рамках функционального стиля.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Деловое письмо характеризуется специфической коммуникативной структурой.

Деловое письмо имеет определенную информативную структуру (содержание) и может быть представлено как комплекс тесно связанных элементов, кото-

рые несут экстралингвистическую информацию [1; 2]. Ее составляющими являются денотативная, стилистическая и прагматическая информация.

Выбор совокупности языковых и композиционных признаков делового письма подчинен достижению прагматической цели: заключение соглашения, убеждения в принятии определенного решения и тому подобное.

Определяющей для жанрово-стилистической доминанты (или инварианта) делового письма является его информативная структура, которая проявляется в совокупности композиционных, языковых и прагматических признаков.

Аспекты анализа делового письма

Проблема стиля и жанра. Существование официально-делового стиля в функционально-стилистических системах русского, английского и португальского языка позволило нам проанализировать его основные коммуникативные признаки и выделить общие стилевые черты. Как следствие, установлено, что лаконичность, сжатость, объективность, точность, стандартизованность, ясность, вежливость, убедительность, логичность являются общими стилевыми чертами для исследуемых языков.

Письменная официально-деловая речь материализуется в разных типах государственных, дипломатических документов и в деловой переписке. В жанре «деловое письмо» мы выделяем вслед за Г.А. Котий:

- 1) коммерческие письма;
- 2) официальные письма некоммерческого характера (письмо-приглашение; письма с выражением соболезнования; письма с выражением благодарности; письма с информированием о чем-либо; письма, в которых содержатся рекомендации; письма с поздравлениями по разным поводам и пр.) [1. С. 7].

Их объединение в один жанр сделано на основании того, что эти оба типа писем имеют общую коммуникативную цель и общие стилевые черты.

На основе выделения типичных для исследуемых языков коммуникативных признаков и ситуаций общения представлена типологическая классификация делового письма, которая включает письма-запросы, предложения (оферты), фактуры, рекламации, письма-напоминания и пр.

Объектом нашего исследования является деловое **гарантийное письмо**.

Структурно-семантические и прагматические особенности делового письма. Согласно теории коммуникации текст делового письма членится на ряд функционально-отличных коммуникативных блоков, которые являются универсальными или подобными, общими для русского, английского и португальского [1—3]:

А. Интродуктивная часть:

1. Блок обращения и приветствия, где выбор языковых средств зависит от социального статуса партнеров по переписке.
2. Блок ссылки на предыдущую переписку.

Интродуктивная часть передается двумя отдельными композиционно-структурными блоками, которые информируют о вступлении в коммуникацию субъектов относительно объекта их общих действий. Знание интродуктивной части

гарантийного письма есть фактуальным, потому что, во-первых, оно актуализирует концепт-идею гарантийного письма, поданную в сжатом виде, задавая объективность изложения фактов, а во-вторых, интродуктивная часть отображает предмет гарантийного письма, то есть указывает на согласие относительно предмета и объекта гарантийного письма:

Англ. *To: Minister of Justice*

Русск. *Директору ООО*

«Агентство профессионального консалтинга»

Полевому Андрею Александровичу

Португальск. *A EMPRESA DE PLANEJAMENTO E LOGISTICA S/A — EPL — SBN QUADRA 02, LOTE 4, BLOCO P — CEP 70.040-020 — BRASÍLIA — BRASÍLIA — DF.*

Date:

Следовательно, в исследуемых языках основной функцией интродуктивной части является предоставление адресату минимума фонового знания, нужного для восприятия этого текста.

Б. Основной массив текста гарантийного письма:

1. Блок основного сообщения, где формулируется главный тезис письма, который отображает интенцию автора сообщения: предложение к сотрудничеству, сообщение о продаже товара или предоставлении услуг, высказывания претензий и тому подобное.

2. Блок побуждения к дальнейшей коммуникации.

Основной массив текста гарантийного письма наиболее объемный, особенно в русском и португальском языках:

Русск.

ООО «Тайфун», выступая приглашающей стороной в отношении приглашаемого иностранного гражданина Италии Мораес Роберт, 12.12. 1975 г.р., паспорт YA 333555888, выдан 01.01.2001 г. (фамилия, имя, отчество (при наличии), дата рождения, сведения о документе, удостоверяющем личность) гарантирует ему материальное, медицинское и жилищное обеспечение, а именно:

1. Обязуется предоставить возможность для его проживания по адресу: (указывается адрес, где предполагается пребывание приглашаемого иностранного гражданина (лица без гражданства)).

2. Обеспечить на период его пребывания в Российской Федерации страховым медицинским полисом, оформленным в установленном законодательством Российской Федерации порядке (если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации), или предоставить ему, при необходимости, денежные средства для получения им медицинской помощи.

3. Обязуется предоставить денежные средства, необходимые для выезда из Российской Федерации по окончании срока его пребывания в Российской Федерации.

Португальск.

Pela presente Carta de Fiança, o Banco ....., com sede ....., CNPJ/MF nº ....., por si diretamente e seus sucessores, se obriga perante a EMPRESA DE PLANEJAMENTO E LOGISTICA S/A, com sede em

Brasília, Distrito Federal, CNPJ/MF nº 00352294/0001-10, em caráter irrevogável e irretratável como fiador solidário e principal pagador, com expressa renúncia aos benefícios estatuídos nos artigos 827 e 835 do Código Civil Brasileiro, da firma ....., com sede ....., CNPJ/MF nº ....., da importância de R\$ ....., correspondente a 5% (cinco por cento) do valor do Contrato decorrente da RDCNº 001/2013.

A presente fiança é prestada para o fim específico de garantir o cumprimento, por parte de nossa Afiançada, das obrigações estipuladas no Contrato antes referido, celebrado, por nossa Afiançada e a EMPRESA DE PLANEJAMENTO E LOGISTICA S/A — EPL.

Por força da presente fiança e em consonância com o Contrato acima indicado, obriga-se este Banco a pagar a EMPRESA DE PLANEJAMENTO E LOGISTICA S/A — EPL, no prazo de 24 (vinte e quatro) horas, contado do simples aviso que pela mesma lhe for dado, até o limite do valor fixado acima, quaisquer importâncias cobertas por esta fiança.

Esta Carta de Fiança, vigorará pelo prazo de ___ (___) meses corridos, ou até a extinção de todas as obrigações assumidas por nossa Afiançada mediante o referido Contrato.

Nenhuma objeção ou oposição da nossa Afiançada será admitida ou invocada por este Banco para o fim de escusar do cumprimento da obrigação assumida neste ato e por este Instrumento perante a EMPRESA DE PLANEJAMENTO E LOGISTICA S/A — EPL.

Obriga-se este Banco, outrossim, pelo pagamento de quaisquer despesas judiciais e/ou extrajudiciais, bem assim por honorários advocatícios, na hipótese do EMPRESA DE PLANEJAMENTO E LOGISTICA S/A — EPL se ver compelido a ingressar em juízo para demandar o cumprimento da obrigação a que se refere a presente garantia.

Англичане изглагают основную идею более коротко:

Англ.

I will guarantee the following items regarding the above-mentioned applicant's entry into Japan:

- 1. Expenses for the applicant's stay in Japan*
- 2. Return travel expenses*
- 3. Compliance with Japanese laws and regulations*

I hereby declare that the above is true.

В. Финальная часть гарантийного письма:

1. Блок этикетных формулировок и подписи.
2. Реквизиты и пр.

Финальная часть гарантийного письма содержит напоминания, реквизиты сторон:

Русск.

* Гарантийное письмо подписывается руководителем или иным уполномоченным лицом Заказчика и заверяется печатью организации, направляющей слушателя на обучение. В случае если гарантийное письмо подписывается не руководителем, а иным уполномоченным лицом Заказчика, полномочия этого лица подтверждаются документально (приложением копии документа, подтверждающего полномочия).

** Гарантийное письмо, оформленное ненадлежащим образом, без синей печати организации, не принимается. Слушатели такого Заказчика к занятию не допускаются.

Англ.

Guarantor:

Name: Nationality

Address in Japan: Tel:

Status of residence:

Occupation:

Relationship

Португальск.

Declara, ainda, este Banco fiador, que a presente fiança está devidamente contabilizada e que satisfaz às determinações do Banco Central do Brasil e aos preceitos da legislação bancária aplicáveis e, que, os signatários deste instrumento estão autorizados a prestar a presente fiança. Declara, finalmente, que está autorizado pelo Banco Central do Brasil a expedir Carta de Fiança e que o valor da presente se contém dentro dos limites que lhe são autorizados pela referida entidade federal.

A presente fiança foi emitida em 01 (uma) única via.

..... (.....), ... de ..... de 200....

(seguem-se as assinaturas autorizadas, com firmas reconhecidas)

Следующей составляющей информативной структуры текста делового письма является стилистическая информация. Ее функция заключается в передаче оценки, суждения или умышленного выделения квантов информации тем, кто говорит или пишет, с целью эмоционального влияния на получателя. То есть стилистическая информация увеличивает прагматический потенциал высказывания. В нашем исследовании мы распределили все элементы организации стилистической информации согласно коммуникативному намерению на две группы:

1. Стилистические средства, которые помогают автору регулировать внимание реципиента и побуждают его к определенному действию (достижение договоренности, согласования положений договора, покупка/продажа товара и тому подобное). Эту группу составляют адгерентно экспрессивная лексика, которая приобретает в тексте стилистическую маркировку, пропуск служебных слов, лексико-семантический повтор (полный, повторная номинация).

Стилистические средства, которые помогают через выражение специфического отношения к адресату, а также к событиям и фактам, что описываются в письме, создать общий позитивный тон письма, на фоне которого подается разная, даже негативная информация. Вторую группу образуют перифразы, эвфемизм и гиперболы [4. С. 56].

Роль лексики в создании стилистической информации прослеживается как на уровне предложения, так и на уровне целого текста. В таком случае приобретают значение дистантные стилистические связки, благодаря которым сообщения получает дополнительную маркировку. Таким способом реализуется авторская интенция [3. С. 6].

Лексико-семантические повторы, которые часто используются в деловом письме в русском, английском и португальском языке, помогают адресанту концентрировать внимание читателя на определенных отрезках информации, являясь своеобразными опорами.

Стилистическая информация, что возникает в тексте в случае использования лексико-семантического повтора, распространяется благодаря сосуществованию с ним в тексте сравнений, метонимии, синтаксического параллелизма предложений.

Прагматический эффект такого сообщения — высокий.

Другим, не менее важным средством передачи стилистической информации, которая заключается в уменьшении интенсивности силы значения изображаемого предмета или смягчения впечатления, которое производит на адресата информация делового письма, являются номинальные перифразы и эвфемизмы. Эти стилистические средства встречаются в деловом письме, где идет речь о событиях, которые являются негативными для одного из коммуникантов. Адресант письма, руководствуясь нормами этикета, избегает таким способом прямых оценок событий, фактов. Прагматический эффект высказывания повышается при комбинации перифраз и эвфемизма с другими стилистическими средствами.

Прагматическая информация рассматривается через категорию модальности. В качестве объектов модальности выделяется партнер по коммуникации (конкретное лицо или учреждение) и предмет обсуждения [2. С. 45].

Отношение к ним передается в тексте разными языковыми средствами, что и образует его общую коммуникативную направленность. Категория модальности реализуется в деловом письме русского, английского и португальского языка в формах:

- 1) объективно-оценочной модальности возможности/желательности;
- 2) субъективно-оценочной модальности, которая проявляется в формах деловой вежливости, которая является дифференциальным признаком текстов анализируемого жанра.

Объективно-оценочная модальность выражается с помощью:

- 1) модального глагола и его синонимов;
- 2) модальных слов, которые передают значение проблематичной достоверности.

Прагматический эффект может усиливаться путем лексического повтора.

Определяющей для жанра делового письма есть категория деловой вежливости, которая реализуется в деловом письме с помощью прагматических клише-гипербол (Доброго времени суток!). Используя их, автор проявляет свое особое отношение к адресату. Категория деловой вежливости является составляющей жанрово-стилистической доминанты делового письма.

Другим средством передачи прагматического значения вежливости является не прямой речевой акт просьбы. Такой тип высказывания вызывает определенный перлокутивный эффект, потому что требует от него реакции, которая может быть вербальной и невербальной, или даже в совокупности. Передача этой прагматической информации достигается благодаря употреблению в исследуемых языках сослагательного наклонения со значением вежливости.

Жанровые разновидности делового письма. Контрастивный анализ делового письма позволил выявить типологию как совпадений, так и отличий в ис-

пользовании лингвальных средств. Типологические совпадения заключаются в возможности:

- сохранения композиционной структуры текстов;
- воссоздания всех трех типов информации, которая достигается отбором постоянных и ocasionальных соответствий как на уровне слова, так и на уровне цели коммуникации;
- правильной передачи терминологической лексики;
- воссоздание подавляющего большинства стилистических средств (лексический повтор, реметафоризация, синтаксический параллелизм);
- сохранение морфолого-синтаксических признаков текста (усложненные предложения) [1; 2].

Состав реквизитов и их расположение в английской, португальской и русской деловой корреспонденции имеет свои особенности, что связано с социокультурными традициями написания частных деловых писем, которые строго регламентированы на социальном уровне.

Анализ гарантийных писем на русском языке позволяет выделить следующие морфологические особенности:

- 1) широкое использование нормативной лексики, юридических и экономических терминов;
- 2) использование в основном простых предложений;
- 3) использование перечислений;
- 4) отсутствие эмоционально-экспрессивных синтаксических средств.

Гарантийные письма на португальском языке во многом схожи со спецификой составления гарантийных писем на русском, что можно объяснить схожими нормативными подходами при оформлении гарантийных писем как в российской деловой практике, так и стран, использующих португальский язык в качестве государственного.

В практике составления гарантийных писем на английском, русском и португальском языках не используются лексические особенности этих языков, исключено применение просторечий, фразеологизмов, характерных для устной речи (в том числе которые могут быть использованы и в устном деловом общении — на переговорах, встречах, конференциях, обсуждениях и т.п.). Эта особенность определяется существующей деловой (в том числе и международной) практикой, на которую ориентированы и правила национального документооборота.

Итак, полагаем, что:

деловое письмо представляет собой грамматически оформленный и семантически заверченный тип текста, который имеет особую коммуникативную структуру и наделен документальной силой;

деловое письмо отличается от других деловых документов: а) специфической целью коммуникации (заключается в достижении договоренности с помощью письменного диалога); б) функционированием в сфере экономических и административно-деловых отношений. По этим признакам он может быть выделен в отдельный речевой жанр в пределах официально-делового стиля.

Морфологические особенности гарантийных писем

Темпоральная сетка гарантийного письма. Употребление временных форм глагола является не только когнитивным, но и во многом прагматично предопределенным. Анализ смысла предложений, которые содержат те или другие временные формы, нуждается в обращении к языковой/речевой личности — центральному понятию как лингвопрагматики, так и когнитологии. Принимая во внимание то, что стороны гарантийного письма являются коллективом авторов, обращения к семантике временных форм предоставляет возможность установить специфику делегирования обязанностей обеим сторонам соглашения.

Темпоральность обусловлена перформативным контекстом и связана с пониманием момента совершения высказывания как объемлющего интервала в рамках значения настоящего речевого акта, что материализуется в грамматической форме перформативного предиката.

Ниже приведен пример гарантийного письма первого типа:

Киров Н.Ю. Арсеньеву И.В.

директор ООО «Мэйл.Ру» E-mail: vasilievich@yahoo.com

http://www.Mail.ru

Гарантийное письмо

Уважаемый Арсеньев И.В.

Мы ООО «Мэйл.Ру» предлагаем Вам создать почтовый ящик в нашей почтовой системе. Мэйл.Ру с 1996 года и по сегодняшний день является одним из самых востребованных почтовых сервисов в сети Интернет.

Администрация Mail.ru гарантирует, что: почтовый сервис будет предоставляться непрерывно, быстро, надежно и без ошибок; Результаты, которые могут быть получены с использованием сервиса, будут точными и надежными; Качество какого-либо продукта, услуги, информации и пр., полученного с использованием почтового сервиса, будет соответствовать Вашим ожиданиям; Любые ошибки в программах будут исправлены;

Mail.ru несет ответственность за любые прямые или косвенные убытки, произошедшие из-за: использования либо невозможности использования почтового сервиса; несанкционированного доступа к Вашим коммуникациям; заявления или поведения любого третьего лица в почтовом сервисе.

Мы гарантируем Вам самое важное — конфиденциальность Ваших данных и постоянную работу нашего сервиса.

С уважением Киров Н.Ю. директор ООО «Мэйл.Ру»

_____ << _ >> << _____ >> 2009 г.

В гарантийных письмах первого типа линия поведения коммуникантов фиксируется преимущественно с помощью презентных форм (Present Simple), которые делают возможным сообщение о текущей деятельности коммуникантов. Следовательно, полностью уместно назвать первую группу гарантийных писем нарративными.

В английских нарративных гарантийных письмах количество форм будущего времени (сравнительно с презентными) уменьшается до 25,2% текстовой ткани. Напротив, некоторые тексты гарантийных писем характеризуются отягощен-

ностью футуральными конструкциями с модальным глаголом *shall*, что является своеобразным клише официально-делового изложения, потому логично назвать эту группу гарантийных писем клишированными.

В русском языке настоящее время доминирует (75%), будущее — 25%. В португальском языке: 65% и 35% соответственно.

Будущее время в гарантийном письме на русском языке представлено в формате условия:

В случае несоблюдения гарантийных обязательств об оплате указанной суммы в установленный срок нами будет осуществлена выплата пени в размере 0,1% от суммы задолженности за каждый день просрочки уплаты.

В английском языке с помощью формы Present Simple будущие события изображаются как реальная действительность, которая касается адресата и не вызывает сомнений или отрицаний. Поскольку о будущем известно гораздо меньше, чем о прошлом или нынешнем, а говорится о нем всегда больше, средства его реализации в тексте гарантийного письма находятся в плоскости настоящего времени со значением фактивности (в основе — фактивные и нефактивные контексты, Kiparskys, 1971). О фактивности можно говорить условно, имея в виду клишированность и формы, и содержания речевого действия. Полуфактивность и нефактивность также обусловлены этим фактором (*Я извещаю, что...* — фактив; *Я заявляю, что...* — полуфактив; *Я уверяю, что...* — нефактив).

Следовательно, формы Present Simple, которые доминируют в гарантийных письмах, предназначены для отражения реальных или потенциальных ситуаций, которые связаны с актуализацией общего нынешнего, совместимого с дейксисом «сейчас». Семантика Present Simple в совокупности с маркерами времени *before, after, against, while* и локализаторами типа *in 50 days, three weeks* позволяет передать ход событий, которые последовательно разворачиваются, ориентировать адресата на будущее.

Поскольку перфектные формы имеют значение завершенности отдельного изолированного действия в сфере нынешнего, они обеспечивают контакт реального (объективного) и мнимого (субъективного) времени в сознании адресата. Перфектные формы составляют меньше 10% общего количества временных форм.

С точки зрения часового соотношения событий показательной является интродуктивная часть текстового массива, где содержится концепт-идея и сообщается о факте гарантии. В английском языке, благодаря перфектным формам: *Company A... and company B... have concluded the present Letter of Guarantee to the effect that...; Company A... and company B... have signed the present Letter of Guarantee on the following* — прошлое тесно и органично связывается с настоящим, с моментом речи. Следовательно, адресат чувствует себя активным участником, кем он собственно и является по условиям гарантийного письма.

Для русского языка перфектные формы не характерны. В русском языке они выражаются прошедшим временем.

Ссылка на события, которые уже состоялись, отступление в прошлое или изображение будущего вносит в основной текст определенного рода субъективно-

модальные коннотации. В английском языке модальные фрагменты текста гарантийного письма содержат Present Perfect, значение которых приближает факты прошлого к сфере действия гарантийного письма, служит дискурсной детализации:

The party which has been deprived of its contractual obligations should immediately notify the other party and in this case neither of the parties will have the right to demand any compensation of eventual losses from the other party.

Формы Present способны не только локализовать события или факты в часовом континууме. Прагматический потенциал форм Present в тексте гарантийного письма заключается в содействии экспликации интенционной нагрузки СФЕ, указывая на определенно субъективное содержание, которое вводится в гарантийное письмо. Сочетание Present Simple и Present Perfect позволяет соотнести действие с любым временем.

The ABC on the one part and the DEF on the other part have concluded the present Letter of Guarantee on the following basis:

- 1.1. *The Sellers have sold and the Buyers have bought the Goods...*
- 1.2. *The specification of the Goods with prices per item is stipulated in Appendix N. 1, which is an integral part of this Letter of Guarantee.*
- 2.2. *The prices are understood in (currency indicated).*
- 3.1. *The Goods is to be delivered...*
- 3.2. *The date of delivery is considered...*
- 4.1. *Payment will be effected...*
- 4.3. *Each party should bear bank charges...*
- 4.4. *The bank guarantee has to be returned...*

Результатом взаимодействия двух часовых плоскостей является восприятие описываемого как части собственного профессионального опыта, а не только как жестко регламентированного документа.

Ориентация на будущее эксплицируется благодаря категории футуральности, которая занимает особое место в темпоральной системе гарантийного письма. Будущее появляется как сфера возможного, предсказуемого, планируемого, желательного для обеих сторон. Со-автор учитывает даже и то, что может состояться/не состояться. В таком случае семантическая сфера индикатива содержит стержень актуальности (фактичности) вместе с модальностью возможного и необходимого. Тактика соотношения изображаемого со сферой будущего свидетельствует об определенной степени потенциальности содержания гарантийного письма.

Обращенность в будущее гарантийного письма, что имеет целью регулирование будущей деятельности коммуникантов, конституируется формами настоящего времени вместе с формами Future Simple. Привлечение средств нынешнего: *The total cost of the Contract amounts to XXXXX. The Contract price shall be firm, fixed and subject to no alterations; Payment shall be made in... The terms of payment are the following...* для изображения футуральной перспективы в гарантийном письме предоставляет будущим действиям черты не гипотетического, а полностью реального, максимально объективного характера, а самой сфере будущего — предсмотренность и спланованность.

Для экспликованной футуральности доминирующей является сема «следующая», которая сигнализирует, что действие состоится после определенного момента. Например: *The Seller shall notify by cable the Buyer not later than (indicated) days after the (vessel's name) departure from the Seller's (port) about the shipment of merchandise...* последовательность действий изображена с помощью Future Indefinite. Эта сема является облигаторной для эксплицированной футуральности в отличие от гипотетичности, что является второстепенной.

В качестве средств реализации футуральности в текстах гарантийного письма английского языка выступают как морфологические, так и синтаксические форманты. К первым принадлежат: а) shall / will + инфинитив: *Invoices for suppliers of equipment and materials... shall be presented as the deliveries are effected; The Customer shall send any additional data required within 30 days after the date of the Supplier's request; The cost of shipment will be born by the Seller if the complaint was timely and justified;* б) условный способ модальных глаголов: *The Buyer should effect 100% advance payment to the Seller's Bank Account as follows: XXXX Bank, Account Nr.*

Конструкция «shall/will + инфинитив» входит в граматико-лексическое (микро) поле футуральности, поскольку в ее составе содержится следующая сема. Однако временные рамки такой конструкции неопределенные, общие, а потому для однозначной темпоральной локализации нужны или отмеченные выше индексы времени, или контекстуальная поддержка.

На основании синтаксической дистрибуции¹ формы будущего и футурально ориентированного настоящего организуются в текстах гарантийного письма в когнитивно релевантные группы, которые характеризуются двумя транспозиционными возможностями: регулярной и стилистической.

При регулярной транспозиции временных форм (обычно в придаточных предложениях условия и времени) темпоральность субъекта является запрограммированным временем глагола-сказуемого главного предложения и общим значением этого субъекта. Так, в: *Should the Seller fail to deliver the Goods within the term stipulated by the Contract, he will have to pay the penalty to the Buyer as per 0.1% of the total Contract value for every day of delay, but not exceeding the total value of the Contract* маркировка будущих последствий может осуществляться не только эксплицитно, но и имплицитно, когда исчезает потребность дублировать значение грамматически: *In case, when the term of delay exceeds 90 days, the Seller should pay penalty; If the packing of the delivered goods is damaged, the Seller should eliminate the defects according to the written requirements of the Buyer.*

В русском языке ключевое слово *гарантировать* и его формы (гарантирую, гарантирует, гарантируем):

Я, (Ф.И.О.), гарантирую оплату расходов своей (-го, -их) (степень родства, ФИО): во время ее (его/их) поездки и пребывания в Швеции в период (даты поездки) с «__» 20__ г. по «__» 20__ года. Прикладываю справку о доходах или выписку из банка с моего счета и копию паспорта согласно требованиям Посольства.

¹ Синтаксическая дистрибуция — это модель синтаксического построения, в которой реализуется данное значение слова.

СШ № .... гарантирует прохождение педагогической практики студенту(ке) (Ф.И.О.) на период с ...

Оплату стоимости всех произведенных работ гарантируем со своего расчетного счета N.

Следовательно, морфологические средства предикативной организации гарантийного письма реализуется в рамках трех основных предикативных категорий — темпоральности, модальности и персональности.

ВЫВОДЫ

Исходя из того, что деловое письмо является средством применения языка для подтверждения определенных обязательств, заключения соглашения или установления партнерских отношений между двумя или больше коммуникантами, признаем, что жанр делового письма является специфической формой коммуникации, которая характеризуется набором релевантных признаков: особым характером коммуникантов, что чаще всего выступают не как физические, а как юридические лица; возможностью коллективного адресата; документальностью: деловое письмо обязательно имеет дату и подпись, он часто является письменным документом, который имеет юридическую силу; доминированием информативных элементов содержания; эксплицитным представлением автора письма.

Текст делового письма имеет универсальную логико-композиционную структуру и содержит следующие коммуникативные блоки: приветствие, сообщение о предмете переписки, побуждение к действию и конечный комплимент.

Основная часть текста, где сообщается о предмете переписки, состоит из ряда микротем (представление предлагаемого товара, условия поставки, расчета, ссылки на причину претензии адресанта и тому подобное).

Денотативная информация делового письма формируется на лексическом и морфолого-синтаксическом уровнях. На лексическом уровне: она представлена общеупотребительными словами и специальной лексикой, преимущественно экономических терминах и в языковых клише. Обязательное присутствие клише и терминологической лексики в разных типах делового письма позволяет говорить о них как о постоянном компоненте делового письма.

На грамматическом уровне передача денотативной информации обеспечивается совокупностью морфологических и синтаксических средств.

— морфологические:

- а) среди частей речи в деловом письме преобладают существительные, в частности отглагольные, и инфинитивы. Благодаря номинализации действия или процесса, высказывание становится четче, более конденсируемым;
- б) параллельное употребление местоимений первого лица единственного и множественного числа, причем последние используются чаще;
- в) использование в деловом письме ограниченного круга временных форм. В деловых письмах преобладает изъявительное и условное наклонения глаголов;

— синтаксические средства:

- а) подавляющее употребление сложных и сверхсложных синтаксических конструкций (высказываний, которые объединяют в себе одно или несколько сложноподчиненных и сложносочиненных предложений, которые могут быть, в свою очередь, усложнены причастным или деепричастным оборотом);
- б) использование простых предложений с усложненной синтаксической структурой. Такие осложнения происходят через использование герундия и абсолютного причастного оборота — явления, не характерного для русского языка;
- в) употребление отделенных определений, которые выполняют в предложении функцию обстоятельства времени, способа действия. Таким способом достигается дополнительное насыщение денотативной информации делового письма.

Средства формирования стилистической информации распределяются на две группы, согласно коммуникативному намерению адресанта:

1) стилистические средства, которые помогают автору регулировать внимание реципиента (стилистически-маркирующие лексические единицы, метафорические наименования, пропуск служебных слов, лексико-семантический повтор);

2) стилистические средства, которые способны создать общий позитивный тон письма через выражение специфического отношения к адресату, событиям и фактам, которые описываются в тексте письма (перифразы и эвфемизм).

Прагматическая информация в текстах делового письма реализуется через грамматическую категорию модальности и прагматическую категорию деловой вежливости, что эксплицируется в гиперболах, формулах вежливости и непрямом речевом акте просьбы.

Гарантийное письмо выступает одной из форм деловой переписки. Гарантийное письмо является документом, в котором отправитель обещает или гарантирует осуществить выполнение каких-либо действий в отношении адресата, которые связаны с его интересами.

© Пудикова Г.Н.

Дата поступления: 1.02.2018

Дата приема в печать: 29.03.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Котий Г.А. Деловые письма на английском языке: Образцы с переводом на русский язык / Г.А. Котий, В.Р. Гюльмисаров. М.: Изд-во 1-й Федеративной Книготорговой Компании, 2009.
2. Паневчик В.В. Деловое письмо. Минск: Амалфея, 2010.
3. Czinkota, Michael R. International business / Michael R. Czinkota, Ilkka A. Ronkainen, Michael H. Moffett. 7th ed. Australia [etc.]: Thomson, South Western, 2015. XXXIII.
4. Willums, Jan Olaf. From ideas to action. Business and sustainable development: the ICC rep. on the greening of enterprise 92 / Jan Olaf Willums, Ulrich Golüke; prep. by the Intern. environmental bureau of the ICC. Oslo: ICC publ. and Ad Notam Gyldendal, 2012.

5. Белова А.Д. Лингвистические аспекты аргументации. М.: Логос, 2003.
6. Блумер Г. Социальные проблемы как коллективное поведение / Пер. И. Ясавеева // Контексты современности II: Актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории: Хрестоматия / Сост. и общ. ред. С.А. Ерофеева; 2-е изд., доп. и перераб. Казань: Изд-во Каз. Ун-та, 2001. (Программа TEMPUS (TACIS)). С. 150—151.
7. Бондарко А.В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1996.
8. Вострикова Н.В. Функционально стилистические особенности французского коммерческого письма: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. Пятигорск, 2004.
9. Герасименко И.В. Социопрагматика американской деловой корреспонденции (диахронический аспект): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Хабаровск, 2001.
10. Диброва Е.И. Коммуникативно когнитивная модель текстопорождения // Докл. V международ. конф. «Семантика языковых единиц». М.: Физкультура, образование и наука, 1996. С. 130—137.
11. Дрabbкина И.В. Прагмалингвистические аспекты письменного делового общения: На материале англоязычных текстов контрактов и деловой корреспонденции: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Самара, 2001.
12. Елькин В.В. Диалогическая речь основная сфера реализации языковой экономии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Пятигорск, 2001.
13. Есперсен О. Философия грамматики. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958.
14. Зарецкая Е.Н. Деловое общение. М.: Дело, 2012. Т. 1.
15. Йокояма О.Б. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. М.: Языки славянской культуры, 2005.
16. Каложная В.В. Стиль англоязычных документов международных организаций. М.: Наука, 1982.
17. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
18. Кожина М.Н. К основаниям функциональной стилистики. Пермь: ПТУ, 1998.
19. Комарова Р.Н. Язык закона, лингвистические характеристики. На материале текста Германского гражданского уложения: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. СПб., 2000.
20. Котий Г.А. Деловые письма на английском языке: Образцы с переводом на русский язык / Г.А. Котий, В.Р. Гюльмисаров. М.: Изд-во 1-й Федеративной Книготорговой Компании, 2009.
21. Манерко Л.А. Основы концептуального интегрирования ментальных пространств // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно функциональный аспекты исследования. Рязань: Изд-во Ряз. гос. пед. ун-та, 2002. С. 17—29.
22. Паневчик В.В. Деловое письмо. Минск: Амалфея, 2010.
23. Репина Т.А. Сравнительная типология романских языков (французский, итальянский, испанский, португальский, румынский). СПб.: изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2016.
24. Уилки Х. Основы делового общения: писать, говорить, слушать. М.: Азы бизнеса, подразд. «Нипро», 2014.
25. Федюрко С.Ю. Стилистические особенности русского делового письма как жанровой разновидности официально делового стиля: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Воронеж, 2002.
26. Франклин В. Избранные произведения. М.: Наука, 2006.
27. Фромм Э. Человек для себя. М.: Коллегиум, 2012.
28. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис. Красноярск: Красноярск. гос. ун-т, 1994.
29. Czinkota, Michael R. International business / Michael R. Czinkota, Ikka A. Ronkainen, Michael H. Moffett. 7th ed. Australia [etc.]: Thomson, South Western, 2015. XXXIII.
30. Gunnarsson B.L. Message Structure in LSP Texts. A Socially Determined Variation at Different Text Levels // Proc. NORDTEXT symp. Espoo (Finland), 2000. P. 91—107.

31. *Lehmann Ch.* Towards a Typology of Clause Linkage // Clause combining in grammar and discourse. 1998. Vol. 18. P. 181—227.
32. *Millrood R.* English Discourse and Culture: Diversity and Globalisation // Вестник МГУ. Сер. 19.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002. № 3. С. 60—73.
33. *Traugott E.C.* Complex sentences // The Cambridge History of the English Language / Ed. by R.M. Hogg. Cambridge: CUP, 1996. P. 219—290.
34. *Willums, Jan Olaf.* From ideas to action. Business and sustainable development: the ICC rep. on the greening of enterprise 92 / Jan Olaf Willums, Ulrich Golüke; prep. by the Intern. environmental bureau of the ICC. Oslo: ICC publ. and Ad Notam Gyldendal, 2012.

УДК: 81.42:651.75

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-480-496

ALGORITHM OF ANALYSIS THE BUSINESS LETTER

Galina N. Pudikova

RUDN University

6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198

Abstract. The algorithm of analysis of business letter in Russian, English and Portuguese languages on the basis of next aspects: style and genre, structure-semantic and pragmatic features, pragmatic information, genre varieties are presented in the article.

A business letter as the type of text that has the special communicative structure and provided with documentary force grammatically executed and semantically completed is certain here.

It is shown that pragmatic information in texts of business letter will be realized through the grammatical category of modality and pragmatic category of business politeness, that explicit in hyperbolae, formulas of politeness and indirect speech act of request.

A commitment letter as the form of business correspondence is examined. A commitment letter is presented as a document, in that a sender promises or guarantees to carry out implementation of some actions in regard to an addressee, that connected with its interests.

The aim of the article: to investigate the specific of analysis of business letters in Russian, English and Portuguese.

Keywords: business letter, information, style

REFERENCES

1. Belova, A.D. (2003). Linguistic aspects of argumentation. 2 ed. Moscow: Logos. (In Russ.).
2. Blumer, G. (2001). Social problems as collective behavior. In: Ed. I. Yasaveev. *Contexts of modernity II: Topical problems of society and culture in Western social theory: a reader*. The General editorship of S.A. Yerofeyev; 2 ed., EXT. and pererab Kazan: publishing house of KAZ. UN-TA, (TEMPUS program (TACIS)), 150—151.
3. Bondarko, A.V. (1996). The Problems of grammatical semantics of the Russian Aspectology. SPb.: Publishing house in Pb With the U. (In Russ.).
4. Vostrikova, N. (2004). In. Functionally stylistic features of the French commercial letter [dissertation]. Pyatigorsk. (In Russ.).
5. Gerasimenko, I.V. (2001). Sociopragmatics of American business correspondence (diachronic aspect) [dissertation]. Khabarovsk. (In Russ.).
6. Dibrova, E.I. (1996). Communicative cognitive model of text production. Dokl. V international. Conf. "Semantics of linguistic units". Moscow. 130—137. (In Russ.).

7. Drabkina, I.V. (2001). Pragmalinguistic aspects of written business communication: on the material of English-language texts of contracts and business correspondence [dissertation]. (In Russ.).
8. Elkin, V.V. (2001). Dialogue speech the main sphere of realization of language economy [dissertation]. Pyatigorsk. (In Russ.).
9. Jespersen, O. (1958). *The Philosophy of grammar: TRANS. from English*. M.: publishing house of the foreign literature. (In Russ.).
10. Zaretskaya, E.N. (2012). Business communication. In 2's T. M.: Delo publ. Vol. 1. (In Russ.).
11. Yokoyama, O.B. (2005). Cognitive discourse model and Russian word order. M.: languages of Slavic culture.
12. Kalyuzhnaya, V.V. (1982). Style of English-language documents of international organizations. Moscow: Science. (In Russ.).
13. Karasik, V.I. (2004). Language circle: personality, concepts, discourse. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
14. Kozhina, M.N. (1998). To bases of functional stylistics. Perm: PTU. (In Russ.).
15. Komarova, Rn (2000). Language of the law, linguistic characteristics. On the material of the text of the German civil code [dissertation]. SPb. (In Russ.).
16. Cottier, G.A. (2009). Business letter in English: Sample translation in Russian language: prakt. manual. In.: G.A. Cottier, V.R. Gulmiradov. Moscow: Ed. in the 1st Federal Bookseller Company. (In Russ.).
17. Manera, L.A. (2002). Foundations of the conceptual integration of mental spaces. Text and discourse: traditional and cognitive-functional aspects of the study. Ryazan: Publishing house in Ryaz. GOS. PED. UN-TA. 17—29.
18. Punicic, V. (2010). Business letter: prakt. a manual In. V.V. Panicek. Minsk: Amalfeya.
19. Repina, T.A. (2016). Comparative typology of Romanesque languages (French, Italian, Spanish, Portuguese, Romanian). St. Petersburg. (In Russ.).
20. Wilkie, Helen. (2014). Basics of business communication: write, speak, listen: Per. English. H. Wilkie. M.: Basics of the business unit. “Nirro”. (In Russ.).
21. Fedurko, S.Y. (2002). Stylistic peculiarities of the Russian business letters as genre variety is officially business style [dissertation]. Voronezh. (In Russ.).
22. Franklin, V. (2006). Selected works. Moscow: Science.
23. Fromm, E. (2012). Man for himself: Per. English. Moscow: Collegium. (In Russ.).
24. Shmelyova, T.V. (2015). The Semantic syntax. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk. state University, MT, 1994. Czinkota, Michael R. International business. Michael R. Czinkota, Ilkka A. Ronkainen, Michael H. Moffett. 7th ed. Australia [etc.]: Thomson, South Western., XXXIII. (In Russ.).
25. Gunnarsson, B.L. (2000). Message Structure in LSP Texts. A Socially Determined Variation at Different Text Levels, Proc. NORDTEXT symp. Espoo (Finland). 91—107.
26. Lehmann, Ch. (1998). Towards a Typology of Clause Linkage. *Clause combining in grammar and discourse*, 18, 188—227.
27. Millrood, R. (2002). English Discourse and Culture: Diversity and Globalisation. *Vestnik MGU. Ser. 19.: Linguistics and intercultural communication*, (3), 60—73.
28. Traugott, E.C. (1996). Complex sentences. *The Cambridge History of the English Language*. Ed. by R.M. Hogg. Cambridge: CUP, 219—290.
29. Willums, Jan Olaf. (2012). From ideas to action. Business and sustainable development: the ICC rep. on the greening of enterprise 92 / Jan Olaf Willums, Ulrich Gol.

Для цитирования:

Пудикова Г.Н. Алгоритм анализа деловых писем // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 2. С. 480—496. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-480-496.

For citation:

Pudikova, G.N. (2018). Algorithm of analysis the business letter. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (2), 480—496. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-480-496.

Galina N. Pudikova, 2018. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (2), 480—496. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-480-496.

Сведения об авторе:

Пудикова Галина Николаевна, ассистент кафедры русского языка № 1 факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин Российского университета дружбы народов; *научные интересы:* теория, практика и методика преподавания русского языка как иностранного, компаративистика; *e-mail:* pudikova.g.n@gmail.com.

Bio Note:

Pudikova Galina Nikolaevna, Assistant of the Russian Language Department No. 1 of Faculty of Russian language and General Educational Disciplines of RUDN University; *Scientific interests:* theory, practice and methodology of teaching Russian as a foreign language, comparativistics; *e-mail:* pudikova.g.n@gmail.com.